

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN
№ 2 (82)

Scientific journal

Sociological sciences Series

Moscow 2012

ВЕСТНИК РГГУ
№ 2 (82)

Научный журнал

Серия «Социологические науки»

Москва 2012

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Социологические науки»

Редколлегия серии:

Ж.Т. Тощенко
Н.М. Великая
И.О. Шевченко
Е.А. Колосова

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ж.Т. Тощенко, М.Б. Буланова</i> 15 лет социологии в РГГУ	13
--	----

Теория и методология социологии

<i>Н.В. Романовский</i> Социология сегодня и завтра.....	21
---	----

<i>О.В. Епархина</i> Теоретические подходы к исследованию социальных революций: возможности исторической социологии.....	36
--	----

<i>Д.В. Мальцева</i> Истоки концепции социальных сетей в социологии.....	52
---	----

<i>Г.Ю. Новикова</i> Доверие и вера: в поисках границы понятий в западной социологии.....	59
--	----

<i>М.А. Новиков</i> Основания понятийного аппарата феноменологической социологии А. Шюца	67
--	----

<i>В.В. Чернов</i> «Великий путь» русской цивилизации в контексте стратегии «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока	76
---	----

<i>Н.С. Бабич, В.И. Хоменко</i> Типология уровней измерения в социологии: традиционные и альтернативные подходы	86
---	----

<i>Е.И. Иванова</i> Современный текущий статистический учет естественного движения населения: возможности его применения для социально-демографического анализа	98
--	----

<i>А.В. Кученкова</i> Особенности логико-комбинаторных методов как средств многомерного анализа данных	113
--	-----

Политическая социология

<i>М.Ю. Милованова</i> Партнерство политических партий и общественных объединений как социальная база модернизации современной России	131
<i>В.В. Попов</i> Специфика метода медиаметрических исследований: построение рейтингов эффективности российских политических партий.....	141
<i>Д.В. Соловьев</i> Парламентское расследование как политический институт: опыт Польши	150

Социология культуры

<i>С.Н. Майорова-Щеглова, Е.А. Колосова, Е.С. Щеглова</i> Моделирование развития традиционного учреждения культуры (на примере Российской государственной детской библиотеки)	164
<i>А.В. Круковская</i> Аудитория современных московских театров: социокультурные характеристики.....	174
<i>Е.А. Владимирова</i> Творческие индустрии и шоу-бизнес в современном российском обществе	182
<i>В.А. Глазунова</i> Статус-символы позднесоветского и современного общества: пространство вещей	194
<i>С.Г. Анисимова</i> Предпосылки и условия аномии в России: девиантологический дискурс.....	208

<i>М.Н. Чепурных</i> Теоретический анализ основных научных подходов к изучению феномена счастья	222
---	-----

Социология города

<i>А.В. Стрельникова</i> «Места памяти» в городском пространстве.....	231
<i>О.В. Китайцева</i> Особенности развития «новых средств потребления» в современном российском мегаполисе	239
<i>Д.Д. Реброва</i> «Социальный портрет» городского пространства (на примере московского района Хамовники).....	250

Социология профессий

<i>И.В. Воробьева</i> Социальный статус современного российского ученого (на примере преподавателей вузов)	260
<i>И.Ж. Тощенко</i> Структура и особенности социально-профессиональной группы топ-менеджеров.....	268
<i>Ю.А. Купрякова</i> Вторичная занятость медицинских работников российского здравоохранения (социологический анализ).....	282

Социология семьи

<i>Е.В. Васильева, А.В. Стрельникова</i> Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов.....	288
<i>Е.В. Кириченко</i> Гендерные аспекты социализации в семье.....	305

<i>И.О. Шевченко</i>	
Авторитет отца в современной российской семье.....	321
<i>Abstracts</i>	344
<i>Сведения об авторах</i>	354

CONTENTS

<i>Zh.T. Toschenko, M.B. Bulanova</i> 15 years of sociology in Russian State University for the Humanities (RSUH).....	13
<hr/> Theory and Methodology of Sociology <hr/>	
<i>N.V. Romanovsky</i> Sociology today and tomorrow.....	21
<i>O.V. Eparhina</i> Theoretical approaches to the study of social revolutions: possibility of historical sociology.....	36
<i>D.V. Maltseva</i> The origins of the concept of social networks in sociology	52
<i>G.Yu. Novikova</i> Trust and belief: looking for divisions of notions in the West Sociology	59
<i>M.A. Novikov</i> Action, motive and knowledge at hand as the main terms of A. Schutz's conceptual construction in phenomenological sociology.....	67
<i>V.V. Chernjv</i> «Great Way» of Russian civilization in context of Siberia and the Far East «new development».....	76
<i>N.S. Babich, V.I. Khomenko</i> Typology of levels of measurement in sociology: traditional and alternative approaches.....	86
	9

<i>E.I. Ivanova</i>	
Contemporary current vital records: abilities in application for social and demographic analysis.....	98

<i>A.V. Kuchenkova</i>	
Characteristics of logical-combinatorial methods as instruments of multivariate analysis	113

Political Sociology

<i>M.Yu. Milovanova</i>	
The partnership of political parties and public associations as the social base of the modernization of modern Russia	131

<i>V.V. Popov</i>	
Specificity of a method of media metric researches: construction of ratings of efficiency of the Russian political parties.....	141

<i>D.V. Soloviev</i>	
Parliamentary investigation as a political institution: Polish experience	150

Sociology of Culture

<i>S.N. Maiorova-Scheglova, E.A. Kolosova, E.S. Scheglova</i>	
Modeling the development of traditional cultural institutions (for example, Russian State Children's Library)	164

<i>A.V. Krukovskaya</i>	
Audience of modern Moscow theaters: sociocultural characteristics.....	174

<i>E.A. Vladimirova</i>	
Creative industries and show business in contemporary Russian society	182

<i>V.A. Glazunova</i>	
Status symbols in late-Soviet and modern societies: the space of things.....	194

<i>S.G. Anisimova</i>	
Factors and conditions of anomia in Russia: discourse on deviancy.....	208

<i>M.N. Chepurnykh</i> Theoretical analysis of the main scientific approaches to the study of the phenomenon of happiness.....	222
--	-----

Sociology of City

<i>A.V. Strelnikova</i> «Sites of Memory» in urban space.....	231
<i>O.V. Kitaitseva</i> Features of «the new consumer products» in modern Russian megapole 239	239
<i>D.D. Rebrova</i> The case of Khamovniki district: «social portrait» of the city space	250

Sociology of Professions

<i>I.V. Vorobyeva</i> Social status of modern Russian scientists (on the example of university lecturers).....	260
<i>I.Zh. Toschenko</i> Structure and features of socio-professional group like top-managers.....	268
<i>Yu.A. Kupryakova</i> Secondary employment of medical workers in Russian health (sociological analysis)	282

Sociology of Family

<i>E.V. Vasileva, A.V. Strelnikova</i> Biographical memory of urban families: the experience of photo albums analysis	288
<i>E.V. Kirichenko</i> Gender aspects of socialization in the family	305

<i>I.O. Shevchenko</i>	
Authority of the father in modern Russian family.....	321
<i>Abstracts</i>	345
<i>General data about the authors</i>	358

Ж.Т. Тощенко, М.Б. Буланова

15 ЛЕТ СОЦИОЛОГИИ В РГГУ

Статья посвящена юбилейной дате социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. Цель статьи – проанализировать основные события, связанные с развитием социологии и социологического образования в университете.

Ключевые слова: социология, социологическое образование, социологический факультет.

Юбилейный год – всегда повод вспомнить о том, что было прожито, что достигнуто и что предстоит сделать. Два события предвзяли решение руководства университета об организации социологического образования в РГГУ. Во-первых, открытие в 1990-х годах подготовки социологов во всех крупных российских университетах и, во-вторых, преобразование в 1991 г. Историко-архивного института в Российский государственный гуманитарный университет. В новом университете были образованы и начали функционировать новые факультеты: экономический, философский, филологический, лингвистики, психологии. Для завершения классического гуманитарного образования не доставало только социологического факультета. 5 декабря 1996 г. решением Ученого совета университета была образована общеуниверситетская кафедра социологии. Заведование кафедрой было поручено чл.-кор. РАН, профессору, доктору философских наук Ж.Т. Тощенко.

Новой кафедре предстояло организовать чтение курса социологии на всех факультетах РГГУ. К этой сложной задаче при-

ступили канд. филос. наук М.Б. Буланова, проф. Л.Г. Юлдашев, канд. психол. наук А.Я. Воронов. В самом начале работы пришлось столкнуться с некоторыми трудностями: часть факультетов сразу откликнулись на предложение ввести курс социологии (в их числе факультеты Историко-архивного института (ИАИ), Институт экономики и управления), другая часть посчитала введение этого курса необязательным, его можно было под тем или иным предлогом игнорировать. Некоторые факультеты заменили курс социологии другими предметами уже в ходе образовательного процесса, когда выяснилось, что преподаватели, взявшиеся читать данный курс, не имели полного представления об этой науке.

Первая учебная программа курса «Социология», подготовленная кафедрой, включала три раздела. Первый раздел «История социологии» давал представление о предмете, структуре социологии как науки: о современной западной и русской социологических школах. Во второй раздел «Теоретическая социология» были включены проблемы построения и применения социологических теорий общества (его структуры, институтов) и личности. В третьем разделе «Прикладная социология» студенты были ориентированы на изучение конкретных проблем внутригрупповых отношений, освоение методики и техники проведения и организации социологических исследований. Кроме того, студенты в данном разделе знакомились с такими вопросами теории и практики социологии, которые были связаны со спецификой их будущей специальности. Так, экономистам преподавались те аспекты социологического знания, которые связаны с функционированием экономики, труда, демографии, а музееведов знакомили с социологическими проблемами культуры и искусства.

Интерес к преподаванию социологии постепенно привел к появлению в программе спецкурсов. Например, экономический факультет ввел спецкурс «Экономическая социология» (Ж.Т. Тощенко), некоторые факультеты проявили интерес к спецкурсу «Философия и социология собственности» (А.Х. Бурганов).

Успехи преподавания социологии создали необходимые условия для организации отделения социологии в составе философского факультета (декан – д-р филос. наук, проф. В.Д. Губин). Такое решение отвечало традиции: после возрождения социологии в начале 1960-х годов первые социологические отделы появились в составе философских подразделений – в Институте философии АН СССР, на философских факультетах МГУ им. М.В. Ломоносова и ЛГУ,

при кафедре научного коммунизма в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

При выработке концепции социологического образования в РГГУ была поставлена задача – создать собственный вариант модели подготовки специалистов. Эта модель была построена на следующих принципах. Во-первых, изучение всего комплекса социально-гуманитарных дисциплин: философии, истории, экономической теории, права, политологии, психологии. Такая широкая база знаний необходима для специалиста с фундаментальной подготовкой. Во-вторых, глубокая профессиональная подготовка, усвоение теоретических и прикладных знаний по данной специальности. Здесь проявляется специфика специальности: знание теории должно сочетаться с практикой, с реальными потребностями общества и человека. В-третьих, специальная, особая математическая подготовка будущих специалистов как залог их успешной деятельности. Знания теории измерений, математической логики, теории вероятностей и математической статистики, других прикладных областей математики остро необходимо социологам-профессионалам. В-четвертых, языковая подготовка (в первую очередь по английскому, немецкому, французскому языкам), которая делает возможным для выпускников использовать свои знания не только на постсоветском, но и европейском и других пространствах. Эти четыре принципа дополняются еще одним важным требованием: студенты должны иметь систематическую практику: на 1-м курсе – ознакомительную, на 2-м – учебную, на 3-м и 4-м курсах – профессиональную, на 5-м курсе – педагогическую.

На основе данной концепции в 1997 г. был проведен первый набор студентов. 1 сентября 1997 г. шестнадцать студентов приступили к профессиональной подготовке по неведомой для многих из них специальности. Состав отделения был усилен известными методологами-практиками профессорами В.Ф. Левичевой и Е.А. Гришиной. В целях организации учебно-научных исследований и практики для студентов был открыт Центр социологических исследований (руков. О.Н. Козлова, позднее – М.С. Цапко).

В 2000–2001 гг. были открыты вечернее и заочное отделения по подготовке специалистов-социологов. Для становления этого нового и сложного дела многое сделала проф. Г.А. Цветкова.

В 2001 г. решением Ученого совета на базе специальности были открыты две специализации: социология маркетинга, политический и бизнес-PR, реклама. С этого времени ежегодно

начал увеличиваться набор студентов, в том числе и на платной основе.

К 2002 г. созрели условия для организации самостоятельного факультета в составе двух кафедр: истории и теории социологии (Ж.Т. Тощенко) и прикладной социологии (В.Ф. Левичева). В настоящее время в составе факультета образована третья кафедра – политической социологии (Н.М. Великая) и базовая кафедра ВЦИОМ (В.В. Федоров).

Общими усилиями кафедр создан модульный курс преподавания социологии на непрофильных факультетах. Были внедрены учебно-исследовательские проекты: поисковые социологические исследования, проводящиеся студентами под контролем преподавателя. Всего с 1997 по 2011 г. в РГГУ подготовлены 556 специалистов-социологов (391 человек по очной форме обучения, 84 – по очно-заочной (вечерней), 81 – по заочной).

С 2011/2012 учебного года обучение социологов проводится по программам «Бакалавр социологии», «Магистр социологии». В 2011 г. открыта магистратура по трем профилям подготовки: Социальные технологии и управленческое консультирование (В.В. Щербина), Политическое консультирование (Л.Н. Вдовиченко), Социология маркетинга (В.В. Солодников).

За годы работы факультета первоначальная модель социологического образования модернизировалась, и сейчас включает несколько положений: подготовку социологов на широком фундаменте всех социальных и гуманитарных наук; знакомство с основными положениями естественных наук, а также серьезную математическую подготовку; усвоение комплекса дисциплин, которые касаются только социологии. В числе последних теория, методология и методы познания социальной реальности; генезис идей в истории социологии; специальные социологические теории; отраслевые социологии. Студент оттачивает полученные теоретические знания и практические навыки в ходе социологической практики: сначала – ознакомительной, потом – профессиональной, а на последнем курсе – педагогической. Такая модель подготовки социолога-профессионала построена на соединении научного (теоретического) и прикладного характера социологического знания. В рамках этой модели можно предложить новые разработки, новые подходы, в том числе приглашение коллег-социологов на мастер-классы. Хорошо сочетается предложенная модель и с требованиями нового (третьего) Государственного образовательного стандарта о том, что только 50% учебного времени отводится федеральному компоненту, а остальное – университетской инициативе.

За прошедшие годы преподавателями факультета были изданы и переизданы учебники и учебные пособия: Ж.Т. Тощенко «Социология» (1994, 1998, 2005, 2012 гг.), «Политическая социология» (4-е изд., под ред. Ж.Т. Тощенко), Н.В. Романовский «Историческая социология», О.Н. Козлова «Социология», Ж.Т. Тощенко, Г.А. Цветкова «Социология труда», М.Б. Буланова «Обществознание» (в составе авторского коллектива) и др. Примером учебного пособия нового типа, в котором приняли участие большинство преподавателей факультета, стал «Тезаурус социологии» (под ред. Ж.Т. Тощенко). Издание реализует две цели – научно-познавательную и учебно-методическую. В основе тезауруса лежит концепция «социологии жизни», которая получила обоснование в работах Ж.Т. Тощенко. В книге, во-первых, дано логически последовательное изложение основополагающих социологических понятий, исходя из концепции «социологии жизни». Во-вторых, тезаурус представляет собой руководство как для практикующих социологов, так и для будущих профессионалов, ибо в реальной повседневной практике они оперируют именно этими понятиями и категориями. Тезаурус можно назвать учебным пособием нового типа, так как он отражает научную и прикладную потребность в познании социальных процессов и явлений в социологическом ключе. Оно нужно тем, кто работает в области социологии, чтобы в сжатом и концентрированном виде представить «поле» данной науки. Тезаурус нужен тем, кто интересуется социологией и стремится расширить свой кругозор. В данной информации испытывают потребность коллеги из других отраслей знания, работающие «на стыке» специальностей. Наконец, это издание необходимо тем, кто впервые приступает к изучению социологии.

На факультете сложилась самостоятельная научная школа, сосредоточившая внимание на изучении проблем теории и методологии социологии, общественного сознания, духовной жизни общества. В рамках этой целевой установки на факультете начиная с 1999 г. ежегодно проводятся международные научные конференции, посвященные изучению проблем интеллигенции. Результатом этой деятельности стал выпуск сборников, которые объединены в серию «Интеллигенция и современность». В настоящее время выпущены 11 сборников по различным аспектам жизни и деятельности гуманитарной интеллигенции (в сфере экономических, политических, нравственных и других общественных отношений). Причем специально выделялись и, соответственно,

обсуждались вопросы, характеризующиеся актуальностью, значимостью и злободневностью. Так, последняя конференция в 2010 г. называлась «Интеллигенция в этноконфессиональном мире: пути выбора».

Еще одним направлением деятельности факультета стало проведение социологических исследований, которые в основном осуществлял Научно-учебный центр социологических исследований. Этот Центр стал регулярно осуществлять исследования внутри университета, которые, с одной стороны, нацелены на изучение будущей гуманитарной интеллигенции (опросы «Первокурсник», «Выпускник»), с другой стороны, помогают регулировать внутреннюю жизнь университета. За эти годы изучались настроения молодых преподавателей и аспирантов университета, свободное время студентов, обстановка в общежитии, отношение к библиотеке, работа книжной лавки «У кентавра», столовой.

В 1999 г. при РГГУ был открыт диссертационный совет К 064.49.07 по социологическим наукам. Первой диссертацией, защищенной в совете в 2000 г., стала кандидатская работа И.А. Янкиной «Стратификация отношения к сферам “материальное и духовное бытие” (на примере среднего города России)» по специальности 22.00.08 – социология управления.

На факультете открыта аспирантура по пяти специальностям: 22.00.01 – история, методология и теория социологии, 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы, 22.00.05 – политическая социология, 22.00.06 – социология культуры, 22.00.08 – социология управления. До 2002 г. комплектование аспирантуры шло за счет выпускников других вузов, с того момента по настоящее время закончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации наши выпускники: Н.Н. Могутнова, И.М. Матасова, А.В. Чеботарева, А.И. Дубинина, Н.Д. Шутенко, А.Е. Творогов, А.Е. Волохов, Н.В. Панкратова, А.Я. Макаров, Т.В. Латышева, Д.Г. Цыбикова. Часть из них – А.Б. Росляков, Р.И. Анисимов, Е.А. Ирсетская, Е.А. Колосова, Т.В. Стародубцева – стали нашими коллегами-преподавателями.

В 2004 г. кандидатский совет был преобразован и открыт совет по защите диссертаций Д 212.198.09. За период с 2004 г. в Совете защищены: по специальности 22.00.01 – теория, история и методология социологии – 3 докторские и 3 кандидатские диссертации; по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы – 15 кандидатских и 1 докторская диссертация; по специальности 22.00.06 – социология

культуры, духовной жизни – 5 кандидатских диссертаций; по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии – 1 докторская и 6 кандидатских диссертаций.

На факультете уделяется большое внимание научной работе студентов. Начиная с 1999 г. ежегодно проводятся конференции студентов и аспирантов с участием студенчества других городов России и стран СНГ, которые завершаются изданием сборников «Наша социология. Исследовательские практики и перспективы». Студенты и аспиранты активно участвуют во всероссийских научных конференциях, в конференциях МГУ «Ломоносовские чтения», в конференциях ВЦИОМ и других организаций, неоднократно завоевывали престижные дипломы и призовые места. Мы также гордимся тем, что студенческая жизнь не замыкается в рамках только учебного процесса: регулярно празднуется «День социолога», проводятся посвящение в студенты и другие мероприятия.

Несколько слов о трудоустройстве наших выпускников. По их словам, представляясь социологами, они слышат от работодателей одно и то же: знаете ли программу SPSS, умеете ли подготовить программу и инструментарий социологического исследования, какой навык работы имеете для проведения опросов, интервью, фокус-групп, участвовали ли в конкретных исследованиях? Утвердительный ответ на данные вопросы приводит к тому, что все наши выпускники находят удовлетворяющую их работу и/или продолжают свое обучение в аспирантуре и докторантуре.

В заключение хотелось сказать несколько слов о наших коллегах – высококвалифицированных специалистах: профессора Л.Ф. Адилова, Л.Н. Вдовиченко, Е.А. Гришина, А.Б. Каримова, С.Н. Майорова-Щеглова, Н.Р. Маликова, О.Н. Козлова, Н.В. Романовский, В.В. Солодников, Г.А. Цветкова, В.В. Щербина; доценты Н.И. Белова, М.Б. Буланова, И.В. Воробьева, В.И. Горбачева, А.В. Захаров, Е.И. Иванова, Г.К. Уразалиева, М.С. Цапко, И.О. Шевченко являются примером добросовестного творческого труда, глубоко заинтересованного отношения к своей преподавательской и научной деятельности. В работе факультета принимают участие совместители из различных вузов и научных центров Москвы, в их числе проф. Г.Г. Татарова, директор ВЦИОМ В.В. Федоров, доцент С.А. Магарил и другие.

Ж.Т. Тощенко, М.Б. Буланова

Оценивая 15-летний опыт преподавания социологии в РГГУ, можно сказать, что проделан большой объем работы, но есть проблемы, которые еще предстоит решить. Одна из них – отработка различных вариантов организации учебного и научно-исследовательского процессов, которые бы полностью обеспечили эффективное включение студентов в изучение и умелое применение на практике теории, методологии и методов социологических исследований.

Теория и методология социологии

Н.В. Романовский

СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА *

Выявлены и измерены факторы, детерминирующие развитие социологии в прошлом и настоящем. Тренды развития, наиболее заметные в событиях и процессах современной международной и отечественной социологии, проецируются на будущее. Предложены возможные направления дальнейших перемен.

Ключевые слова: социология современная, факторы развития, детерминанты развития, будущее социологии.

В истории социологии, в частности, скрыты ориентиры для понимания современных процессов развития социологии, трендов ее будущего. Историческая социология помогает увидеть, как события формируют процессы, факторы и детерминанты развития, функции и структуры – в нашем случае социологии¹. Представленные ниже данные о происходящих в нашей науке процессах – итог эмпирической теоретической работы, апробировавшей в публикациях² и при подготовке социологов в РГГУ. Эмпирически осуществлялся мониторинг дисциплинарного поля современной международной и отечественной социологии: отслеживались контент монографической продукции, ключевых периодических изданий в современном мире и в России, противоборство мнений по конкретным издаваемым продуктам и вокруг теорий, идей, подходов, «взглядов в будущее» членов международного социологического сообщества, выступления и сообщения на международных форумах, публикации признанных лидеров социологии, претендентов на место среди ее классиков. Поиск новых явлений отечественной и

© Романовский Н.В., 2012

* При поддержке РГНФ, грант № 110300550а

мировой социологической мысли ведется на протяжении ряда лет. Нельзя не упомянуть и докторские (по преимуществу) диссертации, контакты с коллегами из академических институтов и вузов страны, с социологами ряда стран СНГ.

Теоретически, во-первых, сделана попытка представить модель (идеальный тип) современной социологии. Появилась возможность сравнить с моделью то, что реально осуществляют коллеги-социологи. Во-вторых, к объекту (события, процессы, факторы и акторы социологии) исследования был применен комплекс современных социологических теорий. Феноменологическая социология с ее акцентом на герменевтику, интерпретацию смыслов человеческих социальных действий, повседневности и т. д. обращает интерес исследователя к реальной «жизни» социологии. Феноменология и этнометодология ориентируют на потенциал анализа, на интерпретацию повседневности, событий, действий акторов, их мотивов и т. д. Структурный функционализм акцентировал роль структур и функционирования социологии. Интеракционистские концепции – наряду с контактами между социологами и их достижениями на стыках наук – поставили в поле внимания исследователей «пограничные» зоны взаимодействий внутри социологии и по ее периметру. Марксизм (включая течение, именуемое критической социологией) обязывает быть внимательным к центрам силы и властным политическим, классовым позициям соперничающих сторон в социологии, к критическим установкам по отношению к сущему и др. Культуральная социология (культурсоциология) сконцентрировалась бы на влияниях социально-культурных контекстов на конкретные состояние и специфический облик национальной социологии данной страны. К ценным граням исторического процесса роста социологии привлекает внимание рамочный анализ, теории коммуникаций, анализ сетевых связей, ритуальных цепочек интеракции. Поместить конкретную проблему в ее «поле» советует П. Бурдьё. Важен «конструктивизм» для «идеального» раскрытия потенциала истории социологии. Каждая из упомянутых теорий раскрывает какую-то важную грань реальной динамики развития социологии. Остается лишь конструировать их проекцию на будущее.

Обозначенные теоретические послышки позволили осуществить эмпирическое измерение (путем опроса экспертов в области истории социологии и оценки их ответов по шкале в 10 баллов) 15 факторов (детерминант) развития социологии за время ее существования. Из них 10 – факторы внутренние, относящиеся к динамике самой социологии; остальные связаны с воздействиями общества, науки и др. Ниже приведены выявленные детерминанты (факторы) развития социологии в порядке их «силы».

1. Личные усилия социолога(-ов). Средний результирующий балл – 7,5 (самый высокий; допускаю в данном случае эффект первого вопроса). Социология, вся наука – плод рук и дел человеческих. Социологи накладывали отпечаток на общий ход развития социологии в первую очередь благодаря вкладу в то, что составляет ядро, суть науки – научные теории.

2. Новые социологические теории. Средний балл – 7,4. За одним небольшим исключением статус классика – результат достижений в теоретической области. Теории – сущность науки и научной деятельности, они движут вперед социологию.

3. Соперничество социологов, теорий. Средний балл – 7,4. Этот вопрос неожиданно показал высокую «силу». Видимо, реальная жизнь экспертов полна конфликтов личностей, школ, направлений, теорий, дисциплин, соперничества за ограниченные ресурсы, исследовательские гранты, за должности, популярные курсы.

4. Революции, войны, процессы в обществе. Средний балл – 7,4. Под процессами в обществе имелись в виду процессы типа глобализации, войн, политические сдвиги, *форс-мажоры*, эволюционные перемены и т. п. Только за последние десятилетия под влиянием такого рода перемен в мире сложились постколониальная и феминистская социология, проблематики модерна, модернизации, постмодерна, виртуальности, глобализации и т. п.

5. Взаимодействия с другими науками (уточним – науками социальными). Средний балл – 7,3. Междисциплинарность – ресурс роста социологии, демонстрация ее возможностей и успехов. Важность междисциплинарных взаимодействий видна из биографий крупных социологов. Многие из них по образованию не были социологами; наиболее активны сегодня взаимообмены между социологией и историей, экономикой, социальной психологией, географией.

6. Коллективы, «школы» социологов – 7,0 баллов. Ученые (даже самые «кабинетные») трудятся в коллективах, принадлежат к «профессиональной общности». Кумулятивный эффект научной кооперации любого рода многократно повышается при формировании научных школ. В истории международной социологии их образцами являются Чикагская (США), Франкфуртская (Германия) школы и школа «Анналов» (Франция); в отечественной – Новосибирская школа экономической социологии (Т.И. Заславская и др.).

Условно эти шесть факторов из пятнадцати можно назвать «сильными».

7. Влияние институтов социологии. Средний балл – 6,9. Институциональная (международные, национальные, профессиональные организации и объединения) компонента социологии умножает ее

ресурсы, обеспечивает творческий труд социологов. Социология немислима без сети гражданских, национальных, междустрановых, междунациональных, учебных, исследовательских, государственнх организаций, особенно университетов. Профессиональные ассоциацияи, экспертные объединения, конгрессы и конференции, университеты и факультеты, учреждения повышения квалификации, ориентированные на науку завтрашнего дня, издательства книжные и журнальные, специализированные фонды и т. д. играли и играют важную динамизирующую роль в социологии.

8. Потребности жизни общества – 6,6 балла. Известная книга Льюиса Козера «Мастера социологической мысли» (1968) в заголовке имеет уточнение – «Идеи в историческом и социальном контексте», отражая важность социальной истории в творчестве социологов. Ученых в значительной мере формируют время, пространство, культура.

9. Наличие финансовых ресурсов – 6,5 балла. Этот фактор сыграл в определенном смысле решающую роль в появлении на свет и развитии социологии. Важной предпосылкой создания социологии стало появление на грани XVIII и XIX столетий в экономически развитых странах материальных предпосылок независимой деятельности социальной группы людей, профессионально изучавших человека, общество, политику, экономику, право и т. д. Без соответствующей материальной базы О. Конт не нашел бы средств для издания «Позитивной философии», Спенсеру пришлось бы всю жизнь работать в журнале «Экономист», Энгельс не смог бы материально помогать К. Марксу. Это обстоятельство относится и к современной социологии, когда ресурсный фактор приобрел возрастающую роль. Для России, где почти все ученые по инерции живут в «бюджетной» науке, этот акцент особенно важен. Для приращения социологического знания необходимо получать и обрабатывать большие массивы информации, поддерживать междунациональные базы данных, сравнивать их, оплачивая и информацию и ее обработку. К сожалению, многие коллеги-социологи не приучены проявлять настойчивость в данном направлении.

10. Успехи смежных наук, наук точных (sciences). (В вопросе 5 речь шла о социальных и гуманитарных науках.) Оценка экспертов – 6,2 балла. Крупные открытия даже в далеких от общественных наук областях – фактор влияния на развитие социологии. Вспомним информатику (компьютер, Интернет, базы данных и т. д.), синергетику, эволюционную биологию, семантику и др., вплоть до палеоботаники, раскрывающей тайны социальной жизни доисторического человека, и т. д.

11. Новые методы социологических исследований. Средний результирующий балл – 6,0. В литературе по истории социологии, как правило, слабо отражено концептуальное значение важной составляющей ее прогресса – методов социологических исследований. Иллюстрация его значимости в факторе, занявшем следующее место.

12. Успехи эмпирической социологии. Средняя оценка, данная экспертами, – 5,9 балла. Эмпирические исследования тоже социологическая классика. Эту составляющую истории социологии, ее роль в развитии социологического знания (ремесла) трудно переоценить. Правда, в мировой и отечественной практике давно не было поражающих воображение достижений социологии именно эмпирической. Но в свое время эмпирические находки социологов не только помогли людям понять себя, свою среду обитания – конкретное общество, общность. Эмпирические исследования для самой социологии сыграли важнейшую «публичную» роль, резко подняв ее авторитет в обществе. В случае «Хоторнского эксперимента» (1927–1932 гг.) рабочие повышали производительность труда потому, что чувствовали интерес к себе, у них снижалось чувство отчуждения, возникала «доктрина человеческих отношений» и т. д. Затем Дж. Гэллап предсказал победу Ф. Рузвельта на выборах 1936 г. и размер погрешности прогноза конкурента; использование выборки обеспечило Гэллапу поразившую тогда современников точность прогноза. Это были мощные стимулы для развития нашей науки!

13. Фактор, сформулированный как «Международное сообщество социологов», оценен в 5,4 балла. Возможно, «сила» этого фактора недооценена, о чем свидетельствует личный опыт большинства экспертов: в России пока преждевременно говорить о широком участии даже известных в стране социологов в работе этого сообщества. Оно играет существенную роль даже как источник материальной поддержки или информирования (знание факта появления публикации по интересующей исследователя теме нельзя недооценивать). Нарастание «сетевых связей» в международном сообществе социологов придает международным интеракциям социологов возрастающую роль.

14. Роль знаменитых социологических трудов (бестселлеры) получила 5,3 балла. Динамику развитию социологии придавало появление резонансных бестселлеров своего времени, воздействовавших на общественность отдельных стран и мира: «Самоубийство» Э. Дюркгейма, «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебера, «Властвующая элита» и «Белые воротнички» Ч.Р. Миллса, «Различения» П. Бурдьё и др. Умение создать такой труд, найти волнующее общество явление жизни стали связывать в последние годы с целеустановкой на «публичность» социологии. В России за

последние 10–15 лет появились выдающиеся труды, но не хватает возможностей издаваться на английском языке и умения «пиарить» научные продукты достойного качества.

15. Замкнул реестр фактор «Уровень развития демократии в стране». Эксперты неожиданно оценили этот фактор низким баллом – 4,0. Видимо, в России фактор демократии, какой ее представляет себе средний россиянин, ценится невысоко. Возможно, в формулировке следовало бы сказать и о гражданском обществе.

Пятнадцать изложенных детерминант (можно предполагать постфактум) оценивались экспертами в преобладающей мере на основании представлений о социологии современной, той, в которой трудятся и живут опрашиваемые; знания прошлого социологии игнорировались в оценивании фоновую роль – в соотношении приблизительно 1 : 3. На современном этапе истории социологии не все 15 факторов проявляются, по-видимому, со значимой интенсивностью, что следует непременно учитывать. Но они позволяли анализировать без пробелов события, процессы, действия личностей – все то, чем в последние 15–20 лет реально прирастала мировая и отечественная социология. Дальнейший текст статьи представляет собой авторскую интерпретацию этого роста.

Перед изложением трендов развития социологии последних лет – один комментарий. Результаты проведенной работы позволяют отвести возражения по поводу принципиальной (не-)возможности современной, текущей истории социологии вообще. По этой логике в принципе нельзя доверять возможностям профессионала-социолога. Аргумент, циркулирующий в среде профессиональных историков – для написания истории нужен доступ к архивам, – к современной, текущей истории социологии не относится. Едва ли в применении к современной социологии ссылки на недоступность архивов выглядят убедительно. Речь не идет о государственных или личных архивах, скрывающих тайны принятия роковых решений и т. п. Социология – наука публичная, тем более что есть Интернет. Устроители национальных, всемирных, континентальных форумов заблаговременно информируют об основных направлениях своей работы, работы секций только что не в режиме реального времени.

Итак: как и куда идет современная социология? Видны ли хотя бы контуры ее будущего? Каковы возможные сценарии развития социологии? На этот счет высказывались многие мэтры социологии. По формуле Международной социологической ассоциации, сейчас социология находится *on the move*, в движении – состоянии неоднозначном. В выступлениях отечественных и зарубежных авторов звучат нотки тревоги, озабоченность; приводятся три, главным образом, обстоятельства: состояние самой социологии, конкуренция,

когда социологию теснят смежные науки (в частности, Э. Гидденс выделяет экономику и социальную психологию³), ресурсное обеспечение, частично связанное с фактором конкуренции. В отечественной социологии в последние годы все заметнее становится фактор смены поколений.

Среди достижений последних двух десятилетий, несомненно, заметно приращение теоретической составляющей социологии. В известной книге Дж. Ритцера о современных социологических теориях обозначены некоторые важные достижения. Он, в частности, справедливо называет следующие важные интеграционные процессы в социологическом теоретизировании и социологическом знании: 1) интеграция макро- и микроуровней социологического теоретизирования; 2) количественные и качественные подходы в социологии; 3) агентства и структуры. К этому, на наш взгляд, следует добавить 4) интеграцию в общий ход развития социологии феминистских подходов (Ритцер подробно, хотя и политкорректно, останавливается на них⁴) в форме социологии гендерной и – что имеет отношение ко всему социологическому знанию – гендерного (gendered) подхода (Батлер со ссылкой на Алекса. Высокую оценку этой работе дают Дж. Александер и А. Рид⁵). К этим же интеграционным процессам также следует отнести 5) интеграцию временного (исторического) измерения (историческая социология) и 6) пространства. Внезапно в социологии стали весьма актуальными исследования социального географа Дэвида Харви⁶. У нас ворвался в культурологию и социологию Д.Н. Замятин⁷. 7) Развивавшиеся постколониальные исследования тоже следует рассматривать как часть интегративных, по Ритцеру, процессов.

Кроме того, в последние десятилетия XX в. в социологии произошло свыше десятка «поворотов» (turns) внимания ученых-социологов к ряду ранее упускавшегося потенциала смежных наук, к новым аспектам социального знания, к новым исследовательским горизонтам. Это фактически тоже часть интеграции в социологическое знание новых, полученных в других науках данных и подходов. Содержательно «повороты» распадаются по меньшей мере на три группы. Онтологический, диалогический, отношенческий (relational) повороты и поворот к повседневности (everyday turn – П. Штомпка⁸) коснулись общенаучных, методологических перемен в подходах к сущностной, содержательной стороне социальных исследований, к их объекту и предмету. Другие отражают интерес к игнорировавшимся по разным причинам (главная среди них – молодость нашей науки) ресурсам социологического знания: исторический (историческая социология), культурный (и явление «культуральной» социологии) повороты, поворот к памяти людей

(memory turn), принявший форму «бума памяти»⁹. Нарративный поворот затрагивает, в частности, прижившуюся и в социологии методика снятия эмпирической информации – в дополнение к анализу разговоров. Аффективный, лингвистический, прагматический, семиотический и этический повороты расширили, дополнили подходы социологов к пониманию «социального». Все вместе взятые повороты привели к значительному расширению междисциплинарных взаимодействий на социологию.

В совокупности названные перемены («интеграции» и «повороты») способствовали подвижкам в социологической теории, развитие которой эксперты в упомянутом опросе, напомним, поставили на 2–4 места в ряду факторов развития нашей науки. Усилиями видных современных социологов (преимущественно в новом тысячелетии) выдвинуты или развиты до нового уровня ряд теоретических концепций, парадигм (это понятие фигурирует в приводимых ниже примерах), теорий. Приведу их предварительный «каталог», ответственность за возможную неполноту которого целиком лежит на авторе данной статьи:

- 1) *культуральная социология* Дж. Александера;
- 2) *«креативное действие»* Х. Йоаса¹⁰;
- 3) *реляционная социология*¹¹;
- 4) выдвинутая Р. Коллинзом теория *«цепочек интерактивных ритуалов»* (Interaction ritual chains; можно перевести и как «ритуальные цепочки интеракций» и др.)¹²;
- 5) Бруно Латур и Майкл Каллон сформулировали *«теорию актор–сеть»*¹³;
- 6) потенциал *марксистской социологии*¹⁴;
- 7) *«критическая социология»*, по-видимому, не утратила продуктивности¹⁵;
- 8) польский социолог П. Штомпка предложил *«парадигму повседневности»*¹⁶;
- 9) Н. Эссер, (ФРГ¹⁷) сделал попытку *преодоления мультипарадигмальности*.

Современная российская социология выглядит на этом фоне далеко не безнадежно – новаторским представляется уровень идей Ю.А. Левады о культурном факторе социума. На мой взгляд, О.Н. Яницкий предложил более «сильное» (выражение Дж. Александера) прочтение «теории (если это теория) риска»¹⁸. В.В. Волков сумел дополнить мысли М. Вебера и Р. Мертона о генезисе капитализма, показав, что не только этика и наука формировали его, но и «силовое предпринимательство»¹⁹. Заслуживают более высокого теоретического статуса идеи монографии А.В. Жаворонкова²⁰. И так далее – «не иссякла та природа...»

В качестве самостоятельного, весьма значимого (5-е место в ранжировании по опросу) фактора динамики современной социологии свою роль сыграли и продолжают играть междисциплинарные взаимодействия социологии со смежными науками, прежде всего, но не только, социальными, гуманитарными. Из истории известно мощное воздействие на социологию эволюционной биологии (Ч. Дарвин, Г. Спенсер) и психологической науки, географии. Круг наук, взаимодействие с которыми способно двигать вперед социологическое знание, расширяется: свидетельство этому – «нейросоциология»²¹. Это перспективное направление роста современной социологической науки привело к заметному умножению числа специальных социологических дисциплин. Социология активно вбирает в себя достижения всего комплекса социальных наук. Приходится уточнять корпоративные и индивидуальные позиции социологов в противоречивой практике взаимодействий со смежными науками, и т. д.

Для современной отечественной социологии проблема умножения междисциплинарных исследовательских полей имеет важный и недооцениваемый аспект. В ряде специальных социологических дисциплин у отечественной социологии есть определенные достижения. Их естественным (так было во всей истории социологии) продолжением был бы подъем на ступеньку «теорий среднего уровня» и далее к теориям уровня более высокого. Но в отечественной практике последних лет такого движения не замечается. Особенно досадно это упущение в тех случаях, когда отечественные социологи (например, в этносоциологии) через межкультурные, межстрановые сравнения могли бы заметно обогатить мировую социологию именно на уровне «большой» теории: действие, взаимодействия, сознание, агентность, социальная активность личности, рациональность и др.

Перебирая факторы, детерминирующие в прошлом направления и темпы движения социологии вперед, эксперты весьма высоко оценили роль конфликта, что социология последнего времени безусловно подтверждает. Резкие споры в конце XX – начале XXI в. развернулись вокруг теории рационального выбора (ТРВ). Они шли лет десять, даже среди социологов Голландии, не самой нерациональной страны; сложившийся полемический материал отражен в отдельной книге²². Многие решительно не приемлют само представление о современном обществе как рациональном продукте выбора граждан, индивидов.

Но столкновение столкновению рознь; такого рода взаимодействия ценны как стимул развития науки. Здесь конфликт – стимул писать статьи, совершенствовать позиции в науке, проводить эм-

пирические исследования, поиски аргументации в социальной реальности. А. Гоулднер замечает²³: именно П.А. Сорокин установил планку теории социологии, которую преодолел Т. Парсонс. Критика в адрес Парсонса стимулировала появление ряда плодотворных социологических теорий.

Такие противоречия, конфликты – повседневная реальность отечественной социологии. К сожалению, они стали принимать форму стычек, эпатажных выпадов – так сказать, новый способ двигать вперед социологию методом скандала. Эти эпизоды, на мой взгляд, косвенно отражают трудности развития отечественной социологии, возможно, и всех наук об обществе в постсоветский период. Прежние регуляторы в лице отдела науки ЦК или управления общественных наук МВ и ССО СССР отсутствуют. Новые регуляторы, точнее саморегуляторы – действенные и действующие ассоциации ученых – своего рода гражданское общество отечественной социологии, незаметны.

Вернусь в связи с этим к трудностям теоретического плана. На линейных распределениях теории не построишь. А эмпирическую базу, например большей части почты журнала «Социологические исследования» иначе как скудной не назовешь. В получаемых редакцией рукописях мало сопоставительных, сравнительных материалов, использования исторических сведений и аргументов, межстрановых, междисциплинарных сравнений. Поэтому нет и спроса на математическую культуру отечественных социологов, на знание доступных баз данных и их использование. Об этом надо прямо сказать сообществу отечественных социологов. Но отсутствие эффективно действующей ассоциации социологов России, которая бы ставила проблемы сообщества на обсуждение, этому препятствует.

Итак, в международной социологии налицо существенные подвижки – повороты, интеграции, трансдисциплинарные обмены, научная полемика. Нельзя не акцентировать еще один важнейший фактор – революционную подвижку в сфере информационных технологий. На этом фоне, однако, качественные перемены в социологии никак не начнутся. Нового немало, а качественного сдвига нет. Контуры новой социологии только угадываются в современных процессах. О чем здесь может вестись речь? Приведенные выше детерминанты развития социологии подсказывают, что, по всей вероятности, новый этап истории социологии может быть потенциально связан с фактором происходящих, накапливающихся подвижек в содержании современной эпохи. Этот фактор, напомним, получил у экспертов одну из самых высоких оценок. С учетом происходящего в мире демографического и экономического сдвигов такая перс-

пектива представляется весьма вероятной. Российская социология с ее весьма развитой этносоциологической составляющей может сыграть в этом процессе заметную роль.

Социология начиная с появления на свет получала сильнейшие импульсы для своего развития именно из перемен и сдвигов в мировом социуме. Французская революция и наполеоновские войны дали миру Конта; становление капиталистической общественной формации – Спенсера и Маркса; реформаторство капиталистического строя на грани прошлого и позапрошлого столетий – Дюркгейма и Вебера; «новый курс» Рузвельта – Гэллага и Парсонса и т. д. Многие социологи за пределами Северо-Атлантического региона: Западная Европа плюс США, Канада, Австралия и Новая Зеландия – болезненно воспринимают сложившееся распределение интеллектуальных и иных ресурсов международной социологии, употребляя термины «гегемония», «зависимость», «доминирование», «неравенство», «империализм», «периферия–центр» и т. п.²⁴ В этом разделе между западной и «не-западной» социологиями хотелось бы видеть и потенциал развития нашей науки. Данный тренд вполне может вести к обновлению европоцентристской по культурным основаниям науки об обществе. На открывающихся в связи с этим перспективах для социологии сосредоточусь ниже.

Обращают на себя внимание приводимые в материалах о противостоянии социологий «Севера» и «Юга» эмпирические данные. В них отражены состояние обществ «Юга», стоящие перед ними и социологами задачи, порой в корне отличные от сложившихся представлений и подходов в Северо-Атлантическом регионе и в соответствующих социологиях. Для этих стран (как и для современной России) актуальны свои общественные и исследовательские проблемы: для них первостепенную роль играют темпы поступательного социального и экономического развития. Социологами Латинской Америки, стран, известных как «азиатские тигры», разработана социология развития, здесь сложилась теория зависимости от колеи (path dependence, остро актуальная для этих стран в связи с необходимостью разрыва с колониальным прошлым). В ряде азиатских стран удалось накопить опыт социологической поддержки борьбы с коррупцией, фильтрации персонала, непригодного к работе на ответственных постах в экономике и обществе, – «социология дураков». Социологи ЮАР начиная с 1970-х годов, еще со времен апартеида, добывали важные эмпирические данные о процессах в отношениях в сфере труда и производства: взаимодействия профсоюзов с работниками, собственников с управленцами, тех и других – с работниками. В дальнейшем здесь накоплен и обобщен опыт перехода (транзита) от одной системы к иной; подтверждены

данные о позитивной роли социальной мобильности для стабильности новых режимов; описаны современные грани урбанизации и т. д. Все это значимо и для России.

Получаемые во все больших объемах новые эмпирические данные международная социология начинает осваивать путем сравнения с уже освоенными характеристиками общества, социальных индивидов, сообществ. Иная социология уже формируется²⁵. Очертания этих новых оснований пока только угадываются. Материалы Гётеборгского конгресса МСА отразили формирование новых подходов, например в докладах участников терминологической секции (сессия 9). Их авторы призывают учитывать специфику смыслов ряда понятий в языках и сознании народов вне Северо-Атлантического региона²⁶. Обращение к специальной литературе, в частности к монографии о философских основаниях арабо-мусульманской культуры²⁷, подтвердило серьезность проблемы. Между арабской и европейской культурами есть значимые расхождения в понятийно-терминологическом и концептуальном аппарате, характеризующем понимание пространства и времени. В частности, в понимании европейских математиков точка, с одной стороны, служит основой образования линий и фигур, но с другой – собственного пространственного измерения не имеет. Не только человеку арабской культуры такое трудно себе представить. Есть расхождения в содержательном наполнении и таких категорий социальной науки, как время, человек, сознание, рациональность, характеристики исторического процесса и т. д. Практическая сторона этой проблемы известна из трудностей перевода на разные языки, особенно редкие, инструментария межстрановых компаративных исследований. Новации в понимании содержания ключевых социологических понятий не могут остаться без последствий: на уровне социальных теорий также вполне возможны существенные коррективы.

В складывающихся взаимодействиях традиционных лидеров мировой социологии с ее периферией есть элементы конфликта; но столкновение не обязательно считать неизбежным, возможен и диалог. Непохоже, что в незападном мире возникает социология, именно противостоящая западной. Во всяком случае попытки создания отдельной, автономной (или, скажем, «исламской») социологии пока результата не дали. Но созревание неевропейской социологии почти наверняка сформирует серьезные вызовы для оснований современной социологической науки.

Сколько времени может занять начавшийся «транзит»? Сроки зависят от каждого социолога, от членов социологического сообщества, осознанно и энергичнодвигающих вперед свою науку. В связи с этим заметную роль на предстоящем отрезке истории социологии

может сыграть фактор общественной активности, ангажированности, гражданской позиции ученых. В 2004 г. президент ассоциации социологов США М. Буравой в докладе «За публичную социологию!» отдал приоритет важным проблемам общества²⁸. Российская социология активно откликнулась на этот призыв²⁹, как и многие другие национальные ассоциации социологов.

Возможно, продвигая идею «публичной социологии», Буравой стремился отвлечь международную социологическую общественность от бесперспективной для всей социологии конфронтации по линии «West vs Rest» – Запад против остальных. В любом случае Буравой не одинок. По-своему в этом же направлении действуют М. Вевёрка с группой французских ученых («социологическая интервенция» в социально значимые события); Дж. Александер выступает за всемерное наращивание потенциала гражданского общества (этой задаче он посвятил свое выступление на последнем конгрессе российских социологов), оксфордский профессор Б. Фливерберг критерий участия социологов в решении проблем общества кладет в основу социальных и гуманитарных наук. Социология всегда ориентировалась на разрешение острых проблем современного общества. Призыв сосредоточиться на публичной составляющей социологии оказался важным для конкретного времени в истории социологии. Как минимум международная социология получит массив важного эмпирического материала. А в сочетании с уходом от европоцентризма современной социологии возможен еще один шаг к новой полосе в истории нашей науки.

Примечания

- ¹ Гриффин Л. Историческая социология, нарратив и структурно-событийный анализ: пятнадцать лет спустя // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 131–140; Тилли Ч. Историческая социология // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 95–101.
- ² Романовский Н.В. Социология: детерминанты перемен // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 20–30; Он же. Социология и история: перспективы взаимодействия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология». 2010. № 3 (46). С. 13–29.
- ³ Гидденс Э. К социологическому сообществу! // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 4–5.
- ⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. М., СПб и др.: Питер, 2002. С. 100–113, 357–414.

- ⁵ *Александр Дж., Рид А.* Социальная наука как чтение и перформанс. Культурно-социологическое понимание эпистемологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 12.
- ⁶ *Осинов Г.В., Култыгин В.П.* (ред.). История социологии: Учеб. М.: Норма, 2009. С. 939–943.
- ⁷ *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003; *Он же.* Культура и пространство: Моделирование графических образов. М.: Знак, 2006.
- ⁸ *Штомпка П.* В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3–14.
- ⁹ *Misztal B.* Collective memory in a global age/ Learning how and what to remember // Current Sociology. 2010. Vol. 83. № 1. P. 24–44.
- ¹⁰ *Joas H.* The Creativity of Action. Chicago: Chicago univ. press, 1996.
- ¹¹ *Mützel S.* Networks as Culturally Constituted Processes: A Comparison of Relational Sociology and Actor-network Theory // Current Sociology. 2009. Vol. 57. № 6. P. 871–887.
- ¹² *Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton univ. press, 2004.
- ¹³ *Mützel S.* Op. cit.; *Калекин-Фишман Д.* Иная социология возможна – в зависимости от содержания понятия «иная» // Социологические исследования. 2009. № 7. С. 22–23.
- ¹⁴ *Burawoy M., Wright E.O.* Sociological Marxism // Handbook of Sociological Theory / Ed. J.H. Turner. N. Y.: Kluwer Academic Plenum Publishers, 2002. Ch. 22.
- ¹⁵ *Sayer A.* Who is afraid of critical social science // Current Sociology. 2009. Vol. 57. № 6. P. 767–786.
- ¹⁶ *Штомпка П.* Указ. соч.
- ¹⁷ *Романовский Н.В.* Мультипарадигмальная социология – auf Wiedersehen? // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 23–32.
- ¹⁸ *Яницкий О.Н.* Досье инвайронменталиста. Очерк интеллектуальной биографии. М.: ИС РАН, 2009. 238 с.
- ¹⁹ *Волков В.В.* Силовое предпринимательство. М.: Летний сад, 2002.
- ²⁰ *Жаворонков А.В.* Российское общество: потребление, коммуникация и принятие решений. 1967–2004 годы. М.: Вершина, 2007. 576 с.
- ²¹ *Шкурко А.В.* На пути к нейросоциологии // Социологические исследования. 2011. № 4.
- ²² *Swaan A. de.* Rational choice as process: the uses of formal theory for historical sociology // Netherlands J. of Social Sciences. 1996. Vol. 32. № 1; *Gouldsblom J.* Rational and other choices. Comments on rational choice model // Ibid. P. 16–25; *The Rational Choice Controversy in Historical Sociology / Ed by R. Gould.* Chicago: Chicago univ. press, 2005.
- ²³ *Гоулднер А.У.* Грядущий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003. С. 174–175.
- ²⁴ *МакДаниел С.* Течения в международной социологии – доминирование, развитие и разделение труда // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 131–134;

- Матсинье М.* Поиск методологических альтернатив // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 26–36; *Wiebke K.* Counterhegemonic currents and internationalization of sociology. Theoretical reflections and an empirical example // International Sociology. 2011. Vol. 26 (1). P. 123–145; *Заиди А.Х.* Ислам и диалог в науках о человеке. Критический аспект непонимания // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 74–83.
- ²⁵ *Калекин-Фишман Д.* Указ. соч.
- ²⁶ XVII ISA World Congress of Sociology. Integrative Sessions [Электронный ресурс] // International Sociological Association. URL: http://www.isa-sociology.org/congress2010/integrative_sessions.htm (дата обращения 11.03.2010.); XVII ISA World Congress of Sociology. Ad Hoc Sessions [Электронный ресурс] // International Sociological Association. URL: <http://www.isa-sociology.org/congress2010/adh/index.htm> (дата обращения 11.03.2010.).
- ²⁷ *Смирнов А.В.* Логико-смысловые основы арабо-мусульманской культуры. М.: Институт философии РАН, 2005. С. 116–121.
- ²⁸ *Burawoy M.* For public sociology! // Am. Sociological Review. 2005. Vol. 70. № 1. P. 4–28.
- ²⁹ Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2008; *Zdravomyslova E.* 'Make Way for Professional Sociology!': Public Sociology in the Russian Context // Current Sociology. 2008. Vol. 56. № 3. P. 405–414.

О.В. Епархина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья представляет собой обзор классических и современных методологических подходов к исследованию социальной революции. Современные западные социологические теории революции во многом опираются на четыре основные классические модели: веберовскую, утилитаристскую, дюркгеймовскую и марксистскую, из которых наибольшей продуктивностью отличается последняя.

Ключевые слова: методология, социальная революция, теоретические исследования.

Социология революций как направление исследований привлекала внимание и собственно социологов, и философов, и историков. Круг теоретиков революции широк – от Дешана до Канта, от Гегеля до Токвиля. Понятие социальной революции рассматривается в работах Т. Гоббса, Дж. Локка, Дж. Гаррингтона, Д. Юма, А. Буланже, Ж.-Ж. Руссо, Ф.Н. Бабефа. Собственно изучение революций начинается с работ М.Ж.А. Кондорсе (революция как двигатель прогресса), А. Бернав (умственный переворот, провоцирующий переворот политический, результат разрыва законов), Ф. Минье (форма развития общества).

Впервые заявил о создании общей теории революций А.В. Ферран, автор «Рассуждения о социальной революции» и «Теории революций» (конец XVIII – начало XIX в.), относя к социальным революциям любые крупные социальные потрясения. Эту линию продолжил Э. Берк, чья теория представляет интерес в социологическом ракурсе рассмотрения проблемы тем, что он впервые заговорил о вариативности революционных результатов на примере

Английской и Французской революций. Ж. Де Местр говорил об объективности и предопределенности Французской революции как процесса и ее результатов. Г.Ф. Гегель рассматривал революции как необходимый элемент исторического процесса, заложив в «Науке логики» научный потенциал для дальнейшего анализа революций. А. де Токвиль в работе «Старый порядок и революция» высказывал идеи, близкие к гегелевской методологии изучения революции, но в большей мере делал акцент на поиске причин революций в экономической сфере.

Отдельный пласт исследований составляют идеологические концепции революции (Л.О. Бланки, Л.М. Дешан, М. Бакунин, П. Кропоткин, Ж. Сорель, А. ван дер Брук, В. Райх, Х. Фрайер, Ф. Фанон, Р. Дебре).

Однако представляется более целесообразным в данном обзоре исследований социальных революций с позиции социологического теоретического конструирования остановиться на западных классических и современных социологических теориях и моделях революции.

1. Классические западные подходы к исследованию социальной революции и их позднее развитие

В рамках большинства классических социологических теорий этот вопрос зачастую освещался фрагментарно. Революция как тип коллективного поведения рассматривалась в рамках четырех классических подходов:

- классический марксизм, в его основе – организация производства и коллективные интересы;
- дюркгеймианский подход считает разделение труда основой образования рутинных и нерутинных практик, вариацией которых, в свою очередь, выступает коллективное поведение;
- утилитаристский (миллевский) подход имеет в основе индивидуальные интересы и действия;
- веберианский подход, в основе которого лежат также рутинные и нерутинные практики, но с акцентом на порожденные ими интересы и верования, которые путем организации трансформируются в коллективные действия.

Марксистская теория связана с понятием солидарности внутри группы и конфликта между группами; теория Дюркгейма исходит из процессов интеграции и дезинтеграции всего общества в целом (нерутинные коллективные действия растут с активизацией индивидуальных практик, порождаемых дезинтеграцией в результате разделения труда); теория Милля исходит из того, что индивиду-

альные интересы порождают индивидуальные действия, складывающиеся в массовые; веберянцы же связывают индивидуальные интересы с верованиями, что близко теории Э. Дюркгейма (в нерутине все формы верований сильные и прямые).

Классический марксизм определил не только саму революцию как «концентрированное выражение прогресса», но и ее причины (конфликт старых отношений собственности с новыми производительными силами), ее задачи, логическую обусловленность в ходе исторического процесса, проясняя соотношение политической и социальной революций и особо выделяя революции, приводящие к новой социально-экономической формации, а также включая в анализ революции классовые отношения. Кроме того, классический марксизм породил плодотворные критические работы в этом направлении. Интересны и дискуссионны в этом отношении труды К. Каутского, Э. Бернштейна, Г. Кунова о возможности совершения социальной революции без перехода власти. Классовый характер революций достаточно подробно рассматривал в своих статьях А. Грамши. Сам К. Маркс провел анализ Французской революции 1848 г. и внутренней борьбы, которая и привела страну к последующим событиям. Согласно точке зрения К. Маркса, революция была результатом действий временных коалиций парижского пролетариата, мелкой буржуазии и просвещенных слоев буржуазии. Он анализирует кризис 1846–1847 гг., рассматривая эти слои вместе. Принципиально иной взгляд на режим был у землевладельцев и финансовой или промышленной буржуазии. Класс, таким образом, образует революционную коалицию на основе революционного видения. Это и помешало классам расширить объемы власти: с молчаливого согласия наиболее успешных сегментов крестьянства оформилась консервативная коалиция землевладельцев и буржуазии. Так начался процесс, приведший страну к Луи Наполеону и дальнейшей траектории ее исторического развития. К. Маркс разделяет население на классы на основании их участия в производстве и анализируя социальные группы как политических акторов, также использует классовое деление, именно с этим основанием связывая коллективные действия: в целом индивидуальные или институциональные действия связаны с классами. Также К. Маркс придает особое значение коммуникации внутри класса в целях лучшего представления классового врага, из чего проистекает унификация результатов коллективных действий в силу схожести классовых интересов: не является очевидным, что социальные классы и их представители являются основными политическими акторами. Также не всегда необходимо, чтобы главная организационная сила была представлена группой, наиболее организованной для дейст-

вия. В противоположность К. Марксу, Ч. Тилли, например, говорит о том, что таковым может быть движение, находящееся не столько в массе, сколько над массой.

Э. Дюркгейм продолжает традиции XIX в., отмечая, что индустриализация формирует общественные отношения, и подробно рассматривая ритуализированные формы коллективных действий. Эти действия можно разделить на три типа: рутинные (для рутинных форм), аномичные (для крайне дифференцированных форм) и промежуточные. В противоположность К. Марксу представители этой теории видят тенденцию к нарастанию аномичных и реставрационных действий. Традицию Э. Дюркгейма, в частности, продолжают работы С. Хантингтона, например «Политический порядок в меняющихся обществах», где модернизация и институционализация выступают как альтернативные процессы: порядок, по сути, является оптимальным балансом между этими вариантами развития, в случае доминирования первого наступает революция, второго – крайняя степень формализации; в первом случае характер быстрый рост изменений, во втором – медленный. Другая версия этой традиции – «Революционные изменения» Чалмерса Джонсона, где он предлагает три кластера случаев для возникновения революций:

- неравновесные социальные системы;
- случайные события, депривирующие элиты или ведущие революционные группы к депривации элит;
- неспособность лидеров проводить политику, поддерживающую доверие простых людей.

Еще один пример достаточно продуктивной методологии – Т. Гарр и его работа «Почему люди бунтуют», где предпринята попытка поиска генерального объяснения политического насилия. Центральная аргументация Т. Гарра основана на рассмотрении им психологических процессов: люди ощущают разрыв между тем, что они получают, и тем, чего заслуживают (относительная депривация). Имея шанс для бунта, люди бунтуют. Эта идея иллюстрируется картинами Французской революции, бунтами американских гетто и событиями в Латинской Америке (1100 событий борьбы 1961–1965 гг.). Однако, не ограничиваясь психологическим подходом, Т. Гарр выходит на структурные и социальные условия революционных действий, на анализ принципиальных интересов акторов и их возможности действовать.

Таким образом, стандартными аргументами для дюркгеймовской традиции выступают: организация, мобилизация, возможности (наличие или отсутствие социального контроля), интересы. Но такая аргументация представляется недостаточно полной.

Для Дж. Милля и утилитаристской традиции ключевой вопрос – детерминация индивидуальных решений. Она определяется Миллем через взаимодействие и выработку определенных правил. Он избегает понятия «класс», однако задача его теории представительства – показать возможность такого влияния. Хорошая конституция и валидная теория политических обязательств могут, по Миллю, создать выход из ситуации. В противоположность Миллю теоретики индивидуальных интересов XX в. показали относительно мелкий масштаб интересов в общих проблемах политических обязательств и важность интересов в двух других проблемах – последствиях альтернативных правил принятия решений и эффектах представления разных групп интересов в политике.

Рассматривая теорию коллективного выбора и общественного блага, можно привести в качестве примеров теории Дж. Колемана, А. Хиршмана, М. Олсона и ряд других теорий, использующих язык микроэкономики для объяснения коллективных действий в социо-политической сфере как работающих в рамках утилитаристской традиции и во многом дополняющих ее. Особое место среди них занимает концепция социальных движений Америки Дж. Маккарти и М. Зальда как вариант неклассической модели. Также вариациями, но уже иными по сути, являются теории стратегического взаимодействия (сделок, игр). В этом случае в основе теории лежат не только интересы, но и организационные составляющие, дающие возможность выбирать стратегии и тактики действий. Используя двухплоскостную систему координат (выигрыш/проигрыш), можно рассмотреть в качестве близких такой методологии и труды Боулдинга, Крамера и Херцберга.

Отдельное направление может составить псевдоутилитаристская традиция, где выбор и общественное благо проходят процедуры типизации в эконометрических формах. Таков, например, Д. Хиббс с его теорией массового политического насилия, классифицирующий события на внутренние войны и коллективный протест и выделяющий в качестве факторов насилия рост национального продукта, членства в коммунистических партиях, негативных санкций и институционализации. Он полагает, что эти факторы ведут к появлению двух указанных типов действий в различных комбинациях. В отличие от дюркгеймовской, утилитаристская традиция предполагает активное использование статистики и формализации и видит в коллективных действиях выражение фундаментальной рациональности, но не показывает, как растут и изменяются интересы.

В веберийской традиции доминирует определение инкорпорированных целей, стандартов поведения и законодательного

оформления власти; утверждается авторитарное действие от имени группы. Иногда такой анализ базируется на традиционных ролях, иногда на легальных основаниях для агента группы, иногда на экстраординарном персональном характере. М. Вебер отмечает, что религия и идеология дают новое определение мира и себя. Слабая группа полагает, что новое определение дает более когерентные ответы на проблемы и присоединяется к расширяющейся группе. После этого группа сталкивается с рутинизацией харизмы. М. Вебер предлагает шесть путей, которыми харизматичная группа решает проблему успешности:

- поиск другого харизматического лидера того же типа;
- процедуры групповых почестей;
- назначение старым лидером преемника с согласия группы;
- ритуальное назначение лидеров;
- формирование доверия;
- перевод харизмы в организацию.

Выбор этих стратегий ограничивает дальнейшие действия группы. Веберовское обсуждение проблем рутинизации харизмы тесно связано с его теорией социальных изменений. По М. Веберу, традиционный авторитет является неким аналогом равновесия, в котором социальная жизнь относительно устойчива, и влиять на него могут лишь две силы – власть рациональности и харизма; обе представляют собой силу когерентной идеи: бюрократическая рациональность может стать революционной силой, но силой как техникой. Внешняя сила трансформирует взгляд на мир; харизма, напротив, трансформирует внутреннюю жизнь людей. М. Вебер дает представление о социальном изменении как результате внедрения харизмы в историю и потому во многом сходен с Э. Дюркгеймом. Среди представителей веберовских позиций интересен анализ социальных движений Дж. Гусфельдом (согласно его теории характер целей объясняет возникновение движений, и потому он выделяет три типа движений: классовые, основанные на интересах, статусные – на групповом престиже и экспрессивные); Р. Аш (в исследовании движений среднего класса XIX в. она рассматривает изменения в организации производства в связи со структурными изменениями различных социальных групп, здесь социальные движения рассматриваются с позиций их рациональности; она во многом принимает марксистские идеи); а также А. Обершальтом, который в работе «Социальный конфликт и социальные движения» разбивает аналитическую работу на три части: анализ социального конфликта, методологически эклектичный; анализ мобилизации социальных групп, проводимый отчасти и в рамках миллевской традиции; и анализ истории конфликтных групп с традиционных позиций анализа социальных движений.

Но наибольший интерес, безусловно, представляет марксистская традиция. Концепция К. Маркса предполагает определение интересов, исходя из групповой позиции в системе производства; соответственно, и изменение интересов связывается им с изменением организации производства. По сути, его схема предполагает, что организация производства детерминирует интересы, структуру класса, отношения с другими классами. Эти три элемента путем сложных взаимодействий и определяют возможность и характер коллективных действий. Промежуточным звеном между ними выступает общественное сознание. Эта модель коренным образом отличается от предыдущих как приоритетом материальных интересов, так и самой логикой построения. Полагаем, что наиболее интересный синтез на основе этой модели представлен Б. Муром и Э. Вольфом. Так, в работах Б. Мура подчеркиваются два основных момента: что классовые коалиции вовлечены в великие модернизирующие революции и что этот процесс зависит от изменений агрокласса и курса на коммерциализацию агрокультуры с ростом государства и ликвидацией крестьянства, кооптацией аристократии и джентри; что эти процессы оказывают влияние на политическую организацию государства, в частности на его сращивание с бюрократией и землевладельцами и на возникновение риска фашизма. Это иллюстрируется примерами Англии, Франции, США, России, Индии, Китая и Германии. Революция играет интересную роль в схеме Б. Мура: главные революции (Английская, Французская и др.), по сути, являются резким переключением пути развития страны. Для Б. Мура главный конфликт, в том числе и сама революция, включен в политическую систему. Другой вариант – Э. Вольф и его работа «Крестьянские войны в XX в.», в которой он анализирует революции в Мексике, России, Китае, во Вьетнаме, на Кубе. Его интересовал переход крестьянства на рельсы капиталистической экономики, и потому работа включает анализ структурных оснований крестьянской жизни. Э. Вольф показывает пути экспансии национальных и интернациональных рынков на эти основания и условия сопротивления крестьян этим силам. Он больше занят проблемами распределения, нежели политическим конфликтом. Ч. Тилли метко называет таких представителей марксистской традиции «неисториками, повернутыми к истории»¹. Также в качестве примера, иллюстрирующего возможности марксистской методологии в изучении социальной революции, можно привести плеяду марксистов, занимавшихся изучением истории Французской и Английской революций с позиций исторического подхода. В их числе Э. Хобсбаум, Е. Томпсон, Дж. Фостер и другие. По мнению Ч. Тилли, чья теория относится к вариациям марксистской tradi-

ции, марксизм является коренным отличием европейской традиции изучения коллективного действия от американской, что вызвано как выживанием марксизма преимущественно в рамках европейских школ, так и традиции, заложенной самим К. Марксом (изучение капитализма в Европе с использованием европейского исторического опыта)². И при этом лишь марксизм ставит применительно к революции ключевой вопрос, как большие структурные изменения превращались в паттерны коллективных действий, а также исследует сопутствующие проблемы урбанизации, индустриализации, государственного строительства и пр.

При наличии столь разноплановых и по-своему целостных методологических подходов к исследованию революции стремление соблюсти методологический баланс приводит исследователя к некоей теоретической фрустрации: по терминологии Кеннета Болдуина, при веберовском подходе мы имеем дело с системой, при миллевской традиции – с системой обмена, дюркгеймовском – с интеграционной; марксистская линия предполагает, что мы имеем дело главным образом с системой обмена, хотя интеграция внутри группы является важным условием происходящих процессов.

Практически все исследования социальных революций рассматривают такие составляющие революционной ситуации, как власть, репрессивность режима и возможности и угрозы, в рамках которых осуществляют свои действия революционные группы. Возможность осуществления собственно революционных действий акторами зависит от степени их мобилизации и организации, а последнее объясняется дилеммой Р. Михельса: чтобы действовать в своих интересах, группа создает свою организацию и мобилизуется, однако комплексные и эффективные формы организации порождают собственных менеджеров, начинающих действовать в собственных интересах, часто вступающих в конфликт с интересами группы. Аналогичных проблем касался Р. Даль при изучении условий для различных паттернов политической оппозиции в демократиях, не касаясь собственно коллективных действий.

Хотя почти все исследования фиксируют, какие группы вовлечены в коллективные действия, слабо исследуется вопрос, почему именно эта, а не иная группа склонна действовать коллективно и бороться за власть таким способом. Так, например, миллевские теории идентифицируют групповые интересы и общественные структуры, способствующие принятию коллективных решений. Дюркгеймовские теории говорят нам о создании и деструкции групп под воздействием разделения труда, предполагая большую активность среди групп, прошедших полные и многочисленные трансформации; согласно этой традиции, имеется конфликт индивидуальных

и коллективных интересов. Веберианские теории также уделяют внимание разделению труда и ожидают большей активности от групп, определивших себя через систему верований – это ведет к формированию интересов и ориентаций. По марксистской линии изменение организации производства ведет к изменениям социальных классов, которые действуют совместно, имея некую внутреннюю организацию. Все эти направления акцентируют внимание на отношениях между групповыми интересами и организацией.

Что касается организации, то она формируется исходя из общей идентичности на основе внутренних сетей. Для этих целей традиционно анализируют электорат или трудовые слои. Примером таких теорий служит работа К. Керра и А. Сигела, разделивших эти слои на высшие, три уровня средних и низшие. Проанализировав индустриальные возможности каждого слоя, авторы пришли к выводу о существовании изолированной массы – гомогенного слоя, сегрегированного при этом от других. Именно борьба выступала индикатором наличия таких различий. Кроме того, К. Керр и А. Сигел дают еще один урок: поскольку революционная борьба – разновидность коллективных действий, то, объясняя групповую дифференциацию в каждом типе коллективных действий, мы включаем в рассмотрение все необходимые нам вышеназванные компоненты: интересы, организацию, мобилизацию, возможности. К. Керр и А. Сигел останавливаются только на интересах и организации, в то время как необходим более пристальный анализ мобилизации и возможностей как результата дифференциации интересов и организации.

Рассматривая переход от мобилизации к коллективным акциям и зарождение собственно фиксируемых исследователями революционных действий, также следует выделить возможности решения этой проблемы с точки зрения классических подходов. Дюргеймианский подход говорит об общественной интеграции и сводит коллективные действия на уровень дезинтеграционных процессов, в то время как многие элементы марксистских, веберианских, миллевских моделей можно признать пригодными для такого рода объяснений. Главное различие между ними в разном весе детерминант коллективных действий: «В целом веберианские аргументы, особенно в части, касающейся социальных движений и их рутинизации, означают разницу весов интересов в рутинных и нерутинных коллективных действиях. Веберианцы близки к тенденции оценивать в основном угрозы затрат и эффект организации и затем рассматривают групповые интересы и организацию как объяснение таких действий. Марксистский анализ придает высокий вес интересам и организации, и низкий – затратам мобилизации и коллективным действиям как таковым. Разница с веберианцами состоит в сильном

доминировании материальных интересов и ... утверждении, что организация производства доминирует над остальными формами организации»³.

Наиболее продуктивной здесь представляется миллевская традиция. Стандартный миллевский анализ исходит из интересов коллективных действий как основы для привлечения внимания к мобилизации и организации. Сторонники этой теории соединяют коллективные действия с производством общественных благ: «Идеальное общественное благо – включенное и неделимое. Если любой член группы получает его – его получают все»⁴. Например, Ч. Тилли склонен опираться на базовое положение миллевской теории о том, что «коллективные акторы пытаются производить коллективные блага, которые имеют специфическую ценность в отношении их интересов и расширять ценность ресурсов»⁵. Если группой получается больше общественных благ, чем расширяется их ресурсная ценность, это означает ее выигрыш, в противном случае – проигрыш. Однако существуют лимиты на расширение того и другого. Так, группа не может расширять ресурсы более лимита, имеющегося на текущий момент мобилизации (границы возможностей).

Наибольшую важность при рассмотрении революционных процессов представляет власть. Анализ ее социальной составляющей дает Э. Вольф, в частности рассматривая процесс мобилизации крестьянских общин и их борьбу за власть, их коалиционные взаимодействия с внешними группами: «Отсутствие коалиций – потерянная революция». Поскольку в большинстве ситуаций группа сама по себе не обладает ресурсами влияния на правительство (оружие, деньги и пр.), коалиция может сложиться как с другими участниками политической борьбы, так и с не участвующими в политике. Во многом такие коалиции влияют на уровень насилия в борьбе (так называемый эффект коалиции) и регулируют революционную ситуацию⁶.

Другой аспект – взаимодействие участников революционной борьбы с другими группами, исследованное Ч. Тилли и связываемое им с требованиями коллективных акторов и отстаиванием этих требований в разных типах акций⁷: соревновательных, реактивных или проактивных по своей цели⁸. Первые предполагают требования ресурсов, которые выдвигаются и другими группами⁹. Типичные инициаторы таких действий – сельские жители, молодежные группы, студенты. Такие локализованные группы иногда включаются в революционные движения или крупные бунты. Вторые предполагают групповые усилия, направленные на достижение требований, которые нарушаются (перуанские крестьяне в работах Э. Хобсбаума. мексиканская революция, народное движение 1830 г. в Пире-

неях, европейские продовольственные бунты, разрушения машин). Все они направлены против незаконной депривации. Эту традицию продолжают акции фермеров и сельхозрабочих. Третий вид коллективных действий, проактивные действия, предполагают групповые требования, которые не имеют предшествующего опыта (борьба за повышение зарплаты и улучшение условий труда). Например, Дж. Дэйвис описывает хорошо организованную борьбу в XVI в. в Лионе, которая не становится распространенным вариантом организации в XIX в. Меры, принятые правительствами, привели к росту случаев политической и экономической борьбы с 1880 по 1890 г. в западных странах. Некоторые другие формы проактивных действий (демонстрации, спонсируемые публичные митинги, петиции и пр.) появились уже в XIX в. Во всех странах Дэйвисом отмечается тенденция к исчезновению соревновательных конфликтов, число реактивных возрастает к середине XIX в., проактивных – в XX в., и они имеют форму демонстраций и забастовок. Это обусловлено изменениями производства, распределения, власти, ростом комплексных организаций для коллективных действий¹⁰, притом что каждая страна приобретает особый паттерн таких действий.

2. Современные подходы к исследованию социальных революций

В XX в. появляется широкий спектр современных концепций революции, отраженный в работах Б. Адамса «Теория социальной революции», Г. Лебона «Психология революции», П. Сорокина «Социология революции», Л. Эдвардса «Естественная история революции», К. Бринтона «Анатомия революции», Дж. Питти «Процесс революции», Х. Арндт «О революции», С. Хантингтона «Политический порядок в меняющихся обществах», Ч. Джонсона «Революция и социальная система» и «Революционное изменение», П. Калверт «Революция», С. Вагнера «Конец революции: новая оценка современных бунтов», М. Риджей «Стратегия политической революции», А. Коэна «Теория революций: введение», М. Хэгопиана «Феномен революции», Т. Скочпол «Государство и социальная революция» и др.

К числу бесспорно социологических работ в этой области можно отнести такие труды, как «Социология революции» П. Сорокина и «Естественная история революции» Л. Эдвардса, а также исследования К. Бринтона, Ч. Джонсона, Дж. Питти и некоторых других исследователей. Они разработали основные методологические постулаты и подходы к социологическому анализу революций, системы индикаторов наличия революционной ситуации и динами-

ки революционных процессов. Безусловным лидером этой плеяды является П. Сорокин: как правило, именно его работы являются для социологов неким методологическим и методическим эталоном, хотя он использует достаточно смешанную методологическую базу в своем исследовании. Он изучает русские революции XVII в., 1905 г., 1917–1923 гг., французские революции 1789, 1848, 1870–1871 гг., германскую революцию 1848 г., английскую революцию XVII в., египетскую революцию 2000–1600 гг. до н. э., греческие революции VII–II вв. до н. э., римские революции, итальянские революции XIII–XIV вв., персидскую революцию, чешскую революцию XV в., нидерландскую революцию XVI в., революции в Индии XVII в., венгерскую революцию 1918–1920 гг., и этот материал дает ему основания разделить революционный процесс на этапы и выявить, как через изменение поведения индивидов общество сначала утрачивает, а затем восстанавливает социальный контроль. В целом революционный процесс в его понимании включает: изменения поведенческих характеристик членов общества, изменение социально-демографических показателей, структуры общества, логики протекания социальных процессов. Кроме того, он изучает причины революции, изменения социальных институтов, индивидуального поведения и стратегий поведения элит, групповых структур. Эти изменения отслеживаются им в экономической, политической и культурной сферах как ключевых: фактически, можно сказать, что он использует методологию исторического подхода при исследовании социоструктурных процессов. Он анализирует причины революций, связанные с депривацией в сфере безусловных рефлексов и с ослаблением групп социального контроля и поддержания порядка. Депривация в его понимании относительна, так же как у Т. Гарра: она ощущается через сравнение себя с другими группами или другим временем. Он рассматривает милитаризацию власти и нарастание коерсивного контроля, роль идеологии и пр.

Большой интерес, однако, на наш взгляд, представляет работа Л. Эдвардса, которая может быть с полным основанием названа работой, выполненной в рамках исторической социологии. Он исследует ряд революций: английскую XVII в., американскую войну за независимость, французскую XVIII в., русскую XX в. Революция в структуре исторического процесса является, с его точки зрения, одним из естественных способов осуществления социальных изменений, причем революционная стадия изменений – одна из заключительных, и появление революционного насилия олицетворяет организационно-структурное, институциональное завершение процесса изменений. К предварительным признакам революции Л. Эдвардс относит рост социальных перемещений, падение нравственности,

сопровождающееся появлением «уклоняющихся диспозиций», а также рост благосостояния депривированных слоев, что дает им возможность сопоставлять свое положение с привилегированными слоями и фиксировать факты относительной депривации. «Уклоняющаяся диспозиция» появляется у членов общества в силу изменения социальных стандартов и ведет к потере ими легитимности их групповых стандартов; усиливается рутинизация социальных практик, неудовлетворенность ими. Этот процесс сопровождается «смещением лояльности интеллектуалов» и появлением социальных мифов определенной направленности. Он включает в поле исследований социоструктурные изменения, процессы мобильности, распространение девиации, репрессивные институты. Выделение многочисленных стадий революционного процесса позволяет ему выявить логику развития революции: от распространения оптимистичных ожиданий и свободы, через попытки захвата власти радикалами и атак на правительство и деморализацию армии к революционному миру реформистского крыла протестных сил и приходу к власти радикалов, поддержанных общественным мнением. Последующими стадиями являются террор как реакция защиты против иностранной интервенции, внутригосударственных бунтов и как способ «обеспечения работой» военных слоев и реставрация как финал свершившихся социальных изменений.

Однако, на наш взгляд, этими работами отнюдь не исчерпывается потенциал историко-социологических исследований в сфере революционных процессов. Так, например, Г. Завалько говорит о наличии внутри социологии революции нескольких течений: поведенческие (П. Сорокин), психологические (Дж. Дэвис, Т. Гарр), структурные (Т. Скочпол, Б. Мур), политико-правовые (К. Бринтон, Х. Арендт, Ч. Тилли) и иные¹¹, но следует отметить условность этих разделений. Все эти течения сплавлены генерализирующим методом – сравнительно-историческим и близки к исторической социологии как таковой. Общим для всех этих направлений является выделение поведенческого и управленческого аспектов революции как предмета исследования.

Как верно отмечает Г. Завалько, современная западная социология, игнорируя материальные отношения как основу общественных изменений, предлагает структурные теории, объясняющие происходящие радикальные изменения с помощью производных материальных отношений: власти, легитимности, ценностей, мифов и пр.¹² С этим связана трактовка революций как внезапных изменений, но при этом полностью игнорируется направленность революционного процесса, прогрессивность или регрессивность таких изменений. Именно с этим связано и то, что в число революций включаются

политические перевороты (Дж. Питти, Ч. Джонсон), крестьянские восстания (Т. Гарр, М. Хэгопиан), контрреволюции (М. Риджеи). Ту же ситуацию мы наблюдаем в исследовании результатов революции: ими может быть идея (Х. Арендт), смена системы ценностей (С. Хантингтон), смена институтов управления или элит (С. Хантингтон) или вообще отсутствие революционного результата (К. Бринтон)¹³.

Все это приводит к тому, что, применяя эти теории на реальном историческом материале, мы не можем четко определить сам концепт «социальная революция», а также его производные. Классическим примером такой ситуации является работа П. Калверта, где он включает в революцию насилие, изменение в социальном устройстве, восстание и некое ожидание мессии. Чистая социология, к сожалению, не в состоянии выйти из такого методологического тупика. Другим примером являются ставшие классикой психологические теории революции; так, например, Дж. Дэйвис полагает, что революция происходит в период резкой смены подъема упадком и последующего разрушения ожиданий населения. Множество исторических примеров опровергают эту концепцию.

Успешнее решается эта проблема в работах Ч. Тилли; он описывает ход событий в революции: оппозиция, мобилизация сторонников, попытки противодействия со стороны правительства, установление оппозиционного контроля, расширение контроля и борьба за восстановление единого порядка. Это неплохое «техническое описание» революционного процесса, однако не решает ряда проблем изучения революции (и они не решены ни в социологической, ни в исторической литературе до сих пор): причины и предсказуемость революций, преемственность между революциями, возможности революционной мобилизации масс и пр.¹⁴.

Частично эти проблемы пытались объяснить экономические теории Д. Белла, У. Ростоу, а также концепции модернизации. Наиболее «социологичной» из них является концепция Ш. Эйзенштадта, рассматривающего историю как процесс конвергенции и модернизации множества традиционных обществ. Поскольку в мировой истории имеется множественность стартовых точек модернизации и традиционного общественного уклада, то Эйзенштадт делает акцент на изменении социального порядка как основанном на социальной структуре конкретных обществ типа взаимодействий. Эти взаимодействия укореняются в социальных институтах, которые, тем не менее, провоцируют резкие конфликты, в том числе революционные, ведущие к последующим изменениям. Его разделение революций на современные (Нидерландская, Английская, Американская и Французская), модернизовавшие феодальный

Запад, и позднесовременные, модернизовавшие в XIX–XX вв. общества альтернативных типов, не исключает общих моментов для тех и других: переворот, резкие изменения, насилие и разрушение преемственности. Причина же революций в основном имеет культурно-психологическое происхождение: у революции есть символы и носители этих символов, влияющие на психику действующих групп. Таким образом, эта теория также имеет ряд недостатков.

Еще одно направление исследований – теории зависимости (Р. Пребиш, Т. Дус Сантус, Ф. Кардозу, С. Амин, П. Баран и др.), которые пытались объяснить резкие социальные изменения зависимым способом производства на пространстве «центр–периферия» и исследовавшие горизонтальные связи между обществами мира. Но при этом исследователи этого направления не дают обобщенной исторической картины, позволяющей строить достаточно глубокие теории. Методологически приближенный к ним И. Валлерстайн, будучи теоретичен (но и не бесспорен) вообще, по сути, отрицает революционный характер изменений, хотя его теория может послужить хорошей основой для такого рода рассуждений.

Можно сказать, что периодические всплески исследовательского интереса к проблеме революций (1920-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е годы) свидетельствуют как о возобновляющихся попытках разрешить противоречия социологических теорий революции и создать стройный методологический базис для их изучения, так и о воспроизводстве проблемного поля теории революций во все новых и новых социальных аспектах. В первом случае интерес к революции связан с реализацией крупных революционных изменений (П. Сорокин, К. Бринтон, Л. Эдвардс, Дж. Питти), во втором – с ростом протестных движений (Дж. Дэвис, Т.Р. Гарр, Ч. Джонсон, Н. Смелзер, С. Хантингтон, Ч. Тилли), в третьем – с переломом в принципах построения теории (Г. Экстайн, Т. Скочпол), в четвертом – с распадом социалистического лагеря и изменениями глобальной направленности государств. Дж. Голдстоун в работе «К революционной теории четвертого поколения» перечисляет исследователей, которые в рамках данного направления изучали трансформационные процессы в разных регионах: в Африке, Восточной Европе, Ближневосточном регионе, Латинской Америке (Дж.С. Мигдал, И. Бэнак, Дж. Линц, Н. Кедди, Т. Викхайм-Кроули).

Попытки систематизации теоретических подходов в социологии революции предпринимались Дж. Голдстоуном и Дж. Фораном. Так, Дж. Голдстоун выделял три основных направления исследований: школу естественной истории (Л. Эдвардс, Дж. Питти, К. Бринтон), «общие теории» революции (Дж. Дэвис, Н. Смелзер, Ч. Джонсон,

С. Хантингтон, Т. Гарр) и поколение структуралистских моделей (Дж. Пейдж, Ч. Тилли, Т. Скочпол).

Таким образом, данный обзор убедительно показывает, что современная западная социология, с одной стороны, несмотря на многообразие методологических направлений и концепций, активно использует возможности исторического подхода при построении теории революции, с другой стороны, она опирается на четыре классических модели (веберовская, дюркгеймовская, утилитаристская и марксистская), развивая и дополняя их положения.

Примечания

- ¹ *Tilly Ch.* From mobilization to revolution. Reading: Adisson–Westley, 1978. P. 46.
- ² Сам Ч. Тилли предлагает иной путь исследования – промарксистский, антидюркгеймовский и иногда пересекающийся с М. Вебером и Дж. Миллем.
- ³ *Tilly Ch.* Op. cit. P. 85.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ См. исследования Дж. Пирсон и У. Роя, касающиеся структуры правительств и участников борьбы в конце XIX – начале XX в. во Франции и США, связывающие их с изменениями в индустриальном секторе (отношения между индустриальной мобилизацией и политическим влиянием).
- ⁷ *Tilly Ch.* Op. cit. P. 144.
- ⁸ Классификация дана исходя из европейского опыта революций.
- ⁹ См., например, классификацию И. Томпсона.
- ¹⁰ *Tilly Ch., Tilly L., Tilly R.* The rebellious century, 1830–1930. Cambridge, Harvard university press, 1975. P. 254.
- ¹¹ *Завалько Г.* Понятие «революции» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции. М.: КомКнига, 2005. С. 45.
- ¹² Там же. С. 46.
- ¹³ Бринтон атрибутирует «первичную важность наличия в группе/группах ощущения, что господствующие социальные условия препятствуют их экономической активности» т. е. лидирующие группы обнаруживают, что их возможности ограничены.
- ¹⁴ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 386.

Д.В. Мальцева

ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОЦИОЛОГИИ

В статье представлен обзор социологических концепций начала XX в., рассматривающих взаимодействие как предмет социологического изучения. Обзор основан на работе П. Сорокина «Человек. Цивилизация. Общество». Делаются выводы о важности понятия взаимодействия для сетевого подхода в социологии.

Ключевые слова: взаимодействие, история социологии, предмет социологии, сетевая теория.

В последние несколько десятков лет тематика сетевых сообществ, социальных сетей стала особенно популярной во многих сферах гуманитарного знания, а сетевой подход в социологии стал довольно часто использоваться для анализа социальной реальности. Между тем массовое распространение Интернета, можно полагать, не внесло качественно новой сущности в феномен социальных сетей – еще одной разновидности связей между людьми. Под терминами «сеть», «социальная сеть» следует понимать «наблюдаемые образцы социальных отношений между индивидуальными единицами анализа»¹: связи с виртуальной реальностью здесь явно не прослеживаются. Представители современной сетевой теории (Х. Уайт, С. Вассерман, К. Фауст, Б. Уэлман, С. Берковитс и др.) и двух ее подходов – «культурного», или «реляционной социологии» (Г. Уайт), и теории «актор-сеть» – сети деятелей (Б. Латур и М. Каллон) рассматривают структуру социальных отношений между различными акторами («узлами сети»)². Предпринимаются также весьма успешные попытки анализа социальных сетей (Б. Уэлман, С. Вассерман, К. Фауст, К. Ноук), основанные на математических методах и теории графов.

© Мальцева Д.В., 2012

Несмотря на имеющиеся различия в положениях, задача этих теорий состоит в изучении структуры взаимодействий между различными индивидуальными единицами (под которыми могут пониматься индивиды, группы, корпоративные образования). Это позволяет говорить о важности ключевых социологических понятий для сетевого подхода. В данной статье мы попытаемся дать определение такого понятия, как взаимодействие. Наше описание основано на обзоре, который дает П. Сорокин в книге «Человек. Цивилизация. Общество»³ в первой главе «Природа социального явления».

П. Сорокин подробно пересказывает взгляды ученых своего времени на объект социологии – социальное явление, которое есть «*взаимодействие* тех или иных центров или взаимодействие, обладающее специфическими признаками»⁴. По мнению Сорокина, «вне взаимодействия нет и не может быть никакого агрегата, ассоциации или общества и вообще социального явления, так как там не было никаких отношений»⁵ При этом определения социального явления, которые дают другие социологи, по мнению Сорокина, также основаны на принципе взаимодействия. Различия в понимании наступают в дальнейшем – при обозначении характера и форм этого взаимодействия.

Так, по Г. Спенсеру общество – агрегат (совокупность) индивидов, характерным признаком которого является «постоянство отношений». По Сорокину это лишь иной термин, обозначающий принцип взаимодействия. Э. Дюркгейм, по мнению которого объектом изучения является «социальный факт» – силы и структуры, которые носят внешний характер по отношению к индивиду, – признавал, что генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов: «*Всякий агрегат индивидов, находящихся в постоянном соприкосновении, составляет общество*»⁶.

Г. Тард рассматривал социологию как коллективную, интерментальную психологию, изучающую самые разные социальные процессы и основанную на передаче одним сознанием другому необходимых элементов. Таким образом, по П. Сорокину, через понятие интерментального процесса и такие его формы, как подражание, противоположение и приспособление происходит не что иное, как взаимодействие. Е.В. Де-Роберти, также представляющий психологическое направление в социологии, объектом исследования обозначал социальный факт, выражающийся в психологическом взаимодействии. Под социальным явлением он понимал «длительное, непрерывное, многостороннее и необходимое взаимодействие, устанавливающееся во всякой постоянной, а не случайной агрегации живых существ»⁷.

Понятие взаимодействия было одним из базовых понятий в социологической теории Г. Зиммеля. Немецкий социолог считал его основной «клеточкой» центральной категории социологии – общества. Он писал: «Общество вообще представляет собой взаимодействие индивидов. Взаимодействие всегда складывается вследствие определенных влечений или ради определенных целей»⁸. П. Сорокин приводит такую цитату Зиммеля: «Социальное явление или общество существует там, где несколько индивидов состоят во взаимодействии». Не иначе смотрел на обсуждаемый вопрос и Л. Гумплович. Предметом социологии он считал закономерности развития человечества, его классов, социальных групп, социальных отношений, возникающих из взаимодействия человеческих групп и общностей. В качестве элемента взаимодействия он брал не индивида, а группу.

П. Сорокин упоминает также Р. Штамmlера и П. Наторпа, которые придерживались мнения, что «социальная жизнь есть внешним образом урегулированная совместная жизнь людей», а также русского социолога Н.И. Новикова, который за основное явление человеческой ассоциации принимал обмен, что, по Сорокину, обозначает тот же процесс взаимодействия. Стоит отметить, что идея обмена в дальнейшем получила широкое применение: Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон создали теорию обмена, которая впоследствии оказала влияние на становление сетевой теории.

Сорокин утверждает, что идея взаимодействия как предмета изучения социологии представлена в работах Ф. Гиддинга, Д. Драгическо, С. Буглэ, А. Эспинаса, А. Ваккаро, А. Фулье, Р. Грассери, Л. Уорда. Действительно, Ф. Гиддинг одной из важнейших задач социологии считал попытку открыть условия для агрегации и объединения людей, а возможность сознательного взаимодействия людей друг с другом видел в существовании «социального разума»; концепция социальных сил – психических сил, действующих в коллективном сознании человека, – является центральным звеном в учении другого американского социолога – Л. Уорда.

В обзоре Сорокина не представлены идеи Ф. Тенниса, которые также основаны на идее взаимодействия. Ф. Теннис утверждал, что социология изучает различия в отношениях между людьми, главный из которых характеризуется наличием или отсутствием связанности между ними. По существу речь идет об исследовании взаимозависимости и взаимодействия людей. В качестве простейшего случая социальной связанности Теннис анализирует обмен, однако социальные связи им не ограничиваются. Теннис противопоставляет два типа связей и соответствующие им типы общества – общностного и общественного (модель «Gemeinschaft–Gesellschaft»), характеризующих отношения людей друг к другу.

Итак, П. Сорокин показал: большинство ученых придерживаются мнения, что взаимодействие тех или иных единиц составляет сущность социального явления. Однако на следующем этапе – в определении его характера и форм – обнаруживаются различия. П. Сорокин говорит о том, что «если взаимодействие хотят сделать специальным объектом социальной науки, то необходимо указать такие *специфические признаки* этого общемирового ... процесса, которые отделяли бы этот вид взаимодействия от остальных его видов и тем самым конституировали бы социальное явление как особый вид мирового бытия, а поэтому и как объект особой науки»⁹ Для этого необходимо ответить на некоторые вопросы. Во-первых, *между кем и чем* должно происходить взаимодействие, чтобы этот процесс можно было считать социальным явлением? Каковы *единицы* или *центры* этого взаимодействия? Решение этого вопроса влечет за собой следующий: безразлична или нет *длительность взаимодействия* для понятия социального явления? Предполагается ли, что только в длительном и постоянном взаимодействии можно видеть социальное явление, или же оно возникает при всяком взаимодействии, как бы кратковременно и случайно оно ни было? По словам Сорокина, «без точных ответов на эти вопросы, в особенности же на первую категорию их, понятие “взаимодействие” (а тем самым и социальное явление) становится пустым звуком»¹⁰.

П. Сорокин указывает, что имеются многочисленные попытки так или иначе ответить на поставленные вопросы, но в целом все вопросы можно свести к трем основным типам, посредством каждого из которых можно выделить особый разряд социального взаимодействия и тем самым определить объект социологии:

- выделяются особые центры взаимодействия, не имеющиеся в других его видах;
- указываются особые свойства социального взаимодействия, отделяющие его от других разрядов последнего;
- комбинируются одновременно оба приема, то есть социальное взаимодействие выделяют как особый вид из родового понятия и путем указания его специфических свойств, и путем указания его взаимодействующих единиц (центров).

П. Сорокин иллюстрирует примеры следующим образом. Для первого типа социального взаимодействия в качестве его взаимодействующих центров (единиц) можно выделить биологические неделимые особи. Но тогда область социологии стала бы охватывать не только мир людей, но и животных, и растений, и ее задачей было бы изучение всех форм взаимодействия между указанными центрами. Можно поступить и иначе: взять за подобные центры только людей (так фактически и поступает большинство предста-

вителей социальной науки, пишет Сорокин). В этом случае задача социологии заключалась бы в изучении *всех* форм общения между людьми. Конкретным примером этого рода может служить понятие «социальное явление» Г. Зиммеля: «Общество существует всюду, где несколько индивидов находятся во взаимодействии, каково бы ни было последнее»¹¹.

Возможен и другой прием дефинирования социального явления, основанный на принципе указания специфических свойств самого процесса взаимодействия. В этом случае общей чертой является определение социального взаимодействия как взаимодействия *психического*. Именно психическая природа центров взаимодействия служит в этом случае конституирующим принципом социального взаимодействия, независимо от того, между какими центрами совершается взаимодействие. Для объяснения этого типа Сорокин приводит такую формулу: «Всякое взаимодействие, имеющее психическую природу, есть социальное взаимодействие»¹². Эта точка зрения разделяется многими социологами – А. Эспинасом, Ф. Гиддингсом, Л. Уордом, Г. Тардом, Е.В. Де-Роберти, Л.И. Петражицким, Ф. Теннисом. Однако одни из них видят социальное взаимодействие во всяком психическом взаимодействии, тогда как другие – только в психическом взаимодействии, обладающем некоторыми специфическими признаками. Например, А. Эспинас определяет общества как группы, где индивиды объединены психическими связями с характерным признаком «взаимного обмена услуг». Близки к приведенным взглядам и понятие общества Ф. Гиддингса («истинная ассоциация» людей возможна там, где дано «сознание рода») и Г. Тарда (социальное взаимодействие есть взаимодействие интерментальное, или психическое).

Третий тип, по Сорокину, представляет собой модификацию двух изложенных выше приемов. Так, Э. Дюркгейм и Р. Штаммлер под объектом социальной науки понимают взаимодействие людей, но не всякое, а только такое, где дано внешнее принуждение: «Социальным фактом является всякий образ действия, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение»¹³. В этом с ним сходится Р. Штаммлер с его «внешним регулированием совместной жизни людей». Сорокин приводит и другие примеры: некоторые социологи, подобно Спенсеру, под обществом понимают взаимодействие людей, обнаруживающее постоянство отношений; другие, подобно Д. Макаревичу, Л. Гумпловичу, Ш. Летурно и Ф. Теннису, под социальным явлением понимают взаимодействие людей, обнаруживающее стремление либо к «общей цели», либо где дан «общий интерес» (общество есть «группа, сосредоточенная вокруг какого-нибудь общего интереса» – Л. Гумплович); различают

Gemeinschaft и Gesellschaft, понимая под последними либо группы людей, стремящихся к общей цели, либо группы, построенные на договорном начале. К этому же типу должны быть отнесены и многочисленные определения социального явления вроде определений Л. Уорда, Г. де Греефа, Е.Я. Паланта, Н.И. Новикова, Р. Вормса, В. Оствальда, считает П. Сорокин.

П. Сорокин решает проблему содержания понятия взаимодействия следующим образом. Он последовательно раскрывает сложности, возникающие при использовании первого (сведение предмета социологии с предметом биологии, физики и химии) и второго подходов (сложности с определением понятия «психическое») и говорит о том, что в конце концов любой из этих приемов сведется к последнему, поскольку характер центров взаимодействия и характер самого процесса взаимодействия не есть нечто отдельное друг от друга, а неразрывно связанное одно с другим. Он приходит к выводу, что «социальное явление есть социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов, выступающая в то же время по содержанию и продолжительности за его пределы. Это то, что многие называют “социальной душой”, это то, что другие называют цивилизацией и культурой, это то, что третьи определяют термином “мир ценностей”, в противоположность миру вещей, образующих объект наук о природе. Всякое взаимодействие, между кем бы оно ни происходило, раз оно обладает психическим характером – будет социальным явлением»¹⁴.

Психическое взаимодействие, по П. Сорокину, обладает следующими чертами: прежде всего, это ряд индивидов, находящихся друг с другом в психическом общении, между которыми непрерывно возникают и исчезают различные психические течения, каждое из которых в процессе своего перехода от индивида к другим успевает символизироваться, затем как символ воздействует на воспринимающие аппараты других, доходит до их психики и там снова переходит из символического бытия в бытие психическое, которое в свою очередь проявляется вовне в тех или иных символах; затем эти символы снова воздействуют на других, снова претворяются в психическую форму. «Психическое взаимодействие конкретно представляется как бы бесконечным числом нитей, ежеминутно возникающих и исчезающих между членами общения, как бы множеством электрических искр, непрерывно перебегающих от одного к другим и обратно...»¹⁵ – пишет П. Сорокин.

Итак, основой социального явления, по П. Сорокину, является взаимодействие, происходящее между центрами (индивидами), представленное бесконечным числом нитей, или искр. Говоря языком сетевого подхода, речь идет об «узлах» и «связях» – акторах и отноше-

Д.В. Мальцева

ниях между ними. При этом, как показывает П. Сорокин, под актором у различных социологов могут пониматься как индивидуальные, так и коллективные и надьиндивидуальные деятели: а именно этот вопрос является предметом обсуждения в современной сетевой теории.

Выводы. Таким образом, сети есть не что иное, как по-новому обозначенное взаимодействие: они образуются из взаимодействия индивидуальных акторов и являются выражением этих взаимодействий (их «матрицей»). Даже сетевые сообщества в Интернете есть лишь новая, ставшая возможной благодаря росту науки и техники, форма взаимодействия, которая раньше не могла быть осуществима. Таким образом, сетевой подход в социологии имеет давнюю историю и, соответственно, подчиняется хорошо известным в социологии правилам и нормам. Это говорит о том, что идеи, высказанные классиками социологии, вовсе не теряют своей актуальности, а с успехом могут быть интегрированы в объяснение современных явлений.

Примечания

- ¹ *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.* Социологический словарь. М.: Экономика, 2000. С. 420.
- ² Подробнее о современных сетевых теориях см.: *Мальцева Д.В., Романовский Н.В.* О современных сетевых теориях в социологии // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 28–37.
- ³ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- ⁴ Цит. по: Там же. С. 32.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Цит. по: Там же. С. 33.
- ⁸ *Зиммель Г.* Общение: пример чистой или формальной социологии // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 488.
- ⁹ Цит. по: *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 35.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Цит. по: Там же. С. 36.
- ¹³ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1996. С. 421.
- ¹⁴ Цит. по: *Сорокин П.А.* Указ. соч. С. 37.
- ¹⁵ Там же.

Г.Ю. Новикова

ДОВЕРИЕ И ВЕРА: В ПОИСКАХ ГРАНИЦЫ ПОНЯТИЙ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Статья посвящена анализу интереса к изучению социального доверия в западной социологии, а также проблеме разграничения понятий «доверие» и «вера». Рассматриваются основные тенденции, формирующие ключевые подходы к изучению доверия и недоверия. Отмечается важность изучения доверия в совокупности с другими близкими понятиями. Разбираются особенности трактовки понятия «вера» в социологической, философской, психологической и богословской традициях и поднимается вопрос об изначальности доверия или веры.

Ключевые слова: социальное доверие, вера, ожидания, риск, убеждения, недоверие, уверенность, социальный капитал.

В истории социальных и гуманитарных наук иногда происходит так, что интерес к определенному понятию разгорается спонтанно, без каких-либо определенных на то причин. Так, еще недавно, в 1988 г., немецкий социолог Никлас Луман писал о том, что изучение доверия никогда не было ключевой темой социологии¹, а другие ученые вторили ему относительно остальных социальных наук. В то же время разработки Георгом Зиммелем (1858–1918) социального доверия были в большей степени проигнорированы или встречались в незначительных ссылках. Трудно объяснить, почему Зиммель, понимавший доверие как неременное условие социальных отношений и существования общества, не смог захватить воображение социальных ученых и почему его работа в этой области осталась в большой степени незамеченной.

Вообще же истоки изучения этой проблематики можно найти еще в работах философов XVII–XVIII вв.: Дж. Локка, Т. Гоббса,

А. Смита. Из социологов XIX в. не только Зиммель обращался к понятию доверия. Так, в концепции Э. Дюркгейма проблема доверия возникает в связи с его обращением к понятию «солидарность», ведь ее органическая форма попросту не может существовать без доверия. Проблематику доверия можно найти и в социальном действии М. Вебера, так как взаимодействие между людьми невозможно без доверия друг к другу, а следовательно, чем рациональнее действие, тем выше потребность в доверии. Для существования открытой системы Т. Парсонса также важно доверие. Среди других исследователей, отчасти занимавшихся этой проблематикой, можно отметить еще Ф. Тённиса, Д. Рисмена. Таким образом, мы видим, что многие философы и социологи так или иначе затрагивали в своих работах проблематику доверия, однако это делалось в связи с изучением какой-то другой большой проблемы, а не было отдельным направлением в социологической мысли.

Всплеск интереса к изучению именно самого социального доверия произошел в западной социологии лишь в 1980–1990-х годах. За небольшой промежуток времени было издано большое число монографий и статей по проблеме доверия и недоверия. Появились работы Ш. Эйзенштадта, Л. Рониджера, Б. Барбера, Д. Гамбетты, Д. Коулмана, Э. Гидденса, Ф. Фукуямы, А. Селигмена, П. Штомпки и других ученых². Разрабатывались шкалы для измерения социального и политического доверия, начиная от генерализованного и основанного на знании доверия до межличностного и институционального. Отношения доверия и недоверия заинтересовали не только профессионалов, но и широкую общественность. В западных средствах массовой информации активно использовались понятия доверия и недоверия для оценки политических и социальных событий, а также индивидов, связанных с ними.

Среди многообразия появившихся определений доверия можно выделить в первую очередь те, чьи авторы акцентируют внимание на риске, уязвимости субъектов доверия. Так, по мнению польского социолога П. Штомпки, ориентация на доверие появляется тогда, когда человек готов действовать, даже несмотря на риск в связи с неопределенностью ситуации. Более того, этот риск «возрастает по мере того, как увеличивается число наших потенциальных партнеров, по мере того, как они становятся все более разнообразными, словом, когда наша социальная среда расширяется, усложняется, становится все менее прозрачной и все менее нами контролируемой»³. При этом по причине того, что риска, создаваемого усложнением социальной среды, невозможно избежать из-за необходимости взаимодействовать с другими людьми, человек вынужден постоянно участвовать в «игре» и делать «ставки». Это, прежде всего, ставка

на действия будущих партнеров, заключающаяся в проявлении доверия или отказе им в таком доверии⁴. О риске же в доверии говорят Дж.Д. Льюис и А. Вайгерт: «Доверие – это принятие рискованного хода развития событий на основе уверенного ожидания, что все люди, вовлеченные в этот процесс, будут действовать со знанием дела и с сознанием долга»⁵.

Ряд ученых рассматривает доверие в связи с проблемой уязвимости одного из субъектов взаимодействия, обращаясь, таким образом, в первую очередь к межличностному доверию. Так, А. Байер называет доверие «опорой на добрую волю другого». Как он пишет, «когда человек зависит от доброй воли другого, он неизбежно уязвим в границах этой доброй воли». Таким образом, человек фактически оставляет другим возможность нанести ему вред, но при этом демонстрирует им свою уверенность в том, что они этого не сделают⁶. С ним согласны Дж. Б. Барни и М. Г. Хансен. По их мнению, доверие является «взаимной уверенностью в том, что уязвимость одного не будет использована против него самого»⁷. Об этом же пишут Дж.Л. Брадах и Р.Дж. Экклс: доверяя, индивид уповает на то, что другой не воспользуется удобным случаем против него⁸.

Для Д. Гамбетты доверие (или, соответственно, недоверие) – «это особый уровень субъективной вероятности, с которой агент оценивает отдельное действие другого агента или группы до того, как у него есть возможность проконтролировать это действие (или независимо от его способности к такому контролю) и оценить то, как это действие влияет на его собственное поведение»⁹.

Отдельные исследователи делают акцент на морально-этической стороне доверия. Так, Л.Т. Хосмер отмечает, что доверие – это «ожидание этически позволительного поведения, то есть морально верных решений и действий, основанных на этических принципах анализа»¹⁰. А Э.М. Усланер добавляет: «Когда мы доверяем другим людям, мы ожидаем, что они выполнят свои обещания потому, что мы знаем, что они обычно делали это в прошлом, или потому, что мы верим, что мы достигнем лучшего результата, если предположим, что люди заслуживают доверия»¹¹. Ф. Фукуяма: доверие – это «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами»¹². Об ожидании говорит и Л.Дж. Цукер: «С точки зрения задач социологии доверие можно определить как набор ожиданий, разделяемых всеми участниками обмена»¹³.

Кроме этого, проблематика доверия затрагивается в работах по социальному капиталу. Они исходят главным образом из традиции социальной теории А. де Токвиля и Дж.С. Милля. Их авторы ут-

верждают, что доверие уходит корнями в густую и широкую сеть добровольных ассоциаций и посреднических организаций. Доверие выступает в роли главного компонента социального капитала, который является необходимым условием социальной интеграции, экономической эффективности и демократической стабильности¹⁴.

Часто этот неожиданный интерес к проблеме доверия связывают с увеличившейся сложностью социальных и политических отношений, фрагментацией знания, невозможностью для рядового гражданина справиться с растущим объемом информации, с экологическими катастрофами и эпидемиями, террористическими атаками¹⁵. Как следствие всего этого, растет неуверенность и непредсказуемость в повседневной жизни, профессиональной деятельности и науке.

Возвращаясь к трактовке понятия «доверие», необходимо заметить, что оно полисеманлично. Часто значение, вкладываемое в это слово, зависит от используемого контекста, культурной или политической подоплеки. В частности, на прагматическом, или утилитарном, уровне в его более общем смысле доверие – это элемент жизни, без которого не может функционировать общество. Так полагали Г. Зиммель и Н. Луман. Но если, по мнению Зиммеля, без доверия общество не может возникнуть и стабильно существовать, то Луман утверждает, что без доверия индивид даже не смог бы просыпаться по утрам¹⁶.

А уже на концептуальном уровне мы можем различить разные эпистемологические традиции, формирующие современные подходы к изучению доверия и недоверия. Среди них можно выделить две тенденции, которые в большей степени соотносятся с двумя главными современными научными способами мышления¹⁷:

- понимание доверия как того, без чего нельзя обойтись в человеческом существовании, а также того, что проистекает из нерушимой связи между индивидом и другими. Все это ставит коммуникацию и взаимодействие в центр теории социального знания, на которой базируются доверие и недоверие. Этот эпистемологический подход фокусируется на социализации – как первичной, так и вторичной. Он изучает динамику изменений в символической коммуникации и понятийном мышлении. Можно сказать, что этот подход основан на диалогической рациональности;
- понимание доверия и недоверия как современных понятий, которые развивались вместе с европейским индивидуализмом в XVI–XVII вв. Этот подход фокусируется на логических способностях, разуме и мышлении индивида. Доверие и недоверие тесно связываются с теориями риска, игры и расчета доходов и издержек. Этот подход основывается на индивидуальной рациональности.

Однако социальное доверие, как и многие другие социальные понятия, нужно рассматривать не изолированно, а лишь в совокупности с другими терминами, такими как социальный капитал, вера, убеждения, солидарность, взаимодействие, уверенность. И прежде всего часто рассматриваются как переходящие друг в друга и даже синонимичные понятия «доверие» и «вера», хотя важно заметить, что только в русском языке они являются однокоренными. В англоязычной научной литературе для обозначения доверия используется термин «trust», а для веры, в зависимости от значения, вкладываемого в понятие, слова «belief» и «faith». В немецком языке доверие обозначается существительным «Vertrauen», вера – «Glaube». Как отмечает Т.Н. Скрипкина, анализирующая англоязычные аналоги понятий «доверие» и «вера», даже они не дают четкого смыслового разграничения и часто термины «belief» и «trust» рассматриваются как синонимы¹⁸. Она объясняет это связанностью этих двух терминов с отношением субъекта к объекту и тем, что они предполагают их неотожждественность.

Если мы обратимся к объяснению понятия «вера» в словарных статьях, то увидим следующее. Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона определяет веру как «признание чего-нибудь истинным без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего, субъективного непреложного убеждения, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их»¹⁹.

Российская социологическая энциклопедия определяет веру как: 1) принятие воображаемых или реальных объектов за истину без достаточных теоретических или практических доказательств, которое не может претендовать на объективную значимость; 2) опирающаяся на факты и знания уверенность индивида в том, что определенная идея, гипотеза, теория и т. д. являются истинными²⁰. Кроме этого, отмечается, что вера возникает при эмоциональной заинтересованности и активном отношении индивида к предмету веры.

Новая философская энциклопедия называют верой «мировоззренческую позицию и одновременно психологическую установку, включающую, во-первых, принятие определенных утверждений (догматов)... и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям (оцениваемым как “искушения”); во-вторых, личное доверие к богу как устроителю жизни верующего, его руководителю, помощнику и спасителю во всех конкретных ситуациях, посылающему страдания и предъявляющему трудные требования для блага самого верующего; в-третьих, личную верность богу, на “служение” которому верующий отдает себя»²¹.

Словарь практического психолога С.Ю. Головина дает два определения веры: как «особого состояния человеческой психики, состоящего в полном и безоговорочном принятии неких сведений, явлений ... или собственных представлений и умозаключений, кои в дальнейшем могут ... определять некоторые из его поступков, суждений, норм поведения и отношений» и как «признания чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств».

Если же рассматривать буквально эти два понятия, то «доверие» – это то, что существует до веры, то есть предшествует ей. В то же время и вера может переродиться в доверие. В литературе, затрагивающей богословские вопросы, обычно различают веру религиозную и нерелигиозную. «Все, что совершается в мире, даже людьми, чуждыми Церкви, совершается верою ... весьма многие дела человеческие основаны на вере; и этому не одни мы верим, но верят и находящиеся вне Церкви. ... Они хотя не принимают Священного Писания, а руководствуются своими какими-либо учениями, впрочем, и те принимают верою»²². Таким образом, религиозная вера определяется отношением человека к Богу и проявляется в признании Его бытия, в доверии и верности Ему. В христианском учении вера – это также одна из трех главных добродетелей – Веры, Надежды и Любви.

Можно заметить, что практически в каждом из определений присутствует отсылка к внутренним убеждениям индивида, субъективному принятию им достоверности какого-либо события, идеи, при отсутствии достаточных доказательств. Таким образом, можно вывести следующее определение: вера – это признание индивидом истинности идей, событий, явлений не на основе объективных доказательств, а в силу личной убежденности в их достоверности.

Из этого следует, что если взять за основу нерелигиозную веру, проявляющую себя «как уверенность в ком-нибудь или в чем-нибудь»²³, то получается, что именно это понимание веры и близко к понятию доверия, к «билиф-вере», говоря терминами Т.Н. Скрипкиной. Индивид может верить в какие-то идеи, традиции, других людей, в систему, в прогресс, в научное открытие и поэтому доверять им.

В то же время в научном сообществе до сих пор нет единой точки зрения относительно изначальности доверия или веры. Например, еще в концепции Э. Дюркгейма подразумевается, что элемент веры содержится и в доверии, которое, по сути, выступает заменой утерянной «большой» веры²⁴. А Т.Н. Скрипкина отмечает, что «доверие есть форма веры, представляющая в социально-психологическом плане самостоятельный вид установки – отношения

к миру и к себе»²⁵. Из этого следует, что доверие можно рассматривать как своего рода разновидность веры, одну из ее форм, но тогда остается вопрос относительно морфологического состава слова (доверие – то, что до веры). Как уже отмечалось, всплеск интереса к изучению понятия доверия произошел в западной социологии лишь в 1980–1990-х годах, поэтому, возможно, потребуется определенное время для четкого разграничения таких близких на первый взгляд понятий, как «доверие» и «вера». Несмотря на все многообразие научных работ, пока еще не существует фундаментального анализа категории доверие.

Примечания

- ¹ *Luhmann N.* Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Oxford, 1988. P. 94–107.
- ² *Eisenstadt S.N., Roniger L.* Patrons, Clients and Friends. Cambridge: Cambridge univ. press, 1984; *Barber B.* The Logic and Limits of Trust. New Brunswick: Rutgers univ. press, 1983; *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations* / Ed. by D. Gambetta. Oxford: Blackwell, 1988; *Colemann J.C.* Foundations of Social Theory. Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1990; *Sztompka P.* Trust: a sociological theory. Cambridge: Cambridge univ. press, 1999; *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004; *Селигмен А.* Проблема доверия. М., 2002.
- ³ *Штомпка П.* Социология: анализ современного общества. М., 2005. С. 326.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Lewis J.D., Weigert A.* Trust as a Social Reality // *Social Forces*. 1985. № 63. P. 971.
- ⁶ *Baier A.* Trust and Antitrust // *Ethics*. 1986. № 96. P. 234–235, 240.
- ⁷ *Barney J.B., Hansen M.H.* Trustworthiness as a Source of Competitive Advantage // *Strategic Management Journal*. 1994. № 15 (Winter Special Issue). P. 177.
- ⁸ *Bradach J.L., Eccles R.G.* Markets versus Hierarchies: From Ideal Types of Plural Forms // *Annual Review of Sociology*. 1989. № 15. P. 104.
- ⁹ *Gambetta D.* Can We trust Trust? // *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. N. Y.: Basil Blackwell, 1988. P. 217.
- ¹⁰ *Hosmer L.T.* Trust: The Connecting Link Between Organizational Theory and Philosophical Ethics // *Academy of Management Review*. 1995. № 20. P. 399.
- ¹¹ *Uslaner E.M.* The Moral Foundations of Trust. N. Y.: Cambridge univ. press, 2002. P. 2.
- ¹² *Фукуяма Ф.* Указ. соч. С. 22.
- ¹³ *Zucker L.G.* Production of Trust: Institutional Sources of Economic Structure, 1840–1920 // *Research in Organizational Behavior*. 1986. № 8. P. 54.

Г.Ю. Новикова

- ¹⁴ *Arrow K.* Gifts and Exchanges // *Philosophy and Public Affairs*. 1972. № 1. P. 343–362; *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120; *Ostrom E.* *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1990; *Putnam R.* *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton univ. press, 1993; *Idem.* Tuning in, Tuning out: the Strange Disappearance of Social Capital in America // *PS: Political Science and Politics*. 1995. Vol. 28 (4). P. 664–683 и др.
- ¹⁵ *Proceedings of the British Academy: 123. Trust and democratic transition in post-Communist Europe* / Ed. by Ivana Markova. N. Y., 2006. P. 1.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 2.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 1–21.
- ¹⁸ *Скрипкина Т.Н.* Психология доверия: Учеб. пособие для вузов. М.: Академия, 2000. С. 56.
- ¹⁹ *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: В 86 т. СПб., 1993–1998. Т. 11. СПб., 1997. С. 5.
- ²⁰ *Российская социологическая энциклопедия* / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Норма-Инфра, 1998. С. 60.
- ²¹ *Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 380.*
- ²² *Суг. Hieros. Catech.* 5. 3.
- ²³ *Православная энциклопедия: В 25 т. / Под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. Т. 7. М., 2004. С. 669.*
- ²⁴ *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // *Социология религии: классические подходы: Хрестоматия*. М., 1994. С. 35–69.
- ²⁵ *Скрипкина Т.Н.* Указ. соч. С. 74.

М.А. Новиков

ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
А. ШЮЦА

Цель статьи – попытка кодификации ключевых понятий феноменологической социологии. К таковым мы относим действие, мотив и запас наличного знания. Автор настаивает на необходимости дальнейшей концептуальной разработки теоретического потенциала феноменологической социологии.

Ключевые слова: понятие, поведение, действие, мотив, запас наличного знания.

Язык есть ключевое орудие мысли. «И всякое несовершенство орудия или способа его употребления здесь – может быть, более, чем где либо, – путает и мешает делу и уничтожает всякое доверие к его результатам»¹. Любое научное рассуждение совершается посредством слов, «а потому тот, кто не освоился вполне со значением и употреблением слов, будет, вероятно и даже почти несомненно, рассуждать и умозаключать неправильно»². Следовательно, понятия должны отличаться от слов естественного языка неизменной определенностью, надежностью и общезначимостью своего словесного обозначения. Любой термин обладает двумя ключевыми характеристиками: значением, или экстенсионалом, под которым понимается предмет, знаком которого выступает термин, и смыслом, или интенсионалом, под которым понимается некая информация о репрезентируемом предмете. Когда мы оперируем терминами в процессе научного рассуждения, нам уже недостаточно стихийно складывающейся языковой интуиции плана повседневного общения, нам недостаточно того факта, что со словами связываются некие представления, как правило, смутные и

неотчетливые, посредством которых в повседневной коммуникации слова соотносятся с их значениями. Именно здесь заключен источник двусмысленности, которая зачастую является препятствием на пути строгого мышления. Нам необходимо зафиксировать терминологию и тем самым добиться интересубъективного понимания в научном дискурсе, нам нужно, чтобы в процессе научного рассуждения с одним и тем же термином связывали всегда одно и то же значение. Для этого и необходим понятийный аппарат.

В настоящей статье автором предпринята попытка кодификации ключевых понятий феноменологической социологии. К такому принято относить действие, мотив и запас наличного знания.

А. Шюц называет поведением (conduct) субъективно значимые переживания нашей спонтанной жизни. «Термин “поведение” в том смысле, в каком мы его здесь применяем, обозначает все виды субъективно значимых переживаний спонтанности, будь то переживаний внутренней жизни или переживаний, встроенных во внешний мир»³. Определив поведение, он дает следующую дефиницию понятия «действие»: «Действие (action) есть поведение, основанное на заранее составленном проекте». Здесь Шюц сразу проводит различие между действием как разворачивающимся, длящимся процессом и актом (actum) как уже совершенным действием, как результатом, воплощением в действительность проектируемого положения дел.

Саму идею некоего предвосхищения и проектирования Шюц заимствует у Гуссерля, который в параграфе 63 «Формальной и трансцендентальной логики» (Formale und Transzendente Logik) утверждает, что предвосхищение внутренне присуще любой деятельности: «При всяком действии имеют место цели действия, которые по отношению к порождаемым новым суждениям осознаются заранее в модусе пустой содержательно еще неопределенной и всякий раз еще не исполненной антиципации, как то, к чему мы стремимся и что должно быть приведено к действительной самоданности»⁴.

Иными словами, действие понимается как разворачивающийся процесс, как поведение, основанное на заранее разработанном проекте. Акт тогда определяется как результат этого разворачивающегося процесса, как свершившееся, воплощенное действие. Очевидно, что именно акт как завершенное действие, как его результат является искомой точкой процесса проектирования. Процесс проектирования есть предвосхищение в фантазии будущего положения дел, т. е. акта, поскольку акт и есть будущее положение дел как результат воплотившегося действия.

Итак, согласно логике А. Шюца, проект – это некое предвосхищенное положение дел, которое действующий намерен воплотить в

действительность. Шюц полагает, что действующий должен представить себе в фантазии (пусть смутно и неотчетливо) положение дел, на достижение которого и будет направлено его действие, прежде чем воплощать его в действительность. «Чтобы спроектировать мое будущее действие в его развертывании, я должен перенести себя в фантазии в будущее время, когда действие будет уже совершено, когда результирующий поступок будет уже материализован... Таким образом, в проекте, согласно нашей терминологии, предвосхищается не будущее действие, а будущий акт, и предвосхищается он в будущем совершенном времени, *modo futuri exacti*»⁵. Таким образом, сам процесс проектирования есть «репетиция будущего состояния дел в фантазии»⁶.

Здесь необходимо отметить, что проектирование отличается от чистого фантазирования прежде всего соотносительностью с запасом наличного знания. Если я проектирую будущее положение дел, в котором я супермен и спасаю Землю от грядущего апокалипсиса, то это, безусловно, не является проектированием. Это чистое фантазирование, поскольку только в нем я не стеснен рамками жизненного мира. «Ради собственного удовольствия я могу представить в фантазии, что будут реализованы все условия, от которых зависит достижение моей сфантазированной цели сфантазированными средствами в сфантазированной ситуации, либо какие-то из этих условий, либо никакие. В таком чистом фантазировании мои возможные шансы полностью определяются моим желанием»⁷. Шюц называет это мышлением в оптативном⁸ модусе.

В этой связи Шюц предлагает различать два типа действия: фантазм и исполнение, – в зависимости от намерения воплотить проектируемое положение дел в действительность. В случае его отсутствия мы имеем первый тип – фантазм; в случае наличия – второй тип, исполнение. Согласно данному определению любое так называемое внешнее действие, действие, встраивающееся во внешний мир, оказывается исполнением.

Проектирование исполнений не является чистой фантазией, поскольку с необходимостью опирается на условия практической осуществимости. Подобное проектирование представляет собой проектирование, разворачивающееся в некоторых рамках, навязанных реальностью мира повседневной жизни, в котором и предполагается исполнение этого проектирования. Шюц называет это мышлением в потенциальном модусе. Эта потенциальность предполагает, что я учитываю средства, которые находятся в моей реальной или потенциальной досягаемости, и в соответствии с запасом наличного знания полагаю, что проектируемое действие является осуществимым, по крайней мере как тип.

Шюц полагает, что выделенная и проанализированная им временная перспектива проектирования действия может прояснить отношения между проектом и мотивом. Вебер определяет мотив как «смысловую связь, которую сам действующий или наблюдатель считает осмысленным “основанием” поведения»⁹. Собственно говоря, мотив является простейшим смысловым комплексом, в терминах которого действующим интерпретируется действие. Однако сам термин у Вебера обнаруживает следующую двусмысленность: «Термином “мотив” Вебер обозначает... с одной стороны, “для того, чтобы” действия, т. е. ориентацию деятельности на некоторое будущее событие, и, с другой стороны, “потому что” деятельности, т. е. отсылку деятельности к прошедшему переживанию, никак не оправдывая этой двойственности употребления»¹⁰.

А. Шюц полагает, что данный термин соотносится с двумя различными понятиями, которые необходимо строго различать: мотив «для-того-чтобы» (in-order-to motive) и мотив «потому что» (because motive). Рассмотрим первое из них. Когда мы утверждаем, что мотивом ограбления было желание грабителя заполучить денежные средства, мы фактически понимаем под мотивом некое будущее положение дел, некую цель, которую намерен достичь действующий. В данном случае эта цель – ликвидация недостатка денежных средств. Шюц полагает, что здесь мы говорим о мотиве «для-того-чтобы» как о предварительно спроектированном в фантазии будущем положении дел, ради достижения которого и предпринимается действие.

Но мы также можем сказать, что действующий совершил ограбление, поскольку вырос в неполной семье, в поселке городского типа, бросил школу и т. д. В данном случае мы говорим о мотивах «потому-что» как о причине, побуждающей его совершить данное действие и фундированной прошлым опытом действующего. Иными словами, исследуя мотив «потому-что», мы обнаруживаем некую предрасположенность действующего лица к проектированию своего действия так, а не иначе. Мотив «для-того-чтобы» объясняет протекание действия, исходя из его проекта, тогда как мотив «потому-что» объясняет конституирование самого мотива «для-того-чтобы», исходя из предшествующих переживаний действующего. Таким образом, уже здесь отчетливо видно различие между двумя классами мотивов. «Смысловые комплексы, которые конституируют, соответственно, мотив “для-того-чтобы” и мотив “потому-что”, отличаются друг от друга тем, что первый является неотъемлемой частью самого действия, тогда как второй требует особого акта рефлексии в давнопрошедшем времени, который будет осуществляться действующим только тогда, когда у него будут для этого достаточные прагматические основания»¹¹.

Итак, Шюц полагает, что при анализе социальной реальности необходимо разводить эти два различных вида мотивов. Основатель феноменологической социологии считает, что действующему в процессе действия доступны лишь мотивы «для-того-чтобы». Таким образом, действующий, погруженный в стихию действия, руководствуется мотивами «для-того-чтобы» как проектами будущего положения дел. В этом смысле для действующего, актуально живущего в своем действии, мотив «для-того-чтобы», интенция осуществить проектируемое положение дел, и будет значением действия. Мотивы «потому-что» действующий может схватить только ретроспективно, мысленно анализируя акт и проект, предвосхитивший его.

Проанализируем следующий пример. Допустим, на улице начался дождь и Другой раскрывает свой зонт. Очевидно, действующее лицо, если бы мы спросили его о мотивации данного действия, ответило бы нам примерно следующее: «Так как пошел дождь, я открыл свой зонт». Попробуем разделить в структуре данного высказывания два класса мотивов, упомянутых нами выше. Мотив «для-того-чтобы» может быть выражен следующим высказыванием: «Для того чтобы не промокнуть, я открыл зонт». Здесь Шюц замечает, что проекту действующего лица предпослано некоторое соображение, которое может быть выражено следующим образом: «Промокание под дождем вызывает определенные неудобства». Это соображение как бы преддано самому проектированию. Проект или предвосхищенное в фантазии положение дел в данном случае – «действующий стоит под дождем, раскрыв зонт». Само действие находится в смысловой связи с проектом, с замыслом, ориентировано «на предшествующий ей замысел, который, в свою очередь, полагает действие как завершившееся *modo futuri exacti*»¹². Итак, смысл самого действия проявляется в обращении к его проекту.

Мотив «потому-что» в нашем случае может быть сформулирован следующим образом: «Я вижу, что идет дождь». В этом случае мотивирующим оказывается предшествующее проекту переживание, а мотивированным сам конституирующий действие проект. Здесь необходимо отметить, что само восприятие дождя никак не мотивирует процесс проектирования раскрытия зонта и последующую реализацию его в акте. Например, если я сижу у себя дома, в квартире, и вижу, что за окном идет дождь, процесс конституирования подобного замысла не разворачивается. Но само восприятие как бы отсылает меня к контексту моего «осажденного» опыта, к моему запасу наличного знания, который среди прочих содержит суждение: «Идет дождь, если я попаду под дождь без некой “защиты” (зонт, плащ и т. д.), то я промокну и т. д.». «Мотивирующее переживание является по отношению к мотивированному более давним прошлым, и пото-

му мы можем обозначить взгляд, обращенный назад, к этому более давнему переживанию, как мышление *modo plusquamperfecti*¹³ <...> Смысловой контекст, в котором подлинный мотив “потому что” моей деятельности соотносится с моей деятельностью, конституируется лишь в ретроспекции, в обращенном назад взгляде, который охватывает завершившуюся мотивированную деятельность и одновременно сбывшееся *modo plusquamperfecti*, мотивирующее переживание»¹⁴. Исполнения, требующие телесных движений, Шюц обозначает термином «работа» (*working*). Таким образом, работа – это такое действие во внешнем мире, которое базируется на проекте и характеризуется намерением осуществить спроектированное положение дел с помощью телесных движений. Шюц полагает, что работа играет самую важную роль из всех прочих форм поведения в процессе конституирования мира повседневной жизни.

Шюц показывает, что в мире повседневной жизни действующий руководствуется здравым смыслом. В предшествующей традиции мы не обнаруживаем собственно социологического понимания того, что же такое этот здравый смысл. Здесь Шюц делает радикальный шаг, утверждая, что здравый смысл актора есть запас наличного знания («*knowledge at hand*»), который есть совокупность предшествующего опыта, фундирующего интерпретации и функционирующего как схема референции. Именно обращение к этому неэксплицированному запасу наличного знания и позволяет актору действовать и ориентироваться в мире повседневной жизни.

Мир повседневной жизни – это «мир, в котором каждый из нас вершит свои жизненные дела»¹⁵. Человек, пребывающий в жизненном мире, в каждый момент времени обладает тем или иным запасом наличного знания, который выступает его референциальной схемой. Иными словами, запас наличного знания есть схема интерпретации индивидом его собственных переживаний. Запас наличного знания конституируется прежней жизненной активностью индивида. Выражаясь языком Гуссерля, он является результатом «осаждения» значений.

А. Шюц остроумно и верно подмечает, что весь жизненный мир не понимается полностью ни мной, ни кем бы то ни было из моих собратьев. Мы понятия не имеем, как работают наши технические гаджеты, как устроена сеть сотовой связи, как работают сети передачи данных и пр. «Тот факт, что мы не понимаем, почему и как они работают, и ничего не знаем об их происхождении, несколько не препятствует нашему невозмутимому обращению с ситуациями, вещами и людьми»¹⁶. Это не мешает нам звонить по сотовому телефону в любую точку планеты, скачивать и размещать видеоролики на YouTube, пользоваться своей электронной библиотекой через iPad с помощью приложения iBooks и т. д.

Шюц утверждает, что запас наличного знания является «осадком предыдущей деятельности нашего разума, руководствующегося системой преобладающих оперативных релевантностей различных типов. Эта деятельность приводит к накоплению привычного знания, являющегося пассивным, нейтральным, но готовым к актуализации в любой момент»¹⁷. В этом смысле можно сказать, что запас наличного знания историчен, то есть имеет историю, которую Шюц рассматривает как седиментацию прошлого опыта.

В своей повседневной жизни человек имеет это знание «всегда под рукой». Оно налично. Фактически этот запас наличного знания содержит в себе разнообразные типы знания, пребывающие в крайне рассогласованном и спутанном состоянии. В нем обнаруживаются смутные догадки, предположения, заблуждения, предрассудки и т. д. Нет и следа согласованности и непротиворечивости, тогда как несостыковок, пробелов и прочего хватает с лихвой. Тем не менее этот запас наличного знания оказывается вполне достаточным для того, чтобы действовать, справляться с миром повседневной жизни. Шюц справедливо замечает, что превалирующий интерес, который мы испытываем к миру, – это практический интерес, поскольку, как правило, нам приходится действовать, а не рассуждать. «Нам довольно того, что у нас есть весомые шансы достичь своих целей, а эти шансы, как нам нравится думать, мы имеем тогда, когда приводим в действие тот механизм привычек, правил и принципов, который уже был ранее опробован и до сих пор выдерживал проверку»¹⁸.

В большинстве случаев мы довольствуемся неясным и неотчетливым знанием, знанием того, что определенные средства и процедуры приводят к тем или иным результатам. Мы довольствуемся знанием рецептов, предписывающих нам, как в типичных обстоятельствах типичными средствами достигать типичных целей. Таким образом, запас наличного знания содержит, прежде всего, привычные способы практического мышления и действия, привычные паттерны поведения. «Запас наличного знания включает, следовательно, набор практических рецептов для достижения типичных целей типичными средствами – рецептов, которые “выдержали проверку” и, следовательно, рассматриваются как неоспоримая данность»¹⁹.

Рецепт – это процедура, которой мы доверяем даже в отсутствие ясного и отчетливого понимания. Фактически это своего рода ритуалы, которые позволяют нам достигать желаемых результатов, не задаваясь вопросами о том, почему следует предпринять именно такие процедурные шаги в предписанной последовательности, нет ли более эффективного, быстрого или экономичного способа организации процедуры. При всей смутности это рецептурное знание является достаточным для достижения тех или иных целей.

«Большинство наших повседневных форм деятельности с момента пробуждения до отхода ко сну имеет именно такой характер. Они осуществляются благодаря следованию рецептам, сведенным к автоматическим привычкам или само собой разумеющимся банальностям»²⁰. В этом смысле для нас значимы исключительно правдоподобные регулярности или единообразия в жизненном мире. Они фундируют саму возможность рецептурного знания, при этом для нас безразлична природа подобных регулярностей. Шюц утверждает, что и сам индивид лишь частично и избирательно заинтересован в ясности, отчетливости и связности своего знания: «Он довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, и, как правило, не задается вопросом о том, как (в мельчайших деталях) работает телефонный аппарат и какие законы физики делают возможным его функционирование... То, что завтра подземка будет работать как обычно, принадлежит для него едва ли не к тому же порядку вероятностей, как и то, что завтра взойдет солнце»²¹. Если в силу некоторого особого интереса индивид нуждается в ясном и отчетливом понимании какого-либо предмета, в его распоряжении есть целая сеть электронных библиотек и справочных ресурсов, которая дает ему возможность обращения к запасу знания человечества (безусловно, возможность подобного доступа варьирует в зависимости от социальных факторов). Очевидно, что и этот запас знания не является строго каталогизированным, интегрированным и непротиворечивым. Скорее его можно представить как более или менее связный ряд систем знания, между которыми нередко зияют пропасти.

Нам представляется, что разработка теоретических ресурсов феноменологической социологии должна быть продолжена, ее ключевые понятия должны быть четко определены, должны образовывать единое понятийное пространство. Только в случае дальнейшей концептуальной разработки станет возможной реализация теоретического потенциала феноменологической социологии в эмпирических исследованиях мира повседневной жизни. На наш взгляд, в российской исследовательской практике ее теоретический ресурс остается в значительной степени неиспользованным.

Примечания

---

¹ *Милль Дж. Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. с англ. под ред. приват-доцента Императорского Казанского университета В.Н. Ивановского. Второе, вновь обработанное издание. Издание Г.А. Лемана. М., 1914. С. 15.

- ² Там же.
- ³ *Шюц А.* О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. и англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 405.
- ⁴ «Wie bei allem Handeln sind die Handlungsziele, die zu erzeugenden neuen Urteile im voraus in Modis einer leeren, in haltlich noch unbestimmten und jedenfalls noch unerfüllten Antizipation uns bewußt, als das, worauf wir hinstreben und was zur verwirklichenden Selbstgegebenheit zu bringen». (*Husserl E.* Formale und Transzendente Logik. Versuch einer Kritik der Logischen Vernunft. Halle: Max Niemeyer Verlag, 1929. S. 149–150).
- ⁵ *Шюц А.* Выбор между проектами действий // Шюц А. Избранное. С. 118.
- ⁶ *Шюц А.* Значение Э. Гуссерля для социальных наук // Там же. С. 156.
- ⁷ *Шюц А.* Выбор между проектами действий. С. 122.
- ⁸ От лат. optativus – желательный.
- ⁹ *Вебер М.* Основные социологические понятия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 95.
- ¹⁰ *Шюц А.* Смысловое строение социального мира // Шюц А. Избранное. С. 788.
- ¹¹ *Шюц А.* Социальный мир и теория социального действия // Там же. С. 106.
- ¹² *Шюц А.* Смысловое строение социального мира. С. 795.
- ¹³ В модусе давно прошедшего времени.
- ¹⁴ *Шюц А.* Смысловое строение социального мира. С. 797–798.
- ¹⁵ *Шюц А.* Тиресий, или Наше знание будущих событий // Шюц А. Избранное. С. 671.
- ¹⁶ *Шюц А.* Хорошо информированный гражданин // Там же. С. 557.
- ¹⁷ *Шюц А.* Размышления о природе релевантности // Там же. С. 288.
- ¹⁸ *Шюц А.* Проблема рациональности в социальном мире // Там же. С. 79.
- ¹⁹ *Шюц А.* Размышления о природе релевантности. С. 294.
- ²⁰ *Шюц А.* Проблема рациональности в социальном мире. С. 80.
- ²¹ *Шюц А.* Чужак // Шюц А. Избранное. С. 536.

В.В. Чернов

«ВЕЛИКИЙ ПУТЬ» РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ «НОВОГО ОСВОЕНИЯ»
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье рассматриваются исторические и географические условия, а также генезис формирования русской цивилизации на востоке России. Обосновывается необходимость разработки и реализации стратегии «нового освоения» Сибири в современных условиях с учетом исторических, социальных и географических факторов.

Ключевые слова: русская цивилизация, стратегия «нового освоения», Сибирь и Дальний Восток, восточная стратегия России, консолидация.

Процесс глобализации современного мира ставит перед Россией и ее обществом довольно непростую задачу выработки стратегии прорыва, модернизации, а затем и поступательного развития страны. Подобная стратегия позволила бы нашей стране занять достойное место в ряду наиболее влиятельных мировых держав. Разработка и эффективная реализация такой стратегии будет гарантировать сохранение для России суверенитета и территориальной целостности, позволит в достаточно короткие сроки создать условия для максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей населения России.

Разработка и создание целостной стратегии прорыва и поступательного развития возможна только на основе критического осмысления предшествующих этапов истории страны и современных глобальных вызовов. В то же время разработка и реализация стратегии комплексного развития России невозможна без решения вопроса «нового освоения» территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока. Сегодня часто и много говорят о нынешней и будущей стратегии Российской Федерации, о более энергичном,

чем прежде, «восточном развороте», но в практическом плане мало что делается.

Геополитическое, географические, социальные и экономические особенности восточных регионов страны позволяют говорить о том, что данные территории могут стать основой модернизационного прорыва и социально-экономического развития нашей страны, внутренней социально-политической консолидации народов России, а также цементирующим ядром экономической интеграции России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Для этого нам уже сегодня необходима научно-обоснованная разработка стратегии развития восточных регионов страны.

Актуальность разработки стратегии комплексного освоения и развития восточной России обусловлена наличием и сохранением дезинтеграционных процессов на этих территориях. Сибирь и Дальний Восток слабо привязаны к общероссийскому экономическому, информационному, транспортному пространству.

В то же время Сибирь занимает исключительно важное положение в экономике России. На ее долю приходится 70% территории страны и 16,3% населения. Регион выделяется уникальным по объему и качеству потенциалом природных ресурсов. В его недрах сосредоточено 62,2% валовой ценности балансовых запасов полезных ископаемых страны, в том числе 71% нефти, 78% природного газа, 69% угля, 87% свинца, около 70% меди, цинка и никеля. Сибирь богата водными и гидроэнергетическими ресурсами, запасами лесопромышленного сырья. Благодаря широкомасштабному освоению природно-ресурсного потенциала за последние четыре десятилетия Сибирь стала главной энергетической и сырьевой базой страны, фундаментом финансовой устойчивости государства – в бюджете страны налоговые поступления от нефтегазового сектора составляют около 47% всех поступлений. В Сибири производится свыше 47% сырьевой продукции страны, в том числе 73% добычи основных видов топлива, более 29% заготовки деловой древесины. Благодаря выдающемуся положению в российской электроэнергетике (около 30%) регион поставляет крупные объемы энергоемкой продукции: 80,6% алюминия, свыше 50% никеля и меди, 23% пластмасс и синтетических смол, 41% химических волокон и нитей. За счет экспорта минерально-сырьевых ресурсов и продукции их переработки Сибирь обеспечивает почти 67% валютных поступлений страны. Ее значение усиливается мощным военно-промышленным потенциалом, особым географическим положением, в силу которого регион является не только интегрирующим звеном между Дальневосточным экономическим районом и Европейской частью страны, но и «мостом» между зарубежной Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В связи с вышеизложенным восточная стратегия «нового освоения» Сибири и Дальнего Востока направлена на решение непростой задачи: как России сохранить и удержать под своим суверенитетом территорию, которая составляет 70% всей территории России, содержит около 40% всех полезных ископаемых планеты и располагает при этом всего 16,3% от всего населения России, сокращающегося со скоростью около 1 млн человек в год.

В последнее время некоторыми европейскими и североамериканскими политиками активно обсуждается вопрос о возможном отделении от России Сибири и Дальнего Востока, тем более что там сопротивляться этому процессу скоро будет некому. Запад все чаще предъявляет претензии на Сибирь. Так, на семинаре политологов в Сиэтле в январе 2007 г. «российским представителям – участникам совета директоров международного консалтингового агентства “FarWest.LLC” было предложено подумать о будущем региона, управлять которым Россия, как откровенно заявили участвовавшие в диалоге американские представители (принадлежавшие в основном к кругам, близким к Демократической партии США), вскоре не сможет»¹. Обсуждая судьбы Сибири и Дальнего Востока, американские политологи высказали единое мнение, что Россия в противостоянии с Китаем уже в среднесрочной перспективе не сможет удержать за собой эти территории самостоятельно, и потому ей потребуется помощь Запада. Одновременно было высказано убеждение, что, хотя с юридической точки зрения Сибирь и Дальний Восток – российские владения, с точки зрения «интересов всего человечества» они должны рассматриваться как «планетарные ресурсные кладовые» и иметь статус, схожий с современным статусом Антарктиды².

Подобные утверждения делались и раньше известными политологами и политиками – факт, отмечаемый значительной частью авторов статей о территориальных претензиях к РФ. Так, З. Бжезинский утверждал, что со временем Сибирь станет общеэвразийским достоянием с масштабным европейским присутствием; М. Олбрайт считала несправедливым принадлежность Сибири одной России. Однако в то время подобные высказывания были «отодвинуты» в неопределенное будущее, рассчитаны на внутреннее потребление, на формирование отношения к внешнему врагу. Теперь, похоже, идеи дележа, если и не дружественной, то отнюдь и не враждебной России, входят в публичную сферу, и им пытаются придать моральное обоснование³.

Чтобы снять возможную критику в адрес идеи освоения территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока в районе 55–60-й параллелей, необходимо обратиться к историческим и географическим фактам формирования русской цивилизации на данных

широтах, т. е. к генезису и развитию русской цивилизации на востоке России.

В русской социологии рассмотреть историю человечества в целом и историю развития отдельных обществ сквозь призму влияния на них географической среды впервые попытался Л.И. Мечников. Смысл подхода Л. Мечникова – в показе этого влияния на социальную жизнь, в которой происходит формирование личности. В своей знаменитой работе «Цивилизация и великие исторические реки», говоря о географических детерминантах и их влиянии на развитие человеческой цивилизации, он пишет: «...Мы тем не менее должны признать значительное влияние географической широты и климата вообще на развитие цивилизации. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на карту годичных изотермических линий. Основываясь на этой карте, мы можем сказать, что самые значительные на земле города и селения сгруппированы между двумя крайними изотермическими линиями: + 16 градусов и + 4 градуса»⁴.

Действительно, если внимательно посмотреть на карту, географически более половины территории РФ находится немногим южнее или даже севернее 60-й параллели северной широты, то есть в географической зоне, которая, в общем и целом считается непригодной для «нормальной» жизни и деятельности людей. Таковы расположенные севернее 58° Аляска, северные территории Канады, Гренландия и т. п. Показательный факт: Аляска занимает ни много ни мало 16% от общей территории США, но ее население составляет только 0,2% населения этой страны. Еще более впечатляет ситуация в Канаде: северные территории страны занимают около 40% всей площади страны, а населяет их всего лишь 0,02% канадцев.

Совершенно иное соотношение сложилось к 1989 г. в России, где на территориях немного южнее и севернее 60° проживало 12% наших соотечественников (18 млн. человек), то есть почти в 60 раз больше, чем на соответствующей территории США и почти в 600 раз – Канады. И вот именно в этом аспекте (а вовсе не по исключительному «обилию» территории) Россия – в самом деле уникальная страна⁵.

Один из главных истоков государственности и цивилизации Руси – город Ладога в устье Волхова (исток, как доказала современная историография, изначальный: Киев стал играть главную роль позже), расположен именно на 60-й параллели северной широты. Здесь важно вспомнить, что западноевропейские «колонизаторы», внедряясь в страны Южной Азии и Центральной Америки (например, в Индию или Мексику), находили там высокоразвитые (хотя и совсем иные, нежели западноевропейская) цивилизации, добрав-

шись же до широты 60° (в той же северной Канаде), заставляли там – даже в XX в. – поистине «первобытный» образ жизни.

Никакие племена планеты, жившие в этих широтах с их климатическими условиями, не смогли создать сколько-нибудь развитую цивилизацию. А между тем Новгород, расположенный ненамного южнее 60°, уже к середине XI в. являл собой средоточие достаточно высокой цивилизации и культуры. Могут возразить, что в то же время находящиеся на той же северной широте южные части Норвегии и Швеции были цивилизованными. Однако благодаря мощному теплому морскому течению, омывающему эти страны, а также общему характеру климата Скандинавии и, кстати сказать, Великобритании (океаническому, а не континентальному, присущему России), зимние температуры в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15–20° выше, чем в других находящихся на той же широте землях, и снежный покров, если изредка и бывает, то не более месяца, между тем как на той же широте в районе Ладоги–Новгорода снег лежит 4,5–5 месяцев.

Словом, сложившаяся тысячелетие назад вблизи 60-й параллели северной широты и в зоне континентального климата государственность и цивилизация Руси – в самом деле явление уникальное. Если ставить вопрос «теоретически», то никакой государственности там и вообще не должно было быть, ибо ничего подобного не было ни на одной другой аналогичной территории планеты. Между тем, рассуждая о России, уникальные условия, в которых она сложилась и развивалась, принимают во внимание крайне редко, особенно, если речь заходит о тех или иных «преимуществах» стран Запада сравнительно с Россией.

А ведь дело не только в том, что Россия создавала свою цивилизацию и культуру в условиях климата 60-й параллели (к тому же континентального), то есть не так уж далеко от Северного полярного круга.

Не менее важен и тот факт, что множество важнейших городов России (Смоленск, Москва, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Уфа, Челябинск, Омск, Новосибирск, Красноярск) расположены примерно на 55-й параллели, а в Западной Европе севернее этой параллели находится, помимо скандинавских стран, одна только Шотландия, да и то «утепляемая» Гольфстримом⁶.

Роль географического фактора в развитии и становлении человеческих цивилизаций является социально значимой. Вот что писал по этому поводу отечественный социолог Л. Мечников в своем известном труде: «В жарком поясе, несмотря на его роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной цивилизации, которая занимала бы почетную страницу в летописях человечества.

Здесь причина этого кроется в самом факте, так сказать, излишнего развития органической жизни во всех ее формах, это изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны все необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности. Великие исторические цивилизации, по крайней мере, на материках Старого Света сосредоточены исключительно в умеренном поясе»⁷.

Что же касается США, вся территория страны (кроме почти безлюдной Аляски) расположена южнее 50°, между тем как даже южный центр Руси, Киев, находится севернее этого градуса. Таким образом, холодный климат и продолжительная зима не являются теми основными сдерживающими факторами в развитии восточных регионов, какими их пытаются представить – в том числе и наши российские эксперты, экономисты и политики. Необходимо отметить, кстати, что в исследованиях Переселенческого комитета, который работал в России до 1917 г., холод не рассматривался как главная проблема для переселенцев из европейской России. Более важными проблемами считались транспорт, образование, медицина, актуальными эти проблемы остаются и сегодня. В нынешней Российской Федерации территории южнее 50-й параллели составляют 589,2 тыс. кв. км, то есть всего лишь 3,4% от ее общего пространства (эти южные земли населяли в 1989 г. 20,6 млн человек, 13,9% населения РСФСР, – ненамного больше численности обитателей самых северных областей).

Россия как цивилизация сложилась на пространстве, кардинально отличающемся от того, на котором развивались цивилизации Западной Европы и США, притом речь идет не только о географических, но и геополитических отличиях. Выше изложенные «общедоступные» сведения крайне редко учитываются в рассуждениях о будущем восточных регионов и России в целом. В свете представленных данных не корректно было бы уравнивание нашей страны со странами Европы.

Великий путь русской цивилизации на восток, который был пройден нашими предками всего за полстолетие, является ярким примером для современников и будущих поколений россиян в плане освоения и развития довольно сложных в климатическом и географическом отношении территорий. Мы можем и должны гордиться беспримерным подвигом русских казаков и крестьян, которых не страшили холода и огромные расстояния, чего не скажешь о нас, потомках первых переселенцев.

Очень точно охарактеризовал распространение русской цивилизации на географическом пространстве России, в том числе в Сибири, русский социолог Николай Яковлевич Данилевский, он писал: «Русский народ не выселяет из среды своей, как пчелиные улья, роев, образующих центры новых политических обществ, подобно грекам – в древние или англичанам – в более близкие к нам времена. Россия не имеет того, что называется владениями, как Рим и опять-таки Англия <...> По этой же причине Россия никогда не имела колоний, ей удававшихся, и весьма ошибочно считать таковой Сибирь...». И там же: «При расселениях русского народа мы не видим ничего подобного. Куда бы ни заходили русские люди, хотя бы временные и местные обстоятельства давали им возможность или даже принуждали их принять самобытную политическую организацию, как, например, в казацких обществах, – центром их народной жизни все-таки остается старая Русь-Москва...<...> Они спешат вступить в непосредственную связь с Русским государством»⁸.

Сегодня появилось немало критиков, которые пытаются всячески принизить роль цивилизационного освоения Сибири русским народом и народами России. Американские ученые Ф. Хилл и К. Гэдди из института Брукинса в изданной ими работе под названием «Сибирское бремя» договорились до того, что «в России Сибирь предоставила большой простор для ошибок», что «там, в Сибири ... советская власть стала создавать города-гиганты с численностью жителей свыше миллиона человек»⁹, то есть, по их мнению, не нужно было осваивать Сибирь, строить города и поселки. Далее еще интереснее, вышеназванные авторы пишут о том, что «России необходимо “сжаться” ... в смысле рационального уменьшения экономико-географических пределов», что «большой размер территории – серьезная помеха для развития», что «россияне сегодня нуждаются в перемещении в более теплые, более благоприятные регионы»¹⁰.

Исходя из сказанного, нам фактически предлагают отказаться от достижений социокультурного и экономического характера русской цивилизации на востоке страны, а в конечном счете, и от восточных регионов.

Получается, что наши сибирские первопроходцы и нынешние сибиряки не рассматривали и не рассматривают холод и большой размер территории как проблему, а вот американские старшие научные сотрудники возвели эти объективные географические и климатические условия в ранг проблемы. Их озабоченность для нас понятна, жаль только, что некоторые российские руководители, экономисты и политологи вторят своим американским коллегам.

Таким образом, рядом западных и отечественных экономистов, политологов, социологов отрицается та положительная роль, которую сыграла русская цивилизация в освоении Сибири и Дальнего Востока, или вообще отрицается существование русской цивилизации как таковой применительно к восточным территориям России. И как же здесь опять не вспомнить нашего русского социолога, философа Н.Я. Данилевского, который писал в своей известной работе: «Несомненно, что общечеловеческая цивилизация, – если только европейская есть действительно единственно возможная цивилизация для всего человечества, – неизмеримо бы выиграла, если бы вместо славянского царства и славянского народа, занимающего теперь Россию, было тут (четыре или три века тому назад) пустопорожнее пространство, по которому изредка бы бродили кое-какие дикари, как в Соединенных Штатах или в Канаде при открытии их европейцами»¹¹.

Заслугой Н.Я. Данилевского стало то, что он на основе глубокой проработки историко-социологического материала предложил концепцию культурно-исторических типов, отвергнув, таким образом, понятие некой общей цивилизации. Такой цивилизации нет, говорил Н.Я. Данилевский, существуют только частные цивилизации, существует развитие отдельных культурно-исторических цивилизационных типов. «Если бы где-либо и когда-либо существовала общечеловеческая цивилизация, то, очевидно, должно было бы желать в ее интересах, чтоб этот способ распространения был повсеместно употреблен, то есть чтобы других народов, кроме выработавших эту общечеловеческую цивилизацию, вовсе не было»¹².

По Н.Я. Данилевскому, каждая цивилизация представляет собой замкнутую духовную общность, существующую в собственной шкале координат. Попытка одной цивилизации навязать другой собственную систему духовных ценностей ведет к катастрофе и разрушению последней.

В завершение статьи хотелось бы обратить внимание читателя на возможный сценарий развития Сибири и Дальнего Востока, исходя из тех социально-экономических и политических реалий, которые там существуют. В современной России ряд сибирских регионов в экономическом плане настолько самодостаточны, что это потенциально открывает для них возможность отделения от государства Россия. Один из авторов пишет: «Регионы России не видят особой необходимости сообщаться между собой или с другими странами через посредничество центра. Например, возникают такие образования как “Сибирское соглашение”. В результате специфика геополитического положения Западной Сибири может определяться рядом таких географических факторов, как богатство

В.В. Чернов

сырья, центральное положение в стране, наличие протяженной дружественной государственной границы, соседство с депрессивными или слабо освоенными экономическими районами. В современных условиях издержки территориальной экспансии превышают ее выгоды. Большая территория может означать и мощь, и непосильное бремя»¹³.

Отсутствие выверенной стратегии социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока, нежелание постоянно помнить, какими усилиями, а порой и ценой самой жизни наших предков была освоена территория от Урала до Тихого океана, может привести к тому, что сбудется самый худший прогноз известного российского социолога, члена-корреспондента РАН Ф. Шереги: «Европейская часть русских может сплотиться в этноцентрическое государство, которое в условиях жесткой борьбы за защиту своего национального рынка вырождается в государство фашистского типа, а сибирские великороссы, ценностные ориентации которых в значительной степени отличаются от ориентаций их европейских соотечественников, образуют собственное русское государство»¹⁴.

Чтобы этого не произошло, необходимо по-новому взглянуть на восточные территории России и всегда помнить слова нашего великого соотечественника М. Ломоносова о том, что «Россия будет прирастать Сибирью и морями студеными». Сегодня восток России – это то место, с которого мог бы начаться новый том летописи российской цивилизации.

Примечания

¹ *Балиев А.* Американские мечты. Станет ли Сибирь протекторатом США? // RPmonitor. Аналитический интернет-журнал. URL: http://www.rpmonitor.ru/detail_php?ID=2431 (дата обращения 10.10.2011).

² Там же.

³ *Яницкий О.Н., Кульпин-Губайдулин Э.С.* Ресурсы и перспективы социально-экологической модернизации: проблема Сибири и Дальнего Востока // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 473–474.

⁴ *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М.: Пангея, 1995. С. 164.

⁵ *Романов И.А., Забаев И.В., Чернов В.В.* Геополитика России. Стратегия восточных территорий. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 122.

⁶ *Кожин В.В.* Победы и беды России. М.: Эксмо, 2006. С. 11–12.

- ⁷ Мечников Л.И. Указ. соч. С. 163.
- ⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 2-е изд. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 583–584.
- ⁹ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / Пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 15.
- ¹⁰ Там же. С. 18.
- ¹¹ Данилевский Н.Я. Указ. соч. С. 80.
- ¹² Там же. С. 122.
- ¹³ Соколов С.Н. Социально-эколого-экономическая ситуация и проблемы природопользования в нефтегазодобывающих районах Сибири // Исследования эколого-географических проблем природопользования для обеспечения территориальной организации и устойчивости развития нефтегазовых регионов России: Теория, методы и практика. Нижневартовск, 2000. С. 18–23.
- ¹⁴ Шереги Ф.Э. Социология политики: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. С. 25.

Н.С. Бабич, В.И. Хоменко

ТИПОЛОГИЯ УРОВНЕЙ ИЗМЕРЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ: ТРАДИЦИОННЫЕ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматривается типология уровней измерения, предложенная С.С. Стивенсом, и аргументы, направленные против нее. Деление шкал на номинальные, порядковые, интервальные и отношений стало доминирующей схемой классификации в социологическом измерении. Но практические и концептуальные проблемы данной схемы приводят к тому, что многие исследователи игнорируют лежащие в основе типологии предположения и предписания относительно допустимых операций. Исходя из критических аргументов и практических проблем, можно сделать вывод о том, что типология Стивенса является лишь методической эвристикой, а не строгим ограничением для анализа социологических данных. Авторы предлагают перспективу для развития альтернативных эвристик, основанных на эквивалентности одинаковых шкал между разными респондентами.

Ключевые слова: социологическое измерение, уровень измерения, тип шкалы, допустимые преобразования, методическая эвристика.

В наиболее общем смысле уровень измерения является характеристикой шкалы, определяющей возможности и ограничения ее анализа и интерпретации. Учитывая многообразие аналитических процедур, можно с уверенностью говорить о том, что потенциально существует весьма большое число признаков, по которым можно было бы упорядочить социологические шкалы с точки зрения их возможностей и ограничений. Соответственно, велико и число возможных типологий уровней измерения. Но на сегодняшний день в методической литературе по социологическому и психологическому измерению явно доминирует (если не сказать, что занимает монопольное положение) лишь один подход¹. Речь идет о широко известной типологии С.С. Стивенса, который разделил все шкалы

© Бабич Н.С., Хоменко В.И., 2012

на номинальные, порядковые, интервальные и шкалы отношений. Ее доминирование неоднозначно воспринимается специалистами по измерению и анализу данных в социальных науках и вызывает целый ряд вопросов практического характера. Каков научный и методологический статус этой типологии? Всегда ли следует к ней прибегать? Можно ли использовать соответствие этой типологии в качестве строгого критерия оценки качества исследовательских выводов? Наконец, в чем может состоять альтернатива подходу Стивенса? В нашей статье будет предпринята попытка дать ответы, или, по крайней мере, найти подступы к ответам на эти вопросы. Для этого потребуются кратко рассмотреть существующую типологию уровней измерения, дать обобщающий обзор критических замечаний к ней, выделить и проанализировать существующие альтернативы.

Типология шкал С.С. Стивенса

Разделение уровней измерения на номинальный, порядковый, интервальный и уровень отношений впервые было произведено в статье 1946 г. в работе «О теории шкал измерения»². За прошедшие годы оно стало настолько известно, что нет особой необходимости в подробном изложении концепции Стивенса. Тем не менее ее общие контуры должны быть намечены, поскольку концепция играет существенную роль в дальнейшем обсуждении.

Измерение в этой концепции понимается как процесс отображения эмпирических отношений в отношения числовые³. Если производится корректное измерение по некоторой шкале, это означает, что существует изоморфизм между свойствами исследуемых явлений реальности и свойствами этой шкалы. Такой, что, осуществляя операции над полученными в результате измерения числами, мы можем установить отношения, существующие между явлениями реальности, но не доступные нам непосредственно. Например, нас интересует, существует ли, и если да, то какого вида, связь между религиозностью и уровнем образования. Для того чтобы правильно обнаружить эту связь, необходимо, во-первых, отобразить религиозность и уровень образования на двух числовых шкалах, а во-вторых, установить, каковы отношения между полученными числами.

Как же можно гарантировать корректность отображения эмпирической системы в числовую и последующего установления связи между числами? Именно эту задачу и решает типология уровней измерения. Каждый из них характеризуется определенными числовыми свойствами шкал, определяющими, какие математические преобразования допустимы, а какие – нет. Причем допустимость математических преобразований основывается на том, соответст-

вуют они или нет эмпирическим операциям, которые могут производиться над результатами измерения. В табл. 1 приводятся (в упрощенном и несколько измененном виде) основные типы шкал, представленные Стивенсом⁴, который полагал, что изображает иерархию научной точности измерений и их насыщенности информацией: «В основном мы используем слабые формы измерений только за неимением лучшего. Когда становятся доступными более сильные формы, мы быстро переходим на них»⁵.

Номинальная шкала (шкала наименований) допускает лишь одну операцию – установление равенства или неравенства. Таким образом, измерение по номинальной шкале тождественно простой классификации объектов, например присваиванию номеров игрокам футбольной команды. Когда в социологических исследованиях числа присваиваются, например, профессии или месту проживания, речь идет только о кодировании различий между учителем и плотником или жителем Москвы и Омской области. Любые числа могут быть заменены на любые другие, но так, что одинаковые числа меняются на одинаковые, и качество кодировки при этом не страдает. Новая шкала будет эквивалентна старой. Поэтому операции сложения и вычитания, умножения и деления для значений номинальной шкалы обычно не имеют смысла.

Таблица 1

Шкалы измерений

Шкала	Основные эмпирические операции	Допустимые статистики	Типичные примеры
Номинальная	Установление равенства	Число случаев, мода, качественная корреляция (например, коэффициент хи-квадрат)	Национальность
Порядковая	Установление отношений «больше–меньше»	Медиана, перцентиль, порядковая корреляция (коэффициенты Спирмена и Кендалла)	Уровень образования (начальное, среднее, среднее специальное, высшее)
Интервалов	Установление равенства или неравенства интервалов	Среднее арифметическое, среднее квадратическое отклонение, количественная корреляция (коэффициент корреляции Пирсона)	Календарные даты
Отношений	Установление равенства или неравенства отношений	Допустимы все статистики	Доход (в рублях)

Шкала порядка основана на операциях установления неравенства и преобладания (больше–меньше). Для нее пригодны любые статистические методы, основанные на монотонных (сохраняющих порядок) преобразованиях. Мы всегда можем сказать, что высшее образование превосходит начальное, но то, что первое из них закодировано, скажем, тройкой, а второе – единицей, никак не означает, что высшее образование в каком-либо смысле больше начального на два или в три раза.

Интервальный уровень измерения допускает все операции, применимые к более низким уровням, но в нем также появляется допустимая операция установления равенства отрезков шкалы, что означает возможность определения единицы измерения. Нулевая точка на интервальной шкале не имеет самостоятельного значения, поэтому мы не можем сказать, что, например, 2000-й год нашей эры в каком-то смысле больше 1000-го в два раза. Однако ясно, что интервал между 200-м и 300-м годами равен интервалу между 1000-м и 2000-м.

Наконец, шкала отношений допускает все арифметические операции, поскольку в ней уже вводится привилегированная точка отсчета – ноль, означающий отсутствие качества. К этому уровню измерения прежде всего принадлежат шкалы, получаемые в результате счета. «Важнейшей из шкал отношений является собственно “числовая” шкала – шкала чисел в эмпирическом смысле этого слова. Этой шкалой мы пользуемся, когда сосчитываем такие предметы, как яйца, монеты или яблоки»⁶.

Критический анализ доминирующего подхода

На первый взгляд типология, предложенная Стивенсом, представляется логичной, четкой и дающей ключ к корректному использованию результатов измерений в статистическом анализе. Однако в этой концепции присутствует ряд проблем, которые позволяют поставить ее статус под сомнение, а то и вовсе объявить вредным заблуждением⁷.

Первая трудность, которая бросается в глаза при чтении как работ Стивенса, так и многих его последователей, – это априорность типологии уровней измерения. Она излагается, скорее, как некоторый набор аксиом, чем как результат скрупулезного вывода. Но при этом вводимые Стивенсом положения выглядят не столько самоочевидными, сколько правдоподобными. А любая правдоподобная гипотеза все же требует доказательств или обоснования, желательно хотя бы как-то связанного с опытом и фактами. Ведь даже за температурной шкалой, по причине своей «очевидности»

ставшей одним из самых распространенных примеров в теории измерений, как напоминает Р. Посон, стоит эмпирически проверенная физическая теория движения молекул⁸. Но никаких социологических, психологических или иных *содержательных* оснований для стивенсовской типологии шкал так и не было приведено. Позднейшие попытки всегда оставались в логико-математических, то есть аксиоматических рамках.

Сама по себе недостаточная обоснованность типологии, конечно, еще не делает ее ложной или бесполезной. Тем не менее отсутствие должного внимания к связям с эмпирией дает о себе знать, как только вдумчивый исследователь пытается применить концепцию Стивенса в реальной жизни.

Возьмем в качестве примера социолога, который использует совершенно обычную рейтинговую шкалу одобрения деятельности различных государственных институтов (где 0 – «полностью не одобряю», 10 – «полностью одобряю»). Получив данные опроса, он желает установить, существует ли зависимость между уровнем одобрения действий президента и парламента, и в качестве руководителя по выбору корректной меры связи обращается к таблице типов шкал Стивенса. К какому уровню социолог должен отнести свою рейтинговую шкалу? Обоснованного ответа на этот вопрос в стивенсовской концепции нет, хотя большинство привыкших к ней исследователей, почти не задумываясь, назовет интервальный (это оптимистичная оценка) или ординальный (это оценка пессимистичная) уровень измерения. Между тем формально рейтинговая шкала, имеющая осмысленный ноль и вполне определенную единицу измерения (равную одной десятой от полного одобрения), имеет все основания претендовать на самый высокий уровень в типологии. Что-то говорит нам, что это необоснованные претензии, но *доказать* их неосновательность мы не можем. В самом деле, откуда может быть известно, что для этой шкалы *не* соблюдается равенство интервалов и отношений? А если это неизвестно, то никаких твердых оснований для ограничения статистических процедур у нас не оказывается.

Отсутствие четких критериев отнесения шкалы к тому или иному типу – одна из самых существенных трудностей в применении стивенсовской типологии. В приведенном примере она выражается в том, что трудно такие критерии отыскать. Но если они и находятся, то довольно часто их применение может вести к противоречивым результатам.

Предположим, что социолог хочет измерить тот же самый уровень одобрения, однако вместо одной рейтинговой шкалы для каждого государственного института дает респондентам набор ди-

хотомических вопросов, предполагающих согласие или несогласие с суждениями⁹. После сбора данных он может подсчитать для каждого респондента количество позитивных суждений, с которыми тот согласился. Поскольку мы можем считать яйца, монеты или яблоки, постольку же это возможно и для такого рода объектов, как «позитивные суждения». Как было сказано выше, это четкий критерий, определяющий шкалу отношений и данный самим Стивенсом. Однако наиболее высокий уровень измерения предполагает правомерность всех операций более низкого уровня. Это само собой означает, что одинаковые числа по шкале отношений должны быть равны, так же как и одинаковые числа по номинальной шкале. Теперь представим двух респондентов, один из которых согласился с одобрительными суждениями «а», «б», «в», а второй – с не менее одобрительными суждениями «г», «д», «е». Они эквивалентны на шкале отношений (в силу того что она получена самым верным путем – подсчетом), но абсолютно различны по номинальной шкале. То есть с этими двумя респондентами *одновременно* разрешается производить и максимум, и минимум операций. Происхождение этого противоречия ясно – оно кроется в двойной классификации. При подсчете суждений они относятся к одному классу, а при рассмотрении их поодиночке – к разным. К сожалению, ясность причин противоречия не позволяет его устранить, так как концепция Стивенса не содержит никаких указаний относительно того, какая из двух классификаций должна использоваться или же как их гармонизировать.

Еще одним весьма распространенным методом социологического шкалирования является ранжирование. Социолог, поставивший своей задачей оценку одобрения деятельности институтов государства, мог бы предложить их список респонденту и дать задание просто проранжировать парламент, армию, президента и все остальные общественные институты, начиная с наиболее одобряемых и заканчивая наименее одобряемыми. Какой уровень измерения получился бы в результате этой тривиальной процедуры? Она явным образом использует только операцию установления порядка. Перед респондентом не стоит задача ни устанавливать точку отсчета, ни определять единицы измерения. Следовательно, полученная ранжировка относится к типу порядковых (ординальных) шкал. Но, как заметил М. Кендэл¹⁰, когда мы говорим, что при упорядочении по некоторому признаку ранг объекта равен 5, это эквивалентно утверждению о том, что четыре объекта оказались впереди. Иными словами, социолог выясняет, что данному объекту предпочли четыре других. Это, несомненно, является операцией *счета*, а значит, ранжировка образует шкалу

отношений, хотя и соответствует убедительным критериям порядковой шкалы.

Как было продемонстрировано, доминирующая в социальных науках типология уровней измерения вызывает существенные трудности при попытках ее применения к *простейшим* и весьма распространенным социологическим шкалам. Между тем в науке встречаются и гораздо более сложные случаи. П. Веллеман и Л. Уилкинсон¹¹ приводят пример не вписывающейся в схему Стивенса двумерной шкалы (табл. 2), в которой по горизонтали указывается наличие или отсутствие одного из четырех признаков, а по вертикали – количество признаков, которые есть в наличии. В таком виде можно было бы представить согласие или несогласие с четырьмя суждениями об одобрении государственных институтов. Здесь речь идет уже не о противоречиях в отнесении к тому или иному уровню измерения, но о невозможности такого отнесения. Поскольку комбинации типов шкал (особенно комбинация шкалы отношений и номинальной) в концепции Стивенса не предусмотрена. Наличие таких комбинаций ломает всю стройную иерархию допустимых операций.

Таблица 2

Двумерная шкала

Направление 1 Направление 2						Сумма	
			1111			4	Больше
		1110		0111		3	
	1100		0110		0011	2	
1000		0100		0010		0001	1
			0000			0	Меньше

С учетом сказанного неудивительно, что социальные науки изобилуют случаями плодотворных нарушений сформулированных Стивенсом правил допустимости статистических процедур. Эти примеры встречаются как среди номинальных, так и среди порядковых шкал. Так, Ф. Лорд показал, что с использованием обычных арифметических операций можно проверять гипотезы о распределении значений номинальных шкал, таких как номера игроков в американском футболе¹². Вообще в случае с дихотомическим номинальным признаком, принимающим значение a и b ($a \neq b$), соотношение «среднее арифметическое значение рассматриваемого

признака ближе к a , чем к b » сохраняется при замене a и b любыми другими числами, то есть при переходе от одной номинальной шкалы к другой¹³. Если дихотомический признак принимает значения 0 и 1, среднее арифметическое будет иметь еще более четкий смысл – доли второго из этих значений в выборке. Аналогично неоднократно было показано, что порядковые шкалы могут использоваться в статистических процедурах, предполагающих вычисления среднего арифметического¹⁴. Причем иногда при переводе интервальных шкал в порядковые точность результатов может повышаться за счет сглаживания выбросов¹⁵.

Достаточно широким распространением «недопустимых» статистических процедур доказывается актуальность и сложность проблем, выявляемых в концепции уровней измерения С.С. Стивенса. Вопреки его нормативным предписаниям даже в физических исследованиях, служащих идеалом точности измерений, не наблюдается тенденций перехода от измерений низкого уровня к измерениям высокого уровня, в частности физики не демонстрируют склонности к отказу от интервальной шкалы Цельсия в пользу шкалы Кельвина, имеющей осмысленную нулевую точку¹⁶. Вместо следования априорным предписаниям исследователи часто предпочитают определять пригодные для обработки данных процедуры, опираясь на содержательные соображения.

Каков же тогда статус обсуждаемой типологии уровней измерения и вытекающей из нее идеи «допустимых процедур»? Очевидно, она не может претендовать на то, чтобы быть жестким критерием корректности статистического анализа. Скорее, эта типология является эвристикой – вспомогательным инструментом мышления, простым правилом, которое оказывается верным в достаточно большом числе случаев, чтобы на него можно было полагаться при *оперативном* принятии решений. Но на истинность и решающее значение концепция уровней измерения Стивенса претендовать не может. Поэтому данная методическая эвристика теряет свою основную ценность тогда, когда аналитические процедуры тщательно продумываются и обосновываются.

Пути развития альтернативных типологий

В истории науки было предпринято несколько попыток найти строгие нормативные предписания, которые бы регулировали развитие знания, пуская его в «правильном направлении» и избавляя от непродуктивных элементов. В качестве примеров можно перечислить как минимум классический позитивизм и неопозитивизм, программы которых по «очищению» науки потерпели явную неуда-

чу. Идея «допустимых операций» относится к тому же классу попыток «защитить» исследователя, оградить его от ложных выводов и лишней траты усилий. И, аналогично программам позитивизма, она терпит неудачу, поскольку оказывается не в состоянии отразить богатство реальных исследовательских ситуаций. Тем не менее нельзя отрицать и пользы правил, направляющих статистический анализ и ограничивающих его наивное применение. При том условии, что эти правила будут рассматриваться как методические эвристики, а не как строгие основания научных выводов. При такой постановке вопроса становится очевидным, что необходимо и возможно разработать множество такого рода эвристик, так как их комбинирование позволит охватить все аналитические ситуации. Там, где одна из эвристик окажется непригодной, можно будет применять другую.

Потенциально наиболее жизнеспособными в конкретной сфере исследований являются схемы оперативного принятия решений, основанные на содержательных соображениях. Так, в социологии уже много лет распространена методическая эвристика, известная как «квотная выборка». Не являющаяся математически обоснованным приемом выборочного метода, она десятилетиями продолжает активно использоваться, поскольку соответствует содержательным задачам многих исследований. Очевидно, и поиск эвристически ценных классификаций шкал следует вести, прежде всего основываясь на специфических потребностях социальных исследований. Рассмотрим одно из возможных направлений разработки такой классификации.

Вернемся к вдумчивому социологу, который желает измерить уровень одобрения институтов государства. Вспомним, что интуиция мешала нам признать рейтинг одобрения от 0 до 10 шкалой отношений, хотя формальные признаки именно этого уровня измерения были в наличии. Предостережение поступало на интуитивном уровне потому, что в типологии шкал Стивенса оказался недостаточно проработан один, чрезвычайно важный с социологической точки зрения момент – эквивалентность измерений разных респондентов. Если один человек, страшно недовольный всем миром, оценивает свою удовлетворенность парламентом на тройку, это может быть гораздо большей похвалой, чем шестерка, полученная от жизнерадостного оптимиста. Но при этом тройка пессимиста и его же единица находятся между собой как минимум в отношениях порядка. По всей видимости, операции над измерениями по одной шкале для разных респондентов в данном случае оказываются гораздо более ограниченными, чем операции над измерениями по разным шкалам для одного и того же респондента. Рейтинговые оценки, даваемые участниками опроса одному объекту, строго говоря, не достигают даже порядково-

го уровня измерения, если сопоставляются между собой. Это серьезная проблема, и можно с уверенностью утверждать, что классификация шкал, основанная на их межсубъектной сопоставимости, будет представлять для социологов некоторую эвристическую ценность в качестве дополнения к типологии уровней измерения Стивенса.

Классификация шкал, частично соответствующая сформулированному запросу, еще в 1944 г. была предложена Р. Кэттеллом в статье «Психологическое измерение: нормативное, ипсативное, интерактивное»¹⁷. Интерактивные шкалы, являющиеся основой всех измерений, в своих значениях не зависят от других шкал и других индивидов. В качестве примера интерактивных шкал можно привести неоднократно упоминавшиеся рейтинговые шкалы. К нормативным измерениям относятся прежде всего шкалы, по которым вычисляются внутригрупповые нормы, такие как стандартизированные тестовые баллы или в социологической традиции – шкалы Гуттмана. В них значения признака для индивида зависят от значений того же признака для других индивидов. Понятие «ипсативная шкала» (от лат. «ipse» – «сам по себе») предполагает, что ее значение зависит от значений других шкал того же индивида. К этому виду относится ранжирование без использования одинаковых рангов, поскольку присвоение высокого места одним объектам влечет присвоение низких мест другим.

К сожалению, классификация Кэттелла не совсем подходит для обозначенных целей, так как процедура, считающаяся в ней базовой – интерактивное измерение, для социологии является существенной проблемой, как это было показано на примере с рейтингами одобрения. Но она может послужить основой для несколько более широкой классификации. В качестве классификационных признаков в ней могли бы служить дихотомические значения наличия или отсутствия *оснований* для обобщения значений разных респондентов на одной шкале. Если какого-либо из этих оснований не окажется, это будет означать переход шкалы на более слабый уровень измерения, на котором рекомендуется более осторожный анализ. При каких основаниях ограничения на обобщение данных по разным респондентам будут отсутствовать? Вообще говоря, всегда, когда есть гарантии того, что шкала, которая к ним применяется, не зависит от респондента. Поэтому первое, что необходимо сделать, – определить четкие критерии эквивалентности одной шкалы для разных респондентов. Фундаментального социологического решения эта задача пока не имеет, но наличие различного рода практических приемов, таких как шкалограммный анализ или модель измерения установки Терстоуна, а также существенного корпуса работ по установлению эквивалентности *разных* шкал позволяет надеяться на успешное решение.

Заключение

В статье было показано, что доминирующая в настоящее время типология уровней измерения С.С. Стивенса содержит довольно много внутренних проблем и противоречий, что не позволяет считать ее надежным критерием, указывающим путь к корректному анализу социологических данных. Скорее ее надо рассматривать как одну из множества возможных полезных эвристик. Соответственно, возникает задача разработки других эвристик, аналогичных типологии уровней измерения и отражающих другие его аспекты. Конечно, она не может быть решена в короткие сроки. Но предложенное направление разработки классификации шкал, дополнительной к уровням измерения по Стивенсу, открывает некоторые перспективы. Какими они окажутся, еще предстоит выяснить, так как новое направление нуждается в существенной детализации, критическом анализе и практической проверке.

Примечания

- ¹ *Velleman P.F., Wilkinson L.* Nominal, ordinal, interval, and ratio typologies are misleading // *The American Statistician*. 1993. Vol. 47. № 1. P. 65–72.
- ² *Stevens S.S.* On the theory of scales of measurement // *Science*. 1946. Vol. 103. № 2684. P. 677–680.
- ³ Подробнее о социологическом смысле этих понятий см., например: *Толстова Ю.Н.* Измерение в социологии. М., 1998. С. 9–15.
- ⁴ *Стивенс С.С.* Математика, измерение и психофизика // *Экспериментальная психология* / Под ред. С.С. Стивенса. М., 1960. Т. 1. С. 52.
- ⁵ *Stevens S.S.* Measurement and man // *Science*. 1958. Vol. 127. № 3295. P. 384.
- ⁶ *Стивенс С.С.* Указ. соч. С. 58.
- ⁷ См., например: *Gaito J.* Measurement scales and statistics: Resurgence of an old misconception // *Psychological Bulletin*. 1980. Vol. 87. № 3. P. 564–567.
- ⁸ *Pawson R.* Empiricist measurement strategies: A critique of the multiple indicator approach to measurement // *Quality & Quantity*. 1980. Vol. 14. № 5. P. 656.
- ⁹ Л. Прытулак обсуждает эту проблему на примере измерения коэффициента интеллекта. См.: *Prytulak L.* Critique of S.S. Stevens' theory of measurement scale classification // *Perceptual and Motor Skills*. 1975. Vol. 41. № 1. P. 6–7.
- ¹⁰ *Кендэл М.* Ранговые корреляции. М., 1975. С. 7.
- ¹¹ *Velleman P.F., Wilkinson L.* Op. cit. P. 69.
- ¹² *Lord F.M.* On the statistical treatment of football numbers // *American Psychologist*. 1953. Vol. 8. № 12. P. 750–751.

- ¹³ *Клузгер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М., 1978. С. 25.
- ¹⁴ *Baker B.O., Hardyck C.D., Petrinovich L.F.* Weak measurements vs. strong statistics: An empirical critique of S.S. Stevens' proscriptions on statistics // *Educational and Psychological Measurement*. 1966. Vol. 26. № 2. P. 291–309; *Borgatta E.F., Bohmstedt G.W.* Level of measurement: Once over again // *Sociological Methods & Research*. 1980. Vol. 9. № 2. P. 147–160.
- ¹⁵ *Weiss D.* The discriminating power of ordinal data // *Journal of Social Behavior & Personality*. 1986. Vol. 1. № 3. P. 381–389.
- ¹⁶ *Prytulak L.* Op. cit. P. 4–5.
- ¹⁷ *Cattell R.B.* Psychological measurement: normative, ipsative, interactive // *Psychological Review*. 1944. Vol. 51. № 5. P. 292–303.

Е.И. Иванова

СОВРЕМЕННЫЙ ТЕКУЩИЙ
СТАТИСТИЧЕСКИЙ УЧЕТ
ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ
ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА

В статье рассматриваются изменения программ текущего учета демографических событий в России (браков, разводов, рождений, смертей) за последние 15 лет. Автор показывает, что содержание записей актов гражданского состояния с 1997 г. ограничивает возможности социально-демографического анализа, поэтому автор дает рекомендации по улучшению учета демографических событий.

Ключевые слова: демографические события, текущий учет, записи актов гражданского состояния.

Великие российские мыслители, на трудах которых воспитывалось не одно поколение ученых, придавали большое значение качеству информации о населении. Л.Н. Толстой, оценивая значение источников сведений о населении, писал, что они дают «зеркало, в которое, хочешь или не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас», и они необходимы, «чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов учредить лучше жизнь людей»¹. Чем подробнее демографические сведения, тем достовернее анализ закономерностей социально-демографического развития, проводимый на их основе.

Г.В. Плеханов, подчеркивая важность многофакторного анализа социальной реальности, писал, что «действительный ход исторического развития человеческих обществ не может быть выражен какой-нибудь «формулой»»². М.М. Ковалевский отмечал, что «все стороны общественной жизни ... тесно связаны между собой и воздействуют друг на друга. Раскрыть это взаимодействие ... и составляет ближайшую задачу всякого социолога»³. При этом ученый придавал особое

© Иванова Е.И., 2012

значение демографическому фактору, определяющему изменения экономической структуры, поступательный ход земледельческой и обрабатывающей промышленности, структуру капитала, порядок распределения и обмена.

Известно, что состояние отечественной информации о населении в течение длительного периода не позволяло воспроизвести истинную картину социально-демографических процессов. Невозможно было показать многомиллионную убыль населения в 30-е годы XX в., рост детской смертности и снижение продолжительности жизни в 70-е годы, высокую материнскую смертность, рост числа одиноких матерей и многое другое. Истинные демографические данные были искажены «кривым зеркалом» идеологических постулатов тоталитарного строя, декларировавших только его достижения.

Разобраться в причинах сложной демографической ситуации, сложившейся сегодня в России, непросто, поскольку этих причин много. В этом должна помочь правильно организованная программа текущего статистического учета естественного движения населения, максимально учитывающая все социально-демографические и экономические характеристики людей, регистрирующих события их жизненного цикла.

Современный текущий статистический учет демографических событий (рождений, браков, разводов, смертей) осуществляется учреждениями записей актов гражданского состояния (загсы). Регистрация событий естественного движения проводится на основе заполнения бланков, предлагаемых населению отделами загсов. Программа регистрации сведений разрабатывается централизованно и необходима для соблюдения полноты их учета и сопоставимости между различными регионами. Организация текущего учета имеет важное значение для качества итоговой статистической информации, получаемой в результате суммирования всех первичных сведений о естественном движении.

Сроки и порядок регистрации демографических событий определяются законом. В Российской Федерации сегодня действует Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»⁴.

Формы бланков записей актов гражданского состояния, порядок их заполнения; формы бланков иных документов, подтверждающих факты государственной регистрации актов гражданского состояния, формы бланков заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, а также формы федерального статистического наблюдения с указаниями по заполнению устанавливаются Правительством Российской Федерации. На сегодняшний

день организация текущего статистического учета основывается на разработке следующих форм:

- формы бланков записей актов гражданского состояния и формы бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 6 июля 1998 г. № 709 «О мерах по реализации Федерального закона “Об актах гражданского состояния”» (с изменениями от 31 октября 1998 г., 2 февраля 2006 г., 8 декабря 2008 г.);
- правила заполнения бланков записей актов гражданского состояния и бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния, утвержденные постановлением Правительства РФ от 17 апреля 1999 г. № 432;
- формы федерального статистического наблюдения с указаниями по их заполнению: годовые с отчета за 2008 г. № БР-годовая «Сведения о зарегистрированных браках и разводах», месячные с отчета за январь 2009 г. № БР-месячная «Сведения о числе зарегистрированных браков и разводов», № 1-РОД «Сведения о родившихся», № 1-У «Сведения об умерших», составленные в соответствии с п. 5.5 Положения о Федеральной службе государственной статистики, утвержденное постановлением Правительства РФ от 02.06.2008 № 420.

Формы для обобщения полученных первичных данных текущего учета утверждаются Федеральной службой государственной статистики. Отчеты по утвержденной форме составляются отделами загсов районной (городской, районной в городе) администрации ежемесячно и направляются территориальному органу Росстата в субъекте Российской Федерации. На основе данных отчетов территориальных органов субъектов РФ центральный орган Росстата публикует сводные отчеты по всем видам естественного движения.

От содержания современных форм актов гражданского состояния зависит степень полноты отражения событий естественного воспроизводства населения (рождаемости, смертности, брачности и разводимости), а также возможности анализа социальных, экономических, медицинских, географических и других факторов, их обуславливающих.

Единичные демографические события (рождения, браки, разводы и смерти) составляют основу для изучения интенсивности их совокупностей и являются предметом исследования ряда наук. Поэтому информация, собираемая о данных событиях, должна охватывать различные аспекты (социальные, правовые, экономические, медицинские и др.) их наступления. Количественная оценка совокупности демографических событий, характеризующих основные

параметры естественного движения на макросоциальном уровне, позволяет оценить не только интенсивность демографических событий, но также выявить социально-экономические факторы, влияющие на них, что дает возможность определить социально-демографические закономерности воспроизводства численности и структур населения.

Регистрация браков и разводов

Воспроизводство брачной структуры населения определяется интенсивностью процессов вступления в первый и повторные браки, овдовения и разводимости. Она зависит от соотношений численности различных групп бракоспособного населения, совокупности возможных для данного человека брачных партнеров. Процессы заключения и прекращения брака обуславливаются и регулируются социально-культурными нормами, имеют юридические, социальные, экономические и другие аспекты.

К числу количественных характеристик брачности относятся группы показателей, фиксирующие брачное состояние на определенный момент и характеризующие распространенность окончательного безбрачия в поколении, измеряющие частоту, возраст вступления в брак, частоту овдовения, частоту разводимости и прочность браков, распространенность повторных браков, особенности подбора брачных пар. Для их измерения разработаны алгоритмы расчетов, данные для проведения которых поступают из Росстата (Федеральной службы государственной статистики).

Источником сведений о браках и разводах являются данные текущей статистики (на основании разработки записей актов гражданского состояния о браке), данные переписей населения и обследований. При переписи учитывают брачное состояние опрошиваемых. Источником информации о юридическом заключении и о юридическом расторжении брака служат данные текущего учета, составляемые на основе записей актов гражданского состояния о браках и разводах.

Согласно Федеральному закону № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», принятому 15.11.1997, место регистрации брака более не привязывается к месту жительства одного из супругов и производится любым органом загса на территории Российской Федерации по выбору лиц, вступающих в брак. Закон также установил содержание записи акта о заключении брака и о расторжении брака⁵.

По сравнению с предшествующей программой регистрации из новой программы исключены сведения о брачном статусе и об уровне образования вступающего в брак, а также сведения об общих

Е.И. Иванова

детях до 18 лет (см. табл. 1). В результате с 1997 по 2007 г. стала невозможной оценка интенсивности заключения повторных браков, влияния образовательного статуса супругов на структурные особенности брака, а также косвенная оценка доли фактических браков. Согласно приказу руководителя Росстата В.Л. Соколина от 13.10.2008 № 259 в годовую форму отчета № БР «Сведения о зарегистрированных браках и разводах» с 2008 г. были включены сведения о повторных браках, однако их очередность не учитывается.

Таблица 1

Содержание записи акта о заключении брака

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в последующих его редакциях
Фамилия (до и после заключения брака), имя отчество	Фамилия (до и после заключения брака), имя отчество
Дата и место регистрации	Дата и место регистрации
Дата рождения и возраст в исполнившихся годах	Дата рождения и возраст в исполнившихся годах
Место рождения	Место рождения
Прежнее брачное состояние	Гражданство
Уровень образования Национальность	Национальность (вносится по желанию лиц, заключивших брак)
Где и кем работал (источник средств существования)	Сведения о документе, подтверждающем прекращение предыдущего брака (свидетельство о расторжении брака)
Место постоянного жительства и с какого года постоянно проживает в данном месте жительства	—
Сведения об общих детях до 18 лет	—

Из программы регистрации разводов за период 1997–2007 гг. были исключены следующие сведения о разводящихся: об очередности расторгаемого брака, о числе общих детей до 18 лет, о продолжительности проживания в месте постоянного жительства, уровне образования, источнике средств существования (см. табл. 2). При-

каз руководителя Росстата от 13.10.2008 № 259 восстановил учет числа общих детей до 18 лет с 2008 г., но не восполнил другую утраченную информацию.

Наряду с отсутствием возможности анализа социальных и демографических характеристик вступающих в брак и разводящихся на основе первичных сведений, также затруднены и обобщенные оценки возрастного состава зарегистрированных пар, являющегося важнейшей демографической структурой. С 1997 г. сводная форма отчета БР «Сведения о зарегистрированных браках и разводах» делает доступным учет только по укрупненным возрастным интервалам: для браков – до 18 лет, 18–24, 25–34, 35 и выше лет; для разводов – до 18 лет, 18–24, 25–39, 40–49, 50–59, 60 и старше лет. Указанные группы интервалов делают невозможными количественные оценки важнейших характеристик процессов (возрастных коэффициентов брачности и разводимости, среднего возраста вступления в брак и расторжения брака на основе оценки средней взвешенной величины, индексов брачности, приведенного числа разводов, средней продолжительности расторгнутого брака и ряда других характеристик).

Таблица 2

Содержание записи акта о расторжении брака

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в последующих его редакциях
Сведения о браке	
Дата составления, номер записи акта о заключении брака и наименование органа записи актов гражданского состояния, в котором произведена государственная регистрация заключения брака Число общих детей до 18 лет	Дата составления, номер записи акта о заключении брака и наименование органа записи актов гражданского состояния, в котором произведена государственная регистрация заключения брака
Сведения о документе, являющемся основанием для государственной регистрации расторжения брака	Сведения о документе, являющемся основанием для государственной регистрации расторжения брака
Дата и место регистрации расторжения брака	Дата прекращения брака

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в последующих его редакциях	
Сведения о разводящихся		
Фамилия (до и после расторжения брака), имя отчество	Фамилия (до и после расторжения брака), имя отчество	
Дата рождения и возраст в исполнив- шихся годах	Дата рождения	
Место рождения	Место рождения Гражданство	
Уровень образования Национальность	Национальность (вносится по жела- нию заявителя)	
Место постоянного жительства и с какого года постоянно проживает в данном месте жительства	Место жительства лиц, расторгнув- ших брак	
В каком по счету браке состоял		–
Где и кем работал (для неработаю- щих – источник средств существова- ния)		–

Таким образом, с 1997 г. отсутствует возможность анализа социальной дифференциации процессов брачности и разводимости, изучения особенностей распределения вступающих в брак и разводящихся по основным социально-демографическим структурам.

Регистрация рождений

Рождения регистрируются по месту жительства одного из родителей на основе медицинского свидетельства о рождении, выданного родильным домом или больницей не позднее чем через месяц со дня рождения ребенка. В случае мертворождения – не позднее трех суток. В определении живорождения с 1 января 1993 г. в России используются рекомендации Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): полное извлечение или изгнание продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, после чего плод дышит или проявляет другие признаки жизни: сердцебиение, пульсация пуповины, произвольные дви-

жения мускулатуры. Мертворождение – смерть продукта зачатия до его полного изгнания или извлечения из организма матери вне зависимости от продолжении беременности, на смерть указывает отсутствие дыхания или других признаков жизни.

С 1997 по 2008 г. из программы регистрации рождений были исключены характеристики, необходимые для определения социального статуса родителей: место работы и должность, образование, продолжительность проживания в месте постоянного жительства⁶. В результате учета рождений по сокращенной форме были утеряны данные, составляющие основу не только статистического учета указанного процесса, но и основу для анализа закономерностей его изменения. Последнее не могло не повлиять на качество обоснования современной демографической политики. При отсутствии научного обоснования динамики рождаемости, которая, как известно, характеризовалась драматическим падением в указанный период, меры демографической политики, направленные на ее повышение, были определены на основе анализа динамики самых общих характеристик.

Таблица 3

Содержание записи акта о рождении

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в ред. Федерального закона от 29.04.2002 № 44-ФЗ	Приказы руководителя Росстата от 13.10.2008 г. № 259; от 07.08.2009 г. № 163
Сведения о ребенке		
Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество
Пол	Пол	Пол
Дата и место рождения	Дата и место рождения	Дата и место рождения
Сколько родилось детей (один, двойня, тройня)	Количество родившихся детей (один, двойня или более детей)	Количество родившихся детей (один, двойня или более детей)
Живорожденный или мертворожденный	Живорожденный или мертворожденный	Живорожденный или мертворожденный Причина мертворождения

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в ред. Федерального закона от 29.04.2002 № 44-ФЗ	Приказы руководителя Росстата от 13.10.2008 г. № 259; от 07.08.2009 г. № 163
Который по счету ребенок родился у матери, включая новорожденного (считая умерших и не считая мертворожденных)	–	Который по счету ребенок родился у матери, включая новорожденного
Документы, подтверждающие факт рождения ребенка (справка родильного дома №...)	Серия и номер выданного свидетельства о рождении	Серия и номер выданного свидетельства о рождении
–	Фамилия, имя, отчество и место жительства заявителя либо наименование и юридический адрес органа или организации, заявивших о рождении ребенка	Фамилия, имя, отчество и место жительства заявителя либо наименование и юридический адрес органа или организации, заявивших о рождении ребенка
Сведения о родителях		
Фамилия (до и после расторжения брака), имя отчество	Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество
Дата рождения и возраст в исполнившихся годах	Дата рождения	Дата рождения
Место рождения	Место рождения	Место рождения
Образование Национальность	Гражданство Национальность (вносится по желанию заявителя)	Гражданство Образование (для матери)
Место постоянного жительства и с какого года постоянно проживает в данном месте	Место жительства родителей (одного из родителей)	Место жительства родителей

Окончание табл. 3

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в ред. Федерального закона от 29.04.2002 № 44-ФЗ	Приказы руководителя Росстата от 13.10.2008 г. № 259; от 07.08.2009 г. № 163
Сведения о документе, являющемся основанием для внесения сведений об отце (свидетельство о заключении брака, свидетельство об установлении отцовства, заявление матери)	Сведения о документе, являющемся основанием для внесения сведений об отце (свидетельство о заключении брака, свидетельство об установлении отцовства, заявление матери)	Основания для указания сведений об отце (свидетельство о заключении брака, свидетельство об установлении отцовства, заявление матери)
–	–	Дата заключения брака
–	–	Занятость матери: 1) была занята в экономике (руководители и специалисты высшего уровня квалификации, прочие специалисты, квалифицированные рабочие, неквалифицированные рабочие, занятые на военной службе); 2) не была занята в экономике (пенсионеры, студенты и учащиеся, работавшие в личном подсобном хозяйстве, безработные, прочие)

Только с 2009 г., на основании приказа руководителя Росстата от 13.20.2008 № 259⁷ программа записей актов о рождениях была расширена за счет включения сведений о месте жительства обоих родителей, а также сведений об уровне образования матерей (см. табл. 3). Новый приказ руководителя Росстата от 07.08.2009 № 163 расширяет перечень вопросов о занятости матери. Запись о занятости учитывает различные категории работающих в народном хозяйстве матерей по занимаемой должности и уровню квалификации к моменту рождения ребенка (выхода в декретный отпуск), а также различные категории не занятых в народном хозяйстве матерей.

Однако в перечень вопросов программы учета не был включен вопрос о продолжительности проживания родителей в месте постоянного жительства. Содержание раздела «Сведения о родителях» непропорционально для матерей и отцов: современная программа сбора сведений ориентирована на подробную информацию о матерях и очень фрагментарную – об отцах (отсутствует информация об очередности рождения, об уровне образования и вида занятости). В результате после статистической обработки первичных сведений о рождениях и их обобщения можно проанализировать только особенности дифференциации рождаемости по социальным характеристикам матери. Кроме того, необходимая информация о типах современной семьи может быть получена только при наличии указанных характеристик для обоих родителей, что позволит сделать обоснованные рекомендации для «формирования позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих несколько детей»⁸.

Сведения о социально-экономических характеристиках и о миграционном статусе родителей имеют важное значение для определения категорий граждан, в отношении которых предусмотрены выплаты федеральных пособий и пособий, выплачиваемых местными органами власти, при прогнозировании размеров и структуры выплат с учетом их адресности.

Регистрация смертей

Проблеме сокращения смертности отводится важнейшее место в программных документах, ей посвящены многие научные исследования современного этапа демографического развития России. Число смертей и интенсивность вымирания населения оказывают непосредственное влияние на численность и структуру населения, на его воспроизводство в целом. Приоритетность решения проблемы высокой смертности в преодолении длительной депопуляции подчеркивается в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9.10.2007.

Изучение смертности населения на основе использования статистических данных о смертях позволяет определить тенденции и закономерности развития процесса. К наиболее важному направлению использования указанных данных относится удовлетворение потребности в информации при разработке и выполнении программы демографической политики в области общественного здоровья, национального проекта «Здоровье». Данные о смертности необходимы для разработки демографических

прогнозов для дальнейшего их использования при планировании развития здравоохранения, обоснования программ социальной защиты.

Текущий учет смертности населения основан на регистрации смерти, подтвержденной документом по месту проживания умершего или по месту наступления смерти на основании врачебного свидетельства о смерти не позднее чем через три дня со дня наступления смерти или со дня обнаружения тела⁹.

Программа регистрации смертности с 1997 г., так же как и программы регистрации браков, разводов и рождаемости, претерпела существенные изменения (см. табл. 4). Из актов о смертях были исключены сведения о семейном положении, образовании, месте работы и должности, месте постоянного жительства умершего и продолжительности проживания в нем. Отсутствие данной информации в течение периода 1997–2008 гг. сделало невозможным изучение социальной дифференциации смертности, определение миграционного статуса умерших. Удаление из программы регистрации смертей сведений о месте постоянного жительства привело к потере информации о территориальных особенностях смертности, сделало невозможными достоверные оценки численности населения в субъектах Российской Федерации. При регистрации детей, умерших в возрасте до одного года, были исключены сведения о числе прожитых месяцев и дней, в результате чего стала недоступна информация об их точном возрасте, а также сведения об очередности рождения и сведения о социальных характеристиках матери. Следствием отсутствия указанной информации явилось ограничение возможностей достоверного анализа младенческой смертности по периодам первого года жизни ребенка (перинатальный, неонатальный, постнеонатальный периоды) и анализа различий в ее показателях в зависимости от социально-экономических и демографических характеристик матери.

В 2008 г. программа записей актов о смертях была не только восстановлена, но, в отличие от других демографических процессов, дополнена другими сведениями. В современных записях актов гражданского состояния о смертях содержится информация о семейном положении, образовании, последнем месте жительства, месте смерти, роде причины смерти, лице, установившем причину смерти. Столь положительные перемены в программе позволяют в ближайшее время не только восстановить утраченные сведения о смертности, но и дополнить их содержание.

Совершенствование программы текущего учета, по нашему мнению, должно проводиться с учетом следующих изменений.

Содержание записи акта о смерти

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в ред. Федерального закона от 25.10.2001 № 138-ФЗ	Приказ руководителя Росстата от 13.10.2008 г. № 259
Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество	Фамилия, имя, отчество
Пол	Пол	Пол
Дата и место рождения	Дата и место рождения	Дата и место рождения
Где проживал постоянно и с какого года	Последнее место жительства	Последнее место жительства
Возраст (исполнилось лет, для детей моложе одного года указывается число прожитых месяцев и дней, какой по счету родился у матери и возраст матери)	Гражданство	Гражданство
Национальность	Национальность (если сведения указаны в документе, удостоверяющем личность умершего)	Смерть последовала: в стационаре, дома, в другом месте
Дата смерти	Дата смерти	Дата смерти
Время смерти	Место смерти	Время смерти
Причина смерти	Причина смерти	Причина смерти
Семейное положение (состоял в браке, никогда не состоял в браке, вдовый, разведенный)	Реквизиты документа, подтверждающего факт смерти	Семейное положение
Где и кем работал (для неработающих – источник средств существования, для пенсионеров – прежнее занятие)	Фамилия, имя, отчество, место жительства заявителя либо наименование и юридический адрес органа, организации или учреждения, сделавших заявление о смерти	Образование

Продолжение табл. 4

До 1997 года	По Федеральному закону об актах гражданского состояния от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ и в ред. Федерального закона от 25.10.2001 № 138-ФЗ	Приказ руководителя Росстата от 13.10.2008 г. № 259
Образование	Фамилия, имя, отчество, место жительства лица, которому выдано свидетельство о смерти	Для детей, умерших в возрасте до 1 года: каким по счету был ребенок у матери; возраст матери
Реквизиты документа, подтверждающего факт смерти)	–	Смерть произошла: от заболевания; несчастного случая, не связанного с производством; несчастного случая, связанного с производством; убийства; самоубийства; род смерти не установлен
–	–	Причина смерти установлена: врачом, только установившим смерть; врачом, лечившим умершего; фельдшером; патологоанатомом; судебно-медицинским экспертом

1. Для улучшения программы текущего статистического учета браков и разводов необходимо:

а) восстановить регистрацию сведений о вступающих в брак – об очередности заключения брака, о числе общих детей до 18 лет, об уровне образования, об источнике средств существования, о месте постоянного жительства и о продолжительности проживания в нем; восстановить регистрацию сведений о разводящихся – об очередности расторгаемого брака, о продолжительности проживания в месте постоянного жительства, об уровне образования и источнике средств существования;

б) в форме федерального статистического наблюдения, составляемой органами загсов субъектов Российской Федерации в целом по территории на основании сведений, содержащихся в записях актов о заключении и о расторжении брака вести учет вступающих в

Е.И. Иванова

брак и разводящихся по однолетним интервалам (для возрастов 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24) и пятилетним возрастным интервалам (20–24, 25–29, 30–34, 35–39, 40–44, 45–49, 50–54, 55–59), восстановить учет вступающих в брак в самых молодых и в самых старших возрастах;

в) разработать отдельно форму статистического наблюдения для первых браков и браков других очередностей, а также формы для разводов разных очередностей.

2. Для улучшения программы текущего статистического учета рождений необходимо в программу сведений о родившихся (форма № 1-РОД), включить вопросы:

а) о продолжительности проживания родителей в месте постоянного жительства;

б) об уровне образования отца (при наличии в свидетельстве о рождении записи об отце);

с) о занятости отца (при наличии в свидетельстве о рождении записи об отце).

Примечания

¹ О переписи в Москве. М., 1882. С. 1–3.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1956–1958. Т. 2. С. 542.

³ Ковалевский М.М. Сочинения: В 2 т. СПб.: Алетейя, 1997. Т. 1. С. 286.

⁴ Полное название: Федеральный закон «Об актах гражданского состояния», принятый 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 25.10.2001 № 138-ФЗ, от 29.04.2002 № 44-ФЗ, от 22.04.2003 № 46-ФЗ, от 07.07.2003 № 120-ФЗ, от 08.12.2003 № 169-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 29.12.2004 № 199-ФЗ, от 31.12.2005 № 199-ФЗ, от 18.07.2006 № 121-ФЗ, от 23.07.2008 № 160-ФЗ).

⁵ Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ, статьи 25, 19, 39.

⁶ В соответствии с п. 5.5 Положения о Федеральной службе государственной статистики, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 02.07.2008 № 420.

⁷ Статья 22 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ, постановление Росстата от 18.12.1998 № 127.

⁸ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная указом Президента Российской Федерации от 9.10.2007

⁹ Статьи 65 и 66 Федерального закона № 143-ФЗ.

А.В. Кученкова

ОСОБЕННОСТИ
ЛОГИКО-КОМБИНАТОРНЫХ МЕТОДОВ
КАК СРЕДСТВ МНОГОМЕРНОГО
АНАЛИЗА ДАННЫХ

В статье рассматриваются познавательные возможности логико-комбинаторных методов в социологических исследованиях. В качестве таковых выделяются сравнительный качественный анализ и ДСМ-метод. С целью определения их специфики предлагаются основания для сравнения методов многомерного анализа данных.

Ключевые слова: многомерный анализ данных, логико-комбинаторные методы, сравнительный качественный анализ, ДСМ-метод.

В области анализа социологических данных развиваются и применяются различные методы, в том числе и основанные на использовании средств и языка формальной логики; это логико-комбинаторные методы – сравнительный качественный анализ (СКА) и ДСМ-метод (названный в честь Дж.Ст. Милля). Первый, предложенный Ч. Рейджином в конце 1980 гг., включает несколько техник формализованного сравнительного анализа для небольшого количества объектов. Второй, являясь методом автоматического порождения гипотез и средством интеллектуального анализа данных, применяется для изучения мнений, поведенческих установок (предложен В.К. Финном в конце 1970-х).

Эти методы¹ применяются для анализа многомерных данных, когда «каждое наблюдение представляется не одним-единственным числом, а некоторым конечным набором чисел, в котором в заданном порядке записаны все измеренные характеристики объекта»², поэтому логико-комбинаторные методы связаны с областью многомерного анализа. Для того чтобы продемонстрировать их специфику, сравним методы многомерного анализа данных по различным

А.В. Кученкова

основаниям и покажем, как с ними соотносятся логико-комбинаторные методы.

Понятие многомерного анализа данных используется для обозначения методов, направленных на изучение многомерных данных, то есть на анализ распределений нескольких переменных одновременно. Методы многомерного анализа данных предназначены для решения таких задач, как исследование зависимостей между объектами и признаками; классификация объектов или признаков; снижение размерности пространства признаков. К этой области относят регрессионный, дисперсионный, дискриминантный, факторный, кластерный анализы, многомерное шкалирование и др. Все они различаются по цели использования, условиям применения и по многим другим параметрам.

При разнообразии математических методов и способов анализа данных существует потребность в систематизации методического знания. Один из возможных способов обобщения информации об этих методах – их сравнение и классификация по различным основаниям. Безусловно, любая классификация носит в определенной мере условный характер, однако она позволяет систематизировать наши представления о рассматриваемом явлении (в данном случае о методах), выделить их ключевые, наиболее значимые особенности и возможности.

Основания для сравнения методов многомерного анализа данных

Универсальное основание для сравнения методов вряд ли можно предложить, но возможно введение нескольких для иллюстрации их познавательных возможностей.

Основание 1: схожесть методов в зависимости от того, на реализацию какой метаметодики анализа данных они направлены.

Обобщая основные задачи эмпирических социологических исследований, выделяют три метаметодики анализа данных, имеющие собственную языковую и логическую структуру³ – типологический, факторный и причинный анализы.

Первая из них (типологический анализ), по мнению Г.Г. Татаровой⁴, используется либо для проверки гипотезы о существовании социальных типов, либо для поиска так называемых типологических синдромов, либо для сравнительного анализа типов изучаемого феномена. В любом случае типологический анализ подразумевает «выделение социально значимых, внутренне однородных, качественно отличных друг от друга групп эмпирических объектов, харак-

теризующихся типобразующими признаками, природа которых различна, и интерпретируемых как носителей различных типов существования феномена»⁵. В основе такого анализа – методы кластерного и дискриминантного анализов. Эти методы позволяют разделить совокупность объектов на классы, в каждый из которых входят близкие объекты. При этом кластерный анализ направлен на поиск наилучшей, оптимальной, естественной классификации объектов. В отличие от него дискриминантный анализ позволяет рассматривать заданные априори классы объектов, находить функцию, описывающую различия между такими классами, а затем формулировать правило, по которому новые объекты, подлежащие классификации, будут отнесены к одному из уже существующих классов. Кластерный анализ позволяет находить и определять группы похожих объектов, а дискриминантный анализ позволяет описывать существующие классы объектов, изучать различия между ними.

Целью второй метаметодики (факторного/факториального анализа) является поиск связанных между собой переменных, которые могут быть соотнесены с некоторым фактором. В основе реализации этого вида анализа – математические методы факторного анализа, позволяющие на основе взаимосвязи рассматриваемых переменных выявить латентные, неявные характеристики (факторы), изменчивостью которых объясняется изменчивость исходных переменных. С помощью таких методов производят снижение размерности (число переменных сокращается до числа факторов), определяют структуру взаимосвязи между переменными, получают оценки факторов, не поддающихся непосредственному измерению. Следует отметить, что для решения этих задач может быть использован и кластерный анализ (например, в программе SPSS представлена возможность классифицировать переменные с помощью кластерного анализа), однако на практике кластерный анализ используется все же для классификации объектов.

Суть третьей метаметодики (причинного анализа) заключается в анализе причинно-следственных отношений, на эмпирическом уровне это анализ взаимосвязи между переменными тогда, когда одни из них обозначаются как зависимые, а другие – независимые между собой и влияющие на первые. Методами, предназначенными для реализации этой цели, служат методы регрессионного и дисперсионного анализов. Регрессионный анализ позволяет установить форму такой зависимости, определить силу влияния каждой независимой переменной на зависимую, построить модель, отражающую эту взаимосвязь между переменными (в виде уравнения), с помощью которой по значениям независимых переменных можно

получать оценки значений зависимой переменной (предсказывать ее значения). Суть дисперсионного анализа заключается в оценке степени влияния независимых переменных (обычно категориальных) на зависимую («количественную» переменную, имеющую метрический уровень измерения). Эта идея реализуется путем анализа вариации зависимой переменной под влиянием независимых переменных.

Следует отдельно рассмотреть методы многомерного шкалирования, которые предназначены для решения задач по изучению пространства восприятия респондента. Они позволяют выявить (латентные) характеристики, которыми руководствуется респондент, оценивая те или иные объекты, затем расположить изучаемые объекты в пространстве, образуемом этими (выявленными) характеристиками, определить для каждого объекта координаты и, наконец, определить расстояния между объектами в этом пространстве. Это позволяет использовать методы многомерного шкалирования в нескольких целях: во-первых, для выявления скрытых латентных характеристик (факторов), определяющих восприятие респондентами объектов; во-вторых, для обнаружения групп (типов) объектов, которые воспринимаются одинаково, сходным образом. Тем самым две метаметодики (факторный и типологический анализы) могут быть реализованы с помощью методов многомерного шкалирования.

Основание 2: схожесть методов в зависимости от того, предназначены или не предназначены они для предсказания, построения прогнозов.

Основные цели научного исследования в любой области: описание, объяснение, прогноз. В социологии к этой триаде добавляют еще одну цель – понимание. В основном это касается исследований, ставящих задачу интерпретации смыслов, которые люди вкладывают в свое и чужое поведение. Эти цели тесно взаимосвязаны между собой. Нельзя предсказывать или объяснять что-либо, не описывая этого (то есть если метод позволяет строить прогнозы, значит, он позволяет и описывать изучаемое явление). С одной стороны, описания «являются своеобразными “свернутыми” объяснениями»⁶, с другой «научное объяснение также может отсылать нас к описанию некоторой “картинки”»⁷. Нельзя сказать, что определенный метод многомерного анализа данных позволяет достичь только одной цели. Все зависит от того, как метод используется и как интерпретируются результаты его применения: так, описание изучаемого явления, полученное с помощью метода многомерного анализа данных, может использоваться как объяснение.

Рассматриваемые цели научного исследования носят общий характер и могут быть достигнуты с помощью одних и тех же ме-

тодов. Например, регрессионный анализ позволяет построить модель изучаемого явления (уравнение регрессии), которая *описывает* исходные данные; с другой стороны, эта модель позволит *объяснить* влияние независимых переменных на зависимую и, наконец, по значениям независимых переменных *предсказывать* значения зависимой.

На предсказание, кроме регрессионного анализа, направлен дискриминантный анализ, с помощью которого по значениям независимых переменных можно определять принадлежность новых объектов к тем или иным заданным классам (то есть определять или предсказывать значение зависимой переменной для объектов).

Другие методы многомерного анализа данных используются в основном для описания и объяснения социальных явлений. Так, факторный анализ позволяет найти скрытые установки респондентов, стоящие за их ответами на отдельные вопросы, тем самым он позволяет объяснить ответы людей через некоторые скрытые характеристики (факторы), возможно, не осознающиеся самими респондентами. Дисперсионный анализ тоже позволяет объяснить влияние независимых переменных на зависимую, разброс значений зависимой переменной за счет влияния независимых переменных по отдельности и вместе. Кластерный анализ скорее позволяет описывать, нежели объяснять: выделять группы схожих объектов, получать описания типичных представителей кластеров.

По цели исследования методы многомерного анализа нельзя разбить на три непересекающихся подмножества. Однако можно отметить, что если на описание направлены все методы многомерного анализа, то возможность построения предсказания/прогноза заложена в методах регрессионного и дискриминантного анализа.

Основание 3: схожесть методов в зависимости от возможности учета «статуса» используемых переменных (равноправность или зависимость / независимость переменных).

Многомерный анализ данных позволяет изучать взаимосвязи между переменными. При этом переменные могут обладать разным «статусом», выступать в качестве зависимых, независимых, равноправных признаков.

В одном случае, если исследователь изучает влияние одних переменных на другие, первые выступают как зависимые (результатирующие, признаки-следствия, целевые признаки, изменения которых связывают с изменениями независимых переменных), а вторые как независимые (объясняющие, влияющие на зависимые). Главной задачей является проверка наличия этой связи между ними, установки силы и направления (прямая/обратная) связи.

В другом случае все переменные являются равноправными, не разделяются на зависимые и независимые. Тогда основная задача исследования – выявление структуры взаимосвязи между переменными (группировка переменных в факторы) или между объектами.

По «статусу» переменных методы многомерного анализа данных можно разбить на два класса. К первому относятся методы, подразумевающие наличие зависимых и независимых переменных. Это методы регрессионного, дисперсионного, дискриминантного анализов:

- в регрессионном анализе выбирается одна зависимая переменная и одна или несколько независимых. Взаимосвязь между ними выражается с помощью уравнения. Регрессионный анализ позволяет устанавливать форму взаимосвязи между переменными (она может быть линейной и нелинейной);
- в дисперсионном анализе – одна зависимая переменная (метрическая) и несколько независимых (категориальных, разбивающих респондентов на группы). В выделенных группах (образованных по значениям независимой переменной) сравниваются средние значения зависимой переменной. Если эти различия оказываются значимыми, то заключают, что вызваны они независимой переменной;
- в дискриминантном анализе определяют одну зависимую переменную (категориальную, разбивающую респондентов на группы) и несколько независимых переменных, определяющих различия выделенных групп.

Во второй класс входят методы, при использовании которых переменные выступают как равноправные. Это методы факторного анализа и многомерного шкалирования. Они направлены на изучение взаимосвязи всех переменных между собой, выявлении и измерении скрытых, латентных переменных. К этому же классу можно отнести и кластерный анализ. Он предназначен для группировки объектов по нескольким переменным одновременно. При этом группирующие переменные являются равноправными, среди них нет зависимых и независимых признаков.

Основание 4: схожесть методов в зависимости от наличия возможности получения статистических оценок.

Одно из несомненных достоинств методов статистики заключается в том, что они позволяют на основе анализа выборки делать выводы о свойствах генеральной совокупности изучаемых объектов. Это становится возможным благодаря процедуре статистического оценивания, проверки статистических гипотез, например с помощью критериев хи-квадрат, t-Стьюдента, F-Фишера. В статистике известны и хорошо изучены законы распределения этих критери-

ев, а значит, известно, как изменяются их значения, что позволяет оценивать, насколько вероятны их те или иные значения. На практике по результатам выборочного обследования вычисляются эмпирические значения критериев, затем оценивается вероятность получения такого эмпирического значения (путем сравнения эмпирического и теоретического значений критериев).

Возможность получения статистических оценок с помощью соответствующих критериев является еще одним основанием для сравнения и классификации методов многомерного анализа данных.

В первую группу методов, обеспечивающих возможность статистического оценивания, входят дисперсионный, регрессионный, дискриминантный анализы. В дисперсионном анализе используется F-критерий для проверки нулевой гипотезы о равенстве средних значений зависимой переменной в группах объектов. В этом случае F-статистика представляет собой соотношение межгрупповой и внутригрупповой дисперсий рассматриваемых групп объектов. Если межгрупповая дисперсия оказывается значительно больше внутригрупповой, это обстоятельство позволяет сделать вывод о значимости различий средних значений зависимой переменной в группах и, соответственно, о влиянии независимой (группообразующей) переменной на зависимую. В регрессионном анализе используются два критерия: t-критерий для проверки значимости коэффициентов уравнения, тем самым для проверки наличия связи между зависимой переменной и независимыми; F-критерий для проверки значимости коэффициента детерминации. В дискриминантном анализе используется F-критерий и хи-квадрат для проверки гипотезы о равенстве всех средних всех дискриминантных функций во всех группах.

Вторую группу методов образуют факторный анализ (метод главных компонент)⁸, кластерный анализ, многомерное шкалирование. При их применении статистические критерии не используются, и полученные с их помощью выводы справедливы только для исследуемой выборочной совокупности, их нельзя распространить на генеральную совокупность.

Основание 5: схожесть методов в зависимости от уровня измерения переменных.

При использовании математических методов анализа данных информация об изучаемом объекте должна быть «переведена» на язык математики. Процедурой такого перехода является измерение, под которым понимают «отражение некоторой эмпирической системы в математической системе»⁹. Задавая переменные-признаки для описания объектов, исследователь должен определить

возможные значения этих переменных, сформулировать правила, по которым объектам будет приписываться определенные значения переменной, получить шкалу значений переменной.

Существуют различные виды шкал: номинальная, порядковая, интервальная, шкала отношений, разностей, абсолютная шкала. Отличаются они тем, что каждая из них допускает определенные математические преобразования. В социологии (да и в социальных науках в целом) различают и используют обычно только три основных вида шкал: номинальную, порядковую, метрическую (шкалы более высокого типа). Для чисел, полученных по номинальной шкале, осмысленными являются только отношения равенства / неравенства; по порядковой шкале – равенства/неравенства и больше/меньше; для шкал более высокого типа возможно использование математических операций сложения, вычитания, умножений, деления. От типа шкалы переменной зависит возможность использования определенных математических методов. Большинство из них рассчитаны на высокий уровень измерения.

Однозначно соотнести методы многомерного анализа данных с определенным уровнем измерения переменных достаточно трудно. Во многом это связано с тем, что рассматриваемые методы анализа включают в себя несколько способов их реализации, каждый из которых может быть предназначен для разных шкал, тогда отнести метод к одному уровню измерения нельзя. Рассмотрим это утверждение на примере регрессионного анализа. Его классический вариант (линейная регрессия) предназначен только для метрических шкал (и дихотомических). Однако есть такие виды регрессионного анализа, как порядковая, бинарная логистические регрессии и др., которые позволяют работать с номинальными, порядковыми шкалами¹⁰. Отнести регрессионный анализ в целом к какому-либо одному уровню измерения невозможно.

Одна из основных проблем в анализе данных заключается в несоответствии уровня измерения переменных условиям применимости математических методов. С одной стороны, большинство математических методов анализа рассчитаны на переменные высокого уровня измерения, допускающие использование любых математических операций. С другой – большинство переменных, используемых в социальных науках, представлены на низком уровне измерения (номинальном, порядковом) в силу специфики социальных явлений, отличающихся от явлений физических. Из сложившейся ситуации существует несколько выходов, в частности преобразование переменных, оцифровка признаков (повышение уровня измерения)¹¹, перекодировка номинальных и порядковых переменных в дихотомические (для которых возможно исполь-

зовать математические преобразования). Второй выход связан с развитием методов математического анализа, подходящих для номинальных и порядковых шкал. Например, непараметрической статистики.

Несмотря на то что уровень измерения переменных напрямую определяет возможность использования того или иного метода и тем самым является одним из ключевых аспектов, который необходимо учитывать при проведении многомерного анализа данных, классифицировать методы по этому основанию затруднительно.

Сущность ДСМ-метода и СКА

*Сравнительный качественный анализ*¹² (СКА) предназначен для обнаружения детерминант какого-то явления на основе сравнения объектов, которым данное явление присуще. Он позволяет обнаруживать сочетания значений независимых переменных, детерминирующие определенное значение зависимой переменной. Под общим названием объединяются несколько алгоритмов: самый простой (crisp set QCA) основан на использовании булевой алгебры и дихотомических переменных, второй (multivalued QCA) является расширением первого за счет возможности описывать объекты через многозначные переменные; третий (fuzzy set QCA) связан с использованием теории нечетких множеств. Базовым алгоритмом является первый из упомянутых, поэтому рассмотрим на его примере процедуру реализации сравнительного качественного анализа.

Для применения метода СКА изучаемые объекты описываются через значения переменных дихотомического типа. Объекты, обладающие одинаковым значением зависимого признака, сравниваются между собой. С точки зрения процедуры СКА реализуется следующим образом. Отбираются объекты с одинаковым значением зависимой переменной (например, 1, то есть объекты, для которых изучаемое явление проявляется), выбираются независимые переменные, которые могут влиять на значение целевой. Допустим, есть 4 объекта (для которых зависимая переменная равна 1), обладающих следующими значениями независимых переменных: 111, 111, 110, 010. На первом этапе объекты с одинаковым описанием (совпадающими значениями всех независимых переменных) объединяются в группы. В нашем примере получится три группы: 111 (первый и второй объекты объединяются), 011, 010. На следующем шаге ищут сходства между этими группами. Для этого они сравниваются между собой: если для двух групп объектов совпадают все значения независимых переменных, кроме одного, то общий для них фрагмент описания является их сходством. Следует подчеркнуть, что

в результате устанавливаются не все возможные сходства между группами объектов, а только некоторые из них, удовлетворяющие указанному условию (совпадение значений всех независимых переменных, кроме одной).

В рассматриваемом примере первая и вторая группы (111 и 011) совпадают по значениям второй и третьей переменной и отличаются по значению первой; тем самым их сходство -11. Сравнив вторую (011) и третью (010) группы, получим сходство 01-. Первая (111) и третья (010) группы отличаются по двум значениям независимых переменных (более чем по одному), в этом случае сходство между ними не порождается¹³. В результате сравнения всех групп объектов между собой обнаружены сходства: -11 и 01-. Они «покрывают» описания всех объектов, т. е. каждый из четырех объектов содержит в своем описании либо первую (-11), либо вторую (01-) комбинацию. Полученные сочетания значений независимых признаков, детерминирующие определенное значение зависимой переменной, являются результатом применения метода СКА. Таким образом, с его помощью на основе исходной информации (описания четырех объектов через значения трех независимых переменных) получено более краткое описание этих объектов.

Установленные между объектами сходства интерпретируются как сочетания условий, необходимые для проявления рассматриваемого значения зависимой переменной, то есть выступающие детерминантами изучаемого явления. Для нашего примера, такими детерминантами являются либо наличие у объектов второго и третьего признака (-11), либо наличие второго признака и отсутствие первого (01-). Кроме того, можно сказать, что наличие второго признака является необходимым, но не недостаточным условием возникновения изучаемого явления, так как этот признак присутствует у всех объектов.

Основными сферами применения СКА стали сравнительные политологические и социологические исследования, объектами анализа выступали страны, города, организации, группы людей (например, национальные меньшинства) и др.¹⁴ С годами метод сравнительного качественного анализа становится все более популярным. В 2009 г С. Вейси сказал о «революции Рейджина»¹⁵, отнеся предложенный им метод к одним из крупнейших достижений в методике анализа социологических данных.

ДСМ-метод, как и СКА, предназначен для анализа жесткоструктурированных данных и направлен на выявление причинно-следственных закономерностей. Он был предложен в конце 1970-х годов В.К. Финном. С тех пор этот метод нашел применение в разных научных областях: в медицине, фармакологии, криминалистике

тике, создании интеллектуальных роботов, истории¹⁶. В социологии ДСМ-метод используется для выявления детерминант мнений, поведенческих установок¹⁷. Отдельной, самостоятельной задачей, реализуемой с помощью этого метода, является анализ рациональности мнений¹⁸.

Применение ДСМ-метода подразумевает выполнение определенных допущений. Одно из них – «постулат поведения»¹⁹, который заключается в утверждении, что мнение респондента, его поведение определяются в большей или меньшей степени его биографическими данными, социальными характеристиками, индивидуальными психологическими чертами. Если каждая из трех составляющих представлена множеством характеристик, то их подмножество будет являться причиной наличия или отсутствия у респондента определенного мнения. На этой предпосылке основана одна из задач анализа мнений – поиск детерминант (типичных черт характера, фактов биографии, психологических характеристик), определяющих отношение респондента к той или иной проблеме. Безусловно, не отрицается возможное влияние ситуации. Если, например, имеется детерминант для определенного мнения, а респондент выражает другую точку зрения, значит, есть ситуация, которая повлияла на его позицию, ситуация, которую необходимо формализовать.

Для обнаружения детерминант мнений респондентов с помощью ДСМ-метода требуется, чтобы объекты были описаны через набор значений переменных: одна часть из них должна обеспечивать информативную характеристику субъекта (респондента), другая – максимально полное описание его мнения. Соблюдение этого условия позволяет формализовать сходство респондентов и сходство их мнений и обнаружить в описании респондентов характеристики, выступающие детерминантами тех или иных точек зрения, мнений²⁰.

Возможны различные стратегии использования ДСМ-метода в зависимости от задач исследования и специфики имеющихся данных. Первая состоит в выделении респондентов со схожим мнением, а затем определении присущих им характеристик (социальных и др.). С точки зрения процедуры она реализуется следующим образом: сравнивается информация о мнениях респондентов, находятся схожие мнения, затем проверяется, есть ли у обладателей схожего мнения общие характеристики, черты, если таковые обнаруживаются, то формулируется гипотеза о том, что именно они являются детерминантами мнения респондента. Вторая стратегия использования ДСМ-метода предполагает обратный ход рассуждений: выделяются группы респондентов с совпадающими характеристиками, а затем выявляются мнения, которые разделяются этими респондентами. И в первом, и во втором случаях ДСМ-метод используется

для поиска сочетаний значений независимых переменных, детерминирующих различные сочетания значений нескольких зависимых переменных. Для описания объектов используется три типа переменных: одна группообразующая переменная (на основании значений которой объекты разбиваются на подгруппы, в которых изучаемое явление проявляется или нет), группа зависимых переменных и группа независимых переменных. Взаимосвязи между переменными ищутся для каждой из групп объектов, выделенных на основе значений группообразующей переменной.

Отметим, что ДСМ-метод может решать ту же задачу, что и СКА – поиск сочетаний значений независимых переменных, детерминирующих определенное значение одной зависимой переменной. Как показала М.А. Михеенкова²¹, одно из ключевых различий этих методов при решении одинаковой задачи заключается в том, что с помощью ДСМ-метода можно получить большее количество гипотез о взаимосвязи между переменными.

Суть ДСМ-метода заключается в реализации (применении к базе данных) логического рассуждения, состоящего из трех компонентов: индукции, аналогии и абдукции. На начальном этапе на основе сравнения объектов, обладающих одинаковым значением целевого признака, ищутся их сходства (общие для этих объектов сочетания значений независимых переменных). Формулируются гипотезы о том, что эти сходства являются детерминантами соответствующего значения целевого признака. Тем самым реализуется индукция: на основе анализа единичных случаев, строится обобщение. На следующем этапе применяется вывод по аналогии. Для объектов с неизвестным значением целевого признака это значение может быть доопределено (предсказано) с использованием гипотез, полученных на предыдущем этапе. Рассуждения (с использованием индукции и аналогии) применяются несколько раз, до тех пор пока система не стабилизируется – новые гипотезы не перестанут появляться. В заключение проверяется выполнение аксиомы каузальной полноты (абдукция): если полученные гипотезы объясняют значения целевого признака для всех объектов, то эти гипотезы принимаются на достаточном основании. В противном случае рекомендуется дополнить базу данных новыми объектами и повторить процедуру сначала.

Таким образом, ДСМ-метод и СКА имеют много общего, хотя разрабатывались параллельно во времени и независимо друг от друга. Во-первых, это нестатистические, невероятностные методы, использующие в качестве языка формализации математическую логику (СКА – булеву алгебру и ее модификацию, ДСМ-метод – специальный вариант многозначной логики). С одной стороны, они не претендуют на экстраполяцию выводов на генеральную совокуп-

ность, но с другой – они и не требуют выполнения таких условий, как нормальность распределения значений переменных.

Во-вторых, их общим эпистемологическим основанием выступают идеи Дж.Ст. Милля, а именно предложенные им метод сходства, метод различия и др. (положенные им в основу рассуждений о причинности)²². Суть данных методов заключается в поиске сходств между объектами, обладающими изучаемым свойством, и поиске различий между объектами, которые проявляют и не проявляют рассматриваемое свойство. Следует подчеркнуть, что для СКА эти идеи являются лишь одной из теоретических предпосылок, в то время как с помощью ДСМ-метода все пять методов Дж.Ст. Милля могут быть формализованы.

В-третьих, оба метода одинаково трактуют причинность: а именно как комбинацию необходимых и достаточных условий для возникновения изучаемого явления. Причем с помощью логико-комбинаторных методов устанавливается не одна общая причинная модель, объясняющая взаимосвязь между переменными для всей рассматриваемой совокупности, а несколько различных объяснений изучаемого явления. Выявляются несколько сочетаний значений независимых переменных, детерминирующих определенное значение зависимой переменной, тем самым устанавливается «множественная причинность», подразумевающая, что одно и то же явление может быть детерминировано несколькими различными сочетаниями независимых переменных.

В-четвертых, оба метода относятся их разработчиками к средствам «формализованного качественного анализа данных». С одной стороны, эти методы предназначены для анализа жесткоструктурированных данных (описанных через набор переменных). С другой – эти методы реализуют индуктивную стратегию анализа данных: сравниваются отдельные объекты для нахождения сходств и различий, эмпирических закономерностей. Таким образом, это процесс, в ходе которого гипотезы не проверяются а наоборот, генерируются.

Наконец, эти методы предназначены для поиска взаимодействий – анализа сочетаний значений переменных. Тем самым они позволяют выявлять взаимосвязь между переменными на «локальном» уровне.

*Сопоставление логико-комбинаторных методов
с методами многомерного анализа данных*

СКА и ДСМ-метод используются для анализа многомерных данных, то есть подразумевается, что каждый объект охарактеризован и представлен через набор значений нескольких переменных.

Опишем логико-комбинаторные методы по критериям, выделенным в начале статьи для сравнения методов многомерного анализа данных.

СКА и ДСМ-метод предназначены для реализации *причинного анализа*: для обнаружения детерминант того или иного явления, поведенческой установки, определенного мнения. В этом данные методы близки к регрессионному и дисперсионному анализам. Однако если регрессионный анализ позволяет построить усредненную модель (в форме уравнения), которая описывает взаимосвязь переменных для всей совокупности объектов (отражая тенденции «о всех, но не о каждом»²³), то логико-комбинаторные методы обнаруживают закономерности, касающиеся каждого объекта. В результате логико-комбинаторные методы обеспечивают обнаружение всех возможных закономерностей, скрытых в данных (и порой не очевидных для исследователя).

В качестве *цели* применения логико-комбинаторных методов в первую очередь выступает объяснение наличия или отсутствия какого-либо явления. Кроме того, с помощью этих методов возможно предсказывать – прогнозировать значения зависимой переменной (по значениям независимых переменных). При этом, как упоминалось выше, М.А. Михеенкова²⁴ показала, что ДСМ-метод является более продуктивным в плане предсказания по сравнению со СКА.

Таблица 1

Классификация методов многомерного анализа данных по двум основаниям: метаметодика анализа и возможность построения прогноза

	Метаметодика анализа данных		
	Типологический анализ	Факторный / факториальный анализ	Причинный анализ
Описание и объяснение без прогноза	Кластерный анализ	Факторный анализ	Дисперсионный анализ
	Многомерное шкалирование		
Построение прогноза	Дискриминантный анализ		Регрессионный анализ Логико-комбинаторные методы

При использовании логико-комбинаторных методов переменные по «статусу» не являются равноправными, они делятся на зависимые и независимые, как и при проведении регрессионного, дискриминантного анализ. Однако последние позволяют анализировать взаимосвязь между переменными на «глобальном» уровне, рассматривая переменные как целостности, в то время как ДСМ-метод и СКА предназначены для обнаружения взаимосвязи между отдельными значениями переменных, то есть на «локальном» уровне.

Таблица 2

Классификация методов многомерного анализа данных по трем основаниям: статус переменных, возможность статистических оценок, возможность построения прогноза

Статус переменных	Возможность статистических оценок		Возможность предсказания / прогноза
	есть	нет	
Зависимые / независимые переменные	Регрессионный, дискриминантный	Логико-комбинаторные	Предсказание
	дисперсионный	–	Описание, объяснение без предсказания
Равноправные переменные	–	Кластерный, факторный, многомерное шкалирование	

Логико-комбинаторные методы – нестатистические, в них не вычисляются статистические оценки, позволяющие переносить выводы, полученные по выборке, на генеральную совокупность. Напротив, это индуктивные методы, позволяющие обобщать информацию для рассматриваемой совокупности объектов. Сбор информации производится непрерывно, причем используется не репрезентативная, а теоретическая выборка, то есть отбор фактов осуществляется в соответствии с формируемой теорией, которая будет претерпевать изменения, корректировку в ходе обнаружения новой информации.

Применение логико-комбинаторных методов не требует высокого уровня измерения переменных, что значительно расширяет сферу их использования в социологии, где преобладают номинальные и порядковые шкалы.

Заключение

Выбор и использование адекватных способов анализа информации – одна из основных задач исследователя. Информативность, успешность социологического исследования во многом зависит именно от адекватности и релевантности методов сбора и обработки информации целям и задачам исследования. В связи с этим необходимо четко понимать специфику, возможности и ограничения каждого метода, чтобы использовать его наиболее эффективно.

Логико-комбинаторные методы предназначены для анализа жесткоструктурированных данных, позволяют анализировать взаимосвязь между переменными на «локальном» уровне. Одними из их основных преимуществ являются нестатистический характер задач, для решения которых они предназначены, возможность использования переменных, измеренных на номинальном и порядковом уровнях, а также отсутствие требований по выполнению таких условий, как нормальность распределения значений переменных, предположение о линейности взаимосвязи, в отличие от статистических методов. Благодаря этому логико-комбинаторные методы подходят для анализа именно социологических данных и должны найти широкое применение в эмпирических исследованиях.

Примечания

- ¹ Существуют и другие методы, связанные с использованием языка математической логики. См., напр.: *Витяев Е.Е., Логвиненко А.Д.* Обнаружение законов на эмпирических системах и тестирование систем аксиом теории измерений // *Социология: методология, методы и математическое моделирование*. 1998. № 10. С. 97–121; *Лбов Г.С.* Методы обработки разнотипных экспериментальных данных. Новосибирск: Наука, 1981. Но они в статье не рассматриваются.
- ² *Тюрин Ю.Н., Макаров А.А.* Анализ данных на компьютере: Учеб. пособие. М.: ФОРУМ, 2008. С. 315.
- ³ *Татарова Г.Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // *Социологические исследования*. 2006. № 9. С. 14.
- ⁴ *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М.: Высшее образование и наука, 2007. 236 с.
- ⁵ Там же. С. 72.

- ⁶ *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО РЦГО – TEMPUS/TACIS, 1996. С. 23.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Встречаются упоминания о методах снижения размерности, допускающих интерпретацию в понятиях и терминах вероятностной модели, подразумевающих использование теории математической статистики. См., напр.: *Косолапов М.С.* Классификация методов пространственного представления структуры исходных данных // Социологические исследования. 1976. № 2. С. 98–109.
- ⁹ *Толстова Ю.Н.* Измерение в социологии. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 10.
- ¹⁰ Например, классификация разновидностей регрессионных моделей в зависимости от уровня измерения переменных представлена в: *Крыштановский А.О.* Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS: Учеб. пособие для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2006. С. 164–165.
- ¹¹ Оцифровка качественных признаков при анализе связей // Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреевков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1987. С. 67–95.
- ¹² *Ragin C.C.* The comparative method: Moving beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley; Los Angeles; L.: Univer. of California press, 1987. 185 p.; *Idem.* Configurational Comparative Methods: Qualitative Comparative Analysis (QCA) and Related Techniques. Thousand Oaks: SAGE Publications Inc., 2008.
- ¹³ Более подробно об этом см.: *Михеенкова М.А.* О формализованных эвристиках качественного анализа социологических данных // Вестник РГГУ. 2010. № 12. С. 193–214.
- ¹⁴ Полный перечень исследований с использованием СКА см.: Compass (Comparative methods for the Avancement of Systematic cross-case analyses and Small-n Studies) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.compass.org/pages/welcome.html>
- ¹⁵ *Vaisey S.* QCA 3.0: The «Ragin Revolution» Continues // Contemporary Sociology: A Journal of Reviews. 2009. Vol. 38. P. 308.
- ¹⁶ Примеры применения ДСМ-метода см. в: Автоматическое порождение гипотез в интеллектуальных системах / Сост. Е.С. Панкратова, В.К. Финн; Под общ. ред. В.К. Финна. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 528 с.
- ¹⁷ См., напр.: *Данилова Е.Н., Михеенкова М.А., Климова С.Г.* Возможности применения логико-комбинаторных методов для анализа социальной информации // Социология: методология, методы, математические модели. 1999. № 11. С. 142–157; *Финн В.К.* Интеллектуальные системы и общество: Сб. статей. М.: РГГУ, 2000. 309 с.
- ¹⁸ Об этом подробнее см.: *Бурковская Ж.И., Михеенкова М.А., Финн В.К.* О логических принципах анализа электорального поведения // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2004. № 8. С. 18–22; *Кученкова А.В.* Методика анализа электоральных предпочтений с помощью ДСМ-метода // Вестник РГГУ. 2011. № 3. С. 256–271.

А.В. Кученкова

- ¹⁹ *Михеенкова М.А., Финн В.К.* О логических средствах концептуализации анализа мнений // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 2002. № 6. С. 5.
- ²⁰ Там же. С. 4–5.
- ²¹ *Михеенкова М.А.* Указ. соч.
- ²² *Милль Дж.Ст.* Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: ЛЕНАНД, 2011.
- ²³ *Ноэль-Нойман Э., Петерсон Т.* Все, но не каждый. Введение в методы демоскопии. М.: МГУКИ, 2007. 616 с.
- ²⁴ *Михеенкова М.А.* Указ. соч.

ПАРТНЕРСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ КАК СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается состояние политической системы в современной России накануне активного политического сезона 2011–2012 гг., затрагиваются вопросы теоретического обоснования деятельности общественных движений и практические примеры партнерства политических партий и общественных объединений, ресурс их взаимодействия для модернизации властных и общественных институтов.

Ключевые слова: модернизация, гражданское общество, политические партии, гражданские инициативы, мобилизация ресурсов, легитимность политической власти, выборы.

Модернизация в России невозможна без опоры на структуры гражданского общества, создающие социальную базу модернизации. В современных условиях эффективность решения общественных задач должна определяться не столько бюрократической иерархией или рыночно-государственным менеджментом, сколько совместными действиями государства и общества, политических структур с разнообразными группами интересов, представленных гражданскими инициативами. Наряду с государством в новую систему управления попадают бизнес-структуры, ассоциации гражданского общества, структуры местного самоуправления, международные организации. Возрастает роль гражданских инициатив, особенно в нестабильных обществах, создающих почву для возникновения массовых общественных и политических движений в будущем. Они преодолевают атомизированность и отчуждение современного общества через установление неформальных социальных связей и формируют новые практики – активного и

непосредственного участия населения в локальной политике. А при кризисе властных отношений становятся питательной средой для появления новых лидеров, идей.

В настоящее время политические партии, являющиеся во всех обществах одним из главных связующих звеньев между населением и властью, делят свое влияние с другими социальными субъектами, прежде всего общественными организациями и движениями. В России партийная система существует в условиях снижения конкурентности выборов, повышения уровня их предсказуемости и управляемости и как следствие отсутствия реальной многопартийности¹. В рамках уходящего политического цикла активно проходили процессы «поглощения» действующими политическими игроками общественно-политических структур. Например, партия «Единая Россия» объединилась с «Российской объединенной промышленной партией» (РОПП), с Аграрной партией России – крупнейшим политическим представителем интересов сельскохозяйственных производителей страны. В партию «Справедливая Россия» вошли Народная партия Российской Федерации, Социалистическая единая партия России, «Развитие предпринимательства», Партия конституционных демократов (до выборов в декабре 2007 г.), Партия социальной справедливости, партия «Зеленые». Как правило, после «слияния» происходит дальнейшая перерегистрация партий в общественные движения и организации, а также стремление их лидеров сохранить сетевые структуры. Следует принимать в расчет и те факты, что в условиях господства «суверенной демократии» многие общественные силы, претендовавшие на регистрацию в качестве политических партий, так и не сумели отстоять свою субъектность и вынуждены довольствоваться статусом общественных организаций (Сельская Россия, Аграрии России, «ВОЛЯ», «Партия народной свободы», «За Россию без произвола и коррупции» и др.). В докладе Института современного развития «Обретение будущего» поставлен следующий социально-политический диагноз: «моноцентрический, вертикальный характер власти, глухота власти и забитость каналов общественного влияния»², что стало серьезным вызовом накануне активного политического сезона – парламентской кампании в декабре 2011 г. и президентской в 2012 г. – как для партийной системы, так для правящей элиты.

Очевидно, что власти бюрократии может противостоять только гражданин, только гражданское общество. Однако современное общество – от глобального уровня до небольших социальных групп – переживает главный дефицит – дефицит «социального капитала» как способности людей ради реализации общей цели работать вместе в одном коллективе. Этого требует и пока еще «государственный»,

но не социальный заказ на модернизацию. Очевидно, что выиграет тот, кто не только способен к капитализации нефтедолларов, но и придаст новое значение безусловной ценности социального капитала в условиях глобальных трансформаций.

Выявление предпосылок и оснований для взаимодействия политических партий и общественных организаций и определение конкретных ответов на обозначенный вызов времени действующей политической системы в России требует предметного рассмотрения.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что модернизация есть необходимость с точки зрения изменений политической системы общества. Однако прежде чем анализировать возможности и перспективы политической модернизации попробуем ответить на вопрос: «Кто заинтересован в модернизации?» И в политике модернизации, и в модернизации политики. Вспомним классика немецкой философии Гегеля, который считал, что развитие есть тяжелая неблагодарная работа против самого себя, что означает по меньшей мере то, что всякая модернизация связана с ограничениями, а никак не с благами «манны небесной» рентного общества и сырьевой экономики. В целом общество в отношении модернизации настроено скорее негативно, чем позитивно. По оценкам ученых, сегодня не готовы к модернизации сырьевой бизнес, потребители (общество потребления), интеллектуальный класс, превратившийся в обслуживающий персонал бизнес-элит. Заинтересованными в модернизации является узкий слой инновационного бизнеса, политические деятели, выигрывающие от модернизационной риторики, инновационно ориентированный средний класс, часть интеллектуального класса³.

В условиях фактической бессубъектности политики, а значит, фактической бессубъектности российского социума в модернизации политики, политической системы общества заинтересован еще более «узкий круг революционеров». В силу выбранного подхода к модернизации как необходимости совершенствование политической системы невозможно без опоры на прогрессивно направленные интересы в обществе, продуцирование которых возможно в структурах гражданского общества и политических институтах, под которыми будем понимать общественные объединения и политические партии.

Среди современных подходов теоретико-методологического осмысления данной проблематики можно отметить социологические теории: теорию социального пространства П. Бурдьё⁴, концепцию коммуникативного действия Ю. Хабермаса⁵, теорию структуризации Э. Гидденса⁶, социологию постиндустриального общества А. Туре-

на⁷, концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана⁸. В качестве теоретических оснований взаимодействия и артикуляции интересов в связке «партия – общественные объединения» можно рассматривать теорию мобилизации ресурсов Н. Залд, Ч. Тилли. Из всех функций в данном взаимодействии востребованными оказываются прежде всего функция мобилизации электората в период избирательной кампании, а также селектирование политических лидеров в структуры власти⁹. Еще М. Вебер утверждал, что современное государство, основой которого является бюрократия, все же не может рассчитывать на развитие, если в нем нет политиков. Только политики, то есть те, кто борется за власть для реализации некоторых общественно значимых целей и не боится взять на себя ответственность, могут менять страны и мир¹⁰. П. Бурдьё считал, что политическое действие возможно постольку, «...поскольку у агентов, включенных в социальный мир, есть знание об этом мире и поскольку можно воздействовать на социальный мир, воздействуя на их знание об этом мире»¹¹. Высокий эвристический потенциал имеет теория политических сетей (policy network)¹².

Политики-практики в поиске опоры на «живую энергию масс» подтверждают данные теоретические воззрения на примере того, что в начале мая текущего года на межрегиональной конференции политической партии «Единая Россия» в Волгограде Владимир Путин объявил о создании Общероссийского народного фронта, и последовавшее за этим проведение праймериз. В ОНФ, по словам премьер-министра, «могут войти любые заинтересованные общественные организации. Главное, по словам премьера, чтобы они занимались «конкретным живым делом». «Меня это радует, потому что действительно можно добиться той цели, которую перед собой ставил, изначально формулируя свое предложение. А именно: чтобы по каналам и используя инструменты “Единой России” появились новые люди со свежими идеями, востребованными для реализации в России сегодня и на ближайшую перспективу»¹³. А лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, выступая на V съезде партии в апреле 2011 г., сказал, что «вертикаль власти отстроена. Пришло время отстраивать горизонталь гражданского общества и свободы»¹⁴. О создании народного ополчения заявил и лидер КПРФ Геннадий Зюганов.

Учреждение Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, его кадровое усиление и расширение полномочий, понимание того, что «стратегия критического взаимодействия с государственной властью может оказаться более действенной, чем радикальная оп-

позиционная стратегия»¹⁵, когда «насилие как средство разрешения конфликтов исторически вытесняется модусом разумного взаимодействия граждан»¹⁶, также определяют условия для цивилизованного партнерского диалога общественных организаций с правящей партией и системной парламентской оппозицией.

При выявлении оснований взаимодействия и сотрудничества политических партий и общественных объединений наиболее очевидным является следующее. Наблюдается отчетливый кризис государственности и новое состояние государственно-общественных отношений. Исходя из теории политических сетей (policy network), в современную эпоху эффективное политическое управление не может быть основано на использовании старых принципов деятельности иерархических, бюрократических структур. Данные инновации поддерживает в своем радиointerview Зигмунд Бауман: «Старые политические структуры больше не работают, потому что власть и политика, в течение последних веков интимно сосуществовавшие друг с другом, разводятся. Между ними было полное соответствие и содействие – вся власть была внутри, а политические институты ее регулировали. Теперешняя глобализация приводит к обратному результату. Власть испаряется, улетает в, как я его называю, экстерриториальное киберпространство, а политика при этом остается территориальной. Политика остается на месте, власть же идет своим путем»¹⁷.

В настоящее время политические партии, являющиеся связующим звеном между населением и властью, в соответствии с действующим законодательством сами выступают в роли общественных объединений. Налицо «родовая близость» этих общественных институтов, делающих ставку на сетевой принцип не только в самоорганизации, но и при выстраивании взаимодействия. Однако специфика политической партии состоит в том, что политическая деятельность имеет своим предметом стратегическое целеобразование общества. Цель – это самый сложный продукт, который создается политическим обществом. Интеллектуальные партии, являющиеся ключевым механизмом разработки научно обоснованных моделей желаемого будущего, а массовые политические партии – костяком структуры политического общества, обеспечивают стабильность государства. Содержательные политические партии дают шанс на разработку схем опережающего реагирования при глобальных мировых и национальных кризисах. Практическая работа политических партий по декларированию «Стратегии 2020», разработка народной программы, («Единая Россия»), нового социализма, социализма 3.0 (Справедливая Россия), социалистическая модернизация (КПРФ), капитализм для всех («Правое

дело») чаще пиаровски, нежели содержательно, подтверждают это предназначение.

Парламентская кампания в декабре 2011 г. прошла в условиях низкого политического участия и кризиса доверия к политическим институтам власти как таковым. Кризис доверия и легитимности политической власти на современном этапе развития российского общества обусловлен, с одной стороны, скептицизмом и недовольством значительной части населения деятельностью государственной власти, а также политических партий, представляющих конкретные группы интересов, с другой стороны, слабостью самой власти, ее неспособностью эффективно решать актуальные проблемы современной российской действительности¹⁸. За 2010 г. доля опрошенных, сомневающих в способности правительства в ближайший год улучшить положение дел в стране, выросла на 20%: в начале года доля таких ответов составляла примерно 40%, к концу года уже 50%¹⁹. При этом политическим партиям, выступающим ключевым институтом политического общества, требуется обращение к активным участникам гражданского общества в целом для расширения представленности общественных интересов и отстаивания их, продвижение в сферу принятия политических решений, опоры на гражданские инициативы. Актуализация данного аргумента становится еще более значимой, так как сложившаяся партийная система России развивается по пути уменьшения политических игроков с их недостаточным дистанцированием от официальной политики (эффект неотличимости). Если в 1995 г. в России было 111 политических партий, то 2011 г. – 7, из них лишь 4 парламентские. В то же время гражданское общество в лице общественных объединений отражает различные идейно-политические течения и подходы – от крайне левых до радикально-либеральных, довольно четко структурированных по таким основаниям, как профессиональная принадлежность, социальное положение, возраст и пол. По данным Общественной палаты РФ состояние НКО и НПО таково, что из 360 тыс. зарегистрированных общественных объединений лишь 38% действуют реально²⁰. Современные исследования показывают также, что взаимодействие некоммерческого сектора и власти есть, а серьезного, значительного влияния нет²¹. Следовательно, для тех из них, которые реально действуют, одним из путей «продвижения» общественных интересов становится их канализация через политические партии. Авторское исследование, проведенное методом опроса лидеров региональных отделений партии «Справедливая Россия» из 31 субъекта России в 2010 г., показывает, что партийно-общественные институты взаимно действовали для поддержки гражданских инициатив по защите прав жи-

лицных и земельных дольщиков, за доступность детских садов, в защиту прав садоводческих и огороднических товариществ, сохранения культурно-архитектурного наследия (в частности, Москвы, Санкт-Петербурга), изменения пенсионного законодательства, против введения ЕГЭ, против коммерциализации бюджетной сферы. Связано это и с тем, что верховная власть актуализирует проблематику модернизации политической системы, которая базируется на принципе выборности с федерального до муниципального уровня. Происходит повышение роли партий в федеральном и региональном политическом процессах на фоне дальнейшей «партизации» действующей в России избирательной системы, вплоть до проведения выборов муниципального уровня по партийным спискам.

Мониторинг мнения общественных объединений, партнерски настроенных по отношению к партии «Справедливая Россия», в ходе региональных и муниципальных избирательных кампаний 2010–2011 гг. выявил большое количество актуальных предложений для рассмотрения и проработки в политической и законодательной практике. Общественники считают, что назрели вопросы принятия законов «О социальном заказе системе образования на нравственное, психическое, творческое и физическое развитие личности», «Урегулирования правовых взаимоотношений мелких землевладельцев и государства», «Об инновационной деятельности в РФ», «О стимулировании развития изобретательской и рационализаторской деятельности в РФ», «О молодежных ЖСК», «О развитии массового технического творчества в РФ». Необходимо изменить порядок организации публичных мероприятий профсоюзами. Гражданский сектор поддерживает труднопроходимые через горнило «большинства» инициативы – введение прогрессивного подоходного налога, законопроект о строительных сберегательных кассах. Общественники предлагают меры, которые усилят действие принципа разделения властей, например введение в Конституцию РФ положения о выборных должностях Прокурора РФ и Судьи РФ для обеспечения равновесия между ветвями власти. С точки зрения введения мер общественного контроля предлагается ввести выборную должность руководителя Службы общественного порядка в муниципалитетах.

Самую большую обеспокоенность вызывает устойчивая тенденция высокой зависимости общественных организаций от местных, региональных, властей и случаи административного давления. На это указала треть опрошенных руководителей общественных объединений. Это проявляется в использовании административного ресурса и давлении на руководителей общественных организаций со стороны областной и городской властей, со стороны чиновни-

ков различных уровней «Единой России», деление руководителей общественных организаций на «своих», которые используются в качестве инструмента «всенародной поддержки», и «других» – инакомыслящие. Происходит это чаще всего в силу того, что общественники по-прежнему остаются несамостоятельными, большинство опрошенных, или 64%, говорят о нехватке финансирования их текущей деятельности, 20% считают, что достаточно мало людей, готовых работать за идею.

Таким образом, деятельность политической партии и общественных организаций как постоянных участников социальной жизни и ведущих постоянную работу по реализации своих целей и задач вне зависимости от даты выборов, не исключает возможность «перетекания» общественных объединений в политические и наоборот. Непрерывное взаимодействие политических партий и общественных организаций также позволяет более точно чувствовать социальные настроения, более эффективно добиваться общественно значимых целей и задач, защищать интересы избирателей, демонстрируя постоянно свое присутствие на социально-политической арене, а значит, формировать социальную базу модернизации в современной России. Кроме того, исходя из формирующегося публичного дискурса²², реальная модернизация вряд ли состоится без конкурентной партийной системы и чередования во власти различных идеологических политических центров в лице политических партий, отражающих общественные интересы, достаточные для прогрессивного развития страны. Взаимодействие политических партий с общественными объединениями, гражданскими инициативными группами создает возможность для солидарных действий в целях предотвращения закрытости правящей элиты, налаживания каналов общественного влияния на сферу принятия политических решений.

Примечания

- ¹ Михалёва Г.М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009. С. 32.
- ² Доклад Института современного развития «Обретение будущего» [Электронный ресурс] // Институт современного развития. URL: http://www.insor-russia.ru/files/Finding_of_the_Future%20FULL_.pdf (дата обращения: 20.08.2011).
- ³ Гаман-Голутвина О. Вам лексус или модернизацию? 26.01.11 [Электронный ресурс] // Университет МГИМО. Информационный портал. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document179315.phtml> (дата обращения: 18.07.2011)

- ⁴ *Бурдье П.* Социальное пространство: поля и практики / Сост., общ. ред., пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
- ⁵ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем., под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
- ⁶ *Гидденс Э.* Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический проект, 2005.
- ⁷ *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. с фр. Е.А. Самарской, ред. М.Н. Грецкий. М.: Научный мир, 1998. 205 с.
- ⁸ *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- ⁹ *Здравомыслова Е.А.* Парадигмы и модели социологии общественных движений: Учеб. пособие. М.: РАГС, 2004. 242 с.
- ¹⁰ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kant.narod.ru/weber.htm> (дата обращения: 09.12.2010).
- ¹¹ *Бурдье П.* Социология социального пространства [Электронный ресурс] // Scribd. URL: <http://www.scribd.com/doc/47762944/> (дата обращения: 09.12.2010).
- ¹² Государственная политика и управление: Учебник: В 2 ч. Ч. 1: Концепции и проблемы государственной политики и управления / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2006. [Электронный ресурс] // Библиотека политолога. URL: http://gpb22.narod.ru/smorgunov_1/chapter13.html (дата обращения: 02.04.2011).
- ¹³ *Путин В.В.* В ОНФ уже решили войти почти 150 организаций [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Планета». URL: <http://www.iaplanet.com/molniya/8739-putin-v-onf-uzhe-reshili-voyti-pochti-150-organizaciy.html> (дата обращения: 04.08.2011).
- ¹⁴ Из выступления председателя Совета Федерации РФ Сергея Миронова на V съезде политической партии Справедливая Россия [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический сайт «Гражданское общество – будущее России». URL: <http://www.frgp.ru/news/2011-04-19-368> (дата обращения: 05.07.2011).
- ¹⁵ В Москве прошел круглый стол на тему «Гражданское общество и гражданская активность в России» [Электронный ресурс] // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». URL: <http://www.spravedlivo.ru/smi/apnews/13198.php> (дата обращения: 05.07.2011).
- ¹⁶ Юрген Хабермас о конфликтах, демократии и публичной сфере // Материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М., 2011. С. 80.
- ¹⁷ Зигмунд Бауман: «Завтра будет стыдно за то, чем можно гордиться сегодня». Интервью с З. Бауманом. [Электронный ресурс] // Český rozhlas. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/razgovor/zigmund-bauman-zavtra-budet-stydno-za-to-chem-mozhno-gorditsya-segodnya> (дата обращения: 09.09.2011).

М.Ю. Милованова

- ¹⁸ Баранов Н.А., Исаев Б.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 65.
- ¹⁹ Индекс социальных настроений от 24.12.2010 [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: <http://www.levada.ru/press/2010122404.html> (дата обращения: 08.09.2011).
- ²⁰ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2010 год. М.: Общественная палата Российской Федерации, 2010. С. 12.
- ²¹ «Третий сектор» России: оценка влиятельности. Аналитический отчет по результатам экспертного опроса [Электронный ресурс] // Исследовательская группа ЦИРКОН. URL: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/080332.pdf> (дата обращения: 07.08.2011).
- ²² Великая Н.М. Политическая модернизация в российском публичном дискурсе как отражение конфликтов групп интересов // Материалы Всерос. науч.-практ. симпозиума с международным участием «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». С. 153.

В.В. Попов

СПЕЦИФИКА
МЕТОДА МЕДИАМЕТРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ПОСТРОЕНИЕ РЕЙТИНГОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Статья посвящена исследованию динамики рейтингов российских политических партий в информационном пространстве накануне и между выборами в законодательные и представительные органы власти. Специфика медиаметрических методов основана на анализе статистики, полученной из открытых источников информации (СМИ). Рейтинги эффективности российских политических партий, составленные крупными информационно-аналитическими центрами, рассматриваются в контексте текущих социально-политических процессов и уровня информационного благоприятствования.

Ключевые слова: рейтинги эффективности, политические партии, упоминаемость, источники информации, центры медиаметрики, информационное благоприятствование.

После распада Советского Союза в последние два десятилетия в результате трансформации социально-политической системы Российской Федерации возникли различные демократические институты, в частности политические партии и конкурентные выборы в исполнительные и законодательные органы власти.

Результаты голосования в представительные органы власти стали основным критерием эффективности функционирования политических партий. И в период избирательных кампаний, и в повседневной политической работе парторганизации опираются на результаты социологических опросов, в том числе на рейтинги доверия избирателей.

В средствах массовой информации публикуется большое количество исследований по этой тематике. Различные специали-

зированные информационно-аналитические и научно-исследовательские центры (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр и т. д.) приводят данные опросов, тем самым не только рассказывая о предпочтениях электората, но и в определенной степени влияя на эти предпочтения (считается, что часть избирателей склонна присоединиться к формируемым таким образом группам). В настоящее время действует законодательная норма, которая запрещает публикацию рейтингов и прогнозов за пять дней до дня волеизъявления граждан.

Одновременно с перечисленными центрами изучения общественного мнения в настоящее время действуют крупные центры медиаметрики (например, компании Public.Ru, Park.Ru, СКАН, «Интегрум», «Медиалогия»), которые публикуют собственные исследования, полученные на основе анализа открытых источников информации. Они предлагают игрокам политического поля свои расчеты PR-активности. Это своеобразные «рейтинги эффективности» деятельности политических партий между избирательными кампаниями наряду с прочими социологическими исследованиями.

Развитие информационных технологий позволило значительно ускорить процесс накопления и обработки данных. Это в свою очередь привело к тому, что информационно-аналитические службы стали создавать и применять новые инструменты контроля и описания деятельности партий и, соответственно, выстраивать на их основе собственные рейтинги эффективности.

В настоящее время центры медиаметрики располагают значительными электронными архивами и предоставляют информационное обеспечение, включающее как типовые, так и уникальные задачи поиска, систематизации и обработки информации. Например, Public.Ru¹ специализируется на предоставлении «полного спектра услуг по работе с материалами массмедиа: от онлайн-доступа к уникальной коллекции публикаций до мониторинга СМИ и эксклюзивных аналитических исследований». Park.Ru² предоставляет множество готовых тематических мониторингов новостей по так называемым «отраслевым зонам». СКАН публикует рейтинги самых упоминаемых персоналий и организаций³. Значения рейтингов пересчитываются каждые 5–10 минут и доступны на любую дату с 1992 г. Данный сервис тесно интегрирован с поисковым модулем системы и позволяет получить подборку документов по персоне или организации, попавшей в рейтинг, и как следствие определить наиболее актуальные темы.

Компания «Интегрум» разработала собственный инструмент, позволяющий определить положение объекта на рынке внимания,

так называемый ИндЭкс Интегрум (IndEx Integrum) – Индекс экспонирования Интегрум. Он «связывает такие понятия, как мера внимания канала коммуникации к объекту и величину потенциальной аудитории канала»⁴.

Индекс экспонирования Интегрум вычисляется как произведение количества публикаций об объекте в выборке, умноженное на размер аудитории (средней аудитории номера, AIR, теле- или радиопередачи, посещаемости сайта) отдельного канала коммуникаций или совокупности каналов. ИндЭкс Интегрум по смыслу близок к показателю, применяемому в медиапланировании, – «количество возможностей увидеть» (opportunity-to-see, OTS).

На основе ИндЭкса «Интегрум» публикует рейтинги «16 тем», «1591 организации», «2227 персон», в том числе «Рейтинг политических партий», который отображает динамику изменения положения политических партий, а также абсолютное значение Индекса Интегрум – охват целевой аудитории, которая имела возможность получить информацию о партии за выбранный период⁵.

«Медиалогия» занимается продвижением «рейтингов эффективности» последовательно. Она также разработала собственные online-продукты, нацеленные на решение отдельных задач анализа СМИ, и профессиональные пакетные решения, позволяющие анализировать репутацию организации или персоны, осуществлять конкурентный анализ⁶.

В качестве одной из услуг «Медиалогия» предлагает расчет «Индекса информационного благоприятствования» (ИИБ). Индекс позволяет оценить информационную ситуацию, сложившуюся вокруг персоны, компании или бренда. При расчете ИИБ учитывается как характер сообщения, так и позиция самого СМИ на информационном рынке. Позиция СМИ рассчитывается исходя из данных по тиражу или размеру аудитории СМИ. Принимается во внимание также мнение о СМИ профессиональных исследовательских организаций. Оценка объекта в сообщении учитывает два параметра: характер упоминания и уровень «яркости» объекта в сообщении. Характер упоминания может принимать три значения – позитивный, негативный или нейтральный. «Яркость» складывается из ряда характеристик. Во-первых, учитывается «роль» объекта в сообщении, которая может быть трех типов – главной, второстепенной или эпизодической. Во-вторых, принимается во внимание наличие прямой или косвенной речи в сообщении. В-третьих, учитывается наличие конфликтной ситуации, описываемой в сообщении. Индекс определяется как сумма индексов по всем сообщениям, в которых упоминается объект. Значение индекса может быть как положительным, так и отрицательным. Чем выше

положительное значение индекса для объекта, тем более позитивно и выгодно он представлен в сообщениях СМИ⁷.

«Медиалогия» выводит свой так называемый «основной» рейтинг по информационному благоприятствованию, который показывает уровень благоприятствования массмедиа к партиям и лидерам с учетом количества сообщений, тона и объема внимания, влияния СМИ. Данный «рейтинг эффективности» регулярно размещается на страницах ежедневной газеты «Время новостей», в рубрике «Политики глазами СМИ» (совместный проект «Времени новостей» и компании «Медиалогия», рейтинги политических персон, наиболее активно обсуждаемых в федеральной прессе и эфире центральных ТВ-каналов).

Наряду с рейтингом депутатов Государственной думы РФ, отражающим как общее количество публикаций за месяц, так и уровень информационного благоприятствования в отношении каждого представителя российского парламента, еженедельно публикуются рейтинги губернаторов РФ, министров РФ и глав зарубежных государств⁸.

По итогам исследуемого «Медиалогией» и «Временем новостей» периода, например 10 ноября – 10 декабря 2010 г., первое место в обоих рейтингах депутатов занял спикер Госдумы Борис Грызлов. Председатель высшего совета партии «Единая Россия» принял участие во встрече главы государства Дмитрия Медведева с лидерами парламентских партий. Кроме того, Борис Грызлов анонсировал заседание Госдумы с участием не представленных в ней партий, а также объявил о введении в состав бюро высшего совета партии власти мэра Москвы Сергея Собянина.

Лидер партии ЛДПР Владимир Жириновский занял второе место в двух списках. Г-н Жириновский на встрече президента Медведева с лидерами думских партий поставил вопрос о наказании губернатора Краснодарского края Александра Ткачева в связи с массовым убийством 12 человек в станице Кущевской.

Третье место в медиарейтингах занял лидер КПрФ Геннадий Зюганов. Самым заметным событием для лидера КПрФ стала вышеупомянутая встреча Дмитрия Медведева с руководителями парламентских партий, где Зюганов заявил о необходимости модернизации экономики страны.

Самое заметное перемещение в рейтинге по качественному показателю ИИБ продемонстрировали члены фракции «Справедливая Россия» Оксана Дмитриева и Галина Хованская, а также члены фракции «Единая Россия» Андрей Макаров, Александр Хинштейн, Павел Крашенинников и Ирина Яровая⁹. Издание публикует рейтинги в виде сводной таблицы.

Таблица 1

Упомянутость персон в СМИ

Позиция в рейтинге	Изменение позиции в рейтинге	Фамилия, имя, отчество	Количество упоминаний
1	+1	ГРЫЗЛОВ Борис Вячеславович	242
2	-1	ЖИРИНОВСКИЙ Владимир Вольфович	210
3	0	ЗЮГАНОВ Геннадий Андреевич	113
4	+3	ГУДКОВ Геннадий Владимирович	95
5	+24	ХИНШТЕЙН Александр Евсеевич	70
6	-1	КОБЗОН Иосиф Давыдович	67
7	-1	ИСАЕВ Андрей Константинович	62
8	+6	ДМИТРИЕВА Оксана Генриховна	59
9	+4	ПЛИГИН Владимир Николаевич	54
10	+8	МАРКОВ Сергей Александрович	52
11	-3	ЛЕВИЧЕВ Николай Владимирович	50
12	+1	ВАСИЛЬЕВ Владимир Абдуалиевич	43
12	+2	НЕВЕРОВ Сергей Иванович	43
12	-8	ЕГИАЗАРЯН Ашот Геворкович	43
13	+27	ЯРОВАЯ Ирина Анатольевна	40
13	+18	ГОВОРУХИН Станислав Сергеевич	40
13	+2	ИЛЮХИН Виктор Иванович	40
13	+2	АКСАКОВ Анатолий Геннадьевич	40
14	+16	ХОВАНСКАЯ Галина Петровна	39
14	+10	ЗВАГЕЛЬСКИЙ Виктор Фридрихович	39
15	-4	КОСАЧЕВ Константин Иосифович	36
16	+25	РЕЗНИК Борис Львович	34
16	+11	МАКАРОВ Андрей Михайлович	34
17	+6	ГРУЗДЕВ Владимир Сергеевич	33
18	0	ЛЕБЕДЕВ Игорь Владимирович	31
18	-9	ВОРОБЬЕВ Андрей Юрьевич	31
19	+3	КРАШЕНИННИКОВ Павел Владимирович	29
19	-2	МЕЛЬНИКОВ Иван Иванович	29
20	+15	БЕЛЯКОВ Антон Владимирович	26

Информационное благоприятствование

№ п/п	Изменение позиции в рейтинге	Фамилия, имя, отчество	Индекс информационного благопр.
1	+2	ГРЫЗЛОВ Борис Вячеславович	2 947,59
2	-1	ЖИРИНОВСКИЙ Владимир Вольфович	2 490,55
3	-1	ЗЮГАНОВ Геннадий Андреевич	1 639,71
4	+25	ДМИТРИЕВА Оксана Генриховна	1 196,57
5	+1	ИСАЕВ Андрей Константинович	1 150,09
6	+22	МАКАРОВ Андрей Михайлович	1 042,287
7	+4	ГУДКОВ Геннадий Владимирович	978,78
8	+33	ХИНШТЕЙН Александр Евсеевич	841,09
9	+8	ЛЕВИЧЕВ Николай Владимирович	804,15
10	-6	НЕВЕРОВ Сергей Иванович	758,89
11	+12	МАРКОВ Сергей Александрович	738,05
12	+27	КРАШЕНИННИКОВ Павел Владимирович	716,83
13	+87	ЯРОВАЯ Ирина Анатольевна	676,68
14	+4	ВАСИЛЬЕВ Владимир Абдуалиевич	627,73
15	-7	ГРУЗДЕВ Владимир Сергеевич	586,49
16	+44	ХОВАНСКАЯ Галина Петровна	533,94
17	+13	ГРИШАНКОВ Михаил Игнатьевич	496,74
18	+3	ПЛИГИН Владимир Николаевич	496,25
19	-4	КОСАЧЕВ Константин Иосифович	462,38
20	-1	МОРОЗОВ Олег Викторович	448,39

Рейтинги, полученные на основе данных «Медиалогии», активно использовались накануне выборов в Мосгордуму в 2009 г. В частности, системой был отмечен рост числа сообщений о вероятности новых потрясений российской экономики. Мрачные предсказания якобы напугали политиков. Поэтому в регионах, где выборы должны были состояться весной 2010 г., задумались о переносе их на осень

2009 (если кризис ударит в октябре–ноябре, к весне голосовать за действующую власть никто не захочет). Осенью же можно будет успеть набрать неплохой процент. Мол, руководствуясь именно этими соображениями, столичный мэр Юрий Лужков принял решение провести выборы в Мосгордуму в октябре 2009 г.¹⁰

Согласно результатам исследования, выполненного «Медиалогией», в июле 2009-го «Единая Россия» доминировала в эфире телеканала «Россия» (47% времени). На втором месте оказалась «Справедливая Россия» – 24%, на третьем – ЛДПР с 20%, на четвертом КПРФ – 9%¹¹.

Незадолго до выборов в городскую думу Москвы «Центр исследования политической культуры России», ссылаясь на «Медиалогию», опубликовал так называемые «Мониторинги манипуляции сознанием. Образ КПРФ, формируемый федеральными телеканалами» (за июль и август 2009 г.), в которых на подробном статистическом материале проанализировано неравенство различных политических партий в информационном пространстве¹².

После окончания избирательной кампании коммунисты привели рейтинги упоминаемости партий (со ссылкой на «Медиалогию») и пришли к выводу, что «первая, предвыборная, декада октября ознаменовалась полной оккупацией эфира “Единой Россией”, однако после выборов доля всех остальных партий в эфире вновь возросла»¹³.

Регулярно совместно с журналом «Секрет фирмы» информационно-аналитическая система «Медиалогия» (на страницах издания) приводит рейтинг информационных поводов. Например, в период с 20 февраля по 20 марта 2010 г., в числе наиболее употребляемых слов оказалось слово «оппозиция» (25 242 упоминаний). Аналитики связали это с тем, что выборы в российских регионах завершились традиционной победой партии «Единая Россия» и протестами оппозиции по этому поводу¹⁴.

Сайт Коммерсант.ру совместно с «Медиалогией» в онлайн-доступе ведет рубрику «Рейтинги», где в «Рейтингах статей», «Рейтингах тем» и «Рейтингах упоминаемости» регулярно сообщает о важных политических проблемах. В частности, среди наиболее упоминаемых организаций декабря 2010 г. названа Госдума РФ¹⁵.

Сектор политического мониторинга Отдела по информационно-аналитической работе и проведению выборных кампаний ЦК КПРФ на основе материалов ИАС «Медиалогия» проводит мониторинг федерального политического партийного телеэфира: подсчитывает продолжительность освещения деятельности четырех парламентских партий (КПРФ, «Единая Россия», «Справед-

ливая Россия» и ЛДПР) в новостных и аналитических передачах пяти федеральных телеканалов («Первый», «Россия», НТВ, ТВЦ и Рен-ТВ), а также ведет хронометраж синхрона (прямой речи) представителей этих партий. Данные анализируются и обобщаются по недельным отрезкам и публикуются на сайте КПРФ¹⁶.

По мнению «Независимой газеты», коммунисты, опираясь на рейтинги эффективности, предоставленные системой анализа информации «Медialogия», «с воодушевлением убедились, что их позиции в медиапространстве продолжают крепнуть». «Единая Россия» остается впереди всех – 52% упоминаний, «но и у КПРФ дела неплохи – 25,4%»¹⁷. По мнению аналитиков КПРФ, если рейтинг ЕР стабилизировался, то у Компартии за ноябрь вырос на 3,7%. У единороссов процент упоминаемости партийной деятельности превышает процент внимания СМИ к работе фракций в Госдуме, в то время как у эсэров и либерал-демократов – наоборот. На основе полученных данных в КПРФ делают вывод о том, что ЛДПР и СР настоящими партиями считаться не могут, что главным делом для них является пиар. У ЕР разрыв между партийной и депутатской упоминаемостями чересчур велик. Он составляет более 10%, то есть «представители этой партии в ГД сами по себе ничего не представляют». В тоже время у КПРФ, по ее собственному мнению, «разрыв тот, который нужен, – только 1%».

В заключение можно констатировать, что рейтинги эффективности позволяют влиять на формирование определенных политических предпочтений, а также формируют более четкую картину политико-информационного пространства.

Примечания

- ¹ Интернет-библиотека СМИ. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.public.ru/about/> (дата обращения: 04.05.2011).
- ² Мониторинг СМИ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.park.ru/> (дата обращения: 04.05.2011).
- ³ Система комплексного анализа новостей [Электронный ресурс] // URL: <http://scan.interfax.ru/About.aspx> (дата обращения: 04.05.2011).
- ⁴ ИндЭкс Интегрум [Электронный ресурс] // URL: <http://www.index.integrum.ru/IndexMethod.aspx> (дата обращения: 06.05.2011).
- ⁵ Рейтинг политических партий [Электронный ресурс] // ИндЭкс Интегрум. URL: <http://index.integrum.ru/ThemeInfoPage.aspx?oid=108> (дата обращения: 06.05.2011).

- ⁶ Преимущества «Медиалогии» для мониторинга СМИ [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическая система Медиалогия. URL: <http://www.mlg.ru/solutions/pr/> (дата обращения: 04.07.2011).
- ⁷ Индекс информационного благоприятствования (ИИБ) [Электронный ресурс] // Информационно-аналитическая система «Медиалогия». URL: <http://www.mlg.ru/technologies/iib/> (дата обращения: 04.07.2011).
- ⁸ Депутаты в СМИ. 10 ноября – 10 декабря 2010 года [Электронный ресурс] // Время новостей № 229. 14.12.2010. URL: <http://www.vremya.ru/2010/229/4/266315.html> (дата обращения: 05.03.2011).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Билевская Э.* Кризисный откат // Независимая газета. Приложение: НГ-Политика. 06.10.2009.
- ¹¹ *Родин И.* Равенства на экране не получается // Независимая газета. 2009, 20 авг.
- ¹² Мониторинги манипуляции сознанием. Образ КППФ, формируемый федеральными телеканалами. Июль 2009 года [Электронный ресурс] // Центр исследований политической культуры России. URL: http://www.cipkr.ru/research/tv_daily/_70779.html (дата обращения: 06.10.2010); Мониторинги манипуляции сознанием. Образ КППФ, формируемый федеральными телеканалами. Август 2009 года [Электронный ресурс] // Центр исследований политической культуры России. URL: http://www.cipkr.ru/research/tv_daily/_71195.html (дата обращения: 06.10.2010).
- ¹³ Хронометраж партийного эфира. Октябрь 2009 года [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Российской Федерации. URL: <http://kprf.ru/tv/72860.html> (дата обращения: 07.12.2010).
- ¹⁴ Слова марта. В марте россияне восхищались победами параолимпийцев, возмущались действиями МВД и удивлялись итогам региональных выборов // Секрет фирмы. № 4 (296). 2010, 12 апр.
- ¹⁵ Коммерсант. Рейтинги [Электронный ресурс] // Коммерсантъ.ru URL: <http://www.kommersant.ru/ratings/references/?period=month#orgs> (дата обращения: 09.07.2011).
- ¹⁶ Хронометраж партийного телеэфира 11–20 ноября 2010 года [Электронный ресурс] // Центр исследований политической культуры России. URL: http://cipkr.ru/research/tv_daily/_84847.html (дата обращения: 06.10.2010).
- ¹⁷ *Родин И.* Что такое настоящая партия // Независимая газета. 2010. 16 дек.

Д.В. Соловьев

ПАРЛАМЕНТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: ОПЫТ ПОЛЬШИ

В статье на основе исследования опыта парламентских расследований в современной Польше раскрывается политическое содержание данного института, выявляется влияние общественного мнения на проведение расследования, устанавливается взаимосвязь между работой следственных комиссий сейма и результатами выборов.

Ключевые слова: политическая социология, политические процессы, политический институт, парламентское расследование, Польша, выборы.

В 2005 г. был принят Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации». С тех пор Федеральное Собрание провело всего одно парламентское расследование обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 г. Комиссия, согласно итоговому докладу, представленному Федеральному Собранию, работала всего три месяца и провела всего восемь заседаний¹. Поэтому российская практика подобных расследований дает крайне мало материала для исследования. Чтобы познать реальное политическое содержание данного института, необходимо обратиться к зарубежному опыту, прежде всего опыту близких нам стран транзитивной демократии Восточной Европы.

Почему Польша? В качестве ответа на этот вопрос можно привести слова академика Кудрявцева В.Н.: «Россия и Польша, две страны, образованные глубоко родственными народами, прошли большой исторический путь, изобиловавший драматическими и трагическими событиями ... Российскому читателю не только инте-

---

© Соловьев Д.В., 2012

ресен, но и весьма важен опыт тех демократических преобразований, которые происходили и продолжают происходить в соседней, очень близкой нам по традициям, образу жизни и культуре братской стране. Не только юрист, но и всякий образованный человек в России искренне заинтересован в том, чтобы узнать, какова современная Польша, как построено ее государство, чем обеспечиваются права и интересы граждан»².

Сейм четвертого созыва был сформирован по итогам парламентских выборов 2001 г., на которых относительное большинство получили левые демократы (табл. 1). Правящую парламентскую коалицию образовали SLD–UP и PSL³, и главой правительства стал Лешек Миллер (SLD). Президентом Польши в это время (1995–2005) был Александр Квасьневский (SLD). Коалиция не была и не могла быть прочной с учетом политики левых демократов и проаграрной охранительно-консервативной позиции польских народников. Серьезный конфликт между SLD–UP и PSL, угрожавший самому существованию коалиции, возник уже в феврале 2002 г. в ходе переговоров Польши с Европейским союзом относительно сохранения пошлин на продовольствие и субсидий для фермеров. В сентябре 2002 г. коалиция снова оказалась на грани распада, когда министр экономики (SLD) подписал соглашение с Венгрией об отмене пошлин на некоторые продукты питания.

Таблица 1

Официальные результаты выборов в сейм 2001 г.

Избирательное объединение	Голоса	Процент голосов	Мандаты	Процент мандатов
SLD–UP	5 342 519	41,04	216	47,0
PO	1 651 099	12,68	65	14,1
Samoobrona	1 327 624	10,20	53	11,5
PiS	1 236 787	9,50	44	9,6
PSL	1 168 659	8,98	42	9,1
LPR	1 025 148	7,87	38	8,3

Первая следственная комиссия была создана в январе 2003 г. после скандальной статьи «Закон за взятку, или пришел Рывин к Михнику» в «Газете выборча». Проекты постановления о назначении следственной комиссии были представлены нижней палате

депутатами PO и PiS, депутатами SLD, LPR и потом PSL. Решение о проведении расследования поддержало большинство депутатов нижней палаты благодаря позиции оппозиционных клубов, противоречиям внутри правящей коалиции и разногласиям между президентом и премьером. Как писала Моника Бил, «в дело включился президент, который решительно поддержал назначение следственной комиссии, его голос, уважаемый в партии, перевесил»⁴. Комиссия должна была расследовать обвинения средств массовой информации в коррупции, имевшей место в ходе принятия закона о радиовещании и телевидении, а в состав комиссии вошли десять депутатов – четыре от SLD и по одному от UP, PO, Samoobrona, PiS, PSL и LPR. В афере, получившей в прессе броское имя «Рывингейт», были замешаны видные фигуры находящихся у власти левых демократов.

Заседания комиссии в прямом эфире транслировали два телеканала – TVP 3 и TVN 24, и первый допрос свидетелей собрал у экранов телевизоров 1,5 млн зрителей. Стоит отметить, что телевизионные трансляции заседаний комиссии, и особенно допросов свидетелей, воспринимались как reality show, а некоторые члены комиссии вместо выяснения истины стремились к достижению своих групповых политических интересов, к росту политической популярности⁵.

Комиссия вызвала для дачи показаний главных лиц SLD – президента и председателя Совета министров, и если Лешек Миллер предстал перед комиссией, то Александр Квасьневский проигнорировал решение комиссии. Согласно закону о следственной комиссии вызванное лицо обязано явиться для дачи показаний, а в случае неявки к такому лицу Okręgowym судом Варшавы на основе обращения следственной комиссии могут быть применены меры процессуального принуждения. Однако президент пользуется иммунитетом по отношению к мерам процессуального принуждения, и, соответственно, комиссия не располагала средствами, позволяющими обеспечить принудительную явку Квасьневского.

Уже в апреле 2003 г. стали видны политические последствия работы комиссии: дестабилизация правящей коалиции, ослабление позиций председателя Совета министров и усиление конфликта по линии премьер–президент⁶. К декабрю 2003 г. благодаря расследованию комиссии PO преодолела порог поддержки избирателей в 26%, вырос рейтинг партии члена следственной комиссии Збигнева Зебро (PiS), а также параллельно с ростом рейтинга PO и PiS снизилась поддержка SLD с 33% до 16%⁷. Более того, парламентское расследование «в какой-то мере привело также к распаду SLD, рождению SDPL»⁸.

На рассмотрение сейма были представлены несколько проектов итогового доклада следственной комиссии: официальный доклад комиссии, который составила Анита Блоховяк (SLD), и шесть альтернативных проектов, подготовленных членами комиссии – депутатами UP, PO, Samoobrona, PiS, PSL и LPR. Политика тактических компромиссов и лавирования, которую избрали левые демократы в ходе процедуры голосования нижней палаты по докладу следственной комиссии, привела к фатальному для SLD результату. К удивлению самих депутатов, требуемое регламентом число голосов в сентябре 2004 г. получил доклад Збигнева Зебро, «имевший скорее характер акта прокурорского обвинения»⁹, и был утвержден постановлением сейма¹⁰. Бывший премьер и лидер SLD Лешек Миллер в докладе был назван единственным человеком, который оказывал решающее влияние на депутатов и сенаторов SLD, и единственным, кто мог убедить их одобрить или отклонить проект новеллизации закона о радиовещании и телевидении. Собранные следственной комиссией доказательства, согласно докладу, позволили квалифицировать деятельность Лешака Миллера по § 5 ст. 228 Уголовного кодекса – получение финансовой или личной выгоды в крупном размере в связи с исполнением общественных обязанностей, за что предусмотрена ответственность в виде лишения свободы на срок от 2 до 12 лет.

Формально правящая коалиция SLD–UP и PSL прекратила свое существование в марте 2003 г. После этого левые демократы не были способны заключить политическое соглашение с другими сеймовыми клубами, но и оппозиция не могла сформулировать общую альтернативную программу. Соответственно, SLD полтора года правила в меньшинстве.

В апреле 2004 г., после публикации в «Газете выборча» интервью с тогдашним министром казначейства Веславом Качмарек, разгорелся новый политический скандал, вызвавший отставку Лешака Миллера. В этом интервью Качмарек заявил, что в ходе состоявшейся в феврале 2002 г. встречи тогдашний премьер-министр Миллер лично решил использовать Службу защиты государства, чтобы отстранить Анджея Моджейевского от должности генерального директора концерна «Орлен» и тем самым предотвратить подписание контракта стоимостью 14 млрд долл. Публикация стала непосредственной причиной назначения следственной комиссии по расследованию обвинения в нарушениях со стороны Минфина в ходе надзора над представителями казначейства в нефтяном концерне «Орлен», а также обвинения в использовании спецслужб для противозаконного воздействия на органы юстиции с целью давления на членов правления концерна «Орлен». В постановлении о

назначении комиссии, принятом в мае 2004 г. в условиях конфликта между президентом и сеймом по поводу назначения нового премьера, было указано, что комиссия должна изучить обстоятельства ареста в феврале 2002 г. А. Моджейевского, оценить заключенные концерном контракты с точки зрения энергетической безопасности страны, а также использование спецслужб для незаконного воздействия на членов правления «Орлен». Общественное мнение, распад коалиции, противоречия в рядах самих левых демократов и стремление оппозиции сделать достоянием гласности злоупотребления исполнительной власти обеспечили почти единодушную поддержку парламентского расследования депутатами сейма.

Комиссия вызвала для дачи показаний основных деятелей SLD, в том числе Александра Квасьневского, бывшего премьера Лешека Миллера, маршала Сейма Влодзимежа Чимошевича и министра юстиции Барбару Пивник. Квасьневский на заседание комиссии не явился, в связи с чем лидер РО Дональд Туск заявил, что нынешний президент – человек крайне ненадежный, который не может решиться предстать перед комиссией и дать правдивые показания под присягой¹¹. В результате неявки главы государства на допрос члены комиссии в марте 2005 г. вызвали жену президента Иоланту Квасьневскую¹². Как высказался член комиссии депутат Samoobrona Анджей Гжещик, «если господин президент Александр Квасьневский предстанет перед комиссией на одном из двух ближайших заседаний комиссии, вызов (Иоланты Квасьневской. – Д. С.) будет отозван»¹³.

Маршал сейма Влодзимеж Чимошевич¹⁴, объявивший о своем участии в президентских выборах в качестве кандидата от SLD в июне 2005 г., был вызван следственной комиссией и допрошен в июле 2005 г., то есть после того, как заявил о своих президентских амбициях. Благодаря расследованию достоянием гласности стали неоднозначные с правовой и этической точек зрения операции Чимошевича с акциями концерна «Орлен», увеличившие его финансовое благосостояние.

В итоговом докладе¹⁵ следственной комиссии, принятом в сентябре 2005 г., были сформулированы следующие выводы. Во-первых, был поставлен вопрос о привлечении к конституционной ответственности Александра Квасьневского за нарушения прав и обязанностей Президента Республики Польша, во-вторых, о привлечении к конституционной ответственности бывшего премьер-министра Лешека Миллера за превышение должностных полномочий и действия, совершенные в ущерб общественным интересам, для достижения частных политических преимуществ, и, в-третьих, о привлечении к конституционной ответственности быв-

шего премьер-министра Влодзимежа Чимошевича за неисполнение должностных обязанностей в части обеспечения энергетической безопасности страны. В сентябре 2005 г. Влодзимеж Чимошевич отказался от участия в президентских выборах, что оставило SLD без своего кандидата.

В январе 2005 г. была создана следственная комиссия по расследованию правомерности приватизации акционерного общества «Общего учреждения страхования». Проекты о назначении комиссии представили депутаты Samoobrona и SLD. «Учреждение страхования» было приватизировано в 1999–2001 гг., когда у власти находилась праволиберальная коалиция AWS–UW, премьером был Ежи Бузек (лидер AWS), а министром юстиции и генеральным прокурором – Лех Качиньский (2000–2001). Напомним, что в момент создания комиссии Лех Качиньский был мэром Варшавы (2002–2005) и пользовался популярностью как борец с коррупцией. И хотя ни AWS, ни UW не прошли в сейм четвертого созыва, многие члены AWS, который представлял собой объединение либеральных, консервативных и христианско-демократических сил, после распада блока вошли в состав PO (например, Ежи Бузек) и PiS.

Таким образом, в преддверии очередных парламентских и президентских выборов, которые должны были состояться осенью 2005 г., левые¹⁶ попытались использовать коррупционный скандал, в котором были замешены видные деятели праволиберальных кругов. Здесь нужно отметить, что еще сейм третьего созыва в 2000 г. интересовался приватизацией «Учреждения страхования», и в 2001 г. нижней палате был представлен отчет Высшей палаты контроля по обстоятельствам приватизации данного учреждения¹⁷. Поэтому начатое в 2005 г. сеймовое расследование некоторые средства массовой информации оценили как попытку отвлечь общественное внимание от губительной для SLD аферы «Орлен»¹⁸. Каждое открытое заседание комиссии сопровождалось прямой трансляцией общественного телевидения TVP 3.

В докладе комиссии сейму, принятом в сентябре 2005 г. накануне выборов, отмечалось, что в ходе приватизации были допущены серьезные нарушения законодательства, а также что политическую ответственность за приватизацию несет бывший премьер Ежи Бузек, разработавший и внедривший концепцию приватизации. По итогам расследования комиссия поставила перед прокуратурой, во-первых, вопрос о расследовании возможности уголовного преследования Ежи Бузека, во-вторых, вопрос о необходимости уточнения роли бывшего вице-преьера и министра финансов Лешека Бальцеровича (автор либеральных экономических реформ и председатель партии UW в 1995–2000 гг.), и в-третьих, вопрос о расследовании

Д.В. Соловьев

возможной ответственности экс-президента Национального банка Польши Анны Гронкевич-Валтз (с 2005 г. в РО)¹⁹.

Выявленные злоупотребления, совершенные правыми либералами, тем не менее не смогли переломить общественное мнение, сформированное в ходе парламентских расследований по делу Рывина и «Орлену», и принести электоральный успех левым демократам на парламентских выборах в сентябре 2005 г. (табл. 2).

Таблица 2

Официальные результаты выборов в сейм 2005 г.

Избирательное объединение	Голоса	Процент голосов	Изменение процента голосов	Мандаты	Изменение числа мандатов	Процент мандатов
PiS	3 185 714	26,99	+ 17,49	155	+111	33,7
PO	2 849 259	24,14	+ 11,44	133	+68	28,9
Samoobrona	1 347 355	11,41	+ 1,31	56	+3	12,2
SLD	1 335 257	11,31	- 29,73	55	- 162	12
LPR	940 762	7,97	+ 0,10	34	- 4	7,4
PSL	821 656	6,96	- 1,86	25	- 17	5,4

Сейм пятого созыва в ноябре 2005 г. поддержал назначенного новым президентом Лехом Качиньским (избран в октябре 2005 г.) премьера Казимежа Марцинкевича (PiS). PiS, Samoobrona, LPR, PSL голосовали за вотум доверия новому кабинету, PO и SLD – против. В феврале 2006 г. руководители трех сеймовых клубов, образовавших правящую коалицию, Ярослав Качиньский (PiS), Анджей Леппер (Samoobrona) и Роман Гертых (LPR) подписали «Пакт стабильности».

В марте 2006 г. была создана следственная комиссия для расследования нарушений, допущенных государственными органами в ходе реформирования банковского сектора. Комиссия исследовала обстоятельства приватизации ряда банков в период с 1989 по 2006 г.

и связанные с этим решения членов правительства. Таким образом, предмет расследования охватывал период нахождения у власти SLD и время, когда пост председателя Национального банка Польши занимала Анна Гронкевич-Валтз (1992–2001). Напомним, что в декабре 2005 г. Гронкевич-Валтз была названа в качестве кандидата на должность мэра Варшавы от PO²⁰. Клубы, которые поддержали премьера Марцинкевича, то есть PiS, Samoobrona и LPR, проголосовали за создание комиссии, а оппозиционные клубы PO и SLD – против.

В политико-правовую борьбу вокруг парламентского расследования была втянута судебная власть. Первым этапом стало обращение депутатов PO в Конституционный трибунал для проверки соответствия положений постановления о назначении комиссии нормам Конституции. В сентябре 2006 г. Конституционный трибунал признал вторую статью решения сейма о назначении комиссии, в которой был указан предмет деятельности комиссии, противоречащей Конституции²¹ и таким образом указал на неправомочность сейма расследовать указанные обстоятельства.

О втором этапе можно говорить в связи с вызовом комиссией, большинство членов которой представляли PiS, Анны Гронкевич-Валтз для дачи показаний. Гронкевич-Валтз не явилась на заседание, и следственная комиссия обратилась в Окружной суд Варшавы с ходатайством о применении мер процессуального принуждения. Суд удовлетворил ходатайство и наложил на Гронкевич-Валтз штраф в размере 1000 злотых. Решение было обжаловано в Апелляционном суде Варшавы, который, отменил решение о наложении штрафа и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Окружной суд Варшавы по итогам нового рассмотрения пришел к заключению, что заявитель, то есть следственная комиссия, не смог доказать в суде законность своих действий в той части, что допрос Анны Гронкевич-Валтз будет касаться исключительно не связанных с осуществлением полномочий председателя Национального банка Польши обстоятельств, и на основе этого суд решил, что не существует оснований для применения к экс-председателю Национального банка Польши мер процессуального принуждения. На это решение уже следственная комиссия подала жалобу, однако в связи с прекращением полномочий законодательной власти, назначившей комиссию, жалоба осталась без рассмотрения. В декабре 2006 г. Анна Гронкевич-Валтз победила во втором туре кандидата от PiS бывшего премьера Казимежа Марцинкевича и стала мэром Варшавы.

В июле 2006 г. новым главой правительства был назначен Ярослав Качиньский. За вотум доверия голосовали PiS, Samoobrona и

Д.В. Соловьев

LPR, а PO, SLD и PSL – против. Подписанный в феврале 2006 г. «Пакт стабильности» не смог предотвратить распад правящей коалиции, и отставка вице-премьера лидера Samoobrona Анджея Леппера в июле 2007 г., связанная с расследованием Центральным антикоррупционным бюро преступлений его ближайших сотрудников, стала причиной внеочередных парламентских выборов, которые состоялись в октябре 2007 г.

Досрочное прекращение полномочий нижней палаты не позволили «банковской» следственной комиссии закончить свою работу и выяснить все обстоятельства в рамках предмета парламентского расследования.

Парламентские выборы выиграла PO (табл. 3), но, не получив абсолютного большинства голосов в нижней палате, пошла на заключение коалиционного соглашения с PSL. Главой нового правительства стал Дональд Туск (PO), за которого проголосовали депутаты коалиции PO–PSL, а депутаты PiS и LiD – против.

Таблица 3

Официальные результаты выборов в Сейм 2007 г.

Избирательное объединение	Голоса	Процент голосов	Изменение процента голосов	Мандаты	Изменение числа мандатов	Процент мандатов
PO	6 701 010	41,51	+17,37	209	+76	45,43
PiS	5 183 477	32,11	+5,12	166	+11	36,09
LiD	2 122 981	13,15	+1,84 ²² / –4,40 ²³	53	–2 ²⁴	11,52
PSL	1 437 638	8,91	+1,95	31	+6	6,74
Samoobrona	247 335	1,53	–9,86	–	–56	–
LPR	209 171	1,30	–6,67	–	–34	–

Новый сейм назначил свою первую следственную комиссию в декабре 2007 г. для выяснения обстоятельств смерти бывшего депутата SLD Барбары Блиды, которая, согласно официальной версии, застрелилась в апреле 2007 г. во время задержания и обыска в ее доме сотрудниками Агентства внутренней безопасности. В момент трагедии у власти находилась коалиция PiS–

Samobrona–LPR, и, соответственно, крупнейших политиков PiS, в том числе бывшего премьера Ярослава Качиньского и министра юстиции Збигнева Зёбро, депутаты SLD – авторы проекта постановления о назначении комиссии – указали в качестве непосредственных участников подготовки операции, в ходе которой погибла Барбара Блида. Инициативу расследования поддержали депутаты PO, LiD и PSL, а депутаты PiS воздержались при голосовании. Комиссия состоявшая из семи депутатов – три представляли PO, два PiS, и по одному от SLD и PSL, – в августе 2011 г. утвердила по результатам своей работы итоговый доклад нижней палате²⁵. В принятом документе было указано, что политическая программа партии PiS до парламентских выборов в 2005 г., а затем и реализация данной программы после создания правительства, которое воплощало политические идеи парламентского клуба PiS, создали условия для нарушений в отношении многих людей в связи с их политическими, социальными и профессиональными воззрениями. Согласно принятому комиссией докладу, конституционную ответственность за нарушения в ходе осуществления властных полномочий должны понести бывший премьер-министр Ярослав Качиньский, бывший министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Зебра и ряд других лиц из числа членов правительства PiS. Таким образом, левые демократы дали симметричный политический ответ на доклад Збигнева Зебры, который он подготовил по делу Рывина.

В апреле 2008 г. по инициативе PiS и PO прошло внеочередное заседание сеймовой комиссии по вопросам правосудия и прав человека, на котором рассматривалась работа прокуратуры и полиции в деле о похищении с целью выкупа и убийстве Кшиштофа Олевника. Как заявил депутат Аркадиуш Муларчук (PiS), «мы понимаем, что это дело имеет огромный общественный интерес... Этот случай показал сплошную некомпетентность государственного аппарата, начиная от прокуратуры и полиции и заканчивая высшими должностными лицами государства». В конце заседания депутат обещал семье Олевник и общественности, что если в ближайшее время не прояснятся все обстоятельства работы правоохранительных органов по делу Олевника, PiS выступит с инициативой по созданию сеймовой следственной комиссии²⁶. В феврале 2009 г. в условиях широкого общественного резонанса на основе проекта, внесенного президиумом сейма, было принято постановление о назначении комиссии для расследования правомерности действий органов правительственной администрации в рамках уголовного дела о похищении и убийстве Кшиштофа Олевника. Олевник был похищен в октябре 2001 г. и убит в сентябре 2003 г., соответственно комиссия

расследовала правомерность работы прокуратуры и полиции в период, когда у власти находилось правительство SLD, и генеральным прокурором был член SLD Гжегож Курчук (2002–2004).

В мае 2011 г. комиссия закончила свою работу и представила сейму итоговый доклад²⁷. В нем, в частности, отмечалось, что в первое время после похищения Олевника правоохранительные органы не предприняли решительных действий, проявили медлительность, легкомыслие и некомпетентность, что не позволило своевременно задержать похитителей и привело к убийству Кшиштофа Олевника. Более того, выявленные в ходе парламентского расследования многократные процессуальные следственные ошибки и нарушения со стороны ряда полицейских и сотрудников прокуратуры, расследовавших уголовное дело, позволили комиссии предположить, что данные лица сотрудничали с группой, похитившей Олевника, и преднамеренно уничтожали доказательства и улики, направляли следствие по ложному пути. Политическая оценка фактов, которые были установлены в ходе расследования, наиболее жестко прозвучала в словах отца Кшиштофа Олевника: «Политики SLD забрали у нас сына»²⁸.

В октябре 2009 г. в газете «Речь Посполита» была опубликована стенограмма переговоров председателя сеймового клуба PO Збигнева Хлебовского с крупным дельцом в сфере игорного бизнеса, что стало непосредственной причиной создания в ноябре 2009 г. следственной комиссии по расследованию новеллизации закона об играх и пари. Как выразился депутат Марк Матушевский (PiS), «так называемая азартная афера является наибольшей из разоблаченных донныне афер, которые возникли во время правительств PO»²⁹. Не дожидаясь результатов расследования, PO провела самую серьезную чистку своих рядов и избавилась от лиц, замешанных в афере: Збигнев Хлебовский ушел с поста руководителя сеймового клуба, подал в отставку министр спорта и туризма Мирослав Джевеский, Дональд Туск отстранил от должности вице-премьера, министра юстиции и ряд других крупных государственных служащих. По итогам расследования нижней палате в октябре 2010 г. был представлен доклад комиссии³⁰, в котором были вскрыты нарушения членов находившихся в разное время у власти правительств SLD–PSL, PiS и PO.

По результатам очередных парламентских выборов, состоявшихся в октябре 2011 г. (табл. 4), правящая коалиция PO–PSL сохранила большинство в сейме, PiS подтвердила свой статус главной оппозиционной силы, и только левые демократы сильно «просели» по сравнению с прошлыми выборами, потеряв половину своих мест в нижней палате.

Таблица 4

Официальные результаты выборов в Сейм 2011 г.

Избирательное объединение	Голоса	Процент голосов	Изменение процента голосов	Мандаты	Изменение числа мандатов	Процент мандатов
PO	5 629 773	39,18	- 2,33	207	- 2	45,00
PiS	4 295 016	29,89	- 2,22	157	- 9	34,13
RP	1 439 490	10,02	-	40	+ 40	8,70
PSL	1 201 628	8,36	- 0,55	28	- 3	6,09
SLD	1 184 303	8,24	- 4,91 ³¹	27	- 26	5,87

Проделанное нами исследование сложившейся за восемь лет практики работы следственных комиссий позволяет сделать определенные выводы о роли сеймового расследования в политической жизни современной Польши. Следует признать, что, во-первых, парламентское расследование стало институтом, позволяющим действительно реализовать право народа получать информацию о деятельности органов публичной власти, и исполнительной власти в частности. Расследования начинаются под влиянием общественного мнения, которое формируют средства массовой информации, проходят под пристальным вниманием общества в условиях широкого освещения со стороны телевидения и прессы, а сама работа следственных комиссий и ее результаты оказывают серьезное влияние на электоральные предпочтения поляков. Во-вторых, парламентское расследование является институтом политическим, с успехом используемым сеймовыми клубами в борьбе за избирателей. И, наконец, в-третьих, парламентское расследование стало важным механизмом, позволяющим вскрывать злоупотребления публичной власти, помогающим предотвратить застой и способствующим конкурентной борьбе политических сил, содействующим обновлению политических элит и их ротации в русле развития современной польской демократии.

Примечания

¹ Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года // Официальный сайт Совета

- Федерации. URL: http://www.council.gov.ru/publications_sf/2009/12/item327.html (дата обращения: 14.09.2011).
- ² *Чехарина В.И.* Основы конституционного строя Республики Польша. М.: Наука, 2004. С. 3.
- ³ В статье будут использоваться следующие сокращенные названия польских политических объединений: SLD – Союз левых демократов, UP – Союз труда, PO – Гражданская платформа, Samoobrona – Самооборона Республики Польша, PiS – Право и справедливость, PSL – Польская народная партия, LPR – Лига польских семей, LPR – Лига правых республиканцев, SDPL – Социал-демократия Польши, AWS – избирательный блок «Солидарность», UW – Уния свободы, LiD – Левые и демократы (клуб, сформированный на основе коалиции SLD, SDPL, PD и UP), PD – Демократическая партия, PR – Движение Паликота.
- ⁴ *Bil M., Błoński A., Malkiewicz A.* Komisja Rywina. Próba spojrzenia politologicznego. Wrocław: Wydawnicza ATUT–Wrocławskie Wydawnictwo Oświatowe, 2005. S. 20.
- ⁵ Ibid. S. 48.
- ⁶ *Paradowska J.* Czekaając na premiera // *Politika*. 26.04.2003.
- ⁷ *Semka P.* Słodka-kwaśno, czyli rok z Rywinem // *Rzeczpospolita*. 29.12.2003.
- ⁸ *Bil M., Błoński A., Malkiewicz A.* Op. cit. S. 109.
- ⁹ Ibid. S. 80.
- ¹⁰ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 24 września 2004 r. w sprawie sprawozdania Komisji Śledczej do zbadania ujawnionych w mediach zarzutów dotyczących przypadków korupcji podczas prac nad nowelizacją ustawy o radiofonii i telewizji // *M.P.* 2004, nr 41, poz. 711.
- ¹¹ P. Wroński rozmawia z Donaldem Tuskiem, Prezydent stracił wiarygodność // *Gazeta Wyborcza*. 8.03.2005.
- ¹² *Bagieńska-Masiota A.* Sejmowa komisja śledcza w systemie politycznym Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 2010. S. 233.
- ¹³ Stenogram z 99 posiedzenia Sejmu IV kadencja w dniu 12.03.2005 r. [Электронный ресурс] // *Sejm*. URL: <http://sejm.gov.pl> (дата обращения: 14.09.2011).
- ¹⁴ Председатель Совета министров (1996–1997) и министр в правительстве левых демократов в момент приватизации концерна «Орлена».
- ¹⁵ Druk sejmowy IV kadencji, nr 4430.
- ¹⁶ SLD – левые демократы, Samoobrona – левонационалистическая популистская партия.
- ¹⁷ *Bagieńska-Masiota A.* Op. cit. S. 177.
- ¹⁸ См., напр.: *Piński J.* Pałacowy Zakład Ubezpieczeń // *Wprost*. 16.01.2005.
- ¹⁹ Druk sejmowy V kadencji, nr 825.
- ²⁰ Выборы нового мэра Варшавы имели существенное политическое значение, поскольку до 2005 г. мэром был Лех Качиньский.
- ²¹ Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 września 2006 r. sygn. akt U 4/06 // *M.P.* 2006, nr 66, poz 680.

- ²² По сравнению с результатом SLD на выборах 2005 г.
- ²³ По сравнению с результатом SLD, SDPL и PD на выборах 2005 г.
- ²⁴ По сравнению с результатом SLD, SDPL и PD не получили мандатов на выборах 2005 г.
- ²⁵ Druk sejmowy VI kadencji, nr 4553.
- ²⁶ Stenogram z 24 posiedzenia Komisji Sprawiedliwości i Praw Człowieka w dniu 23 kwietnia 2005 г. [Электронный ресурс] // Sejm. URL: <http://sejm.gov.pl> (дата обращения: 14.09.2011).
- ²⁷ Druk sejmowy VI kadencji, nr 4205.
- ²⁸ Olewnik: politycy SLD zabrali nam syna [Электронный ресурс] // Rzeczepospolita. URL: <http://www.rp.pl/artukul/124761.html> (дата обращения: 14.09.2011).
- ²⁹ Sprawozdanie Stenograficzne z 61 posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 17 lutego 2010 г. S. 56 [Электронный ресурс] // Sejm. URL: <http://sejm.gov.pl> (дата обращения: 14.09.2011).
- ³⁰ Druk sejmowy VI kadencji, nr 3336.
- ³¹ По сравнению с результатом LiD на выборах 2007 г.

С.Н. Майорова-Щеглова,
Е.А. Колосова, Е.С. Щеглова

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ (на примере Российской государственной детской библиотеки)

В статье излагаются основные принципы реорганизации бюджетных организаций на основе федерального законодательства. С опорой на результаты исследования современной ситуации в Российской государственной детской библиотеке и с применением приемов приспособления, модификации и реорганизации предложены 17 возможных моделей развития традиционного учреждения культуры.

Ключевые слова: моделирование, модификация, реорганизация, приспособление, бюджетная организация.

В 2011 г. бюджетные учреждения, к которым относятся и государственные библиотеки, ожидает глобальная реорганизация. Система бюджетных учреждений (БУ), которая существует на сегодняшний день в России, была сформирована в отличающихся от современных социально-экономических условиях. Общее количество учреждений, входящих в систему бюджетных на федеральном уровне, – 25 287, на региональном и муниципальном уровнях это еще 302 660 учреждений (по состоянию на 1 января 2009 г.)¹.

До сих пор эта система функционирует в отрыве от нынешних подходов к развитию государственного управления, от принципов оптимальности и достаточности предоставления государственных и муниципальных услуг. По факту получается, что органы власти всего лишь финансово содержат существующую систему бюджетных учреждений вне зависимости от объема и качества оказываемых ими услуг. Несмотря ни на что, многие бюджетные учреждения

© Майорова-Щеглова С.Н., Колосова Е.А., Щеглова Е.С., 2012

уже включены в хозяйственный оборот и получают кто-то немалые, а кто-то и мизерные средства от приносящей доход деятельности. Уже в 2008 г. из 9997 федеральных бюджетных учреждений, оказывающих государственные услуги юридическим и физическим лицам, более трети (а точнее 37,9%) учреждений имели в общем объеме их финансового обеспечения до 40% средств от приносящей доход неосновной деятельности².

Более 1000 учреждений полностью финансировались за счет таких доходов, это распространено прежде всего в сфере здравоохранения, науки и театральных учреждений.

В 2010 г. появился новый Федеральный закон № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»³. Вокруг основных положений и этапов реализации нового федерального закона ведутся серьезные споры.

Попробуем на примере традиционного бюджетного учреждения культуры – Российской государственной детской библиотеки – разобраться в основных проблемах деятельности этого учреждения сегодня и возможных трансформациях этого учреждения на пути, предлагаемом федеральным законом.

Проблемой библиотечного менеджмента и кризисными факторами развития и функционирования библиотек активно занимались специалисты библиотечного дела С.Г. Матлина, Л.Н. Герасимова и О.Н. Кокойкина, И.Б. Михнова, Г.Л. Цесарская и другие⁴. При этом на данный момент не было предложено адекватной модели развития и внедрения инноваций в библиотеках и организациях культуры с учетом новых практик.

Законопроект в первую очередь направлен на повышение эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг при сохранении расходов или снижении темпов роста бюджетов на их предоставление путем создания условий и стимулов для сокращения внутренних издержек учреждений и привлечения ими внебюджетных источников финансового обеспечения.

Российская государственная детская библиотека была основана в 1969 г. как научно-методический и исследовательский центр в области педагогики, психологии и социологии детского чтения, библиографии детской литературы, организации библиотечного обслуживания детского населения. Библиотеку ежегодно посещают более 45 тыс. читателей. Среди них дошкольники с 1 года, школьники до 15 лет, родители, специалисты, профессионально связанные с детской книгой: учителя, библиотекари, издатели, исследователи, студенты и преподаватели высшей школы, социальные работники.

В библиотеке имеется 17 отделов и около 85 сотрудников, деятельность которых очень разнообразна. Для читателей открыты 5 абонементов (в том числе нот и звукозаписей, книг на иностранных языках), читальные залы, литературная и музыкальная гостиные, комната сказок, фонотека, интернет-центр, медиатека, кабинет психолого-педагогических консультаций, справочно-библиографическое бюро. В библиотеке работают более 20 детских студий, кружков, клубов. Создается музейная коллекция: старая детская книга, дарственные экземпляры с автографами, поступления из личных архивов писателей. Совсем недавно на сайте РГДБ был запущен проект – коллекция редкой детской книги. Книги, изданные в начале XX в., в оцифрованном виде выложены на этом сайте и доступны всем его посетителям.

Имеется обменно-резервный и депозитарный фонд литературы для детей и по вопросам педагогики детского чтения. Фонд РГДБ составляет более 500 тыс. книг, газет, журналов, нотных изданий, кино-, фото-, фономатериалов.

Основная услуга библиотеки – предоставление бесплатного доступа к книгам, содержание которых при этом должно быть качественным и полезным, поэтому специалистам важно также изучать литературу как элемент трансляции неких образцов поведения и стереотипов. Библиотека – это функционирующая по своим принципам организация, обладающая собственным аппаратом управления, а также структурой, куда входят не только отделы по обслуживанию читателей, но и многочисленные дополнительные бесплатные студии, а также отделы социологии, психологии, научно-методический отдел, массовой работы и наглядной пропаганды. Очевидно, что библиотека является социальным институтом, который играет свою роль в современном российском обществе, поскольку именно через библиотеку происходит трансляция некоторых ценностей, усвоение исторического опыта поколений и культурного наследия, а часто и процесс социализации.

Библиотеки в последние десятилетия перестали быть монополистами в области информации, поскольку многое из того, что запрашивается читателями, имеется в личных собраниях, книжных магазинах, может быть получено от других людей, а теперь и в Интернете.

Выведенная из многоуровневой иерархической структуры административного управления, библиотека постепенно обретает самостоятельность, необходимую для стабильного функционирования и развития. Руководство самостоятельно формулирует цели и задачи своей деятельности; нарабатывает стратегию и политику эволюции учреждения; изыскивает дополнительные ресурсы; на-

бирает работников. Для этого требуются значительное расширение сферы управления и самоуправления, формирование новых управленческих функций, увеличение объема и углубление содержания выполняемых руководством библиотеки обязанностей. Но главное, необходимо понимание: какую модель развития выбрать.

В прошлом правовом статусе у бюджетных учреждений отсутствовали стимулы к оптимизации и повышению эффективности собственной деятельности. Такая ситуация, безусловно, была вызвана в первую очередь сметным финансированием от фактически сложившихся расходов такого учреждения.

Новый законопроект пытается изменить правовое положение существующих бюджетных учреждений, способных функционировать на основе рыночных принципов, без их преобразования и создав условия и стимулы для сокращения внутренних издержек и повышения эффективности их деятельности. А именно, изменить механизмы финансового обеспечения бюджетных учреждений с расширенным объемом прав, переведя их с 1 января 2011 г. со сметного финансирования на субсидии в рамках выполнения государственного задания; предоставить БУ право заниматься приносящей доход деятельностью с поступлением доходов в распоряжение этих учреждений; устранить субсидиарную ответственность государства по обязательствам бюджетных учреждений с расширенным объемом прав; расширить права бюджетных учреждений по распоряжению любым закрепленным за учреждением движимым имуществом, за исключением особо ценного движимого имущества. Достоинством законопроекта считается минимизация организационных мероприятий, связанных с изменением статуса учреждений, то есть достаточно будет только внести изменения в устав учреждения или положение о нем. Но здесь и заключается одно из главных противоречий: что является главенствующим в процессе перестройки бюджетных организаций – желание и возможности самой организации или четкий, обоснованный государственный заказ.

Воспользуемся некоторыми данными двух локальных, зондажных исследований. Первое представляло собой обращение к экспертному мнению, второе было непосредственно посвящено изучению коллектива Российской государственной детской библиотеки⁵.

К числу несомненных достоинств РГДБ эксперты отнесли работу специализированных программ и клубов: дискуссионного клуба «Диалогос», программы «Метис», направленной на оказание психологической помощи в освоении социокультурного пространства детям и родителям из смешанных семей, клуба семейного чтения, психолого-педагогического консультирования. А также выделяется уникальность некоторых услуг: абонемент детской литературы на

иностранных языках, отдел мультимедиа и нот. Отмечено наличие и эксклюзивное оформление специализированных помещений: Пушкинская комната, Комната сказок, Музыкальная шкатулка, Зал семейного чтения и искусства. С другой стороны, в ходе исследования выявлены серьезные противоречия в составе и деятельности сотрудников библиотеки. Да, здесь уже не одно десятилетие работают по-настоящему творческие личности, но, однако, молодежь не идет в библиотеку на работу, и передавать уникальный опыт некому. Некоторые эксперты указали, что многие сотрудники РГДБ просто ждут пенсии, поэтому проявляют мало рвения и инициативы к своей работе.

Эксперты в качестве неотложных проблемных вопросов отмечали *неготовность работать с современными детьми*, причем немалое значение придавали не только содержанию такой деятельности, но и ее внешним атрибутам, ресурсам: *«интерьер отдает казенщиной, неактуальные книжные выставки, недостатки навигации»*. Приклеенные к столам детские журналы для общего пользования, описанные экспертами, становятся доказательством бедности библиотеки и символом ненадежности, недоверия к читателям.

Среди наиболее важных задач самими работниками были отмечены: улучшение работы с читателями и функционирование Российской государственной детской библиотеки как методического центра для всех детских библиотек России. Коллектив библиотеки в основном считает возможным ее развитие через внедрение в организацию современных технологий библиотечного дела. Но мы полагаем, что это направление на самом деле не может стать единственно приоритетным, решение его не повлечет за собой подлинного развития культурного учреждения. Работники библиотеки нуждаются в обучении, направленном на повышение квалификации, освоение сотрудниками компьютерных программ, но, что не менее важно, в формировании позитивного, творческого, нементорского мышления при работе с детьми, в поддержании здорового психологического климата в организации. Сегодня в библиотеке нет такого отдела, который бы осуществлял связи с общественностью, назрела необходимость и в маркетинговой службе.

В отношении детской библиотеки невозможно сформулировать одно-единственное приоритетное направление ее деятельности. Мы позволим себе представить множество моделей вариативного развития РГДБ, при этом каждая модель еще будет и соответствовать различному типу учреждения при разнообразных сочетаниях степени автономности и самообеспечения.

В нашей работе под моделированием понимается метод представления будущих возможных состояний объекта познания как упрощенные описания аналогов оригинала.

Работа с моделями позволяет перенести экспериментирование с реального социального объекта на его мысленно сконструированный дубликат и избежать риска неудачного, тем более опасного для людей управленческого решения. Модель может быть подвержена условным испытаниям, которые практически состоят в том, что меняются параметры ее самой и/или среды, в которой она (как аналог реального объекта) существует. Она может выступить и как образец, своего рода идеальный тип, приближение к которому может быть желательно для управленцев. Мы осознаем, что основной недостаток модели – ее упрощенность. Те или иные свойства и характеристики реального объекта в ней стираются или вовсе не принимаются в расчет как несущественные. Но в этом состоит неперемное условие моделирования будущего. И только это делает возможным дать уплотненную, компактную информацию об объекте, хотя именно здесь скрываются возможные ошибки приложения моделирования к социальному программированию и прогнозированию.

В представлении возможных моделей мы основываемся на позиции Ю.М. Плотинского: «Укоренившееся со школьных лет представление о том, что модель может быть только математической, глубоко ошибочно. Модель может быть сформулирована и на естественном языке»⁶. Мы излагаем свои позиции в форме словесных схем, символов, ключевых слов. Всего нами было составлено 17 моделей.

Модели развития библиотеки

1. Библиотека как методический центр для детских библиотек страны, обеспечивающий методическую и иную поддержку детских библиотек страны. Тогда главным в деятельности станет: изучение опыта библиотечно-информационной работы в России и за рубежом, архивирование методических и других пособий по библиотечному делу, издаваемых в РФ и за рубежом; отбор материалов в профессиональной прессе; редактирование и рекомендация к печати пособий, издаваемых библиотеками на территории РФ, содействие расширению и укреплению межбиблиотечных и межведомственных связей – дополнительные функции.

2. Библиотека как центр методики, развития, досуга и образования учителей, профессиональных воспитателей, школьных библиотекарей, проведение производственных практик для специалистов на базе библиотеки.

3. Библиотека как центр инновационной электронной книги, досуговых технологий для детей. Сбор, контент, экспертиза продуктов для детей, подготовка обоснованных рекомендаций для родителей. Добровольная экспертиза коммерческих электронных продуктов для детей с получением специального знака качества – крайне актуальная и перспективная и вполне самокупаемая форма деятельности.

4. Библиотека как центр для родителей-интеллектуалов, желающих воспитывать своих детей в рамках «книжной культуры». Книга не является только лишь источником информации, сегодня она выступает инструментом привития семейных ценностей общения. Как показало наше исследование, книга продолжает собирать вокруг себя всех членов семьи, объединять их одной темой, давать почву для размышлений, а главное обсуждений того, что прочитали, что понравилось, о чем хочется поговорить⁷. В случае развития этой модели будут уместны семинары, мастер-классы для родителей о новых поступлениях, а также книгах для детей и юношества, готовящихся к печати, выпущенных, имеющих в продаже, обсуждение книг из «бабушкиной» библиотеки с целью показать их актуальность для современных детей.

5. Библиотека для юного читателя. Ориентация на юных москвичей и даже, скорее, жителей ближних районов. Кружки, секции, массовые мероприятия – основа деятельности.

6. Библиотека как центр культуры для детей. Эта модель отводит библиотеке функцию взаимодействия сообществ взрослых творцов для детей: писателей, режиссеров, поэтов, художников и пр.

7. Библиотека как музей детской книги. Сбор, отбор, анализ, каталогизация, реставрация детских книг. Основа работы – музей ностальгии «Книга моего детства». Выставки, обменный пункт для населения – дополнительные формы деятельности.

8. Библиотека-издательство. Перевод на электронные носители, тематические подборки, репринтные издания.

9. Библиотека как специализированное образовательное учреждение: детский сад–школа–колледж–вуз–аспирантура, где базой обучения является книжная культура.

10. Библиотека – центр защиты прав ребенка. Работа по популяризации правовых знаний, правовые службы защиты детей, а, возможно, и место нахождения, Уполномоченного по правам ребенка.

11. Библиотека как центр работы с творческими детьми. Перманентные фестивали, конкурсы, слеты.

12. Библиотека как разработчик, апробатор инновационных программ воспитания, просвещения детей по разным актуальным для государства или его отдельных служб направлениям: например,

воспитание честного налогоплательщика (по заказу ФНС), работа с ГИБДД, МЧС, Центральной избирательной комиссией «Будущий избиратель».

13. Библиотека – центр представительств международных детских организаций и организаций в защиту детства. Идея модели – собрать под одной крышей представительства ЮНИСЕФ, Врачи без границ и пр.

14. Библиотека – центр наук о детстве. Функции консолидирующие, информационные, координирующие и пр. Цель развития данной модели – попытаться собрать российские научные учреждения «под одной крышей».

15. Библиотека – центр детских общественных организаций. Здесь возможно применение принципа рекламного процесса ребрендинга. И библиотека, и детские организации оказались в настоящее время в нашей стране в некотором отстранении. Соединение усилий и совместные программы смогли бы реанимировать в них живую детскую жизнь. Новым «продуктом» могут стать новые уникальные программы для детей и молодежи (семинары, съезды, смены в детских лагерях, акции и т. д), разработанные в ходе сотрудничества.

16. Библиотека как магазин. В основе – поговорка «Книга – лучший подарок». Центр продажи книг и атрибутов, связанных с книжной культурой (включая, например, детские игры и игрушки с героями произведений). Помощь потребителям в обоснованном выборе, а значит, предварительный отбор, экспертиза, выставочная деятельность.

17. «Библиотека-Макдональдс». Ориентация на массового потребителя культуры. Место для проведения культурного досуга для всех возрастов, различных групп, различных типов семей. Круглосуточная или многочасовая работа (с 6 до 24). Библиотека-кафе, интернет-кафе-библиотека. Видеоклуб, где будут показывать экранизации литературных произведений. Массовые акции с подарками «Книга к обеду».

Фиксация моделей велась с помощью различных приемов.

Приспособление, когда оправдавший себя в иной ситуации опыт решения проблемы применяется в целом к интересующему объекту (модели 1–5).

Реорганизация предполагает устранение прежних принципов функционирования объекта с заменой их новыми исходными положениями, ведущими к коренному преобразованию проектируемых данных (модели 6–15).

Модификация. С учетом накопленных знаний определяются подходы, которые позволяют серьезно видоизменять объект воздейст-

вия, то есть затрагиваются не только формы, но и существенные, содержательные элементы (модели 16, 17). Мы использовали в составлении этой модели принцип аналогии – организацию музейных сетей, сконструированную Соломоном Р. Гуггенхаймом. Довольно часто этого человека обвиняют в попытке превратить музей в «Макдональдс». Перенесение принципов коммерческих проектов на культурные мероприятия, создание сети бренда, ориентация на массового потребителя культуры, а не на ценителя – суть и наших моделей, построенных на приеме модификации.

Для поиска оптимальной модели развития данные модели также могут быть исследованы, рассмотрены и проинспектированы с разных точек зрения. В нижеследующей таблице представлены некоторые из возможных показателей.

Показатели	Высокие (номера моделей)	Низкие (номера моделей)
Ориентации на узкого потребителя	6, 11	7, 16, 17
Ориентация на широкий круг пользователей	12, 17	2, 6, 9
Возможность полного самофинансирования	8, 9, 17	12, 13
Автономность реорганизации	1–5	13–17
Сложность управленческой реорганизации	13–17	1–5

Мы уверены, что построение серии гипотетических (предварительных) поисковых моделей прогнозируемого объекта, обсуждение этих вариантов в ходе деловых игр с сотрудниками и внешний аудит-экспертиза позволят не только выработать эффективное управленческое решение, но и смоделировать конфликтные ситуации будущего, вероятные при принятии того или иного решения, и способы достижения компромисса.

Примечания

¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных)

- учреждений» [Электронный ресурс] // Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=308243-5&12> (дата обращения: 05.11.2010).
- ² Там же.
- ³ Банк документов, подписанных Президентом России [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1261860> (дата обращения: 20.10.2010).
- ⁴ *Матлина С.Г.* Библиотечный маркетинг: Практик. пособие. Пермь, 2001. 66 с.; *Герасимова Л.Н., Кокойкина О.Н.* Маркетинг в библиотеке: Учеб. пособие. М.: МГИК, 2003. 64 с.; *Михнова И.Б., Цесарская Г.Л.* Как сделать рекламу библиотеки: теория, методика, практика. М.: БиблиоМаркет, 2002. 220 с.
- ⁵ Экспертный опрос (N=30, анализ письменных свободных эссе), анкетный опрос сотрудников библиотеки (N=68) проведены в январе–марте 2010 г.
- ⁶ *Плотинский Ю.М.* Иконологическое моделирование – новый инструмент социологов // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 116–122.
- ⁷ *Колосова Е.А.* Практики семейного чтения как факторы ранней социализации современных российских детей // Вестник РГГУ. 2010. № 3. Серия «Философия. Социология». С. 296–303.

А.В. Круковская

АУДИТОРИЯ СОВРЕМЕННЫХ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья написана в рамках социологии искусства. В основе статьи лежит авторское социологическое исследование, проведенное в 2010 г. Работа посвящена социологическому анализу социокультурных характеристик представителей театральной аудитории московских театров: социально-демографический состав, степень вовлеченности в культурную жизнь города, мотивы посещения театра, источники информации о театральных новинках, жанровые предпочтения.

Ключевые слова: культура, театр, спектакль, аудитория, социально-демографический состав, мотивы посещения.

Аудитория театра, то есть зрители, являются потребителями театрального продукта и одновременно объектом, на который ориентирована деятельность драматургов, режиссеров, актеров, сценографов и т. д. Социальное взаимодействие между ними происходит посредством эмоционально-художественной коммуникации – процесса передачи и восприятия основного содержательного и эмоционального «посыла», усвоения аудиторией ценностей и смыслов, передаваемых посредством театральных спектаклей. Восприятие спектакля предполагает понимание как содержания, заложенного в драматургическом материале, так и «формы» спектакля.

В коммуникации с аудиторией театр способен оказать влияние на формирование как нравственных, так и эстетических качеств зрителя, формирует его чувства, эмоции. Для осуществления данной коммуникации с максимальной эффективностью необходимо понять, что представляет собой сегодня театральная аудитория,

---

© Круковская А.В., 2012

каковы ее социально-демографические характеристики, степень вовлеченности в культурную жизнь города, мотивы посещения театра, жанровые предпочтения и т. д. С этой целью в апреле 2010 г. было проведено авторское исследование, направленное на выявление вышеперечисленных характеристик зрителей современных московских театров. В рамках данного исследования методом очного полуструктурированного интервью было опрошено 500 представителей театральной аудитории. Исследование было построено на квотной выборке, которая при этом носила четко выраженный целевой характер. В качестве мест опроса были выбраны фойе и/или прилегающая территория шести наиболее известных, популярных и вместительных театров г. Москвы (Московский театр «Ленком», Государственный академический театр им. Моссовета, Московский драматический театр им. К.С. Станиславского, Мастерская П.Н. Фоменко, Московский театр «Современник», Московский академический театр сатиры). Опрос проходил в течение двух недель, как в выходные, так и в будние дни.

В результате исследования было выявлено, что большую часть театральной аудитории (62%) составляют женщины. Сравнивая эти данные с данными исследования, проведенного в 2005 г. Международным агентством социальных и маркетинговых исследований (МАСМИ), можно заметить некоторое сокращение разрыва в гендерном соотношении, так как в 2005 г. женщины составляли 71% аудитории.

Больше половины аудитории (58%) представляют люди от 30 до 60 лет. Хотя в целом можно отметить, что все четыре возрастные группы представлены примерно в равной степени: 23% молодежь (18–29 лет), 27% от общего числа зрителей составляют люди в возрасте от 30 до 44 лет, 31% – люди старшего возраста (45–59 лет) и 19% театральной аудитории составляют люди пенсионного возраста.

Театр традиционно считается одним из высоких, элитарных видов искусства, что естественным образом сформировало аудиторию, обладающую высоким уровнем образования и культурного развития. Распределение «зрительного зала» по уровню образования выглядит следующим образом: обладатели одного или нескольких высших образований – 76%, на втором месте обладатели незаконченного высшего образования (основную часть которых составляют студенты – около 70%) – 12% опрошенных, 8% – имеют среднее специальное образование и 4% получили только среднее образование. Интересно отметить, что по сравнению с данными исследования проведенного МАСМИ, доля людей с высшим образованием выросла на 18% (с 58 в 2005 г. до 76% в 2010 г.)¹.

Что же касается социального статуса наиболее активных посетителей театра, то самую большую группу (25% опрошенных)

составляют специалисты, далее по 18% приходится на руководителей, пенсионеров и служащих, что вполне соотносится с данными распределения по уровню образования. При этом представители рабочих профессий составили лишь около 2% театральной аудитории, а безработные, домохозяйки/молодые мамы – 7% принявших участие в исследовании респондентов.

Результаты исследования подтверждают, что подавляющую часть московской театральной публики можно отнести к представителям среднего класса, поскольку 62% составляют люди, определяющие свой доход как средний, при этом еще 14% считают свой доход выше среднего. Однако 22% считают свой доход ниже среднего, и половину этой группы составляют пенсионеры. Кроме того, в ходе исследования было также выявлено, что большую часть зрительных залов московских театров составляют все люди, живущие и/или работающие в Москве/Подмосковье (88% опрошенных). Это опровергает потерявший ныне актуальность тезис о том, что аудитория театров состоит из гостей столицы, которые воспринимают посещения столичного театра так же, как посещение таких достопримечательностей, как Красная площадь, Третьяковская галерея, ГУМ и ЦУМ.

Одной из основных задач исследования было выявление основных мотивов посещения театра, частоты походов в театр, степени заинтересованности в информации о новинках, идущих на театральных подмостках, фестивалях, гастролях и других новостях жизни столичных драматических театров. Для этого был разработан блок вопросов. Распределение ответов на первый вопрос «Что для Вас поход в театр?» (полузакрытый, не более трех вариантов) выявило пять основных причин предпочтения похода в театр всем остальным способам проведения досуга (табл. 1).

Таблица 1

Основные цели и мотивы посещения театра

Цели посещения театра	В % от числа ответов (при N = 500)
Возможность посмотреть интересный спектакль	59
Место проведения досуга	34
Выход в свет	11
Праздник	8
Удовольствие, наслаждение	4
Эстетическая потребность, приобщение к высокому	3

Продолжение табл. 1

Цели посещения театра	В % от числа ответов (при N = 500)
Отдых	3
Работа, профессиональный интерес	1
Ресурс для саморазвития	1
Приятное событие	1
Возможность посмотреть игру любимых актеров/ коллег	1
Норма жизни	1
Общий итог	128

Как видно из таблицы, для представителей театральной аудитории поход в театр прежде всего – возможность посмотреть интересный спектакль (59% принявших участие в исследовании респондентов), что часто предполагает осознанный предварительный выбор постановки. А вот 34% воспринимают театр как место проведения досуга, и данная позиция носит уже, совершенно очевидно, менее «обязывающий» характер. То же самое можно сказать и относительно варианта «выход в свет», который отметили 11% респондентов, то есть в данном случае посещения театра носит скорее статусный характер, нежели просветительский или рекреационный. Интересно отметить, что почти для 8% опрошенных поход в театр это «праздник», а для 4% – «удовольствие и наслаждение».

Частота посещения театра является не менее значимой переменной, чем мотивы, поскольку раскрывает степень вовлеченности опрошенных в театральную жизнь столицы, заинтересованности в данном способе проведения свободного времени и т. д. С целью выявления частоты обращения к данному виду искусства среди представителей театральной аудитории исследователи был задан вопрос «Как часто Вы посещаете драматический театр?». Распределение ответов на данный вопрос позволяет сделать вывод, что большую часть театральной аудитории можно назвать фактически постоянной, это люди, которые вполне осознанно, с определенной периодичностью, а не «по случаю» посещают спектакли репертуарных драматических театров. Раз в месяц и чаще в театр ходят 42% опрошенных, а 44% приобщаются к данному виду игрового искусства реже раза в месяц, но один или несколько раз за полгода, и лишь 14% посещают спектакли раз в год и реже. При этом, если сравни-

вать полученные процентные соотношения с данными МАСМИ за 2005 г., можно отметить некоторое снижение частоты подобного способа проведения свободного времени. Так, раз в месяц и чаще в 2005 г. театр посещали 49% опрошенных, а один или несколько раз за полгода – 34% респондентов.

Проанализировав данные по частоте посещения театра в контексте общего культурного поля столицы, то есть сопоставив показатели посещаемости по всем основным институтам культуры схожей эстетической «нагруженности», можно сделать вывод о том, что для довольно существенной части театральной аудитории в принципе свойственен досуг, институционализированный подобным образом. Однако музыкальный театр, а именно балет и оперу, представители аудитории драматических театров посещают гораздо реже.

Степень вовлеченности представителей театральной аудитории и проявляемый ими интерес к театральной жизни Москвы может свидетельствовать о сохранении положительной динамики в развитии и повышении культурного уровня современных горожан. Более половины посетителей драматических театров следят за готовящимися к выходу и уже представленными на суд публики премьерами, следят за премиями и фестивалями, за гастролями российских и зарубежных театров. Половина опрошенных старается быть в курсе театральной жизни столицы (суммарный процент респондентов, выбравших варианты ответа «да, постоянно» (16%) и «да, время от времени» (34%)). Треть опрошенных можно отнести к той части театральной аудитории, которая менее глубоко погружена в театральный мир. Они посещают театры, но при этом выбирают спектакли по собственному разумению, не отслеживая специально все новости театральной жизни.

Не менее важно для исследователей было и получение данных относительно основных источников информации о театральных новинках. Так, от друзей или родственников узнают о новых спектаклях более 41% опрошенных. Также источниками информации о премьерах и фестивалях является Интернет (40% опрошенных). Интересно отметить, что по сравнению с 2005 г. этот показатель вырос более чем в 1,5 раза (по данным исследования МАСМИ, Интернет в качестве источника получения информации о театральных новинках использовали 25% респондентов). Также существенна роль и прессы и телевидения (26% и 25% соответственно). Замыкает пятерку наиболее используемых источников информации о театральных новинках такой уникальный канал коммуникации, как афиши самих театров, благодаря им 23% театралов узнают об изменениях в репертуарной сетке.

Таблица 2

Источники получения информации
о театральной жизни столицы

Источники	В % от числа ответов (при N = 500)
Друзья, родственники	41
Интернет	40
Пресса	26
Телевидение	26
Афиша театра	23
Затрудняюсь ответить	5
Наружная реклама	4
В театре	1
Радио	1
Общий итог	168

С целью выявления основных критериев выбора спектакля для посещения в ходе проведения полужформализованного интервью задавался вопрос, предполагающий до трех вариантов ответов: «На что Вы обычно ориентируетесь при выборе спектакля?» Распределение ответов на этот вопрос представлено в таблице 3.

Таблица 3

Критерии выбора спектакля

Критерии выбора	В % от числа ответов (при N = 500)
Актерский состав	66
Театр, в котором идет спектакль	38
Режиссер/постановщик	31
Сюжет пьесы	31
Популярность спектакля	14
Цена билета	13
Публикации в прессе	5
Мнение критиков	4
Драматург	4
Рекламная кампания	2

Продолжение табл. 2

Критерии выбора	В % от числа ответов (при N = 500)
Спонтанный, случайный выбор	2
Мнение друзей, родственников	2
Хожу по приглашениям/ на что ведут	1
Жанр	1
Собственное мнение	1
Общий итог	216

При выборе того или иного спектакля люди чаще всего ориентируются на актерский состав – 66%. Более 38% опрошенных ориентируются на театр, в котором идет спектакль, то есть воспринимая его как некий бренд, гарантирующий определенное качество. Около 31% респондентов предпочитают ходить на определенного режиссера/постановщика. И столько же (31%) часто определяются в выборе того или иного спектакля, исходя из сюжета пьесы, что в большинстве случаев предполагает определенный интеллектуальный и культурный уровень выбирающего.

Жанровые предпочтения в области драматического искусства современной театральной аудитории оказались вполне прогнозируемыми и ожидаемыми. Так, на вопрос «Спектакли какого жанра Вы предпочитаете?» (предполагающем не более трех ответов) больше половины респондентов ответили, что они предпочитают жанр комедии (61%), на втором месте (с разрывом в 20%) жанр драмы – 41%, на третьем – музыкальные спектакли (мюзикл и балет) – по 24% (см. табл. № 4).

Таблица 4

Распределение жанровых предпочтений
театральной аудитории

Жанр	В % от числа ответов (при N = 500)
Комедия	61
Драма	41
Музыкальный спектакль	24
Мелодрама	17
Трагедия	15
Нет конкретных предпочтений	14
Общий итог	174

Жанр комедии лидирует в театральных постановках на протяжении многих десятилетий, подобная ситуация сохраняется и в других игровых видах искусства. Информационная и коммуникативная насыщенность, ускоренный темп жизни мегаполиса, необходимость ежедневного исполнения целого калейдоскопа социальных ролей и т. п. оказали и продолжают оказывать влияние на жанровые предпочтения в области драматического искусства. У жителей больших городов в последние годы существенно возросла потребность в отдыхе, как физическом, так и психологическом. И репертуарная политика большинства московских театров направлена на удовлетворение данного запроса со стороны общества – в репертуарной сетке московских драматических театров в данном жанре поставлено больше половины всех спектаклей.

Примечания

- ¹ Это легко было бы объяснить все более широким распространением высшего образования в современной России. Но ситуация видится не столь однозначной. Мнения театроведов по этому поводу более пессимистичны: аудитория театров в большинстве своем воспроизводится сама из себя, превращается в своего рода касту эстетов. А основная масса населения, даже в больших городах, редко посещает театры, предпочитая другие способы проведения свободного времени.

Е.А. Владимирова

ТВОРЧЕСКИЕ ИНДУСТРИИ И ШОУ-БИЗНЕС В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Целью данной статьи является описание процесса зарождения шоу-бизнеса и творческих индустрий в современном обществе и сосуществование их в российской действительности. Автором отмечается недостаточное количество материала и исследований, существующих на настоящий момент в российской социологической школе, посвященных этим двум явлениям. В связи с этим в данной статье автор опирался на взгляды таких теоретиков общества постмодерна, как У. Липман, Ж.-Ф. Лиотар, М. Маклюэн, Р. Барт, а также отечественных авторов – Н.И. Козловой и А.В. Федорова, занимающихся анализом языка и медийными стереотипами.

Ключевые слова: шоу-бизнес, общество постмодерна, творческие индустрии, кластеры, медийные стереотипы.

Социальные и культурные трансформации, которым подверглось российское общество в конце XX в., относятся к разряду глобальных исторических коллизий. Общество резко изменило траекторию своего движения, и все его сферы – экономическая, политическая, культурная, духовная – испытали на себе травмирующие последствия трансформаций. В сфере культуры эти последствия выражены предельно ярко и наглядно. Существовавшая в советском обществе система культурных фильтров была разрушена, в конце 1980-х годов произошло широкомасштабное «инокультурное вторжение». Прежде всего, это касается продуктов западной шоу-индустрии, тесно связанной с развитием средств массовой информации.

Средства массовой информации и коммуникации приобретают все большее значение в современном обществе. На первый взгляд,

СМИ предоставляют человеку возможности ориентироваться в социокультурном пространстве, осваивать большие потоки информации, делают доступными ценности прошлого. Но делают ли они для человека мир «прозрачным» и понятным, или создают некую декорацию, или же транслируют набор принудительных иллюзий? Вероятно и то и другое. Именно в связи с этим все больше возрастает роль Интернета и параллельной виртуальной реальности, где пользователь сам пытается разобраться в информационных потоках и выработать собственные фильтры их анализа и отбора.

Если рассматривать современное общество (не только российское) в контексте постмодернистских концепций, то особенность нынешней реальности – это симуляция, видимость. Образ человека XXI в. «растворился» в цепи симулякров на экранах телевизоров и в мониторах компьютеров. Причем иллюзорные конструкты, которые тиражируются СМИ на огромные аудитории, выступают для многих членов общества как источники ценностей и норм, реализуемых в массовых социальных практиках.

Типичным симулякром такого рода в российских СМИ часто становятся представители группы шоу-бизнеса – «шоу-звезды», воспринимаемые телеаудиторией как культовые персонажи и референтные статус-символы. Если учесть, что одними из характерных черт общества постмодерна являются кризис оригинальности и доминирование стандартов, то вполне естественно, что стереотипы – позитивные или негативные, транслируемые посредством этой группы, – воспринимаются аудиторией как образцы для подражания. И их позиционирование на экране, и сами «шоу-звезды» выступают как некий механизм, производящий и распространяющий нормы и ценности для «широкого потребления». Они участвуют в модных показах, рассуждают на злободневные темы, рассказывают истории из своей жизни, которые зрители часто принимают на веру, забывая, что это лишь механизм производства мифов, в котором «шоу-звезда» выступает, скорее, как продукт деятельности определенной группы лиц, нежели как ее непосредственный участник.

Характерно, что «звездные» атрибуты – манеры, лексикон, элементы жизненной стилистики «праздного класса» – заимствуются далеко не только средним обывателем. Видимая дистанция между «шоу-звездами» и представителями политической, финансовой и других элит сокращается, во всяком случае на уровне демонстрационного поведения. Это дает нам понимание действия определенных механизмов по созданию так называемого «продукта» в абсолютно разных и, казалось бы, не связанных друг с другом сферах общества. Политики, например, регулярно поздравляют актеров и певцов с юбилеями, начинают посещать светские мероприятия, фотогра-

фироваться на пресс-wall, «шоу-звезды» не только сопровождают избирательные кампании, но и баллотируются на выборах, спортсмены и представители политических элит становятся звездами эстрады.

С другой стороны, «шоу-звезды» могут рассматриваться как специфическая социально-профессиональная группа, включенная в сферу творческих индустрий и имеющая крайне противоречивые свойства и характеристики (профессиональные, социально-культурные, экономические и пр.) Эта группа неоднородна, кроме того, в ней происходит постоянная ротация. Символический и демонстрационный статусы представителей этой группы могут не совпадать с их реальным положением в обществе. Раскрученная «шоу-звезда», например, может получать за свои концерты гонорары в десятки раз меньше, чем суммы, получаемые продюсером, жить на съемной квартире, давать концерты на частных вечеринках, где гонорары несколько больше, чтобы поддерживать свое существование на должном уровне.

В настоящий момент феномен «шоу-звезд» в нашем обществе, механизм их формирования, взаимодействие со сферой творческих индустрий практически не изучен. Эта группа, как и в целом сфера шоу-бизнеса, представляет собой закрытый кластер, в то время как творческие индустрии, включающие различные направления деятельности по созданию творческого продукта, движутся в сторону объединения.

Явление «шоу-звезда» можно назвать сравнительно молодым, порожденным сложным, противоречивым и парадоксальным обществом XX века. Если рассматривать этот феномен как атрибут массовой культуры, то большинство работ, написанных на тему массового общества и массовой культуры, мы обнаружим во второй половине прошлого века. Тем не менее определенные аспекты этой проблематики затрагивались уже такими теоретиками, как М. Вебер, З. Фрейд, Д. Рисмэн; они исследовали массовое общество и трактовали массовую культуру как некий механизм отчуждения. Теории Э. Фромма, Х. Ортега-и-Гассета о массовом обществе говорят об ослаблении культурного потенциала современного общества.

Социальный конструкт «шоу-звезда» может рассматриваться как своего рода симулякр, отсылающий нас в поле концепций постмодернизма.

Некоторые теоретики заявляют также о перерастании сегодняшнего общества постмодернизма в постпостмодернизм, для которого характерно погружение в пространство гипервизуальной реальности, характеризующейся частичным срастанием с массмедиа, активным навязыванием «медийных стереотипов» и мифологизацией

современного общества, где на первый план выходит развлечение и зрелище, создаваемое представителями творческих индустрий, и прежде всего сферы шоу-бизнеса.

Стоит отметить, что XX век в целом нес в себе массу исторических, культурных, социальных коллизий, которые нашли свое отражение как в культуре, так и повседневной жизни уже в XXI в. Ученые полагают, что люди конца XX–XXI в. – своего рода заложники созданных ими творений; если лишить их возможности пользоваться устройствами, обеспечивающими получение информации, то это может стать причиной сильнейшего стресса. Ж.-Ф. Лиотар обозначал эту ситуацию как эффект «срастания» общественного сознания со средствами массовой коммуникации и информации. Знание, информация производятся для того, чтобы быть проданными и как следствие потребляться. Вопрос о знании становится вопросом об управлении. Информацией распоряжаются эксперты всех видов, а правящий класс принимает решения, что неизбежно в эпоху информационного общества. По мнению Ж.-Ф. Лиотара, знание перестает быть самоцелью и постепенно теряет свою потребительскую стоимость¹.

Новое значение в постмодернистском обществе приобретает языковой аспект массовой коммуникации. Сообщения имеют совершенно разные формы и результаты, в зависимости от того, каковы их языковые особенности. «Каждый языковой партнер, получая направленные на него “приемы”, подвергается “перемещению”, изменению самого разного рода, будучи как отправителем, так и получателем сообщения. Все это порождает “ответные приемы” (новые высказывания)»². Это выглядит как род языковой игры, ведущейся по сложным, постоянно меняющимся правилам. Для понимания всей совокупности социальных отношений нужна, по мнению социолога, не только коммуникативная теория, но и теория игр. Существуют определенные категории, которые, как фильтры, обрывают связи в коммуникативных цепях и вводят определенные правила. В рамках этих правил есть вещи, о которых говорить нельзя или необходимо говорить в строго определенной манере³.

Н.И. Козлова, например, определяет произнесенное слово (лексическая единица) как «сценарий» некоего события⁴. Социальный мир, считает она, говорит в языке, он создается в языке. Язык и общество дают нам сценарии чувств, сценарии того, как хотелось бы думать и говорить. Язык, используемый в повседневной жизни, предоставляет человеку необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение как сами эти объективации, так и повседневная жизнь человека⁵. Мы как бы попадаем в область повседневных типизаций,

позволяющих людям понять друг друга для более эффективного взаимодействия.

Можно говорить о том, что язык подчиняет индивида своим структурам (схемам классификации), позволяющим различать объекты, язык формирует высказывания действия и высказывания существования. Язык разделяет мир на зоны (интимность / удаленность), через выбор личного местоимения принуждает высказывать свое отношение к другому. Отношение находит выражение с помощью социокультурных структур, оформленных лингвистически. Люди воспринимают действительность так, а не иначе, так как языковые и социальные нормы общества предрасполагают к определенному выбору понимания и интерпретации. Так воспроизводятся наиболее приспособленные к условиям жизни данного общества формы человеческого знания. Знания, убеждения, вера, равно как и атрибуты субъективности, и наше существование оказываются конструкциями, производными от формы языка. Получается, что языковая субреальность начинает влиять на повседневное поведение человека, определять его действия, стандарты которых транслируются нам с помощью современных медиа.

По Ж.-Ф. Лиотару, рассказы определяют то, из чего состоит культура, так как сами являются ее частью. Одной из важных характеристик рассказа является коллективность, которая придает ему должный уровень компетентности в повествовании каких-либо историй⁶. Важным здесь является не только значение передаваемых рассказов, но и сам акт их рассказывания. Люди как бы «играют» в рассказы, пересказывая их в повседневной жизни, являясь как слушателями, так и рассказчиками. Истинность же высказывания определяется одобрением коллектива. Субъектом знания при этом, согласно Ж.-Ф. Лиотару, выступает не народ, а некий дух, воплощенный в системе функционирования общества. Он говорит о том, что рассказ в современном мире утратил свое правдоподобие. Соответственно, остро стоит необходимость в изобретении новых приемов и правил языковых игр.

Зритель часто воспринимает на веру всю ту информацию, которая выплескивается СМИ. Информация же является реальным социальным ресурсом, способным помочь человеку адаптироваться к жизни в условиях неопределенности, приспосабливаться к постоянным изменениям, вырабатывать новые стереотипы поведения, соответствующие новым обстоятельствам. Современные массмедиа начинают принимать активное участие в конструировании социальной символической реальности, которая может затушевывать какие-то конфликты и выдвигать на передний план иные «перспективы», активно используя фигуры популярных персон для привле-

чения зрителя и переключения внимания с насущных проблем на развлечение.

Реальность в интерпретации постмодернизма плюралистична, в рамках одного «произведения» просматривается множество стилей, проб, языков, методов. Одновременно мы можем наблюдать процессы, ведущие к фрагментированности и хаотичности реальности, когда определенные индивиды и социальные группы пытаются выстроить свое существование сами, а не встраиваться в существующую систему и идти по «проторенной дороге». В повседневной жизни происходит парадоксальное слияние и симбиотическое существование взаимоисключающих явлений, понятий, ценностей, диктуемых сверху и самоформирующихся из естественного взаимодействия, приводящих к объединению и кластеризации различных отраслей. Постмодернистское общество отличается предельной подвижностью своих связей. Классы распадаются на подвижные социальные группы, соприкасаясь и коммуницируя с которыми индивид так или иначе формирует собственную стратегию, направленную на способ выживания в данной системе. Такое движение прежде всего характерно для представителей творческих индустрий, ведущих индивидуальную деятельность или объединяющихся в небольшие предприятия и группы для совместной творческой деятельности.

Существует достаточно много определений и классификаций творческих отраслей, обобщив которые, можно выделить набор критериев: первое – деятельность таких отраслей тесно связана с культурой или искусством (визуальное искусство, исполнительские виды искусства, литература, музеи, галереи, культурное наследие), второе – это деятельность, связанная с медиапроизводством (пресса, издательская деятельность, теле- и радиовещание, цифровые медиа), третье – отрасли, связанные с дизайном (архитектура, промышленный дизайн, мода).

Концепция творческих индустрий впервые возникла в Великобритании. С 1998 г. развитие творческих индустрий является приоритетом британской национальной политики, а также в большинстве случаев политики муниципального уровня. За последние годы эта концепция распространилась очень широко во всем мире и является сегодня одной из самых популярных инновационных идей, имеющих отношение к различным сферам общества.

Определение творческих индустрий, принятое департаментом культуры Великобритании, звучит так: это «...деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант и которая может создавать добавленную стоимость и рабочие места путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности»⁷.

Таким образом, можно говорить о том, что для развития этого сектора в целом нужны творчески мыслящие, художественно одаренные люди, создающие в союзе с менеджерами и технологами рыночные продукты, экономическая ценность которых заключена в их культурных и интеллектуальных свойствах.

Ряд ученых и практика подтверждают, что творческие индустрии имеют тенденцию к кластеризации, то есть объединению в межотраслевые комплексы для дальнейшего развития. Культурные кластеры, создавая платформу для сотрудничества, формируют условия для профессионального развития представителей творческих индустрий, повышают уровень интерактивности продуктов, создаваемых в рамках этих кластеров. Творческие кластеры стремятся удовлетворить запросы потребителей на так называемом «рынке культурных услуг». Рост значимости и более пристальное внимание к сфере творческих индустрий в современном обществе связан, в том числе, с вступлением общества в эпоху постиндустриализма, формированием экономики, основанной на знаниях, с ростом сервисов и услуг и их разнообразием, повышением роли креативно мыслящих индивидов и их значимости⁸.

Таким образом, создание пространственных кластеров, предполагающих высокую концентрацию творческих предприятий в бывших заводских территориях или заброшенных кварталах – важная составляющая существования современного общества и стратегии его развития.

Существуют и другие типы группировки представителей творческих индустрий: например, располагаясь вдоль проторенных туристических маршрутов, творческие кластеры становятся частью инфраструктуры туристической индустрии. Особый тип кластера формируется вокруг телеканала, на который работает множество продюсерских компаний, поле шоу-бизнеса также представляет из себя определенный тип кластера, в большей степени закрытого, использующего фильтр для отбора тех или иных представителей творческих индустрий. Сегодня можно говорить и о виртуальных творческих кластерах, общность которых складывается в пространстве электронных коммуникаций, new-media.

Творческие индустрии неразрывно связаны с продюсерской деятельностью в культуре, понимаемой в широком смысле как производство культурного продукта. В современном культурном процессе всякий продукт: театральная постановка, музыкальное произведение, картина, фотография – проходит три основных стадии, связывающие его производство и потребление. Процесс создания культурного продукта или произведения осуществляется художником или представляет собой элемент наследия. Далее этот

продукт встраивается в существующий механизм и становится предметом менеджмента в организациях культуры, где встречается со зрителем в условиях, формируемых системой. Далее с помощью современных медийных технологий и методов трансляции и тиражирования (полиграфия, звукозапись, видео, радио, телевидение, мультимедиа, Интернет) культурный продукт, как правило, в трансформированном виде, становится достоянием еще более широкой аудитории⁹.

С процессом производства и создания культурного продукта тесно связан институт шоу-бизнеса, также являющийся частью сферы творческих индустрий в современном обществе.

Индустрия звезд отсчитывает свое существование с 1920–1930-х годов и зародилась в Голливуде¹⁰. Потенциальным кинозвездам создавался соответствующий рыночный имидж, способствовавший успеху тех зрелищ, в которых они принимали участие. Главное достоинство знаменитостей – их способность привлечь внимание к товарам и услугам. В данной области талант является не самым существенным фактором массовой популярности, в основном добиваются успеха те «звезды», которых раскручивают по определенным технологиям.

Историю развития шоу-бизнеса в России можно отсчитывать от начала перестройки. В рамках существовавшей прежде системы отсутствовало главное условие шоу-бизнеса – возможность подлинной коммерческой деятельности. Деятельность практически всех организаций жестко регулировалась и была ориентирована на достижение идеологических целей. С началом перестройки в культурном комплексе стали возникать элементы предпринимательства. Учреждения культуры и досуга получили свободу не только в творческом, но и в экономическом отношении, что и стало началом процесса зарождения поля «шоу-бизнес» в нашей стране.

В узком смысле слова шоу-бизнесом называют исполнение музыкальных номеров, рассчитанных на массовую аудиторию. Однако в более широком смысле слова к шоу-бизнесу относят не только музыкальную эстраду, но и многие другие близкие к ней по функциональному назначению виды деятельности: киноиндустрию, зрелищные спортивные состязания, развлекательные телепередачи, конкурсы красоты и музыкальное радио- и телевидение. Наконец, в предельно расширительном истолковании говорят, что шоу-бизнес – это реклама, оптовая торговля и индустрия музыкальных и информационных программ, производство и тиражирование фильмов, фонограмм и аудиовизуальной продукции, коммерческая организация эстрадных групповых и индивидуальных выступлений актеров, певцов, торговля авторскими и смежными правами, созда-

ние музыкальных и видеоклипов, рекламных фильмов, буклетов, афиш, проспектов и прочего¹¹.

Мы видим, что два поля шоу-бизнеса и творческие индустрии переплетаются и находятся в постоянном взаимодействии. Шоу-бизнес является частью более широкого понятия «творческие индустрии» и нацелен на создание и производство популярных массовых продуктов, широко потребляемых и тиражируемых. Поле «творческие индустрии» вмещает в себя также и высокое камерное искусство, промышленный дизайн и малоизвестных художников, новые технологии и т. п., то есть много областей, не являющихся профильными для шоу-бизнеса. Творческие индустрии создают среду, в которую встраивается в том числе и шоу-бизнес.

Организация всего этого потока была бы невозможна без участия всевозможных медиа и медийных технологий, играющих весомую роль в формировании современного постмодернистского общества, его языковых значений и игр, медийных стереотипов. «Шоу-звезды» или выходцы из поля шоу-бизнеса превращаются в инструмент создания сверхнасыщенного информационного пространства, наполненного разного рода мифами. Мы становимся свидетелями непрерывного производства современных легенд и рассказов, связанных с деятельностью и жизнью политиков, «шоу-звезд». На официальных сайтах и тех и других можно прочесть «идеальные истории» их детства, движения к успеху и в конечном итоге «награждения» за старания. Мифическое слово, по Р. Барту, есть сообщение. Это может быть письмо или изображение, письменная речь, а также фотография, кинематограф, репортаж, спортивные состязания, зрелища, реклама – все они могут быть материальными носителями мифического сообщения. Сущность мифа не определяется ни тем, о чем он повествует, ни его материальным носителем, так как любой предмет может быть произвольно наделен значением: стрела, которую приносят в знак вызова, тоже есть сообщение. Мифическое сообщение формируется из некоторого материала, уже обработанного для целей определенной коммуникации. Миф «превращает историю в природу»¹². Потреблять миф как безобидное сообщение зрителю помогает тот факт, что он воспринимает его как индуктивную систему: означающее и означаемое представляются ему связанными естественным образом. Получается, что наше общество является привилегированной областью существования мифических значений.

Наибольшее влияние на общественное сознание и образ мыслей сегодня оказывает пока еще та информация, которая

считывается с визуальных изображений и сопровождается звуковым рядом, которая требует минимального участия индивида в процессе коммуникации. Влияние на массовое сознание в таком случае возможно за счет создания некоего информационного продукта. Таким информационным продуктом в рассматриваемом нами поле шоу-бизнеса являются «медийные люди», или «звезды». Однако все большее значение приобретает в XXI в. обратная связь от пользователей и потребителей информационных и культурных продуктов. Мы наблюдаем зарождение таких шоу, как «Минута славы», все большее распространение различных социальных сетей, организацию молодежью различных творческих фестивалей и дизайн-маркетов, требующих активной включенности индивидов в процесс коммуникации и создания данной продукции.

Тем не менее СМИ и телевидение остаются главными распространителями стереотипов мышления, так называемых медийных стереотипов. Под медийными стереотипами (от греч. слов *stereos* – твердый и *typos* – отпечаток) принято понимать схематичные, усредненные, привычные, стабильные представления о жанрах, социальных процессах/событиях, идеях, людях, доминирующих в медиатекстах, рассчитанных на массовую аудиторию¹³.

Телевидение формирует своеобразные образцы поведения, которые зритель усваивает, просматривая криминальные хроники, скандальные ток-шоу, откровенные выпуски новостей, а также боевики и мультфильмы. Работает механизм идентификации с «шоу-звездами», являющимися героями этих программ. Если зритель чувствует сходство, он с внутренним энтузиазмом «проживает» с таким персонажем его жизнь и потом может подражать ему в реальности. Но чтобы идентифицироваться с героем шоу, нужно уже быть на него похожим или предрасположенным к его образу жизни и мышления. Именно эту функцию навязывания определенного стиля поведения, мировосприятия посредством популярных «шоу-звезд» и берут на себя современные массмедиа.

Телевидение внедрило образ жизни, основанный на глубинном опыте и принципе «сделай сам», который расшатал образ индивидуалистического прямолинейного продавца и покорного потребителя, точно так же как сделал размытыми ясные в прошлом фигуры кинозвезд, считает теоретик¹⁴. Телевидение при этом навязывает нам не только сценарии поведения, но и сценарии переживания. Зритель начинает сопереживать. У экранных героев мы учимся плакать, смеяться и негодовать в определенных ситуациях. Они не только учат зрителя, как правильно одеваться

и что покупать, но в то же время заставляют сочувствовать неким «событиям», происходящим в их жизни и транслируемым при помощи телевидения.

Если взглянуть на постмодернистские «конструкты и концепты» как на своего рода дискуссию, то мы обнаружим, что при всем разнообразии смысловых акцентов главным оказывается «виртуализация» и мифологизация современного мира, высокая значимость языковых игр и превращение общества в некую инсценировку на фоне социальных декораций. Ключевую роль в этих процессах играет группа людей, условно обозначенная нами как «шоу-звезды», представители сферы шоу-бизнеса, основной функцией которых является поддержание в общественном сознании определенных стереотипов и «картин мира».

Таким образом, одной из черт современного мира можно, с одной стороны, назвать кризис оригинальности. В обществе XXI в. средства массовой информации продолжают заниматься тем, что внедряют в сознание людей ценности, которые предстают в виде системы различных стереотипов: социальных мифов, политических и социальных иллюзий, стандартов поведения. Они играют решающую роль в жизнедеятельности человека, его ценностной ориентации. Мы все больше переносим внимание с содержания сообщения на эффект, производимый им. Многие стороны и сферы жизнедеятельности начинают превращаться в своеобразное шоу, живущее по своим канонам и рассчитанное на производство определенного эффекта на зрителя. Поле шоу-бизнеса здесь диктует свои правила и условия выживания как для представителей внутри среды, так и «каноны» поведения вовне.

С другой стороны, мы наблюдаем зарождение и становление нового творческого кластера, который пока носит по большей части элементы самоорганизации и самообъединения как на территориальном уровне, так и в виртуальном пространстве (сообщества, группы в интернет-сети). Однако он набирает все большую силу, в том числе за счет освоения новых территорий, организации событий, начинающих пользоваться популярностью, создания культурных продуктов европейского уровня. Этот кластер пока не «захватило» поле шоу-бизнеса, здесь уместнее говорить о малых предпринимательствах (дизайнеры, фотографы, художники и т. п.), еще четко не определивших свою роль в жизнедеятельности общества, но нацеленных на выживание и самовыражение через производство творческого продукта вместе с приобретением коммерческой выгоды.

Эти два встречных потока – массовая культура, имеющая корни в западной культуре, воспринявшая ее догматику, меха-

низмы и стереотипы, и новое течение, зарождающееся «снизу», многоплановое, синтетическое, самоорганизующееся, существуют параллельно и в тесной взаимосвязи, на данном этапе выстраивая взаимодействие и подготавливая почву для дальнейшего более глубокого взаимопроникновения, популяризации и признания существования творческого кластера как на массовом, так и на государственном уровне.

Примечания

- ¹ См.: *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. М.: Ин-т эксперим. социологии, 1998. 159 с.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Примеч. автора.
- ⁵ См.: *Козлова Н.И.* Советские люди: сцены из истории. М.: Европа, 2005. 526 с.
- ⁶ *Лиотар Ж.Ф.* Указ. соч. С. 60.
- ⁷ См.: Творческие индустрии в России. Культурные стратегии: Экспертный клуб. Вып. 3. М.: Институт культурной политики, 2004. С. 71–73.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ См.: *Sedgwick J., Pokorny M.* Movie Stars and the Distribution of Financially Successful Films in the Motion Picture Industry // *Journal of Cultural Economics*. 1999. Vol. 23. P. 319–323.
- ¹¹ См.: Шоу-Бизнес // Онлайн энциклопедия «Кругосвет». [2001–2011]. URL: <http://www.krugosvet.ru/articles/110/1011007/1011007a1.htm> (дата обращения: 09.06.2011).
- ¹² См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72–130.
- ¹³ См.: *Федоров А.В.* Анализ медийных стереотипов на занятиях в студенческой аудитории // *Инновации в образовании*. 2006. № 6. С. 24–38.
- ¹⁴ Там же. С. 265.

В.А. Глазунова

СТАТУС-СИМВОЛЫ ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО
И СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА:
ПРОСТРАНСТВО ВЕЩЕЙ

В статье представлены результаты поискового исследования, нацеленного на изучение роли предметов материально-вещественной культуры в качестве признаков социальной успешности. Автор показывает, каким образом изменялся набор значимых предметов, используемых в интерьере жилья. Для сравнения выбран позднесоветский период и современное общество.

Ключевые слова: культурная биография, социальный статус, материально-вещественная среда, анализ вещей.

В настоящее время не подвергается сомнениям тот факт, что предметы материального мира играют одну из ведущих ролей в повседневных практиках людей, а также служат организации личного образа и приватной сферы, являясь средствами выражения индивидуальности. Социальные взаимодействия между людьми и социальными группами во многом строятся на основе вещей, а также демонстрации предметов материально-вещественной культуры в качестве признаков социальной успешности одними и «считывании» этого значения другими, и символические свойства вещи зачастую более важны для индивида, нежели функциональные. Такие признаки мы называем статус-символами и полагаем, что они отражают жизненные траектории социальных групп в определенный период времени.

Актуальность изучения статус-символов при сравнении двух временных периодов состоит в том, чтобы показать, каким образом на основе советского прошлого, в котором символические, нефункциональные свойства вещей были выведены за рамки публичного

дискурса, складывается новое общество современного типа, вариант западного «общества потребления» на основе национально-исторических особенностей.

Методология исследования

В данной статье мы опираемся на результаты, полученные в ходе нашего исследования 2008 г. под научным руководством канд. социол. наук А.В. Стрельниковой. Исследование было посвящено изучению трансформации материально-вещественной среды и ее значения для индивида. Также мы попытались выявить изменение состава статус-символов при переходе от советского общества к постсоветскому на примере социальной группы молодых специалистов. В качестве теоретической базы исследования использовались концепция «культурной биографии» вещи И. Копытоффа¹, семиологический подход Ж. Бодрийяра², в рамках которого вещь не исчерпывается своим материальным содержанием, а является частью знаковой системы культуры. Также были задействованы идеи П. Бурдьё, связанные с пониманием потребления как инструмента идентификационных стратегий, в совокупности образующих культуру социальной группы, а также с понятием «стиль жизни»³.

В ходе эмпирической части нами было проведено 12 глубинных интервью. В качестве эмпирического объекта нами была выбрана группа молодых специалистов – молодых людей в возрасте 25–30 лет, недавно закончивших высшее учебное заведение и проживающих в г. Москве. В связи с тем что наше исследование касается двух разных временных периодов, наш объект был разделен на две возрастные группы, в каждой из которых было опрошено по шесть человек:

1) люди в возрасте 45–60 лет – те, которые в исследуемый период 1975–1980-х годов находились в статусе молодых специалистов (3 мужчины и 3 женщины; 3 – техническое образование, 1 – педагогическое, 1 – гуманитарное, 1 – художественно-технологическое; 2 – коренные москвичи, 4 приехали в Москву из разных регионов СССР; после окончания вуза трое работали в различных НИИ и КБ, двое – преподавали в средней школе, одна женщина работала инженером на фабрике).

2) современные молодые специалисты – молодые люди в возрасте 25–30 лет (4 мужчины и 2 женщины; 3 – финансово-экономическое и управленческое образование, 2 – техническое, 1 – гуманитарное; после окончания вуза трое работают в финансовых организациях (банки, аудиторская компания), один – на государственной службе; один – в отделе продаж крупной компании, один – безработный; все респонденты либо являются коренными москвичами, либо переехали в Москву еще в детском возрасте).

Материально-вещественная среда в позднесоветский период

Сначала проанализируем материально-вещественную среду, окружавшую молодых специалистов в позднесоветскую эпоху. Интерьер двух человек, живших отдельно от родителей и не в общежитии, был довольно патриархальным – в основном это мебель, оставшаяся от родителей, которые предпочли купить себе новую после свадьбы детей и перед своим выходом на пенсию. Единственно новыми в квартире, как правило, оказывалась та мебель или предметы интерьера, которые дарились молодоженам на свадьбу. Основные же приобретения молодых специалистов на первом этапе самостоятельной жизни были связаны с книгами и книжными полками. *«Тогда это, наверное, было атрибутом любой молодой семьи, когда книги тоже было сложно купить, и любая книга, которая доставалась на толкучке либо в социалистическом магазине, она составляла, конечно, наше состояние»* (жен., 50 лет, И2, архив автора). *«Основные приобретения были связаны с какими-то полками или шкафами, поскольку книги росли в геометрической прогрессии и вытесняли людей»* (муж., 54 года, И4, архив автора). Книги являлись своего рода показателем принадлежности к образованным слоям, к молодой интеллигенции и поэтому чрезвычайно ценились.

Те же молодые люди, которые жили в общежитиях при вузах и предприятиях, мало уделяли внимания обустройству личного пространства, а больше, по их словам, налаживанию отношений с соседями, – ими в основном привносились вещи, имеющие функциональное значение для их трудовой деятельности: *«чертежные блоки»* (муж., 53 года, И6, архив автора), *«швейная машинка»* (жен., 50 лет, И5, архив автора).

Таким образом, с помощью наших респондентов нам удалось выявить основные черты и элементы типичного интерьера 1970–1980-х годов:

- стенка (*«Стенка это тогда было всё – шкаф для одежды, для посуды, для книг, для всего»* (жен., 50 лет, И2, архив автора). *«И у кого не было стенки – ну что это за квартира?»* (жен., 48 лет, И3, архив автора));
- кресло и диван-кровать (*«который раскладывается, на котором можно спать, потому что обычно другая комната была для детей»*. (Муж., 53 года, И6, архив автора));
- телевизор («Рубин», «Темп»);
- сервант с посудой (*«Наборы там для варенья, розетки, тарелочки, блинницы с разными блюдечками в наборе...»* (жен., 50 лет, И2, архив автора));

- журнальный столик (*«Как без журнального столика? На нем лежали газеты, которые никто не читал. Например, уже прочитали и их можно выбросить, но они должны тут лежать для интерьера»* (Жен., 50 лет, И2, Архив автора)).

На кухне обычно присутствовал кухонный гарнитур, маленький обеденный стол и холодильник «ЗИЛ» (*«У нас один Зил выпускал холодильники (смеётся)»* (жен., 50 лет, И5, архив автора)).

Кроме того, все респонденты говорят о том, что советский интерьер был крайне типичным, выделиться из общей массы с помощью обстановки в доме было практически невозможно, так как номенклатура советских предметов мебели ограничивалась 5–6 видами. *«Если у меня друг, когда женился и снимал квартиру, покупал диван, ну диван-кровать, то когда через несколько лет я пошёл в магазин, я купил точно такой же. Потому что других, если производились, было всего три варианта, а этот был наиболее подходящий»* (муж., 52 года, И1, архив автора). В условиях ограниченности выбора мебели и предметов интерьера не приходилось говорить об оформлении жилища согласно законам дизайна или даже веяниям моды. 5 респондентов из 6 отметили, что не придавали особого значения украшению и обустройству своего дома. *«Но тогда многие воспринимали вот то, что есть в квартире, как некий минимум, который у тебя есть... Можно жить, работать, еще что-то, а квартиры у всех одинаковые. То есть на это так особо не обращали внимания. Это вот потом, когда началась перестройка, все начали ремонтировать свои квартиры»* (муж., 52 года, И1, архив автора). Причем, по словам респондентов, такая ситуация была во многом обусловлена тем, что типовые советские квартиры имели очень небольшую площадь, и главной задачей при обустройстве дома было «грамотно разместиться», чтобы всем было удобно и чтобы уместить все вещи в ограниченном пространстве, нестандартно оформить жилище могли позволить себе только очень состоятельные люди, имевшие для этого ресурсы площади, молодым же людям приходилось поступаться внешним видом квартиры ради функциональности ее обустройства.

Живя в основном в окружении старой родительской мебели, новые молодые специалисты 1980-х годов отказывались от родительских привычек в декорировании, это строго осуждалось в молодежной среде и считалось мещанством. *«Или бабушкины слоники, которых было семь штук. И бабушка на тумбочке всегда расстилала салфеточку, на которой стояли слоники. Мне казалось, что это ужасно»* (жен., 48 лет, И3, архив автора). Безвкусами в молодежной среде также стали казаться раньше привычные и даже статусные практики украшения стен коврами, а предметов мебели – вязаными ажур-

ными салфетками. *«Ковры на стенке – это еще было традицией. Ну а когда мы поженились, то мы уже сказали, что никаких ковров на стенках не будет. Поэтому эти ковры сбросили на пол, на что родители, конечно, возмущались: Как так? Зачем? Неужели вам не жалко?»* (жен., 50 лет, И2, архив автора).

Что касается практик покупки новой мебели, то она была всегда сопряжена с большими трудностями: на все крупные предметы существовали очереди, многие из которых растягивались на несколько лет. Например, отец одной из респонденток записался на польский кухонный гарнитур, когда она еще училась в старших классах школы, а очередь подошла через 7 лет, так что гарнитур оказался в качестве подарка к ее свадьбе. Все эти условия превращали покупку вещей в какие-то особые «приключения», о которых с увлечением вспоминают и рассказывают. *«Существовали какие-то очереди, мы бежали, пытались записаться. Но как только мы записывались, что-то случалось, и мы не могли пойти отметить в очередную пятницу... Мы никак не могли урвать этот холодильник. И когда все-таки, через не знаю сколько лет, мы купили этот холодильник ЗИЛ, нашему счастью не было конца. Да, мы очень долго вспоминали бегомню за этим холодильником»* (жен., 50 лет, И2, архив автора).

Все это – и скудость ассортимента, и сложности в приобретении – приводило к тому, что мебель и техника менялись крайне редко, раз в 20–25 лет. При замужестве, как правило, молодожены получали старую родительскую мебель, затем, когда более-менее зарабатывали положение в обществе и рожали детей, покупали первый раз новую мебель. Второй раз мебель менялась уже перед выходом на пенсию или к свадьбе детей. Интересно, что только 2 из 6 респондентов полностью сменили мебельную обстановку в доме в последние годы, у остальных же до сих пор в квартирах сохранилась советская мебель, купленная в 1980-е годы, – в основном это пресловутые стенки. Причем характерно, что респонденты питают к этому предмету интерьера особо нежные чувства, не хотят менять ее ни на что другое по причине привычки и привязанности. Соответственно, единственным поводом к замене предмета интерьера, мебели, техники могла быть ее поломка или износ. Практика смены вещей «по моде» или по мере «морального устаревания» была совершенно не распространена в изучаемой среде. Как выразилась одна из респонденток, *«вещь убивали до конца»* (жен., 50 лет, И5, архив автора).

В связи с ограниченным ассортиментом предметов интерьера и практической невозможностью самовыразиться через оформление своей среды обитания все большее значение приобретал внешний вид человека. Если обстановка квартиры была довольно усреднен-

ной, да и в целом жилье относилось скорее к приватной сфере, к личному пространству, недоступному взгляду постороннего, то именно одежда в этих условиях взяла на себя функцию демонстрации успешности и «модности».

Что касается предметов одежды и обуви, то практически единственным критерием для их покупки было их «импортное происхождение». *«В последний день месяца все женщины не работали, стояли в очередях в магазинах для того, чтобы купить финские сапоги, купить какие-нибудь туфли. И там не было понятия: такая модель или не такая. Финская – и всё! Разницы не было»* (муж., 52 года, И1, архив автора). Самые серьезные проблемы были с обувью, потому что обувь отечественного производства *«носить было совершенно невозможно, это на грани добра и зла вообще»* (муж., 54 года, И4, архив автора).

То, насколько огромное внимание уделяли молодые люди 1980-х годов внешнему виду и покупке модной одежды, помогают понять их ответы на вопрос, какую сумму они были готовы отдать за приглянувшуюся вещь. *«Я помню, мой папа очень удивлялся: в моде в конце 1970-х годов были сапоги-чулки. Он говорил: “Она купила сапоги за 140 рублей! Как она может купить такие сапоги, когда ее зарплата составляет 80 рублей”. Я должна два месяца не есть, не пить и откладывать на эти сапоги. Но в принципе так и было, что очень многие из молодежи практически ничего не ели. Где-то мама покормит, где-то что-то съедим. И откладывали вот эти денюжки, чтобы купить себе какую-то модную обновку»* (жен., 50 лет, И2, архив автора).

В связи с острой проблемой дефицита и доступности импортных товаров существовали вполне распространенные практики покупок одежды и обуви впрок, даже если она не нужна или не подходит по размеру. *«Покупали, вот очередь подошла, и все равно покупали, независимо от того, подходят тебе, не подходят, – нужно купить. А потом уже разбирались»* (жен., 50 лет, И2, архив автора). Затем не подошедшую по размеру обувь перепродавали или выменивали на что-то другое у соседей или коллег на работе – так на основе примитивного натурального товарообмена человек был вынужден обзаводиться максимальным количеством социальных связей.

Были чрезвычайно распространены практики самостоятельного производства предметов одежды или мебели: практически все мужчины умели сконструировать какую-то мебель, а женщины – сшить себе платье. Самостоятельное производство вещей было еще одной из стратегий выживания в условиях экономики дефицита. *«Вот шкаф – собственное производство, сделан из двух тумбочек для обуви... Люди*

сами себе много чего делали. И вообще ремонт в квартире делали сами» (муж., 52 года, И1, архив автора). Огромное внимание в советском обществе уделялось формированию у населения элементарных практических навыков, которые могли бы компенсировать недостатки экономической системы, которая была не в состоянии полностью обеспечить человека всеми необходимыми предметами потребления. Люди постоянно делились друг с другом «маленькими хитростями»: *«Когда все есть, тогда все делать легко. А вот когда ничего нет, тогда уже... Чем клеить обои? Чем на зиму заклеивать окна? Какой бумагой? А так как она не продавалась нигде, то вот мы заклеивали газетами на кефире, и я вот всем советовал друзьям»* (муж., 52 года, И1, архив автора). Большим успехом у женщин пользовались журналы по дизайну интерьера, а также женские журналы с выкройками. *«Сейчас же практически человек, который шьет – это просто уникальный человек. А в то время сшить себе юбку – это было просто как нечего делать. Это было гораздо проще пойти купить ткань и сшить себе юбку»* (жен., 48 лет, И3, архив автора).

За вещами ухаживали и пытались максимально продлить срок их жизни: ставили заплатки, зашивали колготки, реставрировали мебель. Если же вещь уже не подлежала ремонту, ее зачастую переделывали: платья превращались в детские кофточки, а развалившиеся столы – в книжные полки. Женщины с гордостью рассказывают о таких собственноручно созданных метаморфозах: *«Дальше хотелось серьги серебряные в форме монеток, но так как купить я такие серьги не могла, мы сделали просто. У меня были старые царские монеты 1915 года, и в них муж просверлил дырочки, и получились очень интересные серьги»* (жен., 50 лет, И5, архив автора). Все респонденты отмечают, что все эти практики переделки или самостоятельного производства вещей производились именно по необходимости, вследствие отсутствия товара в магазинах или очень высокой цены. В настоящее время только 1 женщина из 6 опрошенных иногда шьет себе одежду, но для нее это является не необходимостью, а хобби. Что касается починки, то ремонтируются только особо любимые вещи, с которыми связаны какие-то сентиментальные переживания, в основном же вещи выбрасываются и заменяются новыми без затруднений. *«А сейчас – сезон и выбросил. Поэтому и отношение такое, и это нормально. И я отношусь к новым вещам по-другому, чем к вещам старым!»* (жен., 48 лет, И3, архив автора). Тогда же даже совершенно негодную вещь сразу не выбрасывали, а, например, могли отвезти на дачу на пару десятков лет.

Таким образом, если говорить о жизненной биографии предметов одежды в позднесоветский период, то она была очень насы-

ценной и полной различных перевоплощений. Иногда последней жизненной стадией вещи могла стать половая тряпка. *«Тогда и в голову не могло прийти, что половую тряпку можно купить в магазине. Это вообще смех был бы! Что половая тряпка в магазине продается. Посмеялись бы. Всегда же есть старые штаны, которые можно использовать»* (муж., 52 года, И1, архив автора).

Подводя некоторые итоги сказанному, среди вещей, отражавших жизненный успех молодых специалистов позднесоветского общества, их статус, можно выделить следующие.

1. Машина. *«Статус выше – это когда у человека появлялась машина. И не просто машина, а “Волга”. Вот “Волга”, это уже другой статус»* (муж., 52 года, И1, архив автора).

2. Хрустальные люстры (*«чешское стекло», «чешские плафоны»*).

3. Книжные полки и книги – специфический статус-символ именно в среде молодых специалистов. Книги – очень дефицитный товар, получали их в обмен на талоны на макулатуру, либо они покупались на черном рынке. *«Ну вот в нашей среде, где была определенная система ценностей, это (признаки успеха) были книги, определенный набор... Плюс к тому это было дефицитом, большим, чем мебель или еда. За книги тогда платили большие деньги»* (муж., 54 года, И4, архив автора).

4. Импортная мебель (румынская, югославская).

5. Музыкальная техника (отечественная и импортная) и видеомагнитофоны. *«Или какая-то импортная техника, те же магнитофоны-кассетники – здесь они не продавались... у нас кассетник был, дааа, папа привез из-за границы! (смеется) Это был ооочень крутой кассетник фирмы JVC, очень мало было таких в Москве!»* (жен., 48 лет, И3, архив автора).

6. Импортные сигареты и жевательная резинка. *«Когда кто-то откуда-то привозил жевачку – это просто высший пилотаж!»* (жен., 48 лет, И3, архив автора).

7. Пластиковые пакеты. *«Если вот идет человек с пакетом, ооо! Ну надо же, как! 5 рублей пакет стоил! Ну, это дорого было, если за 5 копеек в метро можно было проехать, это сколько раз можно было в метро проехать, а он с этим пакетом. Ну, сколько он там служил, ну не знаю, несколько месяцев, уже ни рисунка, ничего не видно (смеётся), пакет там»* (жен., 50 лет, И5, архив автора).

8. Дипломаты. *«Ну это признак умного и современного человека был, конечно»* (жен., 48 лет, И3, архив автора)

9. Импортная одежда – пожалуй, самое главное средство демонстрации собственной успешности в среде молодых специалистов. Характерно, что, вспоминая об этих вещах, респонденты в

первую очередь вспоминают не их форму, цвет, материал или даже фирму-изготовителя, а именно страну производства.

- Песцовые шапки, дубленки, замшевое пальто, кожаная куртка, вельветовый пиджак. *«Дубленку иметь – все равно, что, я не знаю, в космос слетать, продавались они только в “Березке”... Замшевое пальто или кожаная куртка были тогда гордостью»* (жен., 50 лет, И2, архив автора).
- Фирменные джинсы. *«Было, что если у тебя нет джинсов, что же ты за человек вообще... Те, которые стали продаваться в кооперативных магазинах, назывались “техасы”, и вот те, кто покупал эти техасы, они были не те люди. Надо было носить фирменные джинсы, там Levi Strauss или еще какие-то»* (муж., 54 года, И4, архив автора).
- Обувь: финские сапоги, французские, чешские, югославские туфли, кроссовки «Adidas».

Материально-вещественная среда в современном обществе

Теперь сравним все вышесказанное с современной ситуацией в среде нынешних молодых специалистов и вкратце оценим масштаб произошедших изменений. Первое сходство, обращающее на себя внимание, – пониженное внимание к оформлению жилища, дизайну интерьера и у современных молодых людей, и у поколения их родителей. 10 из 12 опрошенных отметили, что творческий процесс в организации жилого пространства не играл или не играет большой роли в их жизни. Тем не менее при ближайшем рассмотрении причины подобного отношения довольно различны у двух групп респондентов. Если молодые люди позднесоветского периода пренебрегали этим из-за значительной ограниченности возможностей, дефицита мебели, техники, скудости ассортимента, а также весьма небольших жилых площадей, то с современными молодыми специалистами дело обстоит несколько иначе. Можно сделать вывод о том, что в настоящее время в публичном дискурсе побеждает, конечно, концепция Бодрийяра об упрощении, функциональности жилища, о потере им своих символических коннотаций в среде современного молодого поколения, так как все респонденты в интервью декларируют именно эту точку зрения. Это может быть некоторой стратегией саморепрезентации, так как в молодежной среде доминирует негативное отношение к консюмеризму и пристрастию к красивым вещам. Поэтому в своих высказываниях молодые люди, сознательно или нет, воспроизводят эту точку зрения, в то время как оставшись наедине с собой, у себя дома, они все-таки дом украшают, обживают, вносят в него новые смыслы, индивидуальный

уют и память о значимых людях и событиях. Утверждая, что примером хорошего вкуса для них является минималистичный интерьер, целиком состоящий из вещей, непосредственно имеющих значение для поддержания жизнедеятельности человека, не отягощенный нефункциональными предметами (безделушками, украшениями и т. д.), что отличает их от поколения их родителей, они точно так же, как их родители, украшают свое жилище. Таким образом, все-таки нельзя говорить о том, что вещное пространство жилища современного молодого человека сузилось по сравнению с позднесоветским периодом. Отличие состоит именно в отношении к материалистичному поведению: в то время как молодые специалисты скрывают свои практики декорирования жилища, их родители рассказывают о том, что стремились к этому, но в условиях жестокого дефицита не могли реализовать все свои потребности.

Современные молодые специалисты крайне прагматично относятся к оформлению своего личного жилого пространства: основная его задача – полностью отвечать потребностям его обитателей, быть удобным. Что интересно, при ответе на вопрос об обязательных предметах интерьера, мнения респондентов разделились по половому признаку: девушки назвали главной вещью в доме хороший душ, а мужчины – кровать и телевизор. Кроме того, все респонденты назвали неотъемлемой частью личного жизненного пространства рабочий стол с компьютером, используемым дома в основном для того, чтобы *«выходить в Интернет, лазить там, общаться с людьми посредством сайтов различных и программ типа айсикью»* (муж., 26 лет, И7, архив автора). Таким образом, можно сделать предположение о том, что квартира для современных молодых людей не является предметом осознанного, направленного творчества. Основная функция жилища – поддержание жизнедеятельности человека, которая в основном проходит за пределами дома, способствуя пассивному отдыху и соблюдению личной гигиены, поддержанию адекватного внешнего вида. В жилище главное не уют, а грамотная организация пространства, являющаяся определенной инвестицией в его социальный облик. Смыслы, заключенные в определенных предметах интерьера, лежат во многом за его пределами: иметь хорошую кровать и удобный душ нужно, чтобы выглядеть выспавшимся и чистым на работе, в обществе, а компьютер нужен для поддержания неформальных социальных связей.

Что касается практик смены мебели, предметов интерьера, то, конечно, в целом они стали происходить гораздо чаще, но, тем не менее, основной причиной для этого остается поломка или утрата функциональности старыми вещами. Современные молодые специалисты, так же как и молодые люди 1980-х годов, меняют обста-

новку крайне редко, но это опять же имеет иные корни. Теперь это объясняется не скудостью выбора и сложностями покупки и даже не сентиментальной привязанностью к некоторым вещам, свойственной предыдущему поколению, а просто нежеланием вкладывать средства в оформление своего жилища. Сведение к минимуму времени, проводимого молодыми людьми внутри домашних стен, фактическое отмирание «гостевых» практик, выведение социальных взаимодействий за рамки домашнего пространства делает временные и финансовые инвестиции в его оформление крайне невыгодными на этом своеобразном социальном рынке.

Основные средства вкладываются человеком все же не в жилище, а в свой внешний вид, в одежду, которая в наибольшей степени служит не только символическим выражением его статуса, но и его индивидуальности. Такая ситуация была характерна и для последних десятилетий Советского Союза, когда одежду все же было не в пример легче «достать», нежели мебель и предметы интерьера, и на нее молодые люди тратили порой всю свою зарплату. То же верно и для современной ситуации, в которой вложение средств в поддержание презентабельного внешнего вида – более выгодно, так имеет наибольшую отдачу. *«На мой взгляд, надо одежду не просто приобретать абы какую, надо осознанно делать какие-то... я бы даже сказал, такое модное слово нынче... инвестиции определенные в стиль»* (муж., 26 лет, И7, архив автора). Что касается имеющегося разнообразия, то при ближайшем рассмотрении оказывается, что одежды это касается не в столь большой степени. При огромном количестве брендов, стран-производителей на российском рынке большого выбора как такового не прослеживается. Инструментом регулирования разнообразия стала мода, которая оказалась ничуть не слабее идеологической системы, а в чем-то и сильнее, поскольку практически не подразумевает оппозиции себе. В условиях тотального дефицита модных фасонов одежды в советских магазинах молодые люди прибегали к различным стратегиям подчеркивания своей индивидуальности: покупкам у фарцовщиков, на черном рынке импортных товаров, самостоятельному изготовлению каких-то модных вещей, переделыванию старых и т. д. В настоящее время при отсутствии каких-либо институциональных механизмов контроля люди, подражая модным тенденциям, тянутся к некому стандартному варианту внешнего вида, не замечая, что теряют свою индивидуальность. Таким образом, что касается параметров выбора одежды, то если раньше практически единственным критерием было ее импортное происхождение, то теперь молодые люди, чтобы выделиться из общей массы, покупают одежду, не подверженную веяниям моды. Классические фасоны становятся признаком хоро-

шего вкуса, а приверженность модным тенденциям рассматривается как признак невысокого интеллекта и уровня культуры. *«Ну, я не покупаю ничего такого ультрамодного, что потом выйдет из моды. У меня одежда как-то ближе к классике, а она на все времена»* (жен., 26 лет, И8, архив автора). Также неадекватной и непрестижной стратегией считается приверженность определенным брендам, особенно подчеркнуто дорогим. *«Ну опять же в последнее время как-то стараюсь тратить поменьше денег на все это, потому что не вижу смысла платить много денег очень только за имя определенное и все, то есть сейчас наше общество подходит к тому, что марка производителя одежды не особо влияет на, так сказать, имидж самого человека. Уже, так сказать, ценности немножечко изменились»* (муж., 26 лет, И7, архив автора). *«Ну мне не нравятся ни какие-то дорогие вещи, ни подчеркнутый лоск какой-то. Я сторонник сдержанной правильности такой... ну у человека должен быть хороший вкус»* (муж., 28 лет, И10, архив автора). Молодые специалисты отдают предпочтение неизвестным фирмам и дизайнерам и сетуют на дурной ассортимент в московских магазинах, где *«все одинаковое»*. Закономерным выходом из такого положения становятся широко распространенные практики покупок одежды во время туристических или рабочих поездок за границу.

Тем не менее подобная ситуация не может подвигнуть современных молодых людей, в отличие от поколения их родителей, на самостоятельное изготовление одежды или мебели. По их словам, это занимает слишком много драгоценного времени, дефицит которого значительно превосходит дефицит оригинальных фасонов и моделей на современном российском рынке одежды и мебели. *«Я что-то вяжу, но не для себя. В подарок для своих друзей вяжу, а для себя, наверно, ничего не вяжу. Это же много времени отнимает – что вязание, что шитье»* (жен., 25 лет, И11, архив автора). То же касается и обхождения со старыми вещами, вышедшими из употребления: современные молодые люди стараются как можно быстрее избавиться от ненужной обузы, выбросив ее или передав кому-то нуждающемуся, в то время как в позднесоветский период жизненная биография вещей была полна различных перевоплощений. За вещами тщательно ухаживали, а если вещь уже не подлежала ремонту, превращали ее в другую вещь с другой функциональностью. Единственной практикой продления срока службы вещи, перешедшей в наследство к современным молодым специалистам, стало использование старой одежды в качестве половых и иных тряпок.

Среди основных статус-символов вещей, называемых молодыми специалистами в качестве признаков успешности человека, можно выделить следующие три.

1. Элитное жилье (квартира в историческом центре города, загородный особняк, квартира в элитном жилом комплексе). *«Ну, естественно, успешным человеком можно признать, если человек живет в каких-нибудь там элитных домах, где-то в центре...»* (муж., 26 лет, И7, архив автора).

2. Автомобили определенных марок экстра-класса (Bentley, Ferrari, Lamborghini, Maibach и т. д.). *«Ну, “Феррари” там у подъезда припаркована – значит, успешный человек, скорее всего»* (муж., 27 лет, И12, архив автора). Дорогие автомобили, в отличие от элитного жилья, хоть и признаются молодыми людьми в качестве признака некой материальной успешности, но не являются столь желаемыми предметами – наоборот, предпочтение отдается более экономичным и практичным моделям. *«Я бы не купила никогда супердорогую машину, в нашей стране это как-то некрасиво, когда столько бедных. Выпендрейж»* (жен., 26 лет, И8, архив автора).

3. Нестесненность в выборе места отдыха и развлечений, а также забота о своем здоровье хоть и не являются в строгом смысле слова «вещами», тем не менее, по мнению респондентов, с гораздо большей точностью указывают на их финансовое положение и социальный статус, нежели некие материальные объекты. *«Ну, вот иметь возможность поехать в отпуск куда угодно, не задумываясь о деньгах, просто куда захочется... Ну и клубы всякие дорогие... Вообще вот качественный отдых – точно признак успешности»* (муж., 27 лет, И12, архив автора).

Помимо трех основных категорий статус-символов можно выделить несколько дополнительных. По нашему мнению, изолированно они не могут дать полное представление о статусе человека, но должны рассматриваться в связке с основными статус-символами. Такими дополнительными статус-символами становятся дорогая одежда, техника, дизайнерская мебель, нестандартные решения в оформлении интерьера, аксессуары. *«Новая техника в доме, то есть это сразу видно, значит, у человека существуют определенные денежные средства, чтобы приобретать себе технику, телевизор огромный, например, если висит, то значит, у человека наверно складывается неплохо все, либо он влез очень сильно в долги»* (муж., 26 лет, И7, архив автора); *«...успешный человек одет в одежду каких-то известных домов моды, он носит дорогую обувь, тоже там известных производителей»* (жен., 25 лет, И11, архив автора). Тем не менее ценность этих дополнительных статус-символов ставится в последнее время под сомнение именно из-за наступления эпохи массового кредитования, вследствие чего даже человек, обладающий средним заработком, может позволить себе приобрести очень дорогую статусную вещь – часы, одежду, технику. Также характер-

ной чертой современного состояния общества, по мнению молодых людей, становится гонка за вещами, подчеркивающими статус, претенциозность среднего класса.

Таким образом, главным статус-символом, по мнению молодых специалистов, является само отношение человека к роли материально-вещественной среды в демонстрации собственного статуса, а также к своему статусу вообще. Действительно, успешные люди имеют возможность не задумываться о своем социальном статусе и не повышать его посредством приобретения каких-то материальных объектов, служащих для других некими визуальными знаками.

Примечания

- ¹ *Копытофф И.* Культурная биография вещей: товаризация как процесс // Социология вещей. М., 2006. С. 134–166.
- ² *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М.: Академический проект, 2007. 335 с.; *Он же.* Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 213 с.
- ³ *Бурдье П.* Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3.

С.Г. Анисимова

ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ АНОМИИ В РОССИИ: ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Статья посвящена аномии в российском обществе, находящемся в длительном состоянии трансформации. Автор акцентирует свое внимание на комплексе предпосылок и условий, которые обусловили расцвет девиантности в России, среди них историко-политические, цивилизационные, экономические, политико-структурные, государственно-управленческие, экологические, нравственно-правовые, духовно-культурные, социально-психологические и др. В качестве специфических стимуляторов расширения проявлений девиантного поведения выделяются средства массовой информации.

Ключевые слова: аномия, девиации, нормы, ценности, трансформация, причины, условия, предпосылки, дезинтеграция.

В апреле 1986 г. в Советском Союзе была объявлена перестройка – начало глубоких хозяйственных, политических и социальных реформ. Новая терминология (гласность, ускорение, плюрализм, хозрасчет и т. п.) отражала всесторонний характер начавшихся перемен. В области идеологии произошли кардинальные сдвиги: с различных трибун артикулировался посыл о возвращении к «человеческому измерению» и формировании нового морального манифеста – гуманизация социализма, нравственное возрождение советского общества, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей. В реальности страна погружалась в состояние перманентного кризиса.

Логика развития любого социального явления подтверждает, что выдвигание на первый план кризисных явлений и взрыв негативных девиаций (наркотизм, суицид, проституция, преступность

и т. п.) связано с целым комплексом предпосылок (глобализационных, цивилизационных, экономических, географических, историко-социальных, политико-культурных, духовно-психологических и др.), на что указывают отечественные авторы Т.И. Заславская, Г.В. Осипов, О.И. Шкаратан, В.А. Ядов¹ и другие. В связи с этим для анализа трансформаций применяется теория аномии Э. Дюркгейма, развитая Р. Мертоном в приложении к американскому обществу и дополненная современными учеными.

В конце XIX в. на фоне происходящих в мире преобразований французский ученый Э. Дюркгейм выделил аномию при анализе «ненормальных» форм разделения труда. Он отмечал, что «в момент общественной дезинтеграции, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, общество оказывается неспособным проявлять нужное воздействие на человека»², из чего проистекает состояние беззакония, отсутствие правовых норм, влекущее различные социальные девиации и патологии.

Аномия – результат всеохватных изменений в социальной системе, однако в некоторых случаях изменения могут протекать в латентной форме, когда сравнительно незаметно культурные цели постепенно отдаляются от институциализированных норм, переводя аномию из «мягких» форм в остропроблемные. Естественно, в самом благополучном, стабильном обществе наличествуют очаговые ареалы аномии, необходимые для поддержания жизнеспособности системы (фронта, оппозиция, андеграунд и т. д.). Можно вспомнить существование в СССР групп диссидентов и криминальных авторитетов – воров в законе. И те и другие не принимали существующую систему ценностей и норм, эти общности пытались проживать в соответствии с собственными установками (либо общечеловеческими ценностями, либо по воровским понятиям), что не мешало им встречаться в пенитенциарных учреждениях исправительно-трудового или медицинского типа. Аномия как тотальное явление – это кризисное состояние, характеризующееся рассогласованием ценностно-нормативной основы, нарушениями в функционировании системы социальных институтов и всех сфер жизнедеятельности, расширением сферы нелегитимного нормативного регулирования, изменением социокультурных ориентиров и образцов деятельности и расширением проявлений девиантного поведения³.

Основной тезис теорий аномии состоит в том, что всеобщим основанием социальной интеграции и солидарности любого общества служит устойчивый каркас из ценностей и норм. С точки зрения диалектики, социальные отклонения атрибутивно имеют дуальный

характер. Позитивные служат средством, механизмом развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения (это креативность во всех сферах жизнедеятельности – научной, технической, художественной). В этом контексте девиации имеют прогрессивный и адаптивный смысл. Негативные же девиации (в большинстве своем) нарушают устои общества, дезорганизуют либо тормозят систему, в некоторых случаях влекут распад общества. Дистанцируясь от тривиальной дихотомии, социальные отклонения (девиации) можно трактовать как отклонения от ценностно-нормативной системы, имеющие массовый и устойчивый характер, влекущие изменения социальных отношений, социальных институтов, социальных общностей, зачастую наносящие вред индивидам и группам, имеющие инновационный либо неопределенный потенциал, а также ситуативные и отдаленные социально-экономические, социокультурные, психологические, юридические и другие последствия.

При «запуске» масштабной аномии, расширении-сужении, усилении-сглаживании пространства аномии «срабатывает» конгломерат факторов разрушающих наличную ценностно-нормативную систему, что объясняется превалированием тех и иных причин и условий или их сочетаний в конкретных социально-территориальных сообществах. Россия попала в середине 1980-х годов под «двойной удар» трансформаций: реформы внутри страны и объективные процессы глобализации.

Аномия пронизывает все сферы, сегменты, структуры и институты общества, однако первые серьезные проявления аномии возникают в базисе – экономической сфере, затем экономика «заражает» девиантностью все другие сферы общества и тотально воспроизводится. Экономическая аномия (в трактовке Э. Дюркгейму) – это нарушение установленного порядка, фиксирующего с относительной точностью максимальный уровень материального благосостояния каждого общественного класса и устанавливающего определенные рамки по шкале доступного, возможного и допустимого накопления материальных благ. Разрушение этой установленной ранее шкалы и возникновение новых соотношений на ней, появление новых социальных групп «лидеров» и «аутсайдеров» немедленно сопровождается возникновением аномийных состояний. Опираясь на постулат о детерминированности общественной жизни экономическим базисом, в качестве важнейшего основания латентного расползания аномии, а затем манифестации жестких аномических форм можно считать экономическую ситуацию, сложившуюся к середине 1980-х годов в советском государстве: снижение управляемости и эффективности производства; абсурдизация планирования; по-

важные мелкие нарушения закона в рамках обычая «делового оборота», традиционного для российской ментальности; переизбыток денежных средств, не пущенных в оборот из-за товарного дефицита; «заморозка» инновационного потенциала; деградация менеджмента в индустриальном секторе; превращение коррупции в системное явление за счет «серого рынка» дефицита и расширение «черного» (цехового) рынка производства услуг и товаров; скрытый демонтаж социальной структуры и т. п.

Многовековой причиной, заставляющей воспринимать российское государство как «колосс на глиняных ногах», является огромная территория, по определению снижающая управляемость, и географическое положение на территориально-культурной границе Азии и Европы, Востока и Запада. Нахождение «меж двух враждебных рас», по образному выражению А. Блока, и наличие вместе с тем собственной аутентичности выступают как «неустранимое» явление российской реальности. В социально-психологическом плане в качестве фона аномии присутствуют особенности ментальности населения, глубоко осмысленные русским философом Н. Бердяевым, а именно модель пессимистичности, пронизанная самобичеванием и распространением самоуничтожающих форм бытия, таких как пьянство, табакокурение, пренебрежение здоровьем, а также циклический ритм деятельности с минимальными/максимальными фазами напряжения и т. п.⁴ Психологическая парадигма позволяет выявить постоянно присутствующее в массовом российском сознании противоречие, когда одновременно сосуществуют официальная идеология и традиционное сознание. Наличие глубинных пластов бинарного массового сознания проявляется в различных формах, таких как латентность («кухонная критика» в советское время и «критика в блогах» в настоящее время), конформизм и нонконформизм, иждивенчество, бытовые фобии и ксенофобия и т. п. Кроме того, в обществе присутствует подозрительность к частной собственности и богатству, как *arrogant* незаконно полученному, и «обостренное» чувство социальной справедливости, потребность в равенстве, выражающаяся в стремлении к уравнительству. Таким образом, в повседневности неравномерно закреплены системы ценностей (христианство и язычество, большевизм и здравый смысл), что постоянно создает почву для массового отчуждения от определенных сегментов общественной и личной жизни.

В качестве «катализаторов» аномии выступают историко-политические факторы, к которым можно отнести: искажение истории, которая переписывается в угоду сиюминутным целесообразностям, и регулярное ниспровержение прежних идеалов; эклектичность ис-

торического развития и «ненормальное соотношение между величиной достигнутого Россией международного положения и слабым внутренним ростом, низким уровнем духовных и материальных средств, которыми обладал ее народ»⁵; склонность к мессианству и тотальным переделкам; поглощение общества государством в связи с гигантской территорией; приверженность сильной власти, длительное сочетание патернализма и авторитаризма, что выражено в крылатой фразе: «Вот приедет барин, барин нас рассудит»; интеграция народов зачастую без должного внимания к специфике их жизни и управления при властных амбициях местной элиты; революционный переход от феодализма к социализму, сформировавший в национально-административных образованиях (республики Северного Кавказа, Поволжья, Сибири) устойчивую дуальную систему ценностей.

Главным цивилизационным фактором воздействия на уровень и степень распространения аномии стал «крах великой империи и обвальная деколонизация ее окраин»⁶. Можно констатировать, что если уж рушатся такие фундаментальные ценности, как государство и социальная общность, то остальные ценности «летят в пропасть» практически без сопротивления. Мощное влияние цивилизационного разлома, повлекшего разрушение имперского сознания «простого советского человека» – представителя единой общности, выступило как сильнейший посыл развала ценностно-нормативной системы.

Неэкологическое мышление, воплощающееся в поговорке «После нас хоть потоп», прослеживается в расточительном отношении к земельным, водным, лесным ресурсам и природным ископаемым и в отношениях людей между собой, когда «лес рубят, щепки летят», и способствует расширению сферы разрегулированности.

Важнейшая из социальных причин зарождения и расширения аномии – отсутствие гражданского общества, точнее, наличие гражданско-административного общества, постоянно формируемого и питаемого органами государственной власти, отчуждение народа и власти, народа и интеллигенции. В ретроспективе заметно, как на протяжении длительного времени государственные структуры отдалялись от общества и их место занимали девиантогенные структуры, протокриминального (средства массовой информации) и криминального характера (организованные преступные сообщества различных видов). Кроме того, с некоторой долей допущения предпосылкой аномии можно считать отсутствие среднего класса как базового слоя гражданского общества.

Другие социальные причины аномизации «без границ»: противоречивость, дискретность социального развития в условиях

постоянных реформ, что выражается в разнице между интересами отдельных людей, личности и социальных групп, социальных общностей, социальных общностей и общества, индивида и общества, когда степень несовпадения этих интересов влияет на увеличение либо сокращение девиантов; повальное наступление консьюмеризма, превращение богатства во всеобщий символ успеха и порождаемые этим «дикие» формы потребления; поляризация общества по критериям бедность/богатство и связанные с нею «перекосы» в социальной структуре, когда индивиды обретали новый статус отнюдь не благодаря своим общественным стремлениям; на новые общественные позиции попадали люди, которые не соответствовали им по своим способностям, данным и призванию. Аналогичная ситуация наблюдалась и наблюдается в других постсоветских странах, где «неравенство, приобретающее небывалые размеры, приводит к разложению общественной солидарности и чувства справедливости»⁷.

Большую роль в расширении деструктивных явлений сыграли диспропорции в поло-демографической структуре: межпоколенческий разрыв 1980-х годов имел принципиально иной характер по сравнению с классическим конфликтом «отцов и детей». Поколение X, родившееся в 1970-е годы, кардинально отличалось от поколения своих родителей и жило в совершенно иной системе координат: водораздел проходил в соответствии с «революцией притязаний», охватившей весь мир. Резкий скачок притязаний и понижение готовности людей к жертвам ради их воплощения в жизнь стал результатом социально-культурных, экономических и политических революционных изменений конца 1980 – начала 1990-х годов и одновременно условием, обеспечивающим сам процесс социальных изменений. Российский ученый В.С. Магун зафиксировал, что в этот период «господствовало настроение социального оптимизма (и даже эйфории) в отношении возможностей нового общественного состояния. Это настроение формировалось под влиянием описанного в психологии “принципа удовольствия” и вело к более высокому уровню притязаний, как и к логически дополняющему его представлению о большей легкости их воплощения в жизнь»⁸.

Политико-структурные и государственно-управленческие предпосылки аномизации включают широкий круг факторов и условий. По мнению правоведов, «ключевым аспектом, предопределившим все иное разнообразие федерации (современной), по-прежнему остается структура федерации с точки ее государственного устройства... порок, в котором кроется серьезная опасность дестабилизации – наделение республик статусом государства и национальный

фактор оказывает разрушающее воздействие на государственность России, влияет на рост национализма»⁹. Одни регионы России в большей степени тяготеют к европейским ценностям, другие отрицают модернизацию по западным сценариям или напряженно воспринимают ее, что связано с асимметрией социально-экономического развития территорий и неодинаковой степенью приверженности к традиционной экстенсивной модели развития экономики и культуры.

В.Ф. Степанов указывает на блок факторов, деформирующих систему государственного управления в России: «Постоянные “рывки” в экономическом и социально-политическом развитии, сопровождающиеся разрушением предшествующей социальной организации “до основания”, смена либеральных и авторитарных режимов; ортодоксальность, уравнилельно-деспотический подход к экономике и культуре; неприятие, искоренение инакомыслия; несоответствие официальных деклараций реальной политике; стремление к форсированному успеху, к внешнему блеску; перманентное огромное влияние бюрократии (партократии), усиливающееся в ходе административных реформ властных структур; незначительность либо ограниченность влияния коллективов и выборных органов; внутреннее отрицание рынка и парламентаризма; конформизм в сочетании с “тлеющим” бунтарством, “ползучий саботаж” как форма сопротивления; решающая зависимость служебной карьеры от личных и деловых связей, от идеологической и личной лояльности, снижающие качество управления, профессионализм и объективную целесообразность принимаемых решений»¹⁰ и др.

Духовно-культурные факторы разрастания аномии достаточно многообразны: наличие взаимоисключающих начал в религии, культуре, этносах; внедрение «квазиформ» постиндустриальных ценностей и формирование несовпадающих систем социокультурных ценностей; масштабное распространение консюмеризма, потребительства, гедонизма как форм бытия, мультикультурность и мультиморальность социального пространства¹¹; пропаганда извращений, перверсий, привыкание к насилию и т. п.

Нравственно-правовые факторы расширения ненормативной сферы глубоко укоренены в обществе. К ним относятся слабое развитие правосознания, идей свободной личности и свободного труда, ориентация на заботу со стороны государства и иррациональные представления о совести, чести, морали, справедливости. Коррозия нравственных ценностей проявилась в публичности интимной сферы, «выносе на люди» личностных и семейно-брачных отношений. Снижение роли морально-нравственных регламентаций явственно

наблюдается в процессе перевода интимных связей в форму гендерных контрактов¹².

Связанное с острым социальным кризисом усиление антиномичности ценностных установок и моральных ориентаций зафиксировал великий русско-американский социолог П.А. Сорокин. В такие периоды, с одной стороны, усиливается позиция эгоистов, основным моральным правилом которых является вседозволенность, с другой – происходит процесс объединения усилий альтруистов¹³. Первые стремятся к релятивизации моральных этических ценностей, выветриванию их из общественного сознания, вторые – к повышению статуса моральных императивов, создавая при этом новые этические системы ценностей. Обе эти модели морального поведения в условиях нестабильного общества расщепляются, активно противопоставляются и становятся массовыми. Можно заметить, что в нашем сообществе доминируют циники, эгоцентристы.

Всеохватный правовой нигилизм, деформация морально-правового сознания приводят к практике неисполнения, ограниченного применения и разрушения законов. Русская поговорка «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло» стала реальной инструкцией правоприменения. К признакам правового нигилизма на российской почве можно отнести широкую распространенность, повсеместность и многообразие форм нарушений законности. Так, в триаде законодательной, судебной и исполнительной властей произошло расширение областей действия «телефонного права» и права сильного на фоне заявленной, но затем «растворившейся» системы сдержек и противовесов. Можно заметить, что шаткое равновесие между обществом и тремя ветвями власти постоянно сопровождается ростом деструктивных социальных изменений в различных сегментах общественных отношений и в системе социальных институтов. Постепенная утрата императивности законов, уменьшение сферы государственно-правового регулирования происходили в неразрывной связи с утверждением неконформизма, то есть нарушением легальных форм как нормы деятельности в определенных слоях и группах («откат» при решении любых вопросов в государственных, а теперь и в муниципальных органах, разветвленная система «распила бабок» – распределение государственных траншей, субсидий и других денежных средств в иерархированных государственных структурах).

С конца 1980-х годов началось превращение правоохранительной деятельности в предпринимательство, «обслуживание интересов власти, привилегированных слоев общества, а не всех граждан страны»¹⁴, дистанцирование «силовых структур» от населения¹⁵.

Средства массовой информации «демонизировали» сотрудников некоторых правоохранительных органов (службы государственной безопасности, прокуратуры и др.) и раскручивали «охоту на оборотней» с милицейскими погонами. В то же время расширялась сфера деятельности преступных сообществ, был осуществлен выход криминальных структур из подполья и презентация своего образа жизни и ценностей. Через массмедиа происходила идеализация криминалитета, усиление реального и виртуального присутствия преступной субкультуры в различных сферах – от речевых коммуникаций до государственных органов. Наглядно видно, что «отдельные составляющие образа жизни криминальных структур, такие, как жаргон, татуировки, язык жестов, или, как его еще называют сами преступники, – “распальцовка”, воровской шансон, стали стремительно интегрироваться в культуру, речь и образ жизни обывателей»¹⁶.

Заложенные в художественной литературе и воспроизведенные в культурных образцах аномальные «заряды» выхода из кризисной ситуации (аутоагрессивный, агрессивный либо фаталистический) проникли в сознание поколений читателей, ибо неискоренимая вера в печатное слово является специфической особенностью россиян. По мнению известного филолога и писателя Г.Ш. Чхартишвили (Б. Акунина), «внеклассное чтение русской литературы» определяло стиль и образ жизни представителей различных слоев и групп населения. Российское общество переживало инфицирование литературой с разной степенью интенсивности в XIX и XX вв.¹⁷. На наш взгляд, энергия разрушения оказала на население страны огромное влияние, деформируя представление об окружающем мире и собственном «Я», раскручивая центробежные тенденции, уничтожая нормативно-ценностные стереотипы и подталкивая к отчаянному признанию в духе героев Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено». Разрушение модели мировоззрения с верой в религию-коммунизм, светлое будущее, достоинство и гордость советского человека во многом инспирировано деятелями культуры конца 1980 – начала 1990-х годов, которые «выволокли» на белый свет и показали людям всю «мерзость» их существования и стали одними из авторов аномических процессов со всеми вытекающими последствиями. Несмотря на то что Россия уже «не самая читающая страна в мире», влияние художественной литературы, а ныне публицистики продолжает оставаться достаточно высоким, сохраняется детерминация социального поведения образцами, сконструированными в произведениях искусства, а чаще фабрикуемыми СМИ, особенно телевидением и Интернетом. Естественно, степень восприимчивости зависит от места, занимаемого акторами в социальной структуре.

Болгарский ученый Д. Пантич подчеркивает, что глобальные изменения служат «усилителем» аномии¹⁸, дополняя внутренние предпосылки имплицитными влияниями. Это связано с тем, что глобализационные процессы сопровождаются небывалым прежде сжатием социально-пространственных координат. Глобальным катализатором трансформации является «сеть». В повседневности становится заметным и значимым возникновение организованной сети информационно ориентированных локальных социокультурных комплексов, локальных не в территориально-географическом, а в социальном и расширяющемся виртуальном пространстве. Британский социолог Э. Гидденс подчеркивает, что глобализационный процесс «находится в непосредственной близости и от нас, воздействуя на самые интимные и личные аспекты нашей жизни... в повседневной жизни происходит настоящая революция, последствия которой ощущаются по всему миру в самых разных областях – от трудовых отношений до политики»¹⁹. Все это порождает превращение локальных (местных, национальных либо региональных) проблем социального, политического, идеологического, военного и тому подобного характера в общемировые проблемы.

Можно согласиться с мнением, что в эпоху глобализации «процесс экспансии (диффузии) сверхидей приобретает стремительный, в определенной степени – самопроизвольный характер»²⁰. Мировые процессы способствуют тому, что принцип «личного успеха», лежащий в основе американской социокультурной парадигмы, получает все большее распространение и в других странах. Параллельно в сознании множества людей происходит возрастание силового фактора и «катастрофическое ослабление нравственных начал между людьми, государствами и транснациональными корпорациями, доминирование в мире страха, рассчитанного на шок, распространение зависти»²¹. Учеными отмечается «потеря ощущения добра и зла... морали нет, есть приспособление»²². В результате установка на индивидуализм и личностные достижения в системе статусов и материальных благ (главные источники роста аномии) и снижение ощущения личностной безопасности существенно повышают степень социального риска и предрасположенность к кризису различных локальных социальных систем.

Российское общество конца XX – начала XXI в. оказалось под воздействием нелинейных внесистемных факторов различного порядка. В России дополнительной подструктурой аномии выступает дихотомия между декларируемыми целями, путями, средствами и каналами их достижения и наличием в массовом

сознании второй системы целей и средств, имеющей эклектический характер (традиционные ценности, идеал – цель как иррациональное явление), сужением каналов социально-позитивного продвижения и предоставлением каналов асоциальной и криминальной мобильности. В кризисном обществе состояние тотальной аномии объясняется тем, что из-за многообразия культур, сообществ возникает огромное количество течений, групп с различными ценностями, установками, которые в свою очередь порождают новые, синтетические формы нарушения наличных норм. Аномическое общество, несущее в себе несколько моделей (феодалное, квазикапиталистическое, гражданское и др.), имманентно содержит конфронтацию, социальную разобщенность, сегрегацию, дискриминацию, обладает минимумом идентичности и интеграции. Снижение степени интегрированности в аномическом обществе порождает отдельные локальные нормативно-правовые системы, отдельные сообщества с аутентичным правовым сознанием. В процессах стремительного «разлома» системы социальных институтов индивиды и группы оказываются в ситуации, когда нет возможности и желания соблюдать существующие нормы и регламенты. В сфере кризисных общественных отношений спонтанно, самопроизвольно возникают новые социальные нормы. Они могут более адекватно отражать изменившиеся условия, но, находясь в «теневой сфере», вне институционального контроля, не обретают общеобязательного характера. Источником возникновения искаженных норм служат девиантные сообщества, имеющие различный характер, как криминальный (организованные преступные сообщества), так и протокриминальный (средства массовой информации, профессиональные сообщества). Нелегитимированные нормы способствуют развитию девиаций, заставляют принимать новые ненормативные формы реагирования на реальность, способствуют развитию правонарушений и преступлений. В таких случаях происходит размывание нормативно-ценностной системы, нарастает деформация правовой жизни, разрушение наличного правосознания и формирование новой правовой схемы.

В условиях нормативно-правового нигилизма, когда материальный успех становится широко распространенной целью, а государство не обеспечивает легальных средств ее достижения, тенденция к криминализации массового сознания приобретает все более устойчивый характер и тем самым способствует распространению отклонений в поведении. Параллельно идет формирование не только поведения, но и социальных установок, предполагающих нарушение правовых и моральных норм. В качестве

«локомотивов» криминализации выступили, с одной стороны, те национально-территориальные общности, которые сохраняли (параллельно с официальными идеологическими установками) традиционные структуры (джуз, тейп и т. п.), а с другой стороны, те группы, которые «перевели» эти архетипы в форму территориально-криминальных сообществ типа казанских «моталок», люберецких «качалок» и других организованных преступных групп. Расширенная «семья» и «землячества» сыграли свою роль как «социальные лифты», давая возможность «приподняться» в социальном пространстве. На протяжении последних десятилетий идет неуклонный процесс профессионально-трудовой деградации в основной сфере человеческой деятельности, изнашивание организма работников за счет вынужденной занятости в нескольких местах, искусственная люмпенизация и маргинализация граждан трудоспособного возраста и т. п. Усиливается жесткость социальной структуры, все более ограничивающей социальную восходящую мобильность через кланы, семьи, образовательные барьеры и т. д. На уровне общностей наблюдается возрождение «архетипичных» идентичностей, таких как семья, клан, этнос, каста, секты, девиантные и криминальные сообщества, создающие области жесткой напряженности. Российский девиантолог Я.И. Гилянский утверждает, что «в России происходит динамичный процесс формирования целых групп и слоев “исключенных” – устойчиво маргинальных страт, не задействованных в социальном взаимодействии во всех сферах общественной жизни, которые служат основной базой девиантности»²³. В то же время в кризисном обществе возникает возможность социального маневрирования для большего числа индивидов, закладываются основы активизации социальной деятельности и происходит концентрация пассионарных социальных акторов. Стремительная маргинализация всех социальных слоев и групп и разрастание андеркласса служат «человеческим ресурсом» аномии. Воспроизводящаяся аномия неизбежно сопряжена с трансформацией (разрушением, нивелированием) социальных норм и, соответственно, влечет за собой коренные изменения социализационной нормы как результата успешного вхождения в конкретный временно-пространственный континуум.

Великий итальянский мыслитель и писатель А. Грамши записал в своих «Тюремных тетрадах»: «Кризис заключается именно в том, что старое уже умирает, а новое еще не может родиться. В этом междуцарствии возникает множество разнообразнейших патологий»²⁴. Российский опыт подтвердил, что девиантность получает невиданный импульс при скачкообразном развитии государства.

С.Г. Анисимова

В целом широкое распространение и углубление девиаций ведет к аномальному общественному состоянию – аномии, а она, в свою очередь, становится почвой для новых девиаций. Аномия выступает как необходимое, но не единственное условие, детерминирующее девиантность.

Примечания

- ¹ *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. М.: Дело, 2004. 400 с.; *Осипов Г.В.* Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М.: Норма, 2007. 848 с.; *Шкаратаи О.И.* Социальная политика в контексте постсоветской экономики (федеральный и региональный срезы) // Мир России. 1998. № 1–2. С. 5–30; *Ядов В.А.* Теоретико-концептуальные объяснения «посткоммунистических» трансформаций // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 6. М.: Институт социологии РАН, 2007. С. 12–23.
- ² *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1998. С. 293–294.
- ³ *Анисимова С.Г., Мамедов А.К.* Введение в теорию аномии: категориальной позитивный анализ: монография. М.: АТИСО, 2010. С. 32.
- ⁴ *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. М.: Наука, 1990. 224 с.
- ⁵ *Латин Н.И.* Тяжкие годы России (перелом истории, кризис, ценности, перспективы) // Мир России. 1992. № 1. С. 5.
- ⁶ Там же. С. 6.
- ⁷ *Винденгер И.* Аномия и девиация в венгерском обществе // Социс. 2001. № 3. С. 87.
- ⁸ *Магун В.С., Энгватов М.В.* Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. [Электронный ресурс] // Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент». URL: <http://ecsocman.edu.ru/data/913/646/1219/magun-engvatov.pdf> (дата обращения: 15.03.2011).
- ⁹ *Конихова И.А.* Структура Российской Федерации: современное состояние и перспективы // Государство и право. 2007. № 2. С. 37–38.
- ¹⁰ *Степанов В.Ф.* Российский менталитет и особенности российской государственности // Там же. 2007. № 4. С. 103.
- ¹¹ *Согомонов А.Ю.* Культурная асинхронность, или «Вывихнутое время» (постановка проблемы мультиморальности современного) // Россия реформирующаяся. Ежегодник–2004 / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 262–272.
- ¹² *Тёмкина А.А., Роткирх А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4–15.

- ¹³ *Сорокин П.А.* Главные тенденции нашего времени. М., 1990. 326 с.
- ¹⁴ *Мазаев Ю.Н.* Специфика социальных отношений населения и милиции: современные тенденции // III Всероссийский социологический конгресс: материалы (21–24 октября 2008 г.). М.: ИС РАН, РОС, 2008.
- ¹⁵ *Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Горбач Н.А.* Деятельность милиции в зеркале общественного мнения // Социс. 2006. № 2. С. 76–84.
- ¹⁶ *Тайбаков А.А.* Преступная субкультура // Там же. 2001. № 1. С. 90.
- ¹⁷ *Чхартишвили Г.* Писатель и самоубийство. 2-е изд., испр. М., 2006.
- ¹⁸ *Пантич Д.* Конфликты ценностей в странах транзита // Социс. 1997. № 2. С. 35.
- ¹⁹ *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. С. 29.
- ²⁰ *Горохов А.* Человеческая жизнь: самостоятельная ценность или экономическая категория // Россия: XXI век. 2007. № 1. С. 85.
- ²¹ *Макуев Р.Х.* Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2007. № 3. С. 44.
- ²² *Кривошеев В.В.* Короткие жизненные проекты: проявление аномии в современном обществе // Социс. 2009. № 3. С. 57.
- ²³ Глобализация и девиантность / Науч. ред. Я. Гилинский. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 8.
- ²⁴ *Грамли А.* Тюремные тетради. Избранное [Электронный ресурс] // Politpros.com. URL: <http://politpros.com/library/detail.php?ID=505> (дата обращения: 25.10.2010).

М.Н. Чепурных

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА СЧАСТЬЯ

Рассматриваются основные подходы к пониманию счастья в социальных науках с точки зрения теории качества жизни, социального интеллекта, теории «экзистенциального вакуума», показателей Индекса счастья и позитивной психологии. Представлен ряд факторов, детерминирующих состояние счастья. Показана связь феномена счастья с социальными характеристиками личности. Раскрывается социальная значимость индивидуального счастья каждого человека для общества в целом.

Ключевые слова: качество жизни, субъективное благополучие, индекс счастья, оптимизм, социальный интеллект, депрессия, смысложизненные ориентации.

Социальное представление о счастье значимо как для каждого человека, так и для общества в целом. Помимо навязанных целей и установок у всех людей существует установка на счастье как на желаемое будущее. Соответственно своему пониманию счастья люди выстраивают всю свою последующую жизнь.

Счастье является междисциплинарным предметом исследования многих гуманитарных наук, среди которых философия, филология, теория коммуникации и экономика, что свидетельствует о всеохватывающем интересе ученых к проблеме понимания данного феномена. Значительная часть работ выполнена в рамках социологии и социальной психологии Дж. Аргайлом, М. Селигманом, Д. Канеманом, И.А. Джидарьян и другими. Целью данной публикации является обзор научных работ, связанных с исследованиями счастья.

Наиболее известным исследователем в области понимания счастья является американский социолог Дж. Аргайл. Анализируя дан-

ные опросов на указанную тему, он выяснил, что под счастьем люди подразумевают либо состояние, когда человек испытывает радость или другие позитивные эмоции, либо удовлетворенность жизнью. Достаточно часто рассматривается и еще одна составляющая – отсутствие депрессии, тревоги и других отрицательных эмоций¹.

Часто счастье ассоциируют с таким понятием, как качество жизни. Проблема изучения качества жизни обычно рассматривается с точки зрения обеспечения жизнеспособности общества и трактуется как часть идеала будущего, к которому стремится человечество. Качество жизни как социологическая категория отражает степень удовлетворения духовных, интеллектуальных, культурных, эстетических и других потребностей населения. Не существует единого мнения в вопросе определения данного понятия, тем не менее, опираясь на работы С.А. Айвазяна², А.С. Годорова³ и И.В. Бестужева-Лады⁴, можно выделить наиболее существенные его компоненты: характер духовных ценностей, норм поведения и форм общения, содержание и творчество в рабочей деятельности, свободное время, качество досуга, условий труда, быта, услуг социальных институтов, финансовая стабильность, субъективные ощущения защищенности, свободы, счастья и внутренней гармонии.

Одним из первых ученых, исследовавших проблему качества жизни в 70-е годы прошлого столетия, был американский экономист Дж. Гэлбрейт. В его работах концепция качества жизни формируется как антитеза принципам общества потребления, призывающим к росту ради роста и удовлетворению потребностей как самоцели. Согласно этой концепции утверждается необходимость перехода к постиндустриальному обществу. Один из создателей модели постиндустриального общества Д. Белл акцентирует внимание не на избытке товаров и их возрастающем потреблении, он призывает к введению элементов организованного потребления, обогащенного наличием духовных, социальных и культурных благ⁵.

В современной западной социологии сложилось два основных направления в понимании роли качества жизни в обновлении общественной системы – либеральное и радикальное. Футурологи Д. Гейбор и О. Тоффлер как представители либерального направления считают, что новое качество жизни является результатом такого становления общественно-экономической формации, при котором не требуется радикального переустройства производственных отношений, а предусматривается естественный процесс трансформации существующего общества через его самоусовершенствование и реформы, предполагающие постепенный переход от количественного роста материального производства к новой гармонии человеческих ценностей. Сторонники радикального направления, к которым отно-

сится американский ученый К. Меджил, рассматривают возможность достижения нового качества жизни лишь как результат социальной революции⁶.

Российский ученый И.В. Бестужев-Лада предлагает рассматривать качество жизни как социологическую категорию, выражающую качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей⁷.

Феномен счастья невозможно свести лишь к удовлетворению потребностей. Ранее для измерения уровня качества жизни населения использовался Индекс человеческого потенциала. Этот индекс включал такие показатели, как: ожидаемая продолжительность жизни, уровень грамотности населения (среднее количество лет, потраченных на обучение) и ожидаемая продолжительность обучения, а также уровень жизни, рассчитываемый через валовый национальный доход на душу населения в долларах США⁸.

В 2006 г. Генеральной Ассамблеей ООН было предложено наряду с Индексом человеческого потенциала оценивать уровень счастья населения посредством расчета Индекса счастья (The Happy Planet Index). Этот индекс основан на трех базовых показателях: субъективная удовлетворенность людей жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след», отражающий степень воздействия людей на окружающую среду. При расчете последнего показателя учитываются размер территорий, необходимых для производства ресурсов, потребляемых населением, и хранения отходов⁹.

Впервые Индекс счастья был рассчитан в 2006 г. по 178 странах мира. Вторая попытка расчета индекса состоялась в 2009 г. при участии 143 стран. По результатам последних данных, наиболее счастливыми являются жители Коста-Рики, Доминиканской Республики и Ямайки, а наименее счастливыми Зимбабве, Танзания и Ботсвана¹⁰, что еще раз доказывает: деньги не являются основным показателем счастья.

Предположение американских исследователей Дж. Хорвитца и Р. Эммонса, что удовлетворенность жизнью заметно коррелирует с уровнем дохода населения, до определенной степени справедливо. Но как только национальный валовой продукт превосходит 8000 долл. на человека, эта зависимость сходит на нет, и дальнейший рост благосостояния уже не доставляет особой радости. Вот почему богатые швейцарцы (удовлетворенность жизнью в баллах – 8,36; покупательная способность – 96%) чувствуют себя счастливее бедных болгар (удовлетворенность жизнью в баллах – 5,03; покупательная способность – 22%), но радуются жизни ненамного больше, чем ирландцы (удовлетворенность жизнью в баллах – 7,88;

покупательная способность – 52%), итальянцы (удовлетворенность жизнью в баллах – 7,3; покупательная способность – 77%) или норвежцы (удовлетворенность жизнью в баллах – 7,68; покупательная способность – 78%)¹¹.

В развитых странах, где предусмотрены определенные гарантии прожиточного минимума, большие заработки не всегда связаны с повышением уровня жизненных сил и позитивного настроения. Для самых малообеспеченных категорий населения США доход заметно коррелирует с уровнем счастья, но как только человек выбирается из нищеты, дальнейшее увеличение доходов практически не влияет на его жизнерадостность. Даже очень богатые, чьи имена входят в список ста самых состоятельных людей, по данным журнала Forbes, – обладатели среднего дохода свыше 125 млн долл., – радуются жизни ненамного больше среднего американца¹².

На основании исследований, опубликованных в работе М. Аргайла¹³, автору представляется релевантным изучение феномена счастья, рассматривая этого понятие как антоним «несчастья». В таком случае можно учитывать следующие социальные показатели: относительное число самоубийств, психических заболеваний, уровень алкоголизма, а иногда количество разводов и уровень безработицы.

Изучение проблемы понимания счастья является крайне сложным из-за отсутствия разработанных научных теорий в этой области. Тем не менее в результате эмпирических исследований можно выделить ряд факторов, детерминирующих состояние счастья. Рассмотрим наиболее значимые из них.

Первым и самым очевидным из таких факторов является позитивный эмоциональный настрой, физиологически вызванный нейротрансмиттерами (дофамин, серотонин и др.). На ощущении счастья сказывается и благотворное влияние, оказываемое музыкой, добровольным и желанным трудом, а также большинством форм проведения досуга.

Несмотря на способность человека адаптироваться к позитивным и негативным жизненным переживаниям, привыкание происходит не всегда. На оценку удовлетворенности жизнью влияет и доминирующее эмоциональное состояние, поскольку оно рассматривается в качестве непосредственного индикатора субъективного благополучия. Оптимистичный взгляд на мир также оказывает влияние на ощущение счастья. По мнению Аргайла, это связано с личностными особенностями, характеризующими так называемое «позитивное мышление», в частности с жизнерадостностью и хорошим чувством юмора¹⁴.

В современной социальной психологии активно разрабатывается целое направление, названное позитивной психологией. Важная мысль о восприятии счастья озвучена представителем этого направления, американским социальным психологом Мартином Селигманом: человек ощущает себя счастливым по-настоящему только в случае преодоления трудностей, испытания собственных сил, в результате чего переживание счастья воспринимается индивидом как вознаграждение.

Ученый утверждает, что одним из самых надежных источников счастья являются добрые поступки¹⁵. Это, в частности, позволяет говорить не только о личной пользе переживания состояния счастья на индивидуальном психологическом и физиологическом уровне (выработка эндорфинов), но и о его социальной пользе.

Как упоминалось выше, оптимизм является одной из многих черт характера, благодаря которым человек ощущает себя счастливым. Джордж Вэйлант, профессор Гарвардского университета, многие годы занимался исследованием таких свойств личности. Ученый называет их зрелыми способами защиты. В число этих свойств входят альтруизм, способность не требовать мгновенного воздаяния за добрые дела, забота о будущем и чувство юмора. Люди, не обладающие такими качествами, по мнению исследователя, не взрослеют. Зато у людей другого типа с возрастом зрелые способы защиты проявляются в достатке¹⁶.

Общество поддерживает демонстрацию лучших черт человеческой личности и интериоризирует их при помощи общественных институтов, традиций. Посредством басен, афоризмов и детских сказок происходит трансляция представлений о человеческих добродетелях от поколения к поколению. Таким образом, социумом закрепляется представление о том, что человек может быть счастлив, лишь действуя согласно нормам и правилам общества, в котором он воспитан.

Понимание собственного поведения и их оценки другими людьми, а также умение распознавать чужие эмоции и управлять собственными называют социальным интеллектом. Социальный интеллект исследовался такими учеными, как Э. Торндайк, Дж. Гилфорд, Г. Айзенк и др. Первая и наиболее известная в научной психологии модель социального интеллекта была разработана П. Сэловеем и Дж. Мэйером; ими же был введен в психологию и сам термин «эмоциональный интеллект». Они определили это свойство человеческой личности как «способность отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления мышления и действий»¹⁷.

В своих исследованиях Д. Гоулман, автор одной из моделей социального интеллекта, утверждает, что жизненный успех индивида

зависит не столько от его коэффициента умственного развития (чей вклад оценивается лишь в 20%), сколько от коэффициента эмоционального развития¹⁸.

Из отечественных моделей эмоционального интеллекта наиболее известна модель Д.В. Люсина. Он рассматривает эту характеристику личности как способность понимать свои и чужие эмоции и управлять ими. Это достоинство служит основой развития таких черт характера, как доброта и лидерство¹⁹.

Обладая достаточно высоким уровнем социального интеллекта, люди черпают положительные эмоции из окружающей их социальной реальности, научившись изменять ее к лучшему. Такие люди меньше подвержены депрессиям и склонны оценивать окружающую их действительность более позитивно, что в свою очередь провоцирует добрые поступки, проявление лучших черт характера в помощи другим людям и заботе о близких. В широком смысле именно это и позволяет человечеству существовать, основываясь на системе терминальных ценностей.

Важным психологическим фактором восприятия себя как счастливого человека, по мнению М. Селигмана, является удовлетворенность собственным прошлым. Положительные чувства бывают связаны с прошлым, настоящим и будущим. К разряду последних относятся оптимизм, надежда, уверенность в себе и вера. С настоящим связаны радость, восторг, спокойствие, энтузиазм, возбуждение, удовольствие и, самое главное, любовь к жизни. Положительные чувства, связанные с прошлым, – удовлетворенность, чувство выполненного долга, гордость, спокойствие. Физическое здоровье, особенно состояние сердечно-сосудистой системы, по данным ученого, гораздо лучше у людей, способных прощать, чем у тех, кто этого не умеет.

Сорок лет назад средний возраст людей, впервые столкнувшихся с депрессией, составлял 29,5 лет, тогда как сегодня это 14,5 лет. Во время депрессии человек настолько поглощен своими негативными переживаниями, что часто не находит сил и возможности посмотреть на ситуацию с другой стороны и перестать страдать. В отличие от постоянной оглядки на свои чувства, духовное удовлетворение предлагает человеку свободу от эмоций, от сознания себя и полную увлеченность деятельностью. Речь идет в первую очередь о работе, которая приносит удовлетворение. Психологи выделяют три типа видения этой деятельности: работа ради денег, работа ради карьеры и работа-призвание. Работа по призванию заключается в отдаче себя человеком тому или иному делу целиком, потому что люди, нашедшие главный смысл своей жизни в работе, ощущают, что занимаются своей деятельностью ради чего-то более значимого, чем собственная выгода.

Это важное открытие сделала группа ученых во главе с Э. Резески — преподавателем бизнеса в Нью-Йоркском университете. Исследователи опросили 28 человек, занимающихся уборкой в больницах. Выяснилось, что работавшие по призванию находили в уборке высший смысл. Они считали, что активно участвуют в лечении пациентов, старались работать как можно эффективнее, предвосхищать требования врачей и медсестер, давая им возможность больше времени уделить больным. Кроме того, эти люди добровольно брали на себя дополнительные функции и обязанности.

Удачная работа крайне важна для определения собственного самочувствия как счастливого. Но есть еще один крайне важный фактор — любовь. Согласно исследованию А. Динера и М. Селигмана, все те, кто вошел в 10% самых счастливых представителей населения США, на момент проведения опроса поддерживали романтические отношения²⁰.

С увеличением количества разводов склонность людей к депрессиям действительно стремительно увеличивается. Глен Элдер, социолог, специалист по семейным отношениям, проводил исследование, опрашивая три поколения жителей Сан-Франциско (штат Калифорния), и установил, что счастливая семейная жизнь защищает людей от негативных переживаний. Лучше всех Великую депрессию, сельскую нищету и военное время перенесли те, кто состоял в длительном браке²¹.

Понимание счастья тесно связано с осознанием смысла жизни и так называемыми смысло-жизненными ориентациями. Данная теория основана на обнаружении психологом Виктором Франклом того, что все больше людей жалуется на бессмысленность жизни и «внутреннюю пустоту». Он назвал это состояние «экзистенциальным вакуумом». Согласно В. Франклу, человек впадает в это состояние в случае утраты побуждений и ценностей, которые обеспечивают ему выбор того, что ему должно делать. В контексте своего подхода к психотерапии (логотерапия) Франкл противопоставлял обретение смысла чувственному удовольствию. Он выступал против учения З. Фрейда о доминирующей роли принципа удовольствия в психической жизни человека, полагая, что удовольствие не цель, а следствие удовлетворения наших желаний. С его точки зрения человек в действительности стремится не к счастью-удовольствию, а к смыслу. Смысл рассматривается им как основание подлинного счастья²².

Представленный в данной статье анализ научных публикаций, отражающих исследования социальных наук о счастье, позволил определить направления, в рамках которых возможно построение

перспектив исследования феномена счастья. К ним можно отнести, например, представления о счастье людей из разных стран, культур, разных социальных групп и поколений. Кроме того, выявлена проблема поиска и создания релевантных методов исследования этого феномена.

Примечания

- ¹ *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003. С. 257–269.
- ² См.: *Айвазян С.А.* Межотраслевой анализ качества жизни населения (эконометрический подход). М.: ЦЭМИ РАН, 2001. 310 с.
- ³ См.: *Тодоров А.С.* Качество жизни. Критический анализ буржуазных концепций. М.: Прогресс, 1980.
- ⁴ См.: *Бестужев-Лада И.В.* Качество жизни: философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 681 с.
- ⁵ *Гэлбрейт Д.* Новое постиндустриальное общество. М.: АСТ, 2004. С. 121.
- ⁶ *Отарина И.А.* Критика социологических концепций английского футуролога Дениса Гейбора. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979. С. 7–10.
- ⁷ *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация. Единственное спасение человечества. М.: Алгоритм, 2003. С. 181–193.
- ⁸ См.: *Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Селюков Ю.Г.* Человеческий капитал для социогуманитарного развития. М.: ИАЦ Энергия, 2008. 96 с.
- ⁹ *Marks N., Abdallah S., Simms A., Thompson S. et al.* The Happy Planet Index 1.0. New Economics Foundation. 2006 [Электронный ресурс] // The new economics foundation. URL: <http://www.neweconomics.org/projects/happy-planet-index> (дата обращения: 16.10.2011).
- ¹⁰ *Abdallah S., Thompson S., Michaelson J., Marks, N., Steuer N. et al.* The Happy Planet Index 2.0. New Economics Foundation. 2009. [Электронный ресурс] // The new economics foundation. URL: <http://www.neweconomics.org/projects/happy-planet-index> (дата обращения 16.10.2011).
- ¹¹ *Diener E., Horwitz J., Emmons R.A.* Happiness of the very wealthy // Social Indicators Research. 1995. Vol. 16. P. 270–274.
- ¹² Ibid. P. 273.
- ¹³ См.: *Аргайл М.* Указ. соч.
- ¹⁴ Там же. С. 282.
- ¹⁵ *Селигман М.Э.П.* В поисках счастья. Как получать удовольствие от жизни каждый день. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009. С. 255–311.
- ¹⁶ *Вэйлант Д.* Адаптация к жизни. М.: МГУ, 2001. С. 78–87.
- ¹⁷ *Лунева О.В.* История исследования социального интеллекта // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 4.

М.Н. Чепурных

- ¹⁸ *Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э.* Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 75.
- ¹⁹ *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Ушакова, Д.В. Люсина. М., 2004. С. 51–54.
- ²⁰ *Селигман М.Э.П.* Указ. соч. С. 211.
- ²¹ Там же. С. 198.
- ²² *Шевандрин Н.И.* Психодиагностика, коррекция и развитие личности. М.: ВЛАДОС, 1998. С. 256–281.

«МЕСТА ПАМЯТИ» В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В данной статье автор рассматривает город как пространство, в котором представлены знаки коллективной памяти о важных событиях прошлого. Среди таких событий особое место занимают пережитые страной военные действия, которые накладывают свой отпечаток на несколько поколений и неизбежно отражаются в пространстве городов в виде памятников, названий улиц, и многого другого. В статье анализируются места памяти, связанные с Великой Отечественной войной и с войной в Афганистане.

Ключевые слова: коллективная память, городское пространство, военные памятники.

Коллективное «потребление» города проявляется в опыте изменения пространства, а также в символическом восприятии тех или иных городских мест. В данной статье мы предлагаем рассмотреть особенности использования городского пространства для передачи памяти о военных событиях прошлого. Наш анализ базируется на результатах коллективного проекта «Историческая память»¹ (интервью с воинами-афганцами, фокус-группы), на результатах исследований Конрадовой Н. и Рылевой А. о мемориалах Великой Отечественной войны², а также на тематических материалах интернет-пространства (новостные ленты, виртуальные фотоальбомы со снимками памятников)³.

Коллективная память как социальный феномен

Изучение коллективной памяти имеет сравнительно долгую историю в социальных науках. В последние десятилетия исследования памяти активизировались, стали переосмысляться класси-

ческие работы, появились фундаментальные тексты, отражающие современные социологические представления об индивидуальной и коллективной памяти. Одним из авторитетных авторов является М. Хальбвакс. В работе «Социальные рамки памяти» он акцентирует внимание на социально-коммуникативном характере воспоминаний, которые, по его мнению, не сохраняются в неизменном виде, а конструируются либо реконструируются в ходе социальных взаимодействий⁴. Таким образом, индивидуальная и коллективная память зачастую перетекают друг в друга, и даже для того, чтобы восстановить для себя сюжеты из личной биографии, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям.

Индивидуальная память может опираться на коллективную для уточнения какого-либо воспоминания или восполнения пробелов. «Обмен историями» и их последующая модификация производятся до тех пор, пока у всех членов группы не окажется примерно одинаковый набор схожих историй, базируемых на отдаленно схожих фундаментах личного опыта. Это происходит благодаря тому, что заимствованные воспоминания соответствуют фоновому эмоциональному ощущению индивида, связанному с тем событийным рядом, к которому относятся данные воспоминания. М. Хальбвакс выделяет два доступных индивиду типа памяти: сугубо личные переживания, даже если они в какой-то мере были разделены с другими индивидами, и безличные воспоминания, затрагивающие группу, к которой данный индивид принадлежит⁵. Коллективная память подчиняется собственным законам, и даже если в нее порой проникают некоторые индивидуальные воспоминания, они быстро видоизменяются, переставая быть сознанием личности. Она содержит не только даты и абстрактные определения (в таком случае она оставалась бы внешней по отношению к индивиду), но и определенные оценочные категории, а также эмоциональную составляющую. При этом неизбежны обновления и пополнения индивидуальных воспоминаний по мере вовлечения в те или иные группы.

Первоначально сцена из прошлого может казаться ясной и полной, не требующей никаких дополнительных разъяснений, но лишь до того момента, пока не встретится человек, ставший участником или свидетелем тех же событий, поскольку «совершенно невозможно, чтобы два человека, видевших один и тот же факт, рассказывая о нем некоторое время спустя, воспроизвели его одинаково»⁶. Погружаясь одновременно или по очереди в несколько разных групп, каждая из которых имеет свою коллективную память, индивид оказывается носителем воспоминаний о событиях, имеющих значение только для членов данной группы, и чем малочисленнее группа,

тем большее значение имеют для каждого ее члена коллективные воспоминания.

М. Хальбвакс обращает внимание на то, что реконструкция прошлого часто происходит с деформациями (забывание тех или иных событий, особенно травматичных, переписывание истории). В то же время он подчеркивает, что индивидуальные воспоминания подвержены исчезновению в случае, если они не актуализируются на постоянной основе. В случае же их включенности в социальные рамки памяти вероятность забывания значительно меньше, поскольку за их сохранность отвечают целые институты.

Механизм взаимного проникновения исторической и индивидуальной памяти зависит от масштаба исторического события. Если оно значительно, велик и шанс его отражения в индивидуальной памяти не только в качестве «фона», но и в виде неотъемлемой части биографии. К таким событиям, несомненно, относятся прошедшие войны.

Рамки памяти и места памяти

Как отмечает Хальбвакс, «запоминание и припоминание фактов обусловлено “рамками” и “ориентирами”, которые создаются обществом, в том числе и речью, представлениями о пространстве и времени»⁷. Понятие «рамки» в свою очередь является основным инструментом анализа социальной памяти, т. е. тех коллективных воспоминаний, которые фиксируются и передаются от одного члена общества к другому. На базе имеющегося мемориального фундамента каждый человек реконструирует свои воспоминания. При этом память, которая «застывает» в пространстве, является и ориентиром в социально значимых событиях, и продуктом отношений людей с местом обитания. Коллективная память имеет в арсенале реальные живые воспоминания (если речь идет о событиях недавнего прошлого), почерпнутые из неофициальных источников факты, мнения, не согласующиеся с официальными версиями, результаты собственных длительных размышлений людей относительно пережитых событий. Таким образом, создание памятных мест (мемориалы, особые места встреч) можно назвать способом символической реконструкции определенного взгляда на прошлое. При этом то, как представлен отрезок времени в визуальных образах, имеет важное значение для коллективной идентичности.

Важно отметить, что в процессе вспоминания всегда происходит взаимовлияние индивидов друг на друга: память окружающих побуждает, подталкивает к активизации собственной памяти, служит для нее опорой. Пребывая большую часть времени в бессознательном виде, воспоминания вновь становятся сознательными лишь при

поступлении импульса «вспомнить все». Рамки памяти, о которых идет речь в одноименной работе Хальбвакса, есть «результат, сумма, сочетание индивидуальных воспоминаний множества членов данного общества»⁸, которые помогают классифицировать памятные сюжеты. Исчезая или трансформируясь, рамки памяти влекут за собой аналогичные процессы, происходящие с нашими воспоминаниями. Хальбвакс выделяет два типа связи рамок памяти и воспоминаний: первый – по аналогии с рамой картины и помещенного в нее холста, второй – тождественность природы рамки и вспоминаемого события, когда события являются сутью воспоминания, а рамка, в свою очередь, состоит из воспоминаний. Во втором случае воспоминания являются более устойчивыми, всегда легко дифференцируются, и их удобно использовать для реконструкции других воспоминаний. Хальбвакс описывает процесс вызывания воспоминаний как мысленное перебирание разных периодов времени (как пустых рамок), и постепенное углубление в прошлое, начиная с определенного года, затем месяца и дня. Подобная локализация воспоминаний способствует проявлению и узнаванию совершенно неожиданных сюжетов, это размышление, уже заключающее в себе какие-то идеи, помогающие в дальнейшем процессе меморизации. Рамки, позволяющие реконструировать прошлое, являются общими для членов одной группы, обладающих схожими воспоминаниями.

*Контексты создания памятников
и функционирование памятников*

В работе «Проблематика мест памяти» П. Нора заявляет о прекращении существования памяти и объясняет растущий интерес к местам памяти попыткой сгладить ощущение разорванной памяти⁹. Места памяти (музеи, архивы, монументы, коллекции), по мнению Норы, существуют лишь потому, что память социальных групп перестала воспроизводиться так, как раньше. Охраняя свидетельства о прошлом, места памяти призваны поддерживать существование общества. Эти «точки опоры» несут в себе материальный, символический и функциональный смыслы. При этом, по мнению П. Норы, память о военных действиях конструируется (и реконструируется) наиболее активно, поскольку всегда мобилизует разнообразные дискурсы и практики в репрезентации события.

По данным ВЦИОМ¹⁰, большинство россиян воспринимает события Великой Отечественной эмоционально, возражая против демонтажа памятников воинам Красной армии в странах бывшего СССР (83% опрошенных). Очевидно, что эти памятники воспринимаются как «точки опоры» для идентичности прошлого

великой страны, для сохранения той версии истории, которая не искажена переписыванием. При этом неудивительно, что чем старше россияне, тем чаще они воспринимают идею демонтажа памятников воинам Красной армии негативно (87% респондентов старше 60 лет). Материальное положение в некоторой степени влияет на озабоченность проблемой памятников: негативно относятся к сносу памятников 87% малообеспеченных и только 71% обеспеченных граждан.

Отметим, что само материальное и символическое конструирование памятников, посвященных военному прошлому, контекстуально связано с целым рядом внешних факторов, таких как текущие культурные предпочтения, идеологические и политические аспекты и т. д. Можно сказать, что «память людей зависит от тех групп, в которые они входят, и от тех идей и образов, которыми более всего интересуются эти группы»¹¹. При этом постепенно вырабатывается определенный «канон» увековечивания трагических событий. Так, по данным ВЦИОМ, для большинства россиян главными символами памяти о Великой Отечественной войне являются: скульптура «Родина-мать зовет!» в Волгограде, мемориальный комплекс на Поклонной горе в Москве, памятник воину-освободителю в Берлине и памятник советскому солдату-освободителю в Болгарии «Алеша»¹². Очевидно, что данные контексты «освобождения» и «спасения» неприменимы к афганской войне, поскольку речь идет о меморизации негероического военного конфликта. Поэтому неудивительно, что в ходе интервью с ветеранами-афганцами упоминания об афганских памятниках были единичными и, как правило, вне связи с их «использованием», то есть безличными: «Ну у нас был там в Орехово-Борисово памятник. Сейчас в школу перенесли», «В общем-то, у меня как-то душа не щемит. Вот у меня щемит, когда День Победы, это самый праздник» (материалы проекта «Историческая память»).

Характерно, что в фокус-группе с поколением 18-летних при обсуждении первых спонтанных представлений об афганской войне было упомянуто о заброшенности памятников: «Когда звучит вообще словосочетание “афганская война”, первое, что приходит в голову – это, во-первых, заброшенные памятники, неухоженные, солдатам, которые погибли в Афганистане». Примечательно, что это увязывается с необходимостью организованного забвения неудачных военных действий: «Государство после того как закончилась эта война, пытается как-то, не знаю, похоронить наши какие-то знания и воспоминания об этой войне, потому что как-то негативно нами воспринимается, потому что она была проиграна, потому что мы не добились в ней успеха и потеряли очень много людей» (материалы проекта «Историческая память»).

Собираясь вместе и обсуждая события, пережитые всеми собеседниками, участники коммуникации конструируют общую коллективную память из отдельных индивидуальных «памятей», порой неосознанно трансформируя свои воспоминания. С одной стороны, восстановленная картина прошлого может синхронизировать воспоминания с реальными событиями. Но воссозданный образ одновременно становится неточным и неполным, поскольку может происходить сглаживание (или драматизация) неприятных сюжетов и дополнение новых черт, не замечавшихся прежде. По нашему мнению, ситуация с афганцами весьма схожа с тем, что описывает М. Хальбвакс: они «... ощущают свою непричастность к происходящему в обществе, порой даже ненужность, а потому не находят для себя иного призвания, чем воссоздание прошлого с задействованием всех тех средств, которыми они располагали и ранее, но не имели времени или желания их использовать»¹³. В данном случае приходится говорить о том, что воспроизводство «афганской» идентичности носит непоследовательный характер, причем воспроизводством занимаются в основном те, кто прошел войну с наименьшими для себя потерями («Если он там играючи все это делал, а кто-то, наоборот, там на этом сделал карьеру, то есть он рассказывает, он переживал, да, а его все слушают, он поднимается, поднимается по лестнице» (материалы проекта «Историческая память»). Таким образом, мы находим подтверждение тезиса П. Норы о том, что функциональная составляющая мест памяти (в данном случае ассоциаций ветеранов афганской войны) связанных с поддержанием нетипичного опыта, исчезает вместе с пережившими его людьми и не находит преемственности среди младшего поколения.

Говоря о памятниках, посвященных Великой Отечественной и афганской войнам, мы попробуем выделить такие важные характеристики, как *используемая символика* (общее и особенное в ней), *функционирование памятников* в пространственно-временных координатах города («использование» их как мест для встреч, борьба за снос/перенос памятников, вандализм и т. д.), *активные периоды установки памятников* (есть ли такие периоды и с чем они связаны).

По данным Конрадовой и Рылевой, наиболее активными периодами установки памятников участником Великой Отечественной войны и создания музеев были юбилеи победы, в результате «хотя бы один монумент стоит в каждой деревне, из которых люди уходили на фронт, не говоря уже о мелких городах или районных центрах, где их бывает по несколько»¹⁴. К числу ключевых функций меморизации событий Великой Отечественной войны данные авторы относят обозначение общественного согласия по поводу оценки события или

человека, трансляцию актуальных смыслов, подтверждение исторической идентичности и коллективности переживания, в том числе и в визуальной форме. Выделяя периоды 1940-х, 1960-х и 1980-х годов как показательные для практик меморизации, Конрадова и Рылева отмечают смену тенденций в используемой символике и внешнем виде памятников. Так, в первые годы войны и сразу после ее окончания ставились простые стелы с именами погибших, чуть позже появляется образ солдата с опущенной винтовкой. В 1960-е годы появились монументальные тенденции: стали ставить большие памятники, мемориалы, мемориальные комплексы, причем «постепенно отдельные изобразительные типы и составляющие памятника складываются в узнаваемый, стандартный мемориальный “тезаурус”; в скульптуре и архитектуре, поэзии, музыке, литературе и изобразительном искусстве оформляется канон изображения и трактовки солдатского подвига, человеческой жертвы и победы советской идеологии»¹⁵. Это образы солдата-защитника, женщины-матери, вечного огня. Наконец, в 1980-е и 1990-е годы начали достраиваться новые элементы к уже существующим памятникам, а новые памятники уже не статичны, они отражают драматические эмоции.

Какой-либо периодизации в установке «афганских» памятников нами не обнаружено. Памятники ставили и в предыдущие два десятилетия, и сейчас: «Недавно сделали памятник очень такой хороший, очень такой приличный... стоит с автоматом. Вот недавно его открыли, по-моему, в прошлом или позапрошлом году». Периодически в новостных лентах появляются сообщения об утрате «афганских» памятников: украден, разбит вандалами, нуждается в реставрации, перенесен и даже «отправлен в металлолом».

Проведенный нами анализ фотоматериалов показывает, что в архитектурном облике «афганских» памятников чаще всего используются традиционные для военных мемориалов символические элементы: образы военного братства, скорбящей матери, вечный огонь, отчеканенные списки с именами погибших. То есть мы можем обнаружить преемственность с практиками меморизации Великой Отечественной войны. Кроме «общевоеенных» образов, иногда используются и афганские детали, такие как танк камуфляжной раскраски, черный тюльпан в стилизованном или реальном виде. Отдельная тенденция – использование религиозных сюжетов в афганских мемориалах (маковки православных церквей, колокола, кресты).

Таким образом, во множестве различных «коллективных памятней» память об афганской войне не занимает устойчивой позиции, в то время как память о Великой Отечественной войне достаточно однородна. Мы можем наблюдать противоречивую картину материализованных проявлений коллективной памяти об афганской войне.

А.В. Стрельникова

Символическое значение мест памяти об афганской войне имеет закрытый характер, то есть не поддается расшифровке теми, кто не включен в контекст афганского опыта. Что касается мест памяти о Великой Отечественной войне, то здесь, напротив, наблюдается «уплотнение» памяти, которая занимает центральное место в сегодняшнем российском представлении о собственной истории и остается массовой и непротиворечивой для большинства социальных групп.

Примечания

- ¹ Российско-польский проект «Историческая память как инструмент социализации и идентификации: сравнение России и Польши», осуществленный по Программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2011 гг.)», код проекта 2.2.1.1/14244, рук. проекта д-р социол. наук В.В. Семенова.
- ² *Конрадова Н., Рылева А.* Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 241–261.
- ³ Фотоальбом. Памятники афганской войны [Электронный ресурс] // ПВ Афган. URL: http://talykan.p0.ru/photo/pamjatniki_afganskoj_vojny/16 (дата обращения: 23.09.2011).
- ⁴ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. С. 323.
- ⁵ *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 22.09.2010).
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 68.
- ⁸ Там же. С. 29.
- ⁹ *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 20.
- ¹⁰ Нужны ли памятники воинам Красной армии на территории бывшего СССР? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13471> (дата обращения: 02.08.2011).
- ¹¹ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 180.
- ¹² *Тараканова Т.* Символы Великой Победы [Электронный ресурс] // Российская газета. Южный федеральный округ. 2010. № 5165 (86). URL: <http://www.rg.ru/2010/04/22/reg-jugrossii/opros.html> (дата обращения: 03.04.2011).
- ¹³ *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. С. 120.
- ¹⁴ *Конрадова Н., Рылева А.* Указ. соч. С. 255.
- ¹⁵ Там же.

О.В. Китайцева

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
«НОВЫХ СРЕДСТВ ПОТРЕБЛЕНИЯ»
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
МЕГАПОЛИСЕ

Трансформации, происходящие в российском обществе, способствуют формированию российской модели общества потребления, ключевой особенностью которой является организация разнообразных социальных и личных отношений вокруг индивидуального потребления, опосредованного рынком. Определяющую роль в этом процессе играют революционные изменения в организации торговли, сферы обслуживания, которые предлагают «новые средства потребления», завоевывающие ключевые позиции в современной культуре потребления и превращающие крупные торговые центры в места проведения досуга, «соборы потребления».

Ключевые слова: потребление, потребительские практики, форматы торговли, поведение потребителей, торгово-развлекательные комплексы, новые средства потребления.

Современное российское общество на протяжении последних двух-трех десятков лет можно охарактеризовать как трансформирующееся. Трансформации в рамках страны осуществляются с присущими России особенностями социальных институтов, культуры, менталитета и стиля практических действий граждан¹. В России, далекой по уровню своего социально-экономического развития от развитых западных обществ, проявилось острое противоречие между ограниченным слабой экономикой пространством потребительских возможностей и динамично развивающимся пространством желаний². Эта особенность стала характерной чертой «транзитивного» российского общества, формирующего собственную разновидность модели «общества потребления», ключевой осо-

бенностью которого является организация разнообразных социальных и личных отношений вокруг индивидуального потребления, опосредованного рынком. Благодаря переменам, имеющим прямое отношение к потреблению, капиталистическое общество стало свидетелем наступления «нового способа господства», который «отличается тем, что заменяет репрессии приманками, политику – связями с общественностью, властные полномочия – рекламой, навязывание нормы – созданием потребностей»³. Разумеется, в любом обществе потребление наряду с производством составляет его базис, но лишь на определенном этапе развития индивидуальное потребление подвергается глубокой институционализации и превращается в ключевой фактор экономического развития, опосредованного институтом рынка⁴.

На этом этапе формируется потребительский образ жизни, характеризующийся устойчивыми образцами потребительских действий, артефактов и интеракций⁵. Исследователи выделяют явление сверхпотребления, или перепотребление, как чрезмерное, превышающее нормальные человеческие потребности⁶. С наступлением эпохи общества потребления осуществляется переход к консюмеризму (потребительству) – разновидности потребительства, опирающегося на принцип расточительства, это «религия конца XX века»⁷. Столетие тому назад в доме одной семьи можно было обнаружить не более нескольких сотен материальных объектов, сегодня же такое имущество измеряется тысячами⁸. Потребление становится заменой любой социальной активности. Общество организуется вокруг супертотема – бесконечного потребления, а само потребление разворачивается в контексте неисчерпаемого и красочного изобилия праздника⁹. Радикально меняется поведение и потребительские практики потребителей, актуализируются явления брендизма, коммодификации, кооптации, комфорт становится сверхценностью¹⁰.

Практики совершения покупок приобретают новые черты, кардинально отличающиеся от принятых в предыдущие эпохи. Определяющую роль в этом процессе играют революционные изменения в организации торговли, сферы обслуживания, предлагающей «новые средства потребления», под которыми понимаются появившиеся на Западе (прежде всего в США) новые формы вовлечения людей в потребление: торговые центры (malls), или «соборы потребления»¹¹. Они занимают ключевые позиции в современной культуре потребления, превращая крупные торговые центры в места проведения досуга, музеи современной культуры потребления¹². Торговые комплексы включают не только магазины, но и различные возможности для развлечения и проведения

свободного времени. Их суть передается категорией «соборы потребления», подчеркивающей квазирелигиозную, «заколдованную» природу этих объектов, которые «стали местами, в которые мы совершаем паломничество, чтобы практиковать нашу потребительскую религию»¹³.

Понятие «новые средства потребления» является перефразированием введенного К. Марксом понятия «средства производства». Они играют ту же опосредующую роль в потреблении, что и средства производства в марксистской теории производства, и «определяются как то, что обеспечивает приобретение людьми товаров и услуг и возможность контроля и эксплуатации этих же людей в качестве потребителей»¹⁴. В отличие от К. Маркса, Ж. Бодрийяр поясняет, что не следует смешивать средства потребления с потребляемыми товарами, и дает определение, которого будем придерживаться и мы, что это – средство, социальная и экономическая структура, которая позволяет покупателям приобретать множество товаров¹⁵. Новые средства потребления современны в том смысле, что это новшества, возникшие и ставшие известными во второй половине XX в., они чрезвычайно рационализированы, или макдонализированы. Существуют четыре измерения формальной рациональности: эффективность, предсказуемость, упор скорее на количество, чем на качество, и осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций¹⁶. Действительно, торговые центры опираются на чрезвычайно эффективный механизм продажи. Для покупателя очень удобно, что все магазины расположены в одном месте, где поблизости, помимо этого, имеется также просторное место для парковки, что обеспечивают клиентам высокую эффективность в поиске конкретного вида товара.

Кроме того, своей исчисляемостью, т. е. конкуренцией друг с другом за предложение самого большого, самого крупного, самых широкого, самого интересного, скидок, больших партий, низких цен, торговые центры реализуют рациональность на уровне сосредоточения на количестве, завуалировав при этом качественные аспекты. Предсказуемость, обнаруживаемую в новых средствах потребления, можно рассматривать как поднятие стандарта обслуживания на новый уровень. Эти «сети принесли на массовый рынок дорогой дизайн, однако ценой этого стала продажа идентичных товаров в идентичных универсамах, тем не менее, предлагая разнообразие, эти сети рекламируют себя как предлагающие индивидуальность»¹⁷.

Но более всего современность новых средств потребления проявляется в «контроле с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор технологий»¹⁸. Цель чрезвычай-

ного технологического контроля всех аспектов функционирования универсама состоит в контроле над покупателями. «Время и пространство контролируются посредством построения крупных торговых пространств без окон и с малым количеством дверей; где жестко контролируются температура, освещение, порядок и покупки». Единообразие означает, что они могут быть в любом месте земного шара, там нет часов, магазины поддерживаются в хорошем состоянии и «периодические перемены в интерьере создают впечатление, что эти крупные универсамы не старятся. В целом во всем, что связано с крупными универсамами, присутствует идеальная безупречность». Покупатели могут часами бродить по торговому центру, не замечая, как проходит время. Стимулируя это состояние, новые средства потребления контролируют, «что мы покупаем, не только решая, что включить, а что исключить из ассортимента, но также применяя принцип “дополнительной привлекательности”, благодаря которому повседневные предметы начинают казаться более желанными, когда окружены разнообразными более экзотическими предметами, они управляют эмоциями покупателей, создавая оживленную, радостную и оптимистичную атмосферу, а детям предоставляется особый уход, и поэтому можно сказать, что они вырастают в контролируемой обстановке»¹⁹, то есть проходят определенную социализацию. «Большой контроль осуществляется даже над служащими, которых можно считать узниками универсама».

Таким образом, новые средства потребления создают формальную рациональность в целом, а каждое из ее отдельных измерений выводит их рациональность на новый уровень. Так, например, новые средства потребления должны все время искать какой-либо способ придать себе очарование. Используя соблазн, как средство, которое дает возможность вернуть нашей жизни очарование, они предлагают нам «игру и власть иллюзий»²⁰. Обновленное очарование дает выход из дилеммы, порожденной расколдовыванием мира в целом и средств потребления в частности. Чтобы продолжать привлекать, контролировать и эксплуатировать потребителей, «соборы потребления» проходят через непрерывный процесс обновления очарования. И здесь ключевое значение имеет спектакль²¹. В отличие от определения спектакля как публичного драматического представления, в данном случае эти представления ориентированы на возврат очарования новым средствам потребления. Спектакли могут устраиваться намеренно, а могут быть незапланированными, и здесь особое внимание уделяется их связи с процессами подражания и сжатия. Смысл их в том, что, преобразовывая реальные явления в подражание, можно сделать их более

зрелищными, чем оригиналы, и, следовательно, представляющими для потребителей большой соблазн. Сжатие же представляет собой некий спектакль, в котором удивленный «потребитель обнаруживает взаимопроникающие ситуации и занятия, которые не так давно были четко отделены друг от друга». Таким образом, «эффектный и приводящий в восторг аспект значительной части новых средств потребления заключается в том, что в них концентрируется так много разного, а они, в свою очередь, предстают во множестве других обрамлений»²².

Сегодня российская розничная торговля превратилась в один из наиболее динамично развивающихся секторов хозяйства, который характеризуется не только быстрым и устойчивым ростом, но также стремительным распространением новых организационных форм торговли²³. На сегодняшний день одним из наиболее перспективных, развивающихся направлений является организация торговых центров или торгово-развлекательных комплексов (ТРК)²⁴, которые объединяют под одной крышей магазины разных торговых профилей и форматов. Как правило, они строятся с опорой на супер- и гипермаркеты или приглашают их в качестве «якорных» арендаторов²⁵. Развитие новых форм торговли, в число которых входят ТРК, активизировалось в России в 2000-е годы. Проводниками подобной тенденции в первую очередь стали мегаполисы, где динамика изменения потребительских практик населения проявилась особенно рельефно. Для урбанизированных областей, и в особенности российских мегаполисов, характерен процесс разрастания и увеличения количества подобных торговых форматов, которые часто называют «дворцами потребления»²⁶, потому что они предлагают не только широкий ассортимент товаров для покупки, но и разнообразные возможности и способы проведения досуга. Эти крупные современные торговые площадки призваны дать возможность удовлетворить самые разнообразные потребности современного человека по системе «все включено» и в одном месте. Специалисты замечают тенденцию актуализации данных каналов среди потребителей. «В условиях одновременного нарастания разнообразия потребностей и дефицита свободного времени потребители все реже отправляются в магазин за отдельным товаром. Все чаще они прибегают к закупкам широкого ассортимента товаров (в том числе и заранее не запланированным), то есть занимаются не традиционными покупками (целевыми и единичными), а периодическим широко ориентированным шопингом»²⁷.

Современный шопинг представляет собой специфический социальный феномен, который воплощает в себе целый мир: от

«игрового блуждания» и формы досуга до «тотальной организации повседневности»²⁸. Шопинг является массовым общественным процессом, который регулируется маркетинговой ориентацией фирм, сбывающих свою продукцию, в условиях, когда уже существуют средства удовлетворения той потребности, на удовлетворение которой направлено производство продукции фирмы. В этой ситуации приходят новые технологии потребления, ориентированные на превращение процесса приобретения товаров и пользования услугами в особого рода занятие.

Принимая во внимание тенденцию увеличения количества ТРК в структуре торговых каналов в процессе интеграции России в рыночную экономику и, соответственно, в общество потребления, можно констатировать, что преимущественно в мегаполисах сформировался особый вид потребительских практик, заключающийся в использовании пространства ТРК в качестве площадки, позволяющей реализовать новую потребительскую ориентацию, выражающуюся в парадоксальном «синтезе незрелого капиталистического способа производства и глобальной повседневной культуры консьюмеризма»²⁹.

В Москве, несмотря на объективную кризисную ситуацию, сложившуюся в России под влиянием мирового финансово-экономического кризиса, наблюдается рост количества многофункциональных площадок для потребления. По данным компании GVA Sawyer, в 2010 г. показатель обеспеченности населения торговыми площадями в торговых центрах оценивается на уровне 350 кв. м на 1 тыс. населения³⁰. Динамика этого процесса строго положительная. Так, по оценкам Colliers International, на 1 тыс. жителей столицы в 2007 г. приходилось 179 кв. м профессиональных торговых объектов³¹, и этот показатель рос, даже несмотря на кризис: в 2009 г. показатель обеспеченности населения торговыми площадями уже оценивался на уровне 304 кв. м на 1000 человек³². По результатам 2009 г. суммарное количество введенной в эксплуатацию торговой площади в современных столичных торговых центрах увеличилось на 41% по сравнению с 2008 г. и на 63% по сравнению с 2007 г.³³. Этому способствовало строительство ряда крупных торговых центров, таких как «Метрополис», «Золотой Вавилон Ростокино», «Город», которое началось задолго до кризиса, приостановка их строительства была бы экономически невыгодной для девелоперов. Динамика ввода торговых объектов в Москве, по данным компании Astera, сохраняла позитивный тренд даже в 2009 г., когда последствия кризиса проявились особенно значительно, и продолжает демонстрировать уверенное приращение почти на 15% в 2010 г. Как видно из графика 1, объемы

Особенности развития «новых средств потребления»...

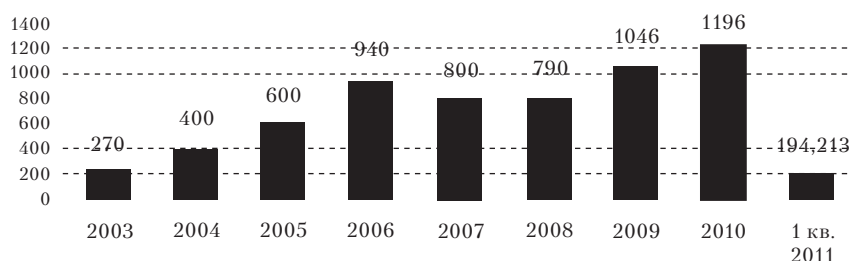

Рис. 1. Динамика ввода торговых объектов, 2008–2011, общая площадь, тыс. кв. м

торговых площадей в составе ТРК, введенных в эксплуатацию в 2008–2010 гг. постоянно растут.

Своеобразие трансформации российского общества до последнего времени было принято маркировать термином «транзитивное», то есть в целом индустриальное, но с элементами постиндустриального развития в мегаполисах³⁴. Начало 2000-х стало для России периодом стабилизации социально-экономической ситуации в стране. Период с 2005 по 2008 г. по праву был временем стабилизации. Доходы людей росли, инфляция оставалась на приемлемом для России уровне, и наш народ наконец-то перешел в своем экономическом поведении к потребительской ориентации³⁵. Российский рынок стал одним из наиболее привлекательных в мире для производителей товаров и услуг. Как результат в предкризисные «тучные годы» с 2004 по 2008 г. оборот розничной торговли в стране вырос более чем в 2,5 раза. Практически были ликвидированы просроченные задолженности по заработной плате, увеличились размеры социальных выплат, россияне почувствовали рост реальных располагаемых доходов, распространение получили новые торговые форматы, средства массовой коммуникации и реклама³⁶, стремительными темпами развивалось розничное кредитование физических лиц, произошли позитивные изменения в структуре потребления. Однако мировой финансовый и экономический кризис, разразившийся в 2008 г., показал, что благополучие этих лет было довольно хрупким, и хотя глубоких социальных потрясений удалось избежать, для многих в России сегодняшняя ситуация выглядит так: кризис закончился, а лучше не становится³⁷. Согласно оценке Росстата, рост российской экономики по итогам 2010 г. составил 4%, это довольно скромный результат (с учетом масштабов спада, произошедшего в результате кризиса в 2008–2009 гг.). Одной

из основных причин столь низкого темпа роста экономики при выходе на новый этап экономического посткризисного развития является тенденция к сохранению низких темпов роста доходов населения. Здесь основным фактором, сдерживающим рост потребления домашних хозяйств, является оптимизация расходов бизнеса на персонал. Кризис вроде бы закончился, но пришедший ему на смену экономической подъем носит неустойчивый, очаговый характер и не приводит к фронтальному улучшению условий жизни большинства населения, как это было в «нулевые» годы. В кризис работники, затянув пояса, согласились со снижением зарплат и бонусов. Но как только стало понятно, что кризис кончился, работодатели, которые в 2009 г. – в пик кризиса – под воздействием государства не спешили сокращать персонал, бросились рационализировать производство, оптимизировать расходы, в том числе на людей, и не спешат с прибавками к жалованью. Сегодня работодатели, которые в «нулевые» годы не особо считали деньги, действуют иначе³⁸. Причем тенденция перекладывания убытков, нанесенных кризисом, с бизнеса на работников сегодня является общемировым трендом. Таким образом, на фоне продолжающегося роста производства не наблюдается увеличения численности занятых и повышения реальной заработной платы, что в итоге приводит к прекращению роста потребления домохозяйств³⁹.

Кроме того, развивающийся кризис порождает достаточно высокие темпы инфляции, что также негативно сказывается на росте покупательской способности населения. По оценкам россиян, рост цен в целом и на конкретные продукты и услуги за последние два года показывал значительные темпы, а в 2011 г. инфляция сильно пошла в рост. «Начиная с осени прошлого года (2010) порядка 80% опрошенных считают, что инфляция очень высокая. Год назад так думали только 50–60%»⁴⁰. По оценкам большинства россиян, цены на товары, которые они обычно покупают, увеличились в среднем на 15–25% (так считают 60%). О снижении или стабильности цен не говорит никто⁴¹. Кроме того, если говорить о структуре расходов населения, то до кризиса рост потребительского спроса поддерживался снижением нормы сбережений населения. На долю потребительских расходов населения (оборот розничной торговли и платные услуги населению) приходилось более 70% всех денежных расходов среднестатистического россиянина⁴². Тем не менее люди, которые сформировали определенный уровень потребительских притязаний, не желают жить «без перспектив» и расставаться с уже ставшими привычными возможностями, предоставляемыми достигнутым уровнем потребления. Открытие России миру подтолкнуло революцию притязаний, когда фокусировка внимания

происходит на целях, «самостоятельно устанавливаемых человеком для себя, которые могут обеспечить ему желаемые стандарты удовлетворения потребностей»⁴³. Однако реализация таких целей часто невозможна под давлением обстоятельств». Наиболее «болезненно реагирует на эту ситуацию средний класс: он привык к определенному уровню жизни, а тут попал в ножницы между растущими расходами и замороженными зарплатами. В результате люди ворчат, ругаются, паникуют»⁴⁴.

В этом контексте прослеживается существенное отличие формирования общества потребления в России относительно того, как это происходило на Западе. Народ получил возможность потреблять зрелища и обещание в будущем перейти к «хлебу». Соединить и зрелища, и «хлеб» смогли лишь весьма узкие слои населения. Поэтому только незначительное меньшинство живет в оазисах реального российского общества потребления, а большинство пребывает в его виртуальном суррогате⁴⁵. Однако, обращаясь к социальным характеристикам общества потребления, можно сказать, что ни одна страна не может быть исчерпывающе описана как общество потребления. Это лишь тенденция, которая проявляется в разных странах в той или иной мере. Любое общество включает в себя остатки прошлых эпох, доминирующие формы общественных отношений и ростки будущего. Поэтому совокупность общественных отношений, которые можно назвать «обществом потребления», сосуществует с комплексами иных отношений. В связи с этим развитие новых средств потребления, в частности ТРК, создает объективные маркеры характерного симптомокомплекса, позволяющего характеризовать современные мегаполисы как зоны форсированного формирования модели российского «общества потребления». Экспансия ТРК как торгового канала в мегаполисе несет в себе, помимо торговой функции, еще и уникальную роль площадки для реализации социальных и потребительских практик, которая «выходит далеко за рамки “потребления”, и предметы там больше не обладают специфичной реальностью: первична их сериальная, циклическая, зрелищная организация – модель будущих социальных отношений»⁴⁶. Сегодня ТРК – «это сублимация всей реальной жизни, всей объективной общественной жизни... разорванные и более или менее не сводимые друг к другу виды деятельности, все это смешано, размешено, наделено особым климатом в одном вечном движении»⁴⁷. Развитие новых средств потребления позволяет потреблению стать значимым звеном символического обмена, где символическая функция потребления оказывается реализованной применительно к новым средствам потребления, что дает возможность осуществлять со-

циальный контроль над потребителями, которыми являются все члены общества, вовлеченные в символический обмен⁴⁸. Таким образом, торгово-развлекательные центры превращаются в места проведения досуга, музеи современной культуры потребления в современном мегаполисе.

Примечания

- ¹ Ядов В.А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1736> (дата обращения: 17.05.2011).
- ² Там же.
- ³ *Vauman Z.* Legislators and interpreters: on modernity, post-modernity and intellectuals. Polity. Cambridge, 1987. P. 167–168.
- ⁴ *Ильин В.И.* Потребление как дискурс. СПб., 2008.
- ⁵ *Schneider N. F.* Konsum. Soziologische, ökonomische und psychologische Perspektiven. Opladen, 2000. P. 117–132.
- ⁶ *Афанасьева В.В., Туркина В.Г.* Общество перепотребления // Потребление как коммуникация – 2009: Материалы V международной конференции, 26–27 июня 2009 г. СПб., 2009. С. 20–23.
- ⁷ *Miles S.* Consumerism – as a Way of Life. L., 1998.
- ⁸ *Шмигин И.* Философия потребления. Харьков, 2009. С. 74.
- ⁹ *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. С. 7.
- ¹⁰ *Лофаст В.Б.* Люди и вещи // Социологический журнал. 2000. № 5. С. 58–65.
- ¹¹ *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 501.
- ¹² *Ильин В.И.* Указ. соч. С. 112.
- ¹³ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч.
- ¹⁴ *Ритцер Дж.* Указ. соч. С. 502.
- ¹⁵ *Бодрийяр Ж.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Ритцер Дж.* Указ. соч. С. 503.
- ¹⁷ Там же. С. 504.
- ¹⁸ Там же. С. 552.
- ¹⁹ Там же. С. 553.
- ²⁰ *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. М., 2004. С. 5.
- ²¹ *Дебор Г.-Э.* Общество спектакля. М., 2000.
- ²² *Ритцер Дж.* Указ. соч. С. 555.
- ²³ *Радаев В.В.* Эволюция организационных форм в условиях растущего рынка (на примере российской розничной торговли). М., 2006. С. 6–7.
- ²⁴ В данной работе понятия «торговый комплекс» (ТК), торговый центр (ТЦ), торгово-развлекательный комплекс (ТРК) будут использоваться как синонимы. Под ТРК понимается место, соединяющее группу розничных предприятий, расположенных на общей территории, объединенных архитектурно и управляемых одной компанией.

Особенности развития «новых средств потребления»...

- ²⁵ Радаев В.В. Указ. соч.
- ²⁶ Бодрийяр Ж. Общество потребления.
- ²⁷ Радаев В.В. Указ. соч.
- ²⁸ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 8.
- ²⁹ Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2.
- ³⁰ Петров Н. Торговый сегмент. Кто разбрасывает сети? [Электронный ресурс] // Недвижимость & Цены. № 35. 30.08.2010. URL: <http://realty.dmir.ru/articles/28421/> (дата обращения: 07.06.2011).
- ³¹ Шейко Е. Столичная арифметика // Молл. Август 2008. С. 20–26.
- ³² Официальный сайт компании CB Richard Ellis [Электронный ресурс] // URL: http://www.cbre.ru/ru_ru (дата обращения: 07.06.2011).
- ³³ Там же.
- ³⁴ Овруцкий А.В. Социально-философский анализ потребления: категоризация и концептуализация мира // Аспирантский вестник Поволжья. 2010. № 1–2.
- ³⁵ Социальные неравенства как вызов современной России // Вестник Института социологии. 2010. № 1. С. 24–47.
- ³⁶ О состоянии потребительского рынка в РФ в 2007 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: <http://http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/monitoring/doc1207581793421> (дата обращения: 17.03.2011).
- ³⁷ Федоров В. Вместо стабильности [Электронный ресурс] // Профиль. 2011. URL: http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/111540.html?no_cache=1&cHash=1dcadea724&print=1 (дата обращения: 14.05.2011).
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Широков А.А., Гусев М.С. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Анализ и прогноз краткосрочных показателей экономической динамики. Январь 2011. [Электронный ресурс] // URL <http://www.macroforecast.ru> (дата обращения: 17.04.2011).
- ⁴⁰ Федоров В. Указ. соч.
- ⁴¹ Мировой продовольственный кризис и темпы роста цен в России. Пресс-выпуск № 1696 // ВЦИОМ. URL: http://old.wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/111386.html?no_cache=1&cHash=c081beb023&print=1 (дата обращения: 14.06.2011).
- ⁴² Широков А.А., Гусев М.С. Указ. соч.
- ⁴³ Магун В.С. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. М., 2010. С. 21.
- ⁴⁴ Федоров В. Указ. соч.
- ⁴⁵ Ильин В.И. Потребление как дискурс. С. 18.
- ⁴⁶ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 77.
- ⁴⁷ Бодрийяр Ж. Общество потребления. С. 11.
- ⁴⁸ Ритцер Дж. Указ. соч.

Д.Д. Реброва

«СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ»
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
(на примере московского района Хамовники)

В данной статье представлены результаты полевого исследования об отношении коренных жителей Москвы к архитектурно-планировочной политике городских властей района Хамовники. Отдельное внимание уделено архитектурной составляющей района, кардинальной смене его облика за последние 10 лет. Автор показывает, каким образом один из рядовых центральных районов столицы приобрел новый престижный статус, став «золотой милей» Москвы, и каким образом изменилась привычная социальная и пространственная среда жителей района.

Ключевые слова: социология города, социальный статус, символический капитал, социальная среда, социальное зонирование.

Архитектура имеет огромное значение в жизни современных мегаполисов. Архитектурные здания и сооружения не только выполняют роль жилища, но также являются одним из основных средств коммуникации в обществе. По нашему мнению, есть безусловная зависимость между застроенной территорией и социальной средой, формирующейся в конкретном пространстве. Окружающее пространство влияет на поведение людей, у них появляются определенные стереотипы мышления, речи, стиля одежды и образа жизни. Городская среда определяет те возможности, которые человек приобретает, живя в том или ином районе. В свою очередь, город также формируется под влиянием его жителей, делится на престижные и непрестижные зоны, на рабочие, спальные районы, на кварталы, в которых исторически селилась городская интеллигенция, и т. д.

На данный момент архитектурно-планировочная ситуация в Москве отражает серьезную борьбу между различными социаль-

ными группами: стала усиливаться пространственно-социальная сегрегация, город стал отчетливее делиться на престижные и непрестижные районы¹. В определенный момент сохранение исторической застройки города стало казаться нецелесообразным: с точки экономической эффективности дешевле и быстрее реконструировать здание, а не реставрировать его или же проводить консервационные работы. В связи с новой организацией городского пространства, планомерно предпринимаемой властями, Москва теряет уникальную, веками формировавшуюся среду.

В данной статье мы анализируем результаты, полученные в ходе нашего исследования 2008–2010 гг. под научным руководством канд. социол. наук А.В. Стрельниковой. Мы попытались исследовать отношение коренных москвичей к проблеме изменения городского пространства, а также выявить основные формы физического и символического вытеснения жителей района Хамовники с обжитой ими территории. В ходе эмпирической части нами было проведено 15 глубинных интервью с жителями района Хамовники, а также собран фотографический материал о районе (60 фото).

В качестве теоретической базы нами использовались социологические теории понимания сущности и устройства города, а также неомарксистские теории европейских и американских исследователей, в основе которых лежит политэкономическое объяснение городских практик (А. Лефевр², М. Кастельс³). Были также использованы семиотический подход Умберто Эко и функциональный подход к архитектуре Жана Бодрийера. Кроме того, нами применялись социологические концепции престижных адресов, «элитного» и «неэлитного» жилья современных российских социологов (О.Е. Трущенко⁴, Т.М. Дридзе⁵).

Социология архитектуры: теоретические подходы

Социология архитектуры как часть социологии города – дисциплина совсем молодая. В России это направление является практически неразвитым, в то время как в Европе и Америке на данный момент переживается второй всплеск интереса к социологии архитектуры после 60-х годов XX в.

Взгляды на архитектуру с точки зрения различных социологических теорий подразумевают изучение «символического взаимодействия между людьми посредством конструкций и оформления пространства, например городов, ландшафтов (парков), жилых зданий, мостов, памятников и определенных архитектурных элементов (башен, дверей и т. д.)». Второй подход – это системный подход к архитектуре. Так, Н. Луман рассматривал функционирование архитек-

туры как системы в рамках изучения системы искусства (искусства общества). Третий подход – это изучение архитектуры как таковой, в буквальном смысле. Здесь речь идет о художественном содержании архитектуры и о ее влиянии на общество. Кроме того, здесь возможно изучение таких видов архитектуры, как религиозная архитектура, политическая архитектура и т. д. При этом интересными для исследователя могут быть генеральные планы постройки, формы и материалы, различные здания, например тюрьмы, кинотеатры, фабрики и т. д., а также, каким образом данные здания отражают структуру общества, и то, как к ним относятся люди.

В рамках нашего исследования мы предлагаем обратить внимание на теорию семиологии архитектуры Умберто Эко и радикальный постмодернизм архитектуры Жана Бодрийяра. Эко видит в архитектурных сооружениях не только объекты, характеризующиеся исполняемой ими функциями, но и объекты коммуникации. Эко видит в архитектурном знаке «означающее, означаемым которого является его собственное функциональное значение». Архитектура в его представлении – это совокупность знаков и символов, денотирующих функции сооружения и коннотирующих его символический смысл. Умберто Эко говорит о первичной денотируемой функции и о комплексе вторичных коннотируемых функций. С течением времени первичные и вторичные функции могут изменяться, восстанавливаться, исчезать и т. д. Учитывая постоянное изменение первичных и вторичных функций, Эко говорит о том, что создатель не может предусмотреть появление тех или иных коннотаций⁶. Применительно к нашей теме то, что считалось престижным всего лишь 30–40 лет назад (например, отдельная квартира в домах серии П-44Т), сейчас уже считается уделом простых, не самых обеспеченных москвичей. В настоящее время престижными стали квартиры в новых домах, построенных известными архитекторами, либо квартиры в доходных домах старой постройки, в тех домах, откуда мечтали съехать москвичи в советское время. И это притом, что как таковая функция отдельной квартиры как жилища не изменилась.

Кроме того, Эко анализирует проблематику архитектурных кодов, что приводит его к выводу, что архитектура не является искусством, а является сферой обслуживания потребностей населения и средством массовой коммуникации. По его мнению, «деятельность, обращенная к разным общественным группам с целью удовлетворения их потребностей и с намерением убедить их жить так, а не иначе, может быть определена как массовая коммуникация». Этот тезис вполне применим к архитектуре.

Один из главных теоретиков постмодерна Жан Бодрийяр рассматривает суть современной архитектуры в «искусственном

моделировании мира, специализации и централизации функций и распространении по всему миру этих искусственных построений». Бодрийяр считает, что современная архитектура, так же как и по мнению Эко, не является искусством, а лишь отражает технологические возможности компьютерного проектирования и строительства. Функциональный подход Бодрийяра к архитектуре состоит в его уверенности, что архитектуру подчинили себе транспортные, информационные, культурные и другие виды функций⁷. Архитектура больше не является органической потребностью, не принадлежит реальным социальным условиям. Она связана с множеством функций, зачастую бесполезных, отражающих современную действительность. Бодрийяр опасается, что рост клоновой архитектуры (торговые и развлекательные центры) может привести к тому, что архитектура сама превратится в бесполезную функцию.

Бодрийяр говорит, что «драма современной архитектуры состоит в бесконечных клонах того же самого типа зданий в зависимости от функциональных параметров или определенного вида типичной или живописной архитектуры». Этот тезис вполне применим к архитектуре современной Москвы.

Описание района Хамовники

Район Хамовники – один из старейших жилых районов Москвы, расположенный в излучине Москвы-реки. Район всегда был жилым, исторически его заселяли купцы, мещане, военные, люди науки. Район не был богат на дворянские усадьбы и всегда был жилым, а не «парадным», в основном его заполняла рядовая послепожарная малоэтажная застройка, лучше всего отражающая атмосферу старого города и формирующая уникальную старомосковскую среду. Района практически не коснулось строительство доходных домов в конце XIX – начале XX в., поэтому к концу XX в. некоторые части района все еще походили на небольшие уездные города.

Последние 20 лет кардинально изменили район в архитектурном смысле, особенно это коснулось района Остоженки и Пречистенки. Превратившись в «золотую милю» города Москвы, треугольник между Остоженкой и Пречистенкой кардинально изменил свой внешний архитектурный вид, также изменился и социальный состав района. Хамовники стали нежилыми, законсервированными, люди покупают здесь квартиры в качестве хорошей инвестиции, а не для постоянного проживания. Район вымер, вечером на улице сложно встретить местных жителей. Инфраструктура стала бизнес-класса, а иногда и класса deluxe: дорогие магазины, в том числе торгующие мебелью ручной работы, фитнес-центры, престижные рестораны.

Благоустройство района

Проанализируем основные факторы недовольства жителей района Хамовники, узнаем, какие социальные, организационно-бытовые, архитектурно-пространственные проблемы волнуют коренных москвичей. Несмотря на то что район Хамовники – спокойный, чистый район центра Москвы, жителей многое не устраивает в данном районе. «В принципе с точки зрения безопасности днем и ночью, я считаю, что район достаточно надежный, безопасный. Единственное, что мало продуктовых магазинов, это факт. Считается, что, наверное, такой престижный район, и поэтому в каждом доме находятся какие-то мебельные магазины, слишком много магазинов не по назначению. А таких чтобы для жизни, мало хороших магазинов – продуктовых или еще чего-то» (женщина, 21 год, студентка, собственница двухэтажной квартиры; интервью 14, архив автора). Многие респонденты отмечают, что район действительно безопасный, ночью не страшно гулять, всегда много полиции, которая патрулирует дворы и скверы в районе. Хотя Хамовники – район большой, и кроме Остоженки и Пречистенки – одних из самых престижных улиц Москвы, так называемой Золотой мили, есть еще и Лужники с круглогодичным рынком и стадионом. «Большой минус – это Лужники. После матчей или массовых гуляний остается много мусора, ходит много людей, среди них и так называемые “опасные социальные элементы”» (женщина, 21 год, студентка, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 11, архив автора).

Жители Хамовников отмечают, что в районе абсолютно не продуманы и не предусмотрены продовольственные магазины так называемой шаговой доступности. «Во-вторых, меня не устраивает отсутствие продовольственных магазинов в этом районе. Есть либо так называемые бистро и продовольственные магазины, в которых достаточно сомнительные продаются продукты, либо есть дорогие магазины типа “Азбуки вкуса”, которые я считаю, это мое мнение, излишне дорогие» (женщина, 45 лет, домохозяйка, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 13, архив автора). В районе есть два магазина «Азбука вкуса», которые считаются продуктовыми магазинами элитного класса. Остальные же торговые площади в районе занимает мебель, дизайн-студии, отделочные материалы. «...Единственный магазин, который был совсем недалеко от дома и которым пользовались мы все, несмотря на то что все закупаются в “Ашанах” или “Метро”, был всегда под рукой. И его тоже закрыли. И у нас вокруг одни мебельные магазины. Мебель я не ем, поэтому очень бы хотелось, чтобы больше открывали продовольственных магазинов» (женщина, 35 лет, начальник отдела информационного

обеспечения, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 15, архив автора).

Все жители района Хамовники были солидарны в том, что район удобно расположен в центре современной Москвы: «...Удобно – все находится близко. Все-таки все основные места досуга находятся в центре города. До всех магазинов, музеев мне недолго ехать, не надо подолгу стоять в пробках, чтобы добраться до спального района» (женщина, 21 год, студентка, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 11, архив автора). Но инфраструктура, ориентированная на бизнес-класс, сделала жизнь коренных москвичей неудобной, им приходится ездить в другие районы за покупками, чтобы сэкономить. Магазины шаговой доступности не строятся в районе: слишком высока аренда. Поэтому жители района вынуждены приспосабливаться к тем условиям, в которые они поставлены.

Экология района

Отмечая явные преимущества Хамовников перед другими районами, нельзя также не отметить, что район зеленый, здесь расположены спорткомплекс «Лужники» с большим парком, усадьба Трубецких, на другой стороне реки находится ЦПКиО им. Горького и Нескучный сад. Для семьи одного из респондентов решающим фактором в выборе квартиры была именно близость к реке и насыщенность зеленью. «Родители выбирали между несколькими квартирами на Фрунзенской набережной. Основным условием была близость к реке, чтобы был свежий воздух. И, так как там напротив еще Нескучный сад, то можно было выходить гулять туда. То есть именно по принципу того, что тут рядом, зеленая область, с обеих сторон дома и напротив находятся зеленые зоны. И главное – это река. То есть дом находится в очень чистом месте для Москвы» (женщина, 21 год, студентка, собственница двухэтажной квартиры; интервью 14, архив автора). Хотя вопрос озеленения района достаточно очевиден, не всем респондентам данная проблема кажется решенной. Один из жителей считает, что местные власти должны обратить свое внимание на усиление озеленения Хамовников, так как на набережной Москвы-реки часто происходит несанкционированная вырубка деревьев, в том числе и фруктовых, которые исторически росли на набережной. «Да, меня не устраивает то, что здесь сейчас очень много асфальта, мало зелени. Причем та зелень и то благоустройство, которое проводят московские власти, оно... Как сказать? Считаю, что оно неграмотно построено, все это благоустройство. В частности, снимают настоящую траву, клевер и все остальное, все, что росло испокон веков, и было ...натуральным таким покрытием, и выкладывают эти газоны

рулонные, которые травой нельзя назвать, и они не приживаются. И ничего хорошего я в этом не вижу» (женщина, 35 лет, начальник отдела информационного обеспечения, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 15, архив автора).

Выявляя основные организационно-бытовые проблемы района, можно выделить следующее: район престижный, а вследствие этого дорогой, мало обычных продуктовых магазинов, иногда слишком шумно от парка Горького и стадиона Лужники, набережная Москвы-реки «беднеет» из-за несанкционированной вырубке зеленых насаждений. Но все равно жители отмечают, что при всех минусах жизни в Хамовниках район спокойный, богатый на исторические и культурные памятники, находится практически в самом центре столицы. Это действительно сильно облегчает жизнь жителям района.

Архитектура района

Как следует из результатов нашего исследования, жителей Хамовников беспокоит повсеместное переустройство района в историко-архитектурном плане. В основном все они давно проживают в этом районе, многие не в первом поколении. Жителей заботят те изменения, которые происходят в районе с памятниками архитектуры, потому что они очень ценят свой район, его историческую уникальность. «Да, мне очень приятно, что мой район интересен и богат с исторической точки зрения. И когда я бываю где-то с сыном, у нас традиция такая: мы до любой точки, какой-то это театр или мы просто куда-то пошли по делам или даже в тот же магазин что-то ему покупать, обратно мы возвращаемся пешком, и я по возможности, если я знаю, что будут какие-то достопримечательности в центре, я стараюсь его водить по этим улицам. Показать дом, где написали "муму", я считаю, что это интересно достаточно» (женщина, 35 лет, начальник отдела информационного обеспечения, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 15, архив автора).

Данный эпизод показывает, что, живя в центре города, родители передают свои знания об истории города детям, гуляя с ними и рассказывая историю сохранившихся памятников истории и культуры. Здесь мы видим «взаимодействие» между архитектурой и индивидом, то есть насколько архитектурное оформление обуславливает и создает предпосылки для выбора определенной манеры поведения, образа жизни, действий и т. д. Таким образом, жизнь в историческом центре изначально дает возможность пополнять свой интеллектуальный багаж за счет уникальной визуальной городской среды, атмосферы, сложившейся веками. Такой возможностью многие пользуются. «Для меня важно, что в моем городе их много. Я ду-

маю, наш район не самый богатый историческими памятниками. И мне важно, что у нас жили Толстой, Тургенев. Хотя я сильно об этом не задумываюсь» (женщина, 21 год, студентка, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 11, архив автора).

За последние годы район сильно изменился, особенно территории между Пречистенкой и Пречистенской набережной. Там почти не осталось домов рядовой исторической застройки. Практически все они были снесены в постсоветский период, когда строительство в Москве перешло в новую фазу. Рыночная экономика привнесла новые законы в московскую строительную действительность. Восстанавливать исторические здания гораздо дороже, чем реконструировать, но при перестройке дом теряет свою историческую и архитектурную ценность, становясь хорошей копией, но никак не оригиналом. Вследствие этого район, несмотря на свою престижность и популярность у обеспеченных кругов, теряет свою уникальность. Кроме историко-градостроительных доминант, такие как храм Христа Спасителя, храм Николы в Хамовниках и отчасти Зачатьевский монастырь, остальные памятники были сильно перестроены или заменены новоделом.

Хотя бегует и противоположное мнение: коренные жители города мало обращают внимания на архитектурные памятники и исторические места города. Возможно, они не останавливают свое внимание на них каждый день, но изменения внешнего облика города, нарушающие привычную им среду, стараются отмечать. И этот факт не может оставаться без их внимания. «...Это вообще катастрофа. Это для города, для этого города, это просто катастрофа. Потому что сносится все, что угодно, что попало, да? Любое здание, имеющее архитектурную ценность, можно довести до состояния руин, ну что, собственно, и происходит. Как бы они не подлежат восстановлению и дешевле снести, а на его месте поставить банк, казино, ну не знаю, все, что угодно. Любую мерзость, которая к Москве не имеет никакого отношения...» (женщина, 49 лет, актриса, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 4, архив автора). Нужно заметить, что район сильно изменился за одно десятилетие и меняется до сих пор. У жителей Хамовников изменилась пространственная организация и среда района, появилось ощущение «чужой» территории. «Нарушается гармония наших старинных зданий, которые изначально здесь были. Особенно в районах Остоженки и Пречистенки, но на Пречистенке еще вроде бы не так сильно, а Остоженка – там все перестроено. И когда я там жила в детстве, было совсем все по-другому, был именно московский облик, в моем понимании, облик старинной Москвы. Я считаю, что одна из самых главных проблем вообще любого мегаполиса на сегодняшний день в том, что исторические центры

надо сохранять, потому что это история, это то, что с каждым годом все больше и больше будет цениться» (женщина, 21 год, студентка, собственница двухэтажной квартиры; интервью 14, архив автора).

Для строек расчищаются территории детских площадок, небольших скверов, сносятся ветхие особняки. Особенно неприятен тот факт, что многие дома доводятся специально до аварийного состояния, и обычные москвичи силой переселяются в другие районы города. «Я считаю, что это под прикрытием какой-то благодетельной цели идет выселение не совсем обеспеченных жителей в другие районы города. И хотя говорят, что предоставляется квартира опять же в центральном районе, центральный район может быть разный» (женщина, 35 лет, начальник отдела информационного обеспечения, собственница трехкомнатной квартиры; интервью 15, архив автора).

Заключение

Мы видим, что большинство жителей района Хамовники перестало ощущать район своим, так как слишком сильно поменялся архитектурный облик района, инфраструктура стала ориентированной на небольшую прослойку достаточно обеспеченных людей. С точки зрения архитектуры сильно изменился внешний облик зданий в районе. В соответствии с трендами современной архитектуры здания строятся с большим количеством стекла, из современных строительных материалов. Кирпич практически не используется в строительстве, современные архитекторы отошли от привычных форм зданий и сооружений, увеличили этажность. В результате Хамовники потеряли свой уникальный старомосковский дух рядовой застройки, превратившись в обычный современный европейский район нуворишей. Тем не менее коренные жители Хамовников не хотят покидать свой родной район и готовы терпеть те неудобства, которые вызваны новым статусом района.

Таким образом, «социальный портрет» района сейчас выглядит совсем иначе. Но та социальная и пространственная среда, в которой жители района находились в течение своей жизни, все равно остается уникальной в их личном восприятии.

Примечания

- ¹ Дридзе Т.М. Социальная диагностика в градостроительстве. М., 1998. С. 5.
- ² Лефевр А. Социальное пространство // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70).
- ³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2001.

Статус-символы позднесоветского и современного общества...

- ⁴ *Трущенко О.Е.* Престиж центра: городская социальная сегрегация в Москве. М., 1995. 112 с.
- ⁵ *Дризде Т.М.* Вернуть столицу горожанам (О социальной диагностике в градостроительстве). М., 1997. С. 9.
- ⁶ *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2006.
- ⁷ *Бодрийяр Ж.* Архитектура: правда или радикальность? // Социология архитектуры. М.: Русский авангард, 2010. С. 389–408.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УЧЕНОГО (на примере преподавателей вузов)

В статье рассматриваются особенности социального статуса ученых, работающих в системе высшего профессионального образования. Экономические, политические и социальные изменения в России на рубеже XX–XXI вв. сопровождались интенсивными процессами трансформации социальной структуры общества. Динамичные процессы стратификации общества отразились на социальном положении специалистов, занятых в сфере науки и образования. Наблюдается противоречие, при котором высокий уровень образования и общественная значимость труда ученых и преподавателей высшей школы уступают «в весе» стратификационному критерию «доход» как в общественном мнении населения, так и в самооценках самих специалистов, отводя преподавателям высшей школы место в низших слоях стратификационной иерархии.

Ключевые слова: стратификация, социальный статус, российский ученый, социальная структура.

Радикальные социально-экономические преобразования, необходимость адаптации к рыночной экономике, сокращение производства вызвали спад в большинстве отраслей, что в свою очередь привело к сокращению заработной платы и усилению социальной дифференциации. Эти процессы не обошли стороной российскую науку и образование. Современные экономические, политические, социальные трансформации существенным образом сказываются как на сфере науки и образования в целом, так и на социальном положении специалистов, занятых в этой сфере.

В эпоху преобразований и трансформаций интерес ученых к изменениям, происходящим в социальной структуре общества, зна-

чительно возрастает. Между тем системный анализ процессов труда и его роли в жизнедеятельности индивида и общества представлен еще в работах К. Маркса. Г. Спенсер, в свою очередь, рассматривал нарастающие в обществе процессы разделения и специализации в трудовой сфере на фоне усиливающейся дифференциации социальных структур. Вебер, помимо экономического аспекта стратификации, учитывал также такие, как власть и престиж. Т. Парсонс рассматривает общественные изменения с позиции структурно-функциональной концепции, объясняя функциональную необходимость и универсальное наличие стратификации в каждом обществе. П. Бурдьё с позиции конструктивизма рассматривал стратификацию, в том числе и трудовую, как результат борьбы за место в социальном пространстве. Базовые методологические принципы исследования профессиональной дифференциации общества были заложены П. Сорокиным, который выделял три основные формы стратификации – экономическую, политическую и профессиональную.

В отечественной социологической науке также уделялось значительное внимание проблемам изучения социальной структуры и деятельности отдельных социальных институтов. В советское время значительное количество работ было посвящено изучению классовой структуры общества, классовой борьбе и межклассовому единству. С начала 1990-х годов исследования социальной структуры общества, анализ социальной и трудовой мобильности, маргинализации отдельных социальных слоев и классов приобрели особую актуальность. Между тем российские ученые и российская наука стали предметом специального рассмотрения лишь в середине 1990-х годов, когда очевидным стал кризис, переживаемый этой частью социального организма¹. В этой связи анализ социального положения современных российских ученых представляется необходимым с позиции теоретического осмысления положения дел в науке и образовании.

Традиционно позицию человека в обществе (социальный статус) в системе социальной стратификации рассматривают через призму следующих показателей: доход, престиж, власть. Всестороннее исследование проблемы статуса, в том числе социально-экономического, на уровне общественных, социальных групп и индивидов проведено Т.И. Заславской, которая рассматривает в качестве критериев социального статуса (социальной стратификации) следующие:

- управленческий потенциал, выражающийся в объеме властных и управленческих функций;
- экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов (владение капиталом, производящим до-

ход; причастность к процессам распределения, перемещения и обмена общественного продукта; уровень личных доходов и потребления);

- социокультурный потенциал, отражающий уровень социализации, образованности и профессионализма субъектов;
- социальный престиж, концентрированно отражающий все эти признаки в сочетании с качеством жизни².

Это в свою очередь позволяет нам рассматривать социальный статус научно-педагогических кадров вуза через призму следующих показателей:

1) объективные:

недостаточный уровень финансирования науки и образования в государстве; сокращение расходов на научно-исследовательскую работу, низкая востребованность фундаментальных научных исследований; оторванность ученых от власти, их недостаточное влияние на общественно-политические процессы в обществе; падение уровня доходов преподавателей и несоответствие доходам других социальных групп; общее снижение престижа преподавательской и научной деятельности в обществе; старение педагогических кадров, отток молодых кадров в другие сферы деятельности;

2) субъективные:

представления о несоответствии уровня дохода уровню образования и квалификации; трудности (а в ряде случаев и невозможность), связанные с самореализацией и построением карьеры; снижение уровня академической культуры; изменение мотивации к преподавательской и научной деятельности; нежелание или невозможность приспособиться к изменениям внешней среды, новым образовательным и научным требованиям значительной части ученых; низкое мотивационное стремление молодежи к научной и педагогической деятельности.

Обобщение проанализированного материала, позволяет говорить о том, что на сегодняшний день материальный фактор («доход» ученых и преподавателей) рассматривается в качестве одного из важнейших при оценке их социального статуса как со стороны общества, так и со стороны самих вузовских работников. Особенно это характерно для мотивации молодых преподавателей-мужчин и тех, чей стаж работы составляет более трех, но менее 10 лет. Преобладание материальной мотивации именно этой группы объясняется существующими гендерными установками для мужчин на необходимость зарабатывать деньги и кормить семью. Те же, у кого стаж работы в сфере науки и образования менее трех лет, первоначально большее внимание обращают на почет и престиж своей деятельности, необходимость зарабатывать собственный авторитет и т. д. По-

сле 3–4 лет работы, как правило, наблюдается некоторая адаптация в профессии, повышение профессионального мастерства, и эта категория начинает предъявлять более высокие требования к уровню оплаты труда и престижу профессиональной деятельности. В ситуации невозможности удовлетворения материальной составляющей многие молодые ученые поставлены перед необходимостью либо уйти из данной профессиональной сферы, либо совмещать работу в нескольких местах, что значительно снижает отдачу преподавательского труда и эффективность научной деятельности.

Снижение социального статуса российских ученых влияет и на воспроизводство данной профессиональной группы в целом. Нежелание молодежи заниматься научной работой, невидение перспектив научной деятельности не обеспечивают должного притока «молодой крови». Наблюдается тенденция старения научно-педагогических кадров, при этом нарушается цепочка преемственности, изменяются или разрушаются сложившиеся академические практики.

Оценку социального статуса данной социально-профессиональной группы можно рассматривать как с позиции самооценки людей работающих в сфере высшего образования, так и с позиции внешней оценки (общественное мнение). Веберовская трактовка измерения стратификации – статуса – базируется на усилении второго индикатора стратификации оценкой почта (уважения), престижа, получаемого индивидом или позицией (положением). Материалы, представленные Фондом «Общественное мнение», иллюстрируют неоднозначность оценки со стороны населения социального статуса ученых и положения дел в российской науке и образовании за прошедшие 10 лет. С одной стороны, в сегодняшнем российском обществе сохраняется ценность образования и научной деятельности. С другой стороны, образ российского ученого рисуется не очень привлекательным. Еще в 2001 г. при ответе на вопрос «Как вы представляете себе типичного российского ученого в наше время?» были получены следующие результаты. 36% респондентов оставили вопрос без ответа. Остальные высказывания показывают неоднозначность мнения населения об ученых: 31% в целом положительно характеризуют образ ученого, среди высказываний преобладают «очень умный», «всесторонне образованный человек», чья квалификация находится на «мировом уровне». Он «весь поглощен работой», «целеустремленный», «это истинный интеллигент», «патриот», «немного сумасшедший, потому что держится лишь на энтузиазме». Он «интересная личность» и «хороший человек». Чуть меньшая доля опрошенных – 27% дали либо явно отрицательные, либо несколько пренебрежительные, сочувст-

венные характеристики образа ученого. По их мнению, типичный ученый – это «бедолага, который сидит без денег», «без гроша в кармане», «бегает, ищет себе работу с метлой»; «несчастный человек, ждущий, когда власть его заметит». Он «вроде бомжа с дипломом»; «работает часто не по специальности». Поиски денег, средств к существованию делают ученых «далекими от науки», ученый сегодня «ничего не делает бескорыстно, бесплатно», «некоторые ради своей выгоды идут на соглашательство с властью». При оценке внешних характеристик преобладали следующие высказывания: это человек «за пятьдесят, лысый, худой», «немного помятый и рассеянный очкарик»³. По мнению 53% опрошенных, в 2001 г. современные российские ученые стали менее авторитетны по сравнению с советским периодом. В объяснении причин снижения авторитета лидировали следующие высказывания: по мнению 23% опрошенных сегодня в науку вкладывается мало средств, потому низок и авторитет ученых, «государство не заинтересовано в науке», она «в нашем государстве унижена». Часть опрошенных, 5%, полагают, что авторитет ученых снизился из-за падения уровня образования, из-за того что многие ученые уехали из страны. Ухудшилось «качество» людей науки («многие покупают дипломы, поэтому знаний у них мало»; «образование совсем другое стало – по сравнению с советскими временами»; «авторитетные ученые разъехались»; «все хорошие уехали за границу»). Лишь 11% респондентов высказали мнение, что «в российском обществе авторитет людей науки выше, чем был в советское время»⁴.

Ситуация 2008 г. с распределением ответов на аналогичный вопрос выглядит более оптимистичной. 19% респондентов считали, что авторитет ученых по сравнению с советскими временами не изменился; столько же затруднились ответить на вопрос. По мнению 44% наших сограждан ученые стали менее авторитетны по сравнению с «советскими временами». В этом особенно убеждены люди, имеющие среднее специальное и высшее образование (50 и 52% соответственно), относительно обеспеченные. Примечательно, что эту точку зрения чаще разделяют и те респонденты, у которых среди родных или знакомых есть люди, занимающиеся наукой (таковых в выборке 12 и 55%). Мнения о том, что авторитет ученых вырос по сравнению с советским периодом, придерживались 18% опрошенных (чаще других его высказывали люди малообеспеченные – 24%).

41% опрошенных считали, что ученым в России быть престижно (чаще других говорили это люди, далекие от научной деятельности: граждане с образованием ниже среднего – 47%; с низким уровнем доходов – 51%; жители сел – 47%).

Противоположная точка зрения о непрестижности занятий наукой имела практически такой же вес – 42%. Ее чаще разделяли жители Москвы (60%) и других мегаполисов (57%), люди с относительно высокими доходами (53%), а также, что особенно примечательно, лица с высшим образованием (54%) и те, кто в своем окружении имеет людей научных профессий (53%)⁵.

Ситуация 2011 г. мало что изменила. По данным опроса ВЦИОМ⁶ социальный статус ученых, учителей (впрочем, как и людей других профессий бюджетной сферы) остается низким, что, по мнению населения, в первую очередь связано с оплатой труда в этих отраслях. Несмотря на то что ситуация с уровнем оплаты труда специалистов высшей школы остается плачевной уже много лет, со стороны государственных органов не наблюдается попыток разрешения этого вопроса. И если в отношении других профессий бюджетной сферы предпринимаются хоть какие-то шаги, внимание к профессорско-преподавательскому составу вузов практически отсутствует.

Результаты опроса отражены в представленных ниже таблицах. Как можно видеть, позиции «ученый», «изобретатель», «учитель» признаны одними из низких как по уровню оплаты труда, так и в интегральной оценке социального положения.

Таблица 1

Насколько высокооплачиваемыми вам кажутся следующие профессии? Оцените по шкале от 1 до 5, где «1» – самая низкая оценка, «5» – самая высокая (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции, средний балл)	
Политик	4,49
Предприниматель, бизнесмен	4,24
Работник государственных органов, администрации	4,12
Журналист	3,53
Милиционер	3,07
Священнослужитель	3,07
Ученый	3,01
Врач	2,84
Изобретатель	2,77
Военнослужащий	2,72
Учитель	2,27

Таблица 2

Какое положение в обществе, по Вашему мнению, сегодня занимают представители следующих профессий? Оцените по шкале от 1 до 5, где «1» – самая низкая оценка, «5» – самая высокая (закрытый вопрос, один ответ по каждой позиции, средний балл)	
Политик	4,03
Предприниматель, бизнесмен	3,94
Работник государственных органов, администрации	3,92
Священнослужитель	3,60
Журналист	3,53
Ученый	3,49
Врач	3,49
Военнослужащий	3,09
Изобретатель	3,07
Милиционер	3,06
Учитель	2,83

Между тем социально-профессиональная структура российских ученых и преподавателей тоже неоднородна. Согласно положениям П. Сорокина, «Профессиональная стратификация, таким образом, проявляется в двух основных формах: в форме иерархии основных профессиональных групп (межпрофессиональная стратификация) и в форме стратификации внутри каждого профессионального класса (внутрипрофессиональная стратификация)»⁷. Разумеется, статус российских ученых, работающих в системе высшего профессионального образования, будет различаться и в зависимости от города, где находится вуз, статуса вуза, отрасли науки, стажа работы и ученого звания специалиста. Несмотря на то что в целом положение российских ученых не очень высоко, внутри самого слоя существует (пусть и немногочисленная) группа ученых и преподавателей-практиков, чей социально-профессиональный статус существенно отличается от основной массы. В первую очередь, речь идет об ученых, которые активно задействуют в своей деятельности «систему получения грантов», которые активны в научно-исследовательской и инновационной деятельности, владеют современными образовательными технологиями. Эти ученые сконцентрированы в крупных вузах, которые являются базовыми научно-исследовательскими, экспериментальными площадками, имеют достаточную помощь от государства, активно ведут собственную экономическую стратегию и, как следствие, создают комфортные условия для развития собственных научных

кадров. Полагаем, к этой группе можно причислить и тех ученых, которые совмещают работу в вузе с практической деятельностью в других сферах, уважаемы как специалисты-профессионалы и имеют более высокий уровень дохода по сравнению с остальными.

Анализ приведенных выше факторов позволяет говорить, во-первых, о снижении социального статуса специалистов, занятых в сфере науки и образования в целом, во-вторых, о нецелесообразности и даже общественной опасности такого положения дел⁸. Студенты, давая низкую оценку статусу своего преподавателя, не могут уважительно оценивать его как человека и специалиста. У прагматичной современной молодежи возникает резонный вопрос: «Чему меня может научить человек, чей образ вызывает жалость и сочувствие?» И, наоборот, в случае, когда фигура преподавателя вуза оценивается с позиции успешности востребованности и профессионализма, это может не только укрепить авторитет преподавателя у студентов, но и привлечь новых абитуриентов. Репутация вуза, построенная на репутации и высоком социальном статусе работающих в нем преподавателей, качестве образования, становится важным конкурентным преимуществом и особенно актуальна в период демографической ямы и при дефиците образовательных ресурсов.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Балацкий Е.В., Богомолов Ю.П.* Как сохранить интеллектуальный потенциал России? // Вестник РАН. М., 1993. Т. 63. С. 6; Проблемы включения науки в рыночные отношения. М., 1993; Наука в России: состояние и перспективы. М., 1997.
- ² *Заславская Т.И.* Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
- ³ См. подробнее: Петрова А.С. Без денег, но в очках [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/sci_sci/of013206 (дата обращения: 02.09.2011).
- ⁴ Там же.
- ⁵ См. подробнее: О науке и ученых. Опрос населения [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». URL: http://bd.fom.ru/report/cat/cult/sci_sci/d082324 (дата обращения: 02.09.2011).
- ⁶ См. подробнее: Изобретатель в современной России: человек с невысокими доходами из низов общества [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=111699> (дата обращения: 02.09.2011).
- ⁷ *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 353.
- ⁸ См. также: *Попова И.П.* Профессиональный статус научных работников – вариации поведения // Социс. 2001. № 12. С. 64–71.

И.Ж. Тощенко

СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ ТОП-МЕНЕДЖЕРОВ

В статье дается описание сравнительно новой в социальной структуре общества социально-профессиональной группы топ-менеджеров. На основе социологических данных раскрываются основные черты и особенности топ-менеджеров, показываются тенденции их развития и проблемы их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: менеджер, топ-менеджер, организация, управление, социально-профессиональная группа.

В современной литературе имеются различные определения, кого следует относить к данной социально-профессиональной группе. Наиболее распространенным является утверждение, что к ней следует относить руководителей высшего звена управления, принимающих стратегические решения в отношении всех аспектов развития организации, ее функционирования и от решений и действий которых напрямую зависит перспективная и оперативная деятельность организации¹.

Основная цель топ-менеджера – выяснение перспектив развития организации и планирование ее достижений. При этом деятельность топ-менеджера является достаточно всесторонней и комплексной, ибо она касается стратегических вопросов управления персоналом, финансами, безопасностью, работы с партнерами и конкурентами. Топ-менеджер всегда стоит в ситуации выбора, нередко принимает решения в неоднозначных ситуациях.

Вместе с тем при более детальном подходе задачи менеджеров определяются по-разному. Так, по мнению Р.Н. Абрамова, топ-

---

© Тощенко И.Ж., 2012

менеджер в соответствии с требованиями современной экономической ситуации: 1) координирует деятельность организации; 2) осуществляет стратегическое планирование ее развития; 3) устанавливает конструктивное взаимодействие с федеральными и региональными органами власти, партнерами, инвесторами, в том числе и с зарубежными². Несколько по иному трактуют задачи топ-менеджера О.С. Виханский и А.Н. Наумов. Согласно их утверждению, он решает в основном задачи, касающиеся внутреннего развития организации: 1) принимает решения и берет на себя ответственность за принимаемые решения; 2) осуществляет информационный поиск – собирает информацию о внешней и внутренней среде и доводит ее до сведения всех членов организации, в первую очередь тех, кто реализует основные задачи организации; 3) формирует отношения внутри организации, координирует деятельность сотрудников и представляет интересы организации в целом³. При такой трактовке вопросы стратегии и перспектив развития относятся к компетенции владельцев, собственников и лишь частично – к деятельности топ-менеджера.

Следует подчеркнуть, что, являясь первым лицом организации, менеджер в силу своих личностных особенностей накладывает отпечаток своеобразия на деятельность и облик всей организации.

Для уточнения понятия «топ-менеджер» дополним анализ литературы рассмотрением реальной ситуации с топ-менеджерами в России на базе статистических и социологических данных.

Прежде всего отметим, что социально-профессиональная группа топ-менеджеров – достаточно закрытая, высококвалифицированная группа специалистов, насчитывающая, по экспертным оценкам, около 3 млн человек.

По мнению О.И. Шкаратана, такую категорию трудно вычленишь из общего состава управленцев и собственников, ибо, по его данным, в российской практике менеджмента сложилась ситуация, когда многие менеджеры совмещают позиции управления с владением управляемым предприятием. Так, по данным Ассоциации менеджеров, в 2003 г. 34% российских руководителей владели долей в уставном капитале предприятий. При этом долей капитала, составляющей более 75%, владели 17%, а долей менее 4 – 41% опрошенных им менеджеров⁴.

Обобщая определения, высказанные в научной литературе и используемые в деловой практике, а также официальные данные, мы отнесем к топ-менеджерам *руководителей всех организаций, имеющих федеральное или региональное значение, или бизнес-организаций, занимающих высшие должности в иерархии управления и которые рассматриваются как лица, вырабатывающие стратеги-*

ческие, кардинальные решения по социально-экономическому развитию производства или административному управлению.

Кроме того, топ-менеджеров различают по отношению к тем *формам собственности*, в которых они функционируют: государственные, частные, государственно-частные (смешанные), иностранные, общественные, кооперативные.

Особое значение имеет и различие в связи с тем, является топ-менеджер собственником или он только наемный работник.

В официальных документах при анализе состояния управления рассматривается иерархия *по уровням их ответственности*: первые лица, главные специалисты, руководители главных управлений, отделов, департаментов и т. д.

И наконец, топ-менеджеров можно классифицировать *по сферам их деятельности* – в экономике, в социальной, политической, медийной и других сферах жизни общества. Но мы рассматриваем деятельность топ-менеджеров только в сфере бизнеса, и поэтому сосредоточимся именно на представителях этой социально-профессиональной группы, не вмешиваясь в дискуссию, насколько оправданно относить к топ-менеджерам высших руководителей в сфере государственной жизни, в политических партиях и объединениях, в сфере образования, науки, религии, в средствах массовой коммуникации.

Рассматривая современное состояние топ-менеджмента, можно констатировать, что происходит сложный процесс становления топ-менеджеров как профессиональной группы.

К позитивным сторонам этого процесса стоит отнести: а) естественный отбор в результате конкуренции и демонстрации эффективности работы; б) постепенное приобретение и обогащение опыта работы в условиях рыночных реформ; в) организация учебы и повышение их квалификации сначала на базе зарубежных учебных заведений с постепенным переходом на отечественное бизнес-образование; г) возможность реализовать свои возможности и способности в различных сферах деятельности.

К негативным чертам формирования высококвалифицированной профессиональной группы топ-менеджеров можно отнести то, что существенное, а часто решающее, значение приобретает влияние родственных, клановых, корпоративных, семейных, земляческих и иных подобных связей, посредством которых в топ-менеджеры попадают люди, не имеющие оснований для занятия таких должностей по деловым, профессиональным, а нередко и по нравственным качествам. В результате в целом снизилось качество работы топ-менеджеров в ряде фирм, возросло число неэффективных и просто ошибочных решений, стали все чаще испол-

зывать практику необоснованных банкротств, увеличилось число рейдерских атак на собственность успешных фирм и предприятий. Порочным оказался и принцип функционирования топ-менеджеров, когда в центр внимания ставилась прибыль, доход, а не качество технических и технологических решений. В этом случае показательна катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, к которой привел в немалой степени тот факт, что в составе ее директоров было много экономистов, юристов, маркетологов и ни одного инженера-энергетика.

Избранную нами группу топ-менеджеров в сфере бизнеса и их деятельность (поведение) можно исследовать при помощи двух основных моделей – трехмерной и одномерной. Придерживающиеся первой модели считают, что структура деятельности топ-менеджеров состоит из трех уровней: когнитивного, или познавательного (убеждения относительно объекта: «это должно быть так...»), эмоционального, или аффективного (чувства в отношении объекта: симпатия или антипатия), и поведенческого (деятельностные намерения или тенденции поступков). Эти три компонента существуют автономно друг от друга, однако в то же время и тесно связаны. В рамках этого подхода поведение топ-менеджеров во всех общих и частных моментах определяется как «тенденция оценивать некоторую сущность в какой-то мере положительно либо отрицательно, выражаемая обычно в познавательных, эмоциональных и поведенческих реакциях»⁵. Такая ориентация на трехмерность измерения деятельности топ-менеджеров используется нами, но с выделением особенно поведенческого (деятельностного) подхода как основного, решающего в деятельности таких специалистов.

Что касается одномерной модели измерения поведения, то в ее основе лежит утверждение, что вышеописанные компоненты практически не коррелируют друг с другом. Ученые этого направления сводят оценку деятельности в основном к установкам и поэтому считают, что только аффективная (эмоциональная) составляющая может считаться надежным показателем направленности на объект. Они используют термины «эмоции» и «оценки» как взаимозаменяемые, с чем трудно согласиться, ибо оценки всегда отражают процесс достижения цели, в то время как эмоции являются одним из важных, но не определяющих сущность управленческих функций топ-менеджера. Исследователи Петти и Качиоппо (1981) определили установку как «общее, устойчивое положительное или отрицательное чувство, испытываемое в связи с каким-либо человеком, предметом или вопросом». Мак Гвайр (1985) применил рассматриваемое понятие для обозначения «реакции, посредством которой “предметы мысли” локализируются в “координатах мышления”». А Зэнна и Ремпел (1988) определили термин «установка» как «категоризацию

предмета установки по оценочному показателю»⁶. Таких утверждений придерживаются и ряд отечественных исследователей⁷. Однако в ходе эмпирических исследований не было найдено окончательного подтверждения этой модели поведения, а установленные факты свидетельствуют, что характеризовать с этих позиций деятельность топ-менеджеров затруднительно и сложно.

Так как автор исходит из приоритета деятельностной компоненты, то он обращает внимание на изменение и стабильность, что является принципиальным вопросом, возникающим в ходе исследования установок топ-менеджеров. Несмотря на возможность изменения поведения из-за убеждения – если источник информации располагает к доверию и авторитетен – и из-за потребности в поддержке своего знания (квалификации, информации), деятельность топ-менеджера достаточно стабильна, без чего невозможен был бы полноценный процесс самоидентификации топ-менеджера как высококвалифицированного специалиста. Стабильность всех компонентов поведения, в том числе и установок, у них встречается чаще, нежели их изменение: в основном топ-менеджеры не выходят за пределы своего социального и экономического окружения. И хотя данный принцип частично присущ всем процессам управления, в том числе и для малого и среднего бизнеса, у топ-менеджеров он приобретает особую устойчивость и стабильность из-за четко обозначенных им целей.

При определении основных черт профессиональной группы топ-менеджеров, их действенности и эффективности на первое место выходит их деловая репутация. Если организация выходит на массовый рынок, то деловая репутация укрепляется в зависимости от качества и цены услуги. При этом, возрастает значение бренда, который ассоциируется с признанием и влиянием фирмы (компании) среди потребителей, партнеров и конкурентов. Однако не следует преувеличивать роль пиар-службы, которая всегда играет вспомогательную роль: она сама по себе не сформирует социально ответственную роль топ-менеджера, если во взаимосвязях с внешним миром и решением внутренних вопросов его организация не будет отличаться качеством продукции или услуг⁸.

Так, анализ жизненного пути и деловой карьеры 50 топ-менеджеров риелторских фирм показал, что среди различных характеристик этой социально-профессиональной группы самый большой разброс оценок наблюдался по личной известности – от 4 до 8 баллов по 10-балльной шкале, в то время как деловая репутация оценивалась значительно выше, начиная с 6,4 баллов. Более определенно оценивались уровень взаимодействия с клиентами (от 5,5 баллов

и выше) и экономическая эффективность (от 5 баллов и выше). В этом анализе следует отметить еще два момента, которые можно адресовать современным топ-менеджерам не только риегторских фирм: во-первых, достаточно критическое отношение к их профессионализму (преобладающая оценка от 4 до 7 баллов); во-вторых, очень большое влияние «внешнего фактора» – известность и деловая репутация фирмы.

Насколько важны те или иные черты в деятельности топ-менеджеров, можно судить по их ответам на вопросы, что они считают важным в своей профессиональной жизни и что они хотели бы улучшить (усилить, приобрести) в своей деятельности (см. табл. 1).

Таблица 1

Ожидания от обращения к бизнес-образованию (МВА)
разных групп топ-руководителей (в 5 по строке)⁹

Качества, навыки, ресурсы	Группы топ-руководителей	Новое поколение-2	Первое поколение-1	Старшее поколение	Всего
Умение тщательно рассчитывать и оценивать риски	Топ-руководители/ собственники	48	52	46	46
	Наемные топ-руководители	34	39	49	41
Искусство выходить из юридических ловушек	Топ-руководители/ собственники	32	27	18	23
	Наемные топ-руководители	8	16	18	13
Инновационное стратегическое мышление	Топ-руководители/ собственники	65	65	66	67
	Наемные топ-руководители	45	64	59	58
Овладение методами анализа и прогнозирования хозяйственных ситуаций	Топ-руководители/ собственники	61	52	51	53
	Наемные топ-руководители	50	64	52	55

Окончание табл. 1

Качества, навыки, ресурсы	Группы топ-руководителей	Новое поколение-2	Первое поколение-1	Старшее поколение	Всего
Усвоение этических норм цивилизованного бизнеса	Топ-руководители/ собственники	22	19	12	16
	Наемные топ-руководители	14	7	9	11
Развитие лидерских качеств, умение организовывать эффективные команды	Топ-руководители/ собственники	38	31	32	32
	Наемные топ-руководители	41	46	46	42
Искусство вести деловые переговоры	Топ-руководители/ собственники	45	56	38	42
	Наемные топ-руководители	34	31	35	33

Примечание: Новое поколение-2 – это пришедшие в бизнес после дефолта 1998 г., первое поколение-1 – пришедшие в бизнес в середине и во второй половине 1990-х годов, старшее поколение – пришедшие в бизнес в конце 1980 – начале 1990-х годов.

Анализ этих данных, по самооценке, показывает, что топ-менеджерами реально и с полным пониманием специфики отдается предпочтение такой главной и ведущей характеристике, как инновационное стратегическое мышление – практически две трети опрошенных, независимо от форм собственности и времени прихода в бизнес, отдают предпочтение именно умению видеть перспективу, стратегию развития. Причем следует отметить, что уделяется пристальное внимание не просто стратегии, а именно ее инновационным особенностям, ибо топ-менеджеры понимают, что без усвоения и внедрения этого требования невозможно успешное развитие организации, не говоря о возможных планах по коренному развитию, по достижению прорыва. Такое устремление, включая и амбициозные планы, на самом деле служит основой для того, чтобы вверенная им бизнес-структура успешно развивалась. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на то, что треть топ-менеджеров не назвала эти ожидания важной для себя характеристикой, что позволяет сделать вывод о качестве этой группы, то есть высказать гипотезу, что комплектование (формирование) этой группы происходит не всегда за

счет лучших представителей бизнес-сообщества. Можно предположить, что именно эта часть топ-менеджеров в лучшем случае может поддержать status quo, но вряд ли сможет осуществить коренное улучшение состояния дел в организации.

Второй по значимости характеристикой оказалось *владение методами анализа и прогнозирования хозяйственных ситуаций*, что неразрывно связано с первой но является уже ее детализацией и достигается практическими повседневными навыками по реализации поставленных целей. Примечательно, что в этом испытывает особую нужду именно молодое поколение – поколение 2000-х годов, что позволяет предположить, что для них эти навыки – еще не в полной мере усвоенный механизм реализации целей, в то время как старшее и первое поколение топ-менеджеров уже прошло этот путь, выработало навыки и успешно их применяет. Несколько больший процент – 64% – среди наемных топ-менеджеров, на наш взгляд, объясняется тем, что это достаточно часто обновляемая команда, постоянно пополняемая новичками, которые попадают в ситуацию овладения принципиально новыми обязанностями и поэтому испытывают необходимость знать и применять методы хозяйствования.

К ведущим характеристикам, согласно самооценке, относится и *умение тщательно рассчитывать и оценивать риски*, об этом сказал почти каждый второй – 48%. Это тоже важная черта в деятельности руководителя с той только особенностью, что подготовка и реализация рисков требует специфических личностных качеств, т. е. стремления ставить себя и доверенную им организацию в состояние поиска оптимальных, а нередко и небесспорных решений. Далеко не все топ-менеджеры хотят поставить себя в ситуацию риска, полагая, что последовательное осуществление намеченной политики в большей степени гарантирует им сохранение стабильности, чем сомнительный и беспокойный поиск новых резервов. Примечательно, что значение этой характеристики было оценено всеми группами топ-менеджеров практически одинаково, за небольшим исключением, касающимся только молодого поколения (52%). Это по отношению к ним вполне оправданно – ведь именно молодым свойственно в большей мере стремление к риску, чем старшему поколению.

К этой характеристике примыкают такая черта, как *искусство вести переговоры*. Это тоже характеризует важность коммуникации, но уже внешней по отношению к топ-менеджеру и его организации. Примечательно, что 42–45% топ-менеджеров придают этой характеристике большое значение. И это в самом деле важно, ибо в процессе переговоров с коллегами, конкурентами, с политической властью требуются усилия, чтобы отстоять свои позиции, убедить другую сторону в качестве своих предложений или достиг-

нуть компромисса при согласовании баланса интересов. На первый взгляд кажется несколько странным, что наемные топ-менеджеры не так высоко ценят искусство вести переговоры: об этом сказал только каждый третий. Более подробный анализ такого несоответствия показывает, что наемные менеджеры считают своей первейшей обязанностью наладить работу своей организации, считая, что переговоры с властью или конкурентами должны вести собственники, так как в этом случае решаются принципиальные вопросы собственности, правовые аспекты положения организации. В этом случае топ-менеджер считает своей обязанностью вести внутренние дела организации, занимаясь совокупностью проблем, стоящих перед ним с организационной и технологической сторон дела.

Особое место в характеристике топ-менеджеров занимают методы, которые они применяют в процессе управления по развитию своих лидерских качеств, по умению организовывать эффективные команды. Анализ социологических данных позволяет утверждать, что среди применяемых ими методов управления значительное место занимает такой феномен, как *убеждающая коммуникация*, которая в деятельности топ-менеджеров выражается в формировании у окружения, подчиненных им людей сознания необходимости совершить определенные действия: об этом сказал каждый третий (32–38%). Причем понимание значения этого метода наиболее выпукло выражено у молодого поколения топ-менеджеров (38%), ибо они усвоили необходимость сплоченной и успешно функционирующей команды.

В связи с этим хотелось бы отметить, что среди факторов успеха 89% предпринимателей назвали профессиональные качества наемных работников¹⁰. Среди обширного спектра факторов, определяющих успех, не последнее место занимают содержание, а также характеристики личности руководителя, от которого исходит информация. Целевые установки как подчиненных, так и топ-менеджеров могут изменять поведение, если между интересами работников существует определенное разногласие. Для его преодоления топ-менеджеры меняют единственно пригодную для этого в такой ситуации величину – согласование интересов, ведь постфактум поведение изменить невозможно. В других исследованиях¹¹ отмечается, что наряду с этим огромное значение имеет вклад топ-менеджеров в культуру организации: они являются и законодателями, и исполнителями установленных и рожденных ими правил функционирования организации. Если речь идет об аморальных с точки зрения профессиональной организации вещах, то действие всегда равно противодействию. Если требовать от сотрудников совершать противоправные поступки по отношению к третьим лицам

(организациям), если обман закладывается в проект уже на стадии разработки, можно не сомневаться в том, что подчиненный в свою очередь будет лгать, интриговать, решать собственные проблемы, забывая или игнорируя интересы компании¹².

Для характеристики социально-профессиональной группы топ-менеджеров огромную роль играет ее «вписанность» в рыночные реалии. Несмотря на сложную и нестабильную ситуацию в российском бизнесе, топ-менеджеры демонстрируют весьма высокий уровень адаптации к ней: 52% из них можно отнести к группе высокоадаптированных (так называют тех, кто свободно ориентируется в действующих «правилах игры» и обычно находит выход из достаточно сложных ситуаций) и 44% группе среднеадаптированных (они также в основном освоили эти «правила», но не всегда находят выход из ряда сложных ситуаций)¹³. Эти же тенденции в той или иной мере отмечали и другие исследователи¹⁴.

Говоря о положении социально-профессиональной группы топ-менеджеров, необходимо отдельно сказать об экономической и правовой ситуации в российском бизнесе, которая остается напряженной. Она усложнилась после кризиса, начавшегося в 2008 г. Особенно значителен негативный вклад политической власти в изменение правил игры с бизнесом. Опрос топ-менеджеров свидетельствует, что неправомерное (административное, волевое) давление растет (см. табл. 2)

Таблица 2

Оценка характера изменений «правил игры» бизнеса и власти с 2003 по 2006 г. (в % по строке к числу опрошенных, 1067 чел.)¹⁵

Правила игры	Улучшились	Не изменились	Ухудшились	Разность улучшились/ухудшились
Доминирование позитивных изменений				
Условия выхода бизнеса «из тени»	24	50	9	+15
Отсутствие четко выраженных изменений				
Система налогов на бизнес	20	44	19	+1
Прозрачность, четкость и ясность правил игры	15	54	16	-1
Преодоление экономической преступности	12	51	11	+1

Правила игры	Улуч- шились	Не измени- лись	Ухуд- шились	Разность улучши- лись/ ухудши- лись
Доминирование отрицательных изменений				
Стабильность «правил игры»	10	51	21	-11
Защита бизнеса правоохранительны- ми органами	5	58	18	-13
Защищенность частной собственности от огосударствления, национализации	9	45	22	-13
Возможность избежать произвола чиновников	6	53	23	-17
Справедливость отношений власти с бизнесом	6	55	24	-18
Преодоление коррумпированности гос. аппарата	4	50	26	-22

Примечание: Сумма по строке меньше 100% на величину затруднившихся с ответом.

Анализ этих данных позволяет утверждать, что взаимоотношения бизнеса с внешней средой за последние годы только усложнились, а в ряде случаев и ухудшились. Отмечая позитивные сдвиги только в условиях выхода «из тени» в начале 2000-х годов, по большинству позиций бизнес-сообщество в лице своих представителей очень негативно оценивает ситуацию – стабильность «правил игры», ситуацию защиты бизнеса со стороны правоохранительных органов, произвол чиновников. Особенно не удовлетворяют бизнес отношения с политической властью, а также все увеличивающееся воздействие коррупции. Что касается ситуации после кризиса 2008 г., то она еще больше осложнилась. Как показывают интервью, возможности функционирования этой группы ограничиваются налоговой политикой, частой переменой «правил игры», многочисленностью вмешательства различных контролирующих органов. Особенно страдают от такого вмешательства менеджеры среднего бизнеса: например, введение социального налога в 34,1% поставило на грань выживания многие их задумки и реальные дела.

Социологические исследования в конце 2000-х годов позволили выявить, что на современном этапе развития рыночных

отношений ориентированные на деловую карьеру менеджеры все больше убеждаются в том, что каждая более высокая должностная позиция предполагает освоение нового знания и предъявляет требования к профессиональной компетентности. А это приводит (и даже вынуждает) претендентов на более высокую должность и более высокое статусное положение к тому, что появляется установка на получение бизнес-образования, особенно на обучение в МВА.

Более обстоятельный анализ данных показывает, что к обращению к бизнес-образованию подталкивает и обостряющаяся конкуренция на рынке. В то же время там, где нет такой острой конкуренции (например, в обрабатывающей промышленности), число обучающихся в МВА сравнительно невелико. Следует отметить и тот факт, что самое молодое поколение топ-менеджеров придерживается более низкой «культурно-правовой планки»: они больше релятивисты, ориентирующиеся в первую очередь на сдвиги в деловой среде, на социальные связи, а также на возможности достижения более высоких статусных позиций.

Эти данные выявляют имеющиеся проблемы и несоответствие интересов между менеджерами-собственниками и наемными топ-менеджерами. Кроме того, эти данные свидетельствуют, что новое поколение топ-менеджеров по сравнению со старшим отличает отчужденность наемных топ-руководителей от состояния дел в фирме по сравнению с руководителями-собственниками. Особенно это характерно для самого молодого поколения. Они менее других заинтересованы в развитии инновационного стратегического мышления, что на первый взгляд кажется странным. Более обстоятельный анализ показывает, что их волнуют ближайшие, конкретные цели: они хотят реализовывать свои установки на быстрый деловой успех, на быстрое продвижение по служебной лестнице. В таких установках проявляется и их ориентация на индивидуальное решение личных и деловых проблем без должной ориентации на успех фирмы, организации. Они также проявляют меньшую заинтересованность и в овладении методами анализа и прогнозирования хозяйственных перспектив.

Обобщая различные подходы к пониманию социальных характеристик топ-менеджеров, можно вернуться к попытке найти теоретическое объяснение их социально значимого поведения. К такой плодотворной попытке относится концепция Макдугала, выдвинутая еще в XX в. Он считал возможным трактовать поведение представителей бизнес-сообщества через такие понятия, как «инстинкт», «привычки» и «чувства». Уточняя его трактовку,

можно сказать, что топ-менеджеры в своем социально значимом поведении руководствуются: а) инстинктивными побуждениями, которые подсказывает их социально-психологическая природа; б) привычками, влиянием ближайшего окружения и социальной организации (где они работают, отдыхают, проводят время и т. д.); в) волевыми ориентациями (волевой установкой), которые сформировал их жизненный опыт и которые они намерены реализовать («я поступлю так, как считаю целесообразным и важным для порученного дела»), исходя как из личных, так и потребностей подчиненной ему организации.

В заключение надо отметить, что социальные цели топ-менеджеров являются специфическим явлением, тесно связанным с такими компонентами сознания, как потребности, мотивы, ценности, и особенно интересы. Социальные цели топ-менеджеров следует рассматривать как *детерминированную личным и общественным опытом модель восприятия и отражения материальных и идеальных объектов действительности, рациональное и чувственное представление о возможности осуществления комплекса действий для достижения поставленных целей.*

Обобщая имеющиеся документы, данные социологических исследований, контент-анализ выступлений и интервью топ-менеджеров, можно назвать такие их характеристики, которые описывают их как особую социально-профессиональную группу, существенно отличающую их от других социально-профессиональных групп. Все это позволяет сделать вывод, что с точки зрения социологического знания топ-менеджеры обладают следующими чертами: а) четкая устремленность и понимание цели действия; б) умение стратегически мыслить и понимать направленность деятельности; в) обладание информацией, необходимой для выполнения высококвалифицированных обязанностей; г) устойчивость к внешним воздействиям самого широкого плана; д) обладание способностью генерировать идеи не только исходя из личного опыта, но и абсорбируя творческий потенциал окружения; е) сочетание повышенной устойчивости и «закрытости» с умением организовать команду и на этой основе эффективно осуществлять регулирующее начало.

Существенны также социально-демографические характеристики топ-менеджеров, а также такие показатели, как время прихода в бизнес (начало профессиональной карьеры), время перехода в топ-менеджеры, какие цели и задачи намерены они реализовать и какими средствами, какие личные цели они наметили достичь, что явилось причиной прихода их в бизнес, с какими проблемами

они встречаются в процессе своей профессиональной деятельности. Несомненно, что анализ этих социальных черт дополняется личностными характеристиками, так как менеджеры действуют по-разному, исходя из своих социально-психологических особенностей.

Примечания

- ¹ *Олехнович М.* Материальная и нематериальная мотивация топ-менеджеров // *Тор-manager. Журнал для руководителей.* 2007. № 4. С. 74.
- ² *Абрамов Р.Н.* Российские менеджеры: социологический анализ становления профессии. М.: КомКнига, 2005. С. 379.
- ³ *Виханский О.С., Наумов А.И.* Менеджмент. М.: Экономистъ, 2005. С. 19.
- ⁴ *Шкаратан О.И., Инясевский С.А.* Социально-экономическое положение профессионалов и менеджеров // *Социологические исследования.* 2006. № 10. С. 32–44.
- ⁵ *Психология: комплексный подход / Под ред. М. Айзенка.* Минск: Новое знание, 2002. С. 341.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Журавлев П.В., Карташев С.А., Маусов Н.К., Одегов Ю.Г.* Технология управления персоналом. М., 2000.
- ⁸ См.: *Зуб А.Т., Смирнов С.Г.* Лидерство в менеджменте. М.: Воскресенье; Принт-Ателье. 1999; *Мищук Е.* Опрос. Этика и мораль // *Тор-manager. Журнал для руководителей.* № 12 (33); *Пеймеева Л.А.* Профессионал в мире бизнеса // *Современное образование.* 2005. № 5; *Сухенко А.* Руководство топ-менеджерами: управление обещаниями, стратегии стабильного бизнеса. СПб.: Питер, 2005; *Финкельштейн С.* Ошибки топ-менеджеров ведущих корпораций: анализ и практические выводы. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004.
- ⁹ *Шабанова М.А.* Бизнес-образование в России. Особенности нового поколения деловых людей // *Социологические исследования.* 2009. № 9. С. 59.
- ¹⁰ *Шабанова М.А.* Новое поколение бизнес-сообщества: особенности профессионализации и адаптации // Там же. 2006. № 12. С. 28–40.
- ¹¹ *Иванова А.Ю.* Управление процессом формирования ценностей группы российских топ-менеджеров (социологический анализ). Автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2008. С. 55.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы: адаптационное и протестное поведение в противоправном поле // *Социологические исследования.* 2007. № 10. С. 47.
- ¹⁴ *Шкаратан О.И., Инясевский С.А.* Указ. соч.; *Иванова А.Ю.* Указ. соч.
- ¹⁵ *Шабанова М.А.* Успешные экономические акторы. С. 47.

Ю.А. Купрякова

ВТОРИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ
МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
РОССИЙСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
(социологический анализ)

В данной статье приведены результаты исследований, свидетельствующие о влиянии вторичной занятости на возникновение у врачей поликлиник синдрома хронической усталости, что в свою очередь непосредственно влияет на качество оказания медицинской помощи населению. Актуальность изучения состояния здоровья врачей обусловлена тем, что медицинские работники являются ключевыми фигурами в процессах медицинской помощи в жизни общества. При этом медицинские работники – одна из социальных групп населения, испытывающих на себе все реальные проблемы современной общественной жизни.

Ключевые слова: вторичная занятость, медицинские работники, синдром хронической усталости.

Вторичная занятость стала объектом серьезных научных исследований сравнительно недавно. Интерес к этой теме был обусловлен серьезными структурными изменениями в экономической и социальной сферах жизни общества во второй половине XX столетия, которые сопровождались значительными преобразованиями рынка труда.

Официальный статус и широкое распространение вторичная занятость в России получила в период экономических реформ. За годы реформирования различные секторы экономики дифференцировались по уровню оплаты труда и, как следствие, по уровню жизни занятых в них работников. Чаще всего этот процесс происходил стихийно, под влиянием рыночной конъюнктуры. В результате

работники бюджетных учреждений оказались одними из наименее обеспеченных¹.

Реализация национального проекта «Здоровье» предполагала изменения в системе оплаты труда работников здравоохранения, цель которых не только снизить дефицит кадров, но и повысить уровень жизни медицинских работников. Несмотря на осуществление дополнительных выплат за счет средств федерального бюджета отдельным категориям работников здравоохранения в рамках национального проекта «Здоровье», средняя заработная плата врачей по-прежнему остается низкой. Это основная причина недостаточной укомплектованности амбулаторно-поликлинических учреждений специалистами. Нехватка врачей в первичном звене влияет на качество оказания амбулаторной помощи населению и вынуждает руководителей медицинских учреждений допускать увеличение продолжительности рабочего дня сотрудников за счет совместительства (внутренней вторичной занятости), выходящее за рамки разумного использования трудовых ресурсов.

В 2008 г. Н.В. Фендиной было проведено исследование методом анкетного опроса для определения степени влияния факторов профессионального риска на здоровье и качество жизни медицинских работников. В анкетировании приняли участие 184 врача амбулаторно-поликлинического звена и стационаров лечебно-профилактических учреждений (ЛПУ) Одинцовского района Московской области². По результатам данного исследования ночные дежурства (1–2 и 3–4 раза в месяц), после которых возникает необходимость работать в течение нескольких часов, имели более 70% врачей стационаров. 40,2% врачей имели совместительство, которое по большей части было вынужденным, обусловленным рядом причин (материальная заинтересованность, административное решение, желание сохранить квалификацию по специальности). 89,2% врачей лечебного профиля считают свою работу средней степени тяжести; усталость в течение рабочего времени (через 3, 4 и 5 ч.) отметили 74,5% опрошенных.

В период с 1997 по 2009 г. Е.Г. Поповой было проведено исследование методом анкетного опроса сотрудников муниципальных лечебных учреждений и частных лечебно-диагностических центров Волгограда. Период опроса: 1997 г., 2004, 2005, 2007 г. и 2009 г. На вопросы анкет ответили 246 врачей разных специальностей (84,6% из них являлись сотрудниками муниципальных учреждений здравоохранения, 15,4% работали в частных медицинских центрах)³ (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение респондентов муниципальных амбулаторно-поликлинических учреждений по полу, стажу, специальности и вторичной занятости

Учетные признаки	Пол		Стаж работы (лет)			Специальность		Вторичная занятость (ставки)			Всего
	М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	Узкие специалисты	0	0,5–1	1	
Кол-во	46	162	58	83	67	101	107	127	68	13	208
%	22,1	77,9	27,9	39,9	32,3	48,6	51,4	61,1	32,6	6,3	100

Таблица 2

Распределение респондентов частных лечебно-диагностических центров по полу, стажу, специальности и вторичной занятости

Учетные признаки	Пол		Стаж работы (лет)			Специальность		Вторичная занятость (ставки)			Всего
	М	Ж	до 5	6–10	11 и более	Участковые терапевты	Узкие специалисты	0	0,5–1	1	
Кол-во	22	59	22	29	30	54	27	31	7	–	38
%	27,2	72,8	27,2	35,8	37	66,7	33,3	81,6	18,4	–	100

Проведенное в муниципальных амбулаторно-поликлинических учреждениях и частных медицинских центрах Волгограда анкетирование врачей различных специальностей выявило следующую тенденцию: при высокой оценке результатов своего труда подавляющее большинство врачей поликлиник (84,6% в муниципальных лечебных учреждениях в 1997 г., 91,1% в 2004 г., 94,7% в 2005 г., 90,5% в 2007 г., 89,2% в 2009 г.) отмечали несоответствие его оплаты и трудовых затрат, указывая на низкую заработную плату. Среди врачей частных лечебных учреждений эти цифры составили 34,8% в 1997 г., 42,9% в 2004 г., 44,6% в 2005 г., 52,5%

Вторичная занятость медицинских работников...

в 2007 г., 61,5% в 2009 г. Выходом из сложившейся ситуации для врачей муниципальных лечебно-профилактических и частных клиник стала вторичная занятость для обеспечения достойного существования себе и своей семье. По результатам опроса в 1997 г. вторичная занятость по специальности составляла 38,9% врачей муниципальных ЛПУ, 35,2% в 2004 г., 37,6% в 2005 г., 39,6% в 2007 г., 38,3% в 2009 г. (табл. 3)⁴.

Таблица 3

Вторичная занятость врачей в муниципальных лечебно-профилактических учреждениях

Годы	1997	2004	2005	2007	2009
Врачи поликлиник, имеющие дополнительную занятость в виде совместительства, %	32,60	27	30,30	30,10	33
В том числе врачи поликлиник, имеющие дополнительную занятость в виде совместительства более чем на 1 ставку, %	6,30	8,20	7,30	9,50	5,30

Около четверти респондентов отметили, что причиной вторичной занятости были не только материальные трудности, но и просьбы руководителей ЛПУ «закрывать» свободные ставки и обеспечить нормальное функционирование поликлиник.

В частных медицинских центрах подрабатывало до 0,5 ставки, не афишируя этот факт на основном рабочем месте, всего 18,4% врачей в 1997 г., 12,7% в 2004 г., 9,1% в 2005 г., 16,5% в 2007 г., 21,3% в 2009 г. (табл. 4).

Таблица 4

Вторичная занятость врачей частных медицинских центрах

Годы	1997	2004	2005	2007	2009
Врачи частных медицинских центров, имеющие дополнительную вторичную занятость в виде совместительства, %	18,4	12,7	9,1	16,5	21,3

Продолжительность рабочего дня у этой категории анкетированных составляла в среднем 10–12 часов. Около половины респондентов (вне зависимости от формы собственности их лечебных учреждений) выражали готовность интенсифицировать свой труд, а треть опрошенных допускали возможность увеличения продолжительности рабочего времени с целью повышения материального вознаграждения сверх 12 часов.

Следствием такой интенсификации труда является снижение эмоционального тонуса, рост напряжения и как результат – развитие синдрома комплекса хронической усталости.

В 1997 г. две трети (63,4%) врачей поликлиник, совмещающих работу по специальности, при тестировании набрали от 16 до 21 балла по шкалам: самочувствие, эмоциональный тонус и настроение (напряжение и комфортность), что соответствует уровню критического, пограничного состояния. В группе врачей частных медицинских центров лишь у 14,5% испытуемых были зафиксированы аналогичные показатели. В 2004 г. в самооценке функционального состояния среди врачей муниципальных и частных лечебных учреждений существенных количественных и качественных изменений не произошло (61,8% и 10,3% соответственно)⁵.

Сохранение вторичной занятости на фоне возросших нагрузок при амбулаторно-поликлиническом приеме в ходе реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в 2007 г. усугубило имеющиеся тенденции. В группе врачей, трактующих свое самочувствие как плохое, отмечающих вялость, усталость, необходимость отдыха, свидетельствующих о нарастающем раздражении, оказалось 93,3% испытуемых. Подавляющее их число – участковые терапевты и узкие специалисты, участвующие в проведении дополнительной диспансеризации и углубленных медицинских осмотрах. В соответствии с действующими приказами Министерства здравоохранения и социального развития массовые медицинские осмотры граждан, работающих в бюджетной сфере и на предприятиях с вредными и опасными производственными факторами, проводятся вне основного рабочего времени сотрудников ЛПУ.

Последнее тестирование (2009 г.) не внесло существенных корректив в имеющиеся наблюдения. Недовольны своим самочувствием и настроением 81,5% врачей в муниципальных поликлиниках и 17,6% врачей в частных лечебно-диагностических центрах (табл. 5)⁶.

Согласно проведенным исследованиям, установлено прямое влияние вторичной занятости на формирование у врачей синдрома хронической усталости. Врачи в силу своих профессиональных обязанностей должны выполнять все поставленные перед ними

Таблица 5

Динамика отрицательных оценок врачами муниципальных лечебно-профилактических учреждений и частных медицинских клиник своего функционального состояния

Годы	1997	2004	2005	2007	2009
Врачи муниципальных поликлиник, %	63,4	61,8	89,3	93,3	81,5
Врачи частных медицинских центров, %	14,5	10,3	8,6	12,7	17,6

задачи в запланированные отрезки времени, и вместе с тем врачи вынуждены совмещать работу в нескольких ЛПУ либо работать на несколько ставок из-за недостаточной оплаты труда на основном месте работы для материального обеспечения себя и своей семьи.

Учитывая значительные изменения в организации оказания медицинской помощи населению, связанные с реформированием системы здравоохранения, сегодня все большую актуальность приобретает проблема заболеваемости самих медицинских работников в связи вынужденной вторичной занятостью, с резко возросшим темпом и интенсивностью рабочей активности. Проведенные исследования выявляют основные проблемы российского здравоохранения – низкая оплата труда медицинских работников, падение престижа профессии врача и, как следствие, повышенные нагрузки на действующих медицинских работников.

Примечания

- ¹ *Штроо А.В.* Вторичная занятость в российской экономике // Вестник ТГУ. 2008. № 3. С. 41–45.
- ² *Фендина Н.В.* Проблема профессионального риска и качества жизни врачей // Здравоохранение Российской Федерации. 2008. № 6. С. 27–30.
- ³ *Попова Е.Г.* Совместительство врачей первичного звена как причина формирования синдрома хронической усталости и фактор конфликтности на амбулаторно-поликлиническом приеме // Кубанский научный медицинский вестник. 2009. № 7. С. 126.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 127.
- ⁶ Там же. С. 129.

Е.В. Васильева, А.В. Стрельникова

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГОРОДСКИХ СЕМЕЙ: ОПЫТ АНАЛИЗА ФОТОАЛЬБОМОВ

В статье проанализированы возможности изучения биографической памяти горожан на примере трех семейных поколений. Авторы рассматривают семейные фотоальбомы как перспективный источник социологических данных, который позволяет изучить механизмы ретрансляции событий, значимых для семейной истории. Также в статье описываются методические приемы работы с фотоальбомами и нарративами о фотоальбомах. Авторы анализируют контексты создания тех или иных фото, специфику их хранения, особенности нарративов о фотографиях.

Ключевые слова: фотоальбом, городские семьи, биографическая память, методология анализа данных.

В последнее время можно наблюдать всплеск интереса к исследованиям, так или иначе связанным с феноменом памяти¹. По мнению известного французского исследователя П. Нора, одним из объяснений этого факта является то, что наше время можно назвать переломным в способе организации памяти. Он называет современность «мемориальной эпохой» и среди основных характеристик этой эпохи выделяет феномен ускорения истории, который разрушил «единство исторического времени, красивую прямую линию, соединявшую прошлое с настоящим и будущим... представление, которое любая нация, группа, семья имела о своем будущем, диктовало ей, что она должна удержать из прошлого, чтобы подготовить это будущее; именно в этом заключался смысл настоящего, бывшего лишь связующей нитью»². Но сейчас, как отмечает Нора, над будущим нависла абсолютная неопределенность, невозможность проследить какие-либо тенденции в индивидуальных и мас-

совых траекториях жизни. Именно это обстоятельство приводит к потребности собирать и хранить материально-вещественные свидетельства о прошлом. На микроуровне этот процесс включает в себя воссоздание и переосмысление семейной биографии в каждом последующем поколении.

По нашему мнению, одним из инструментов трансляции семейной истории, ее документирования и коммуникации между членами семьи является семейный фотоальбом. Его содержимое позволяет получить информацию о повседневных практиках прошлого, о приватной сфере, обычаях и ценностях представителей разных поколений семьи³. Кроме того, «закрепление образов родственников при помощи собирания и оформления фотоматериалов и показ этих фотографий определенным людям в конкретных ситуациях является одним из механизмов, с помощью которых выстраивается идентичность семьи как межпоколенческого биографического проекта»⁴.

Мы полагаем, что практика пополнения фотоархивов и, следовательно, формирование семейной идентичности различаются в городских и сельских семьях. В данной статье мы проанализируем результаты нашего исследования 2009–2011 гг. по биографической памяти городских семей. В этом исследовании на материале полуструктуризованных и нарративных интервью (45 интервью), а также контент-анализа фотоальбомов из архива 15 семей мы попытались изучить специфику реконструкции семейной биографии представителями трех поколений.

Роль фотоальбомов в семейной биографии

Изучение истории семьи предполагает задействование преимущественно качественных методов, поскольку в центре внимания исследователя оказывается семья как относительно устойчивая малая группа, взятая в исторической перспективе. В связи с этим в качестве основной тактики в анализе семейной истории используется биографический метод. При этом он может дополняться анализом вещей, в нашем случае – фотоальбомов. Разглядывая фотографии, выбирая лучшие снимки, располагая их в альбоме, представители разных поколений, по сути, пишут визуальную историю жизни своей семьи. Как говорит В. Нуркова, «становление социально удачливых членов семьи, умалчивание о девиантных судьбах, удостоверение их совместного существования с помощью групповых снимков – вот привычное содержание семейного фотоальбома, основная функция которого заключается в накоплении и стабилизации социального капитала семьи»⁵.

Помимо семейных, среди домашних фотоальбомов выделяют (авто)биографические, а также те, которые рассказывают о каком-либо отдельном событии либо хобби владельца. В настоящее время особенно распространены тематические альбомы, например свадебные, фотоальбомы путешествий, альбомы «Наш ребенок». Таким образом, альбом может рассматриваться в качестве повествования, которое связывает отдельные моменты в единую историю. Эта связь осуществляется посредством расположения, пусть и не всех снимков, по тематическому либо хронологическому принципу. Тем самым достигается смысловое и временное упорядочивание, единство рассказа. При этом в ходе просмотра важным представляется порядок ознакомления со снимками. Помимо фотографий, включенных в основное «повествование», в альбомах также присутствуют фотографии, не прикрепленные к определенным страницам, а собранные свободно на форзацах, в конвертах. Подобно тексту, фотоальбом имеет четкое смысловое начало и конец. Это значит, что начало альбома нередко совпадает с началом определенного временного периода, события в жизни владельца (рождение ребенка, начало путешествия и т. д.), а конец – с его завершением (например, один из обрядов перехода – 1 сентября, «последний звонок» в школе).

Тем не менее «семейный фотоальбом не может быть представлен как молчаливая биография» семьи⁶, поэтому, понимая под фотографией некое субъективное выражение реальности, социологи могут почерпнуть уникальную информацию из пояснений, сопровождающих просмотр семейных альбомов.

Конечно, и при условии отсутствия комментариев семейный фотоальбом содержит в себе ценную для исследователя информацию, однако повествованию альбома свойственна определенная дискретность, прерывность, разрозненность, поэтому связь снимков постороннему зрителю становится ясна далеко не всегда. Это представляет существенное препятствие для социолога. Кроме того, известная трудность в исследовании фотоальбомов заключается в том, что информация, заключенная в фотоснимках, носит не вербальный, а визуальный характер, в связи с чем неизбежно встает проблема ее интерпретации.

По нашему мнению, снять эти трудности может использование дополнительного метода интервью с интерпретацией фотографий, соответствующего объяснительному показу фотоальбома хозяином либо фигурантом альбома, имеющим представление о контексте создания снимков и самого альбома. В этом случае его рассказ компенсирует недостаток вербальной информации. Такой показ зачастую происходит и в «естественных» условиях, например при приеме гостей, инициации нового члена семьи. Иногда прояснить

контекст помогают подписи, которые, в свою очередь, могут нести простую, сухую информацию о времени и месте действия запечатленного на снимке, а могут представлять собой отдельное сообщение, эмоциональную оценку, реплику, обращенную к зрителю или персонажу снимка.

Для анализа семейной истории мы использовали семейные фотоальбомы, находящиеся в распоряжении 15 московских семей. Сразу отметим, что принадлежность альбома к категории семейных архивов обуславливалась наличием снимков, репрезентирующих одновременно несколько поколений. Кроме этого, мы также рассматривали семейные фотографии, размещенные в рамках и в других посторонних местах, таких как пакеты, обувные коробки и электронные папки.

Важно отметить, что абсолютно во всех альбомах наблюдается последовательность повествования, то есть расположение снимков по хронологии. Связано это с тем, что ни один из альбомов не заполнялся одновременно (поэтому они еще и сквозные по датировке и тематике), за исключением архивов, посвященных путешествиям, походам, паломничеству и даже застольям – в одной семье имеется альбом, целиком посвященный праздничным посиделкам в домашних условиях.

Составителями «старых» семейных альбомов, как правило, являются представители старшего поколения. Однако случается и такое, что их внуки проявляют инициативу путем реорганизации и реставрации архивов. За более новые альбомы отвечают чаще всего представители среднего (второго) поколения женского пола, хотя и старшие тоже могут контролировать процесс их пополнения. При этом съемку чаще всего осуществляют представители среднего поколения мужского пола. Молодежь отвечает за процесс фотографирования только в трех семьях. Что более удивительно – в одной из семей вообще прекратилась практика запечатления членов семьи.

Самым насыщенным периодом, характеризующимся обилием семейных снимков, в пяти семьях являются последние несколько лет. Связано это, прежде всего, с появлением цифровой техники, позволяющей делать неограниченное количество фотографий.

Стоит сказать и о стадиях семейного цикла, которые в большей степени репрезентированы в домашних фотоальбомах. Как известно, различают стадии проживания семьи со взрослым ребенком, его отделения от родителей и создания собственной семьи, рождение ребенка, его взросление, появление на свет второго ребенка и так далее. Таким образом, шесть ступеней цикла воспроизводства семьи постоянно сменяют друг друга и рано или поздно повторяются. Важно отметить тот факт, что в «старых» семейных альбомах чаще

всего репрезентируются такие стадии цикла, как вступление в брак и молодая семья с маленьким ребенком. В то время как в более «свежих» альбомах подробно представлены стадии рождения и взросления ребенка, а также проживания взрослого ребенка с родителями. При наступлении стадии «пустого гнезда» количество семейных фотографий резко снижается, а новых семейных альбомов, как правило, не появляется (если только они не формируются из массива ранее отснятых снимков).

Важным атрибутом семейных фотоальбомов являются *нефотографические материалы*, которые наряду со снимками помещаются в архивы и служат своеобразным дополнением к ним. Вообще факт наличия в альбомах пояснительного материала (газетных вырезок, рисунков, стихов и пр.) свидетельствует о желании составителя дополнить визуальный рассказ конкретными «вещественными» и текстовыми доказательствами, документами, оживить повествование, акцентировать внимание на данном развороте альбома, хотя, как правило, эти материалы не имеют прямого, непосредственного отношения к изображенному на снимках, но ассоциативно связаны с ним в сознании автора. В нашем исследовании нефотографические материалы обнаружены в альбомах лишь пяти семей (письма с фронта, схема родословной, самодельные открытки).

Репрезентация семейного клана претерпевает изменения с течением времени, в частности на смену постановочным снимкам портретного жанра приходят спонтанные, которые уже не в такой степени отражают семейные и социальные роли запечатленных на них людей. С появлением «мыльниц» начинают формироваться фотоархивы, посвященные отдельным темам – чаще всего путешествиям. В связи с этим резко снижается количество снимков, фиксирующих всех членов семьи одновременно, поскольку поездки на «юг» в основном осуществляются без участия представителей старшей генерации. Единственным поводом их фотографирования остаются застолья и/или визиты на дачу.

Создается обилие автобиографических альбомов, в значительной мере раскрывающих процесс социализации (например, снимки, посвященные последнему звонку в школе, или повседневные фотографии, запечатлевающие процесс настольной игры всей семьей). Кроме того, процесс усвоения ценностей находит свое отражение на снимках, репрезентирующих праздничные застолья в родственном кругу.

В целом трансформацию репрезентации семьи и ее истории в домашних альбомах нельзя назвать значительной. Все так же имеет место быть запечатление всех поколений, пусть реже (в основном в связи с застольями по случаю дня рождения, свадьбы или других

обрядов перехода) и в спонтанной форме. Да, члены семей уже не так часто помещают в альбомы пояснительные материалы (за исключением двух, которые хранят чертежи генеалогических деревьев) и редко подписывают снимки. Однако вместе с тем они бережно хранят переданные им от других поколений фотоархивы, а также предпринимают попытки их реставрации. Среди снимков семейного содержания начинают преобладать фотографии представителей младшего поколения, что не может не радовать, поскольку именно дети воспринимаются как символ и основное достижение семейной жизни.

Поколенческие особенности восприятия семейной истории

Для выявления эффективности ретрансляции семейной истории нами был проведен анализ содержания нарративных повествований представителей всех поколений, их комментариев к семейным фотографиям, а также ответов на конкретные вопросы об осведомленности в области биографии семьи. При этом предполагалось, что знания старшего поколения носят достоверный характер, поэтому они использовались для оценки степени осведомленности средней и младшей генераций.

К примеру, на вопрос, касающийся датировки самой старой фотографии, имеющейся в архиве конкретной семьи, представители всех трех поколений только одного домохозяйства ответили правильно. В остальных семьях не только молодежь, но и их родители не имеют представления о своем фотографическом имуществе. Однако наиболее неосведомленными являются все же представители младшего поколения семей, не сумевшие обозначить даже столетие: «Нет, мне кажется, не могу так примерно... Ну так я могу там предположить, там может какой-нибудь... Ну не знаю даже век» (муж., 17 лет).

Большая часть семей осведомлены о биографии своей семьи до четвертого поколения. При этом слабая осведомленность старшего поколения напрямую влияет на незнание их детей и внуков: «Мама, она сама толком рассказать не может. Так – о родителях только ее, а дальше уже нет» (жен., 53 года).

Разбор комментариев к фотоснимкам позволил сделать ряд выводов относительно глубины знаний трех генераций о семейной истории. В частности, большинство представителей старшего и среднего поколения оказались способными рассказать не только о прямых родственниках, но и о дальних, углубляясь в подробности, в то время как молодежь с трудом называла их имена и ограничивалась общими фразами при описании жизненного пути: «...ее отец же-

нился повторно на очень хорошей женщине, я не знаю как ее звали, к сожалению, забыла. Они все ее считали матерью. И моя бабушка, недавно скончавшаяся, по маминной линии, также посещала могилу и считала ее своей бабушкой» (жен., 21 год). Еще одна респондентка не смогла идентифицировать своего прапрадеда: «Это не знаю кто... В деревне, наверное, тоже родственник какой-то» (жен., 17 лет).

Говоря о ретрансляции семейной истории, нельзя не упомянуть и традиции, практики сборов родственников, в процессе которых и осуществляется преемственность и передача ценностного наследия. Абсолютное большинство семей с ностальгией и даже горечью вспоминают прошлое, когда все родственники постоянно собирались и по поводу и без: «...еще в брежневские времена у нас был дом огромный... и мы приходили туда, все, кто что мог – все готовили и свои салаты, и свои пироги... Со своими табуретками... Приходили все туда и было так здорово» (жен., 44 года); «Ну народ уже ушел, поэтому те семейные традиции, которые были, ушли вместе с ними» (муж., 49 лет); «... единственное, что осталось, – это совместные семейные праздники... Раз в год мы собираемся практически всей семьей – либо на Новый год, либо в день рождения» (жен., 67 лет).

На вопрос: «С интересом или нехотя Вы слушали рассказы о живших до Вас родных?» – большая часть опрошенных давала положительный ответ, отмечая, что это очень интересно и полезно: «Конечно. У меня любимое занятие было в детстве – взять альбомы и всех расспрашивать» (жен., 20 лет); «Если интересные, то с интересом. Бывало – про дачу, про консервы...» (муж., 23 года). Четверо отметили, что, несмотря на желание слушать, не смогли усвоить все детали родительских повествований: «Интересно, но очень как бы старое время – всех не запоминаешь, кто кем являлся и поток новой информации...» (жен., 20 лет). Не проявляли интерес и сейчас горячо сожалеют об этом две представительницы старшего поколения и одна среднего поколения: «Мы только сейчас с сестрой своей соберемся и говорим: как же так? Мы не интересовались, кто были наши отец, мать... Вот почему мы не интересовались? Или в деревне жили – были не приучены» (жен., 86 лет); «Надо было распахивать уши на всех этих семейных посиделках, когда еще дедушки и бабушки были живы. Я так жалею, я столького не знаю и, в общем-то, восстанавливая по рассказам родителей, понятно, что это пересказывание, это уже не то получается – несовпадение во многих случаях» (муж., 37 лет).

Попросив респондентов ответить на вопрос: «Нужно ли нам знать о наших предках, родословной и почему?», мы получили высказывания, которые условно можно разбить на 5 групп:

– любопытство, интерес: «Просто вот из любопытства – кто он такой, откуда он» (жен., 19 лет).

– Обязанность: «Человек без родства раньше назывался безродным. К нему и отношение было другое, и он сам вел себя по-другому. Свой род надо знать» (муж., 79 лет).

– «Корни»: «А как без корней-то жить? Это же кошмар какой... Как я могу строить дерево, если у меня корни отсутствует?» (муж., 37 лет).

– Трансляция будущим потомкам: «Чтобы все это передавать опять же своим поколениям будущим, своим внукам, правнукам и так далее... Чтобы они знали кто и что за этим стоит» (жен., 44 года).

– Извлечение опыта с целью избежания ошибок: «Это как прочитать книгу. Ты просто узнаешь чью-то историю, и ты можешь из нее извлечь свои уроки. Можешь что-то улучшить в своей жизни или избежать каких-то ошибок» (муж., 19 лет).

Таким образом, если для представителей старшего и среднего поколений важным представляется сам факт передачи семейной истории следующим поколениям, то молодежь рассматривает необходимость знания событий из жизни предков с практической точки зрения – с целью учесть их опыт и не повторить ошибок.

Анализ полученных биографических повествований позволил нам сделать ряд любопытных наблюдений. Представители младшего поколения при рассказе о себе в большинстве случаев ограничивались перечислением основных дат и их краткой характеристикой, представляя историю своей жизни в качестве независимой, не связанной с биографией семьи: «Родилась я в 93-м году... Ходила во многие детские сады... Потом я пошла в логопедический детский сад. Потом стала ходить на подготовительные курсы к школе... Школа, бывшая 1079, она была раньше просто с отклонением на математику, потом, когда я пошла в 5-й класс, она была уже 1360, с углубленным изучением физики и математики. Учусь там и по сей день – 11 класс уже» (жен., 17 лет). Из приведенной цитаты видно, что большое значение для молодежи имеют события, связанные с так называемыми обрядами перехода, такими как поступление в детский сад, школу, институт и пр. Помимо перечисления биографических точек, представители младшей генерации нередко затрагивали и свои увлечения, формы проведения досуга: «...люблю играть в PSP. Мои любимые игры – это гонки, драчки» (муж., 17 лет).

Среднее поколение в процессе повествования о своем жизненном пути часто переходило к озвучиванию событий, входящих в биографии их родителей, а иногда и бабушек, дедушек. Как правило, эти «отступления» касались описания места жительства последних, их профессий, историй знакомств с будущими супругами и создания собственных семей. Например, одна из респонденток постоянно делала акцент на социальном статусе и материальном положении

ее родных, начиная с бабушки и заканчивая собственной семьей: «...бабушка, ее семья – они всегда жили бедно. Вот мама уже нет, а бабушка с дедушкой... Хотя дед у меня занимал очень высокий пост. Очень высокий. Он был зам начальника планово-финансового отдела области» (жен., 49 лет).

Описывая свою жизнь, среднее поколение абсолютно всех семей вспоминает время пионерских лагерей, комсомольских мероприятий, постоянных встреч с друзьями и отдых в деревне у бабушки: «Беззаботное детство, беззаботная юность. Пионерские лагеря, пионерские отряды. Очень интересно, как принимали в пионеры... Нам нравилось ходить в галстуках, завязывать эти галстуки» (жен., 49 лет). Именно в такие моменты, когда в биографиях большинства семей встречаются схожие моменты, когда события общественного масштаба существенным образом отражаются на судьбах людей, индивидуальная память становится частью исторической. То же самое касается и повествований представителей старшего поколения о Великой Отечественной войне, периодах оккупации, эвакуации, коллективизации. Ни одна семейная хроника, ни один рассказ о прожитой жизни не обходится без описания подобных событий пожилыми людьми: «А как мы убегали, когда деревня горела, мать нас схватила и бежать. А куда бежать? До Дона бежали. Вся деревня бежала. А когда выскочили туда к Покровке, тут наши солдаты: "Вы куда? Бегите обратно!" Там окопы, погреба были. Вот мы и прибежали в свой погреб» (жен., 76 лет).

Конечно, война является значимой вехой в жизни старшего поколения, поэтому рассказывая о себе, его представители подробно описывают все, что происходило с их семьей в тот период. При этом довольно часто они начинают свое повествование именно с родителей, их биографии и плавно переходят к рассказу о своем жизненном пути. Отметим, что в повествованиях представителей третьей генерации всегда находит отражение описание профессионального пути и делается акцент на выслуге лет: «...проработала 50 лет. Вот мой стаж. Во время работы я получала только одни благодарности... Как какие праздники – всегда меня награждали» (жен., 86 лет).

Интересным представляется освещение «инструментов», посредством которых представители трех поколений реанимируют свою семейную память и поддерживают связь с усопшими близкими. Молодежь в большинстве случаев указывает на семейные фотографии, которые позволяют им окунуться в прошлое, вспомнить тех близких, которых они застали живыми, и представить тех, кто жил задолго до них: «Когда я смотрю на бабушку молодую, красивую на фотографии, мне кажется, что и она на меня смотрит. Мы с ней поддерживаем таким образом связь» (жен., 21 год).

Нарративы о фотографиях: любимое фото

В ходе нарративного блока интервью мы предлагали выбрать любимые фотографии из семейного альбома. Респонденты выделяли их по следующим критериям:

- присутствие всех членов семьи и родственников (1, 2, 3 поколения),
- присутствие родителей (3 поколение),
- наличие красивой/необычной атрибутики (1 поколение),
- отображение близких людей, которых нет в живых (1, 2, 3 поколения),
- присутствие респондента на снимке (1 поколение),
- отображение одного из членов семьи в детстве (2, 3 поколения),
- отображение любимой местности, природы (2 поколение),
- отображение респондента в детстве (2 поколение),
- отображение периода молодости респондента (3 поколение).

Как видно из вышеприведенных оснований, многие из них характерны сразу для нескольких поколений – ценность присутствия на фотографии всех членов семьи, а также отображение усопших близких отметило большинство представителей как старших поколений, так и молодежи. Однако встретились и те критерии, которыми руководствовались отдельные поколения. Например, для пожилых людей оказались важны снимки, репрезентирующие их родителей, а также времена их молодости. Среднему же поколению нравится смотреть на самих себя в детстве, а также любоваться красотой деревенских пейзажей, природы времен летних каникул у бабушки. А молодежь испытывает удовольствие от просмотра снимков, отображающих красивые платья, прически или предметы интерьера. Одновременно для представителей второго и третьего поколений любимыми стали фотографии, на которых изображаются их дети. Таким образом, все основания соответствуют как возрасту, так и статусу, характерному для того или иного поколения в рамках семьи.

Если говорить о вербализации снимков молодежью, то, как ни странно, именно их сопроводительное повествование носит более богатый, с точки зрения содержания, характер, и это вполне объяснимое явление. Когда речь идет о снимках, на которых изображаются те члены семьи, с которыми представитель младшего поколения имел возможность вступать в контакт и даже жить под одной крышей, ему есть что сказать об этих людях. Тем более что при рассказе о них молодой респондент реанимирует еще свежие воспоминания о событиях, участником которых являлся и он сам наравне с его

родными: «...мы с родителями вокруг елки: я, мама, бабушка, кошка наша. Я очень люблю эту фотографию, потому что это было как раз дело перед Новым годом, и мы все встретились... я очень люблю своих родителей... очень соскучилась по ним, давно не виделась, и вот мы сделали фотографию перед Новым годом. И все обменялись подарками, ну и очень теплые впечатления, очень теплые чувства остались, когда я смотрю на эту фотографию» (жен., 21 год). Таким образом, мемориальная реконструкция содержит в себе не только описание чувств и эмоций на момент фотографирования, но и те переживания, которые девушка испытывает сегодня: «очень люблю», «соскучилась», тем более что на данный момент она живет отдельно от родителей.

Однако очень часто молодые респонденты довольно подробно описывают и те снимки, субъектами которых являются родственники, жившие задолго до их появления или скончавшиеся, когда представители младшей генерации были совсем маленькими. Ввиду отсутствия в мемориальном «багаже» молодежи воспоминаний, основанных на личном опыте общения с этими близкими, младшее поколение уделяет значительное внимание описанию самого снимка, деталей и, конечно, использует сведения, полученные из рассказов кого-то из членов семьи (чаще всего бабушек и мам). Именно поэтому нарративизация старых семейных снимков характеризуется наличием косвенной речи и множеством сложноподчиненных предложений: «...на этой фотографии изображен мой прадедушка, который уже умер давно, и моя бабушка, ну, получается, его дочь. Они стоят в яблоневом саду, это в деревне, где родилась моя мама с бабушкой... и там у них большой дом и яблоневый сад. И мне рассказывали родители, что когда я была маленькая, я срывала без спросу яблоки и груши с этого сада, и ко мне все относились по-доброму, потому что я была маленькой гостьей, и никто не ругался» (жен., 21 год). Важно, что этот комментарий наглядно демонстрирует эффективный характер ретрансляции истории семьи от старших поколений к младшему. Девушка не просто описывает содержание снимка, но и использует имеющиеся у нее знания относительно фактов из жизни ее прадеда и бабушки (упоминание места жительства и типа родственной связи фигурантов фотографии).

Довольно часто представители младшего поколения, описывая любимые снимки, делают уточнения, пытаясь ввести в курс дела слушателя-интервьюера. Они не называют имен, а сосредоточиваются на семейном статусе изображаемых: «Это бабушка по папиной линии, эта – по маминой, мама и я, фотографировал, соответственно, папа. Бабушка по папиной линии жива, но встречаемся редко – она в деревне» (жен., 19 лет).

Важно отметить, что вне зависимости от принадлежности субъекта нарративизации к тому или иному поколению, комментируются в первую очередь биографически насыщенные фотографии. Однако и такие снимки провоцируют рассказывание историй только тогда, когда вызывают эмоциональный отклик – чаще всего это касается собственных детских фотографий.

Вот какое описание семейного снимка дала представительница младшей генерации: «Все в сборе: прабабушка, бабушка, прадед... ну я всех знаю, кроме женщины в платочке белом. И в фуражке кто-то... Это они в деревне. Мама рассказывала, что рядом с нашим домом жили еще баба Тоня – одна из сестер прабабушки и другие сестры... Вера – предводительница. Самая старшая и самая строгая из сестер... Ну вот третий слева, кстати, это вроде бы Саша – Лидин сын. Лида – одна из сестер прабабушки. Про прадеда забыла сказать – он был рукастый, сам строил все, папа рассказывал, как они вместе крышу стелили» (жен., 21 год). Этот нарративный отрывок наглядно демонстрирует все присущие молодым людям особенности реконструкции семейной памяти. Описание фигурантов снимка довольно насыщено за счет воспроизведения рассказов родных («мама рассказывала», «папа говорил»). Некоторые же из присутствующих на фотографии все же остаются неизвестными для представителей молодежи. Пробелы в знаниях респонденты маскируют путем повествований о собственных воспоминаниях и впечатлениях, связанных с тем или иным родственником, вдаваясь в детали. При перечислении фигурантов снимка молодые люди подробно описывают семейные статус, кровно-родственные связи, место съемки, будто рассказывая сказку, ориентируясь при этом на непросвещенного слушателя.

Теперь обратим внимание на высказывания представительницы старшей генерации: «Это вся наша родня фактически. Римма, Роза, Вера, Лида, Саша, тетя Тоня, дядя Валя.... Петь любили под гармонь... Это мы все в Медведково у нас» (жен., 74 года). Как видно из приведенной цитаты, пожилые люди не прибегают к уточнениям, подробному описанию людей, изображенных на семейных фотографиях, и воспоминаний, связанных с ними, поскольку, во-первых, представленные фигуранты – это близкие люди, с которыми выше-названные во времена своего детства и молодости тесно общались и до сих пор чувствуют неразрывную связь. Именно поэтому они называют их по именам, как самых родных, с которыми по определению не может существовать дистанции. Во-вторых, ввиду преклонного возраста респондентов, их мемориальный багаж приобретает пассивный характер. В-третьих же, ввиду смерти некоторых из изображенных родственников, представители старшей генерации

просто-напросто избегают лишних комментариев из-за личных переживаний.

Для представителей второго поколения характерно описание собственных воспоминаний (по большей части детских), связанных с изображенными на фотоснимках родственниками. При перечислении они часто прибегают к уточнению кровно-родственных связей и имен в уменьшительно-ласкательной форме («мамочка», «тетя Тонечка»), демонстрируя тем самым любовь и трепетное отношение к родным, преимущественно старшим. Для них, так же как и для молодежи, типичны пробелы в знаниях, в которых они не спешат признаваться, поэтому вместо слов «я не знаю, кто это» делают предположения. Кроме того, представители среднего поколения также нередко используют фрагменты из повествований их родителей, бабушек и дедушек: «Это, наверное, баба Настя молодая. Это, наверное, Слава и Вова... Это еще одна дедушкина сестра, тетя Шура. В Моршанске они жили, сейчас не знаю – жива она или нет» (жен., 44 года).

В свою очередь, интересными являются эмоции, сопровождающие просмотр семейных снимков молодежью. Трое представителей младшего поколения сказали об интересе: «Даже не верится, что сотни лет назад кто-то другой жил, какие-то родственники твои. Одни даже жили в крепостном праве – тоже ведь ты в учебниках по истории проходил... Интересно, конечно, все это» (жен., 19 лет). Одна из молодых респонденток испытывает чувство зависти, когда смотрит на семейные фотографии, признавая факт разрозненности в современных семьях: «Честно говоря, завидую, потому что такие дружные все были... Мне кажется, сейчас такого нет» (жен., 19 лет).

Функции семейных фотоальбомов

Говоря о функциях семейных фотоальбомов, респонденты чаще всего упоминали функцию семейной памяти: «все-таки это память, эта фотография, она запечатлела кусочек жизни, которая уже была. Не то, чтобы раз, мимолетное что-то такое, не то чтобы красивое дерево... это память, это история, это то, что нужно сохранить. Это кусочек нашей жизни. Она же была? Была. Ну можно забыть что-то, а на фотографию посмотришь – вспомнишь» (жен., 48 лет). Один из респондентов, относящихся к среднему поколению, отметил, что составление и хранение уже имеющихся фотоальбомов является своего рода данью предкам. Представительница младшей генерации назвала альбом инструментом социализации: «Например, когда я была маленькая, я помню, как нас сажали и показывали фотографии» (жен., 19 лет). В целом мы выявили 10 функций, которые, по

мнению 45 респондентов, выполняют семейные фотоальбомы. Из них наиболее «популярными» являются функция семейной памяти (27 человек), документирования семейной истории (6 человек), ее ретрансляции следующим поколениям (8 человек) и интегративная функция (4 респондента). При этом у каждого из поколений имеется собственное, характерное для него видение функционального пространства семейного фотоальбома. Если с точки зрения младшей генерации его предназначение заключается в хранении семейной памяти, а для представителей старшей – в сплочении, интеграции членов семьи как визуально, так и фактически, в процессе совместного просмотра, то среднее поколение делает акцент на функции документирования семейной истории и ее передачи потомкам. Любопытным представляется тот факт, что половина опрошенных (преимущественно молодежь и их родители) сакрализируют содержимое семейных альбомов, допуская до его просмотра исключительно близких лиц.

Все чаще представители молодого поколения практикуют размещение семейных снимков на компьютере, создавая виртуальные альбомы-папки, ограничивая доступ к ним со стороны пожилых людей и некоторых представителей средней генерации: «Я до сих пор обращаюсь к дочери, чтобы она сделала нормальные фотографии, чтобы их можно было поместить в фотоальбом, а не на компьютерные схемки» (жен., 44 года); «специально выбрала, какие фотографии получше, которые, я считаю нужно распечатать. Остальные все останутся на электронных носителях» (жен., 48 лет). Однако нередко и старшее поколение поддерживает действия своих внуков и внучек, обращаясь к ним с просьбой отсканировать старые фотографии.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что семейный альбом является особым источником социологических данных, который помогает изучить выстраивание межпоколенческого биографического проекта. Содержимое домашних фотоархивов позволяет комбинировать визуальный анализ с интервью, где сами снимки могут служить и самостоятельным объектом интерпретации, и стимульным материалом для погружения в воспоминания о том или ином периоде жизни.

По нашему мнению, нарративное интервью с использованием фотографий позволяет раскрыть не только исторический контекст создания снимков, но и смыслы, вкладываемые в изображения непосредственными участниками событий либо их владельцами.

Кроме того, этот метод дает возможность взглянуть на события и способы репрезентации этих событий глазами разных поколений, выявить различия, динамику в их восприятии и тем самым определить эффективность протекания процесса ретрансляции семейных ценностей, традиций из поколения в поколение.

Результаты нашего исследования позволили сделать определенные выводы относительно структуры и содержания семейных фотоальбомов, а также помогли описать особенности реконструкции семейной биографии. Ключевые изменения в репрезентации разных поколений связаны с такими характеристиками, как *содержание* фотографий (переход от постановочных снимков портретного жанра к бытовым, спонтанным и событийным; уменьшение количества фотографий, где изображены все члены семьи; появление «тематических» подборок или альбомов, как правило, связанных с поездками на отдых), *способ размещения* снимков (переход от «торжественного» размещения в рамки, на стены или ковры к хранению в альбомах, коробках и позднее – в цифровом виде), *отражение семейных и социальных ролей* (переход от снимков старших поколений, где роли подчеркиваются одеждой и расстановкой участников, к снимкам, связанным с процессами социализации; а также смещение акцента с репрезентации такого этапа цикла воспроизводства семьи, как супружеская пара с маленьким ребенком, и сосредоточение на стадиях взросления детей), *оформление альбомов* (от массивных, украшенных альбомов с подписями и дополнительными материалами у старшего поколения к упрощенным формам хранения у представителей последующих поколений).

В то же время *тематический репертуар снимков*, как правило, укладывается в достаточно узкий список тем. При этом все они соответствуют определенному канону, коллективному представлению о том, какие события и каким именно образом должны быть запечатлены. Важно отметить, что по частоте репрезентации в семейных фотоальбомах первое место занимают 1990-е годы – время взросления первого поколения.

К ключевым функциям домашних фотоархивов, по мнению представителей младшей генерации, относится *хранение семейной памяти*, по мнению старших – *сплочение, интеграция членов семьи* (как визуально, так и фактически, в процессе совместного просмотра), по мнению среднего поколения – *документирование семейной истории* и ее *трансляция потомкам*. Помимо названных функций, анализ снимков позволяет выделить также *коммуникативную, функцию самопрезентации, престижа* и даже *развлекательную функцию*, которые не были упомянуты респондентами.

Особенности восприятия истории семьи связаны с наличием жизненного опыта, а значит, и с *величиной мемориального «багажа»* каждого члена семьи. Если представители старшей генерации при реконструкции семейной биографии пользуются по большей части собственными воспоминаниями, то молодежь, а иногда и их родители, прибегает к цитатам из рассказов бабушек и дедушек. Таким образом, если для третьего поколения все описываемые ими события – еще живое прошлое, то для их внуков и в некоторых случаях детей они предстают в качестве конструкта: это уже не часть собственной биографии, а часть истории. Более того, реконструкция семейного прошлого с течением времени не обходится без его (часто неосознанной) коррекции, так как на протяжении всей своей жизни человек находится одновременно и в своей семье, и во многих других группах. Особенно это характерно для представителей последних двух генераций.

Результаты нашего исследования показывают, что источником информации и биографии семьи, как правило, служат рассказы представительниц женского пола (мамы, бабушки, реже – другие родственницы женского пола).

В целом домашние фотоальбомы не утрачивают своей роли, несмотря на появление электронных аналогов хранения. Об этом свидетельствует тот факт, что снимки, сделанные посредством цифрового аппарата, пусть и не в полном объеме, но распечатываются, а старые альбомы бережно хранятся молодежью и нередко подвергаются реставрации по их инициативе.

Примечания

- ¹ См., например: *Власова Т.* Рассматривание, рассказывание, припоминание: нарративизация содержания семейных фотоальбомов // *Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность* / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. С. 326–348; *Здравомыслова Е., Ткач О.* Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 383–407; *Иванова М.* Семейные фотографии как инструмент выстраивания фамильного биографического проекта // *Социальная реальность*. 2008. № 2. С. 205–222; *Семенова В.* Социальный портрет поколений // *Россия реформирующаяся*. М., 2002. С. 27–46; *Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // *Социологические исследования*. 1992. № 2. С. 47–60; *Круткин В.* Антропологический смысл фотографий семейного альбома // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. 8. № 1. С. 171–178.

В.А. Глазунова

- ² *Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 40–41.
- ³ *Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Ландшафты памяти: опыт прочтения фотоальбомов // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. Саратов: Научная книга, 2007. С. 146–168.
- ⁴ *Иванова М.* Указ. соч. С. 205.
- ⁵ *Нуркова В.* Зачем нужна семейная мифология? [Электронный ресурс] // Русский репортер. 2008. № 42 (72). URL: http://www.rusrep.ru/2008/42/qa_nurkova/ (дата обращения: 06.03.2011).
- ⁶ *Власова Т.* Указ. соч. С. 327.

Е.В. Кириченко

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ В СЕМЬЕ

Анализ семейной социализации в рамках гендерного подхода показывает, что половые различия не столь велики, как принято считать. Бинарные оппозиции мужское/женское не являются исторически производными от полового диморфизма и не могут считаться отражением свойств, имманентно присущих мужчинам и женщинам. Напротив, оппозиционность традиционного мышления сама во многом детерминирует способы восприятия, категоризации и социального структурирования половых различий и соответствующих этнокультурных стереотипов.

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать, каким образом иерархия в семье и гендерная асимметрия в обществе поддерживают друг друга и как семья может противостоять трансляции гендерного неравенства в следующих поколениях.

Ключевые слова: гендер, гендерная социализация, гендерный конструкт, бинарные оппозиции, маскулинность, феминность, адаптация, интернализация.

Важнейшим видом социального взаимодействия, формирующим человека как полноценного члена общества, выступает социализация. Она является незаменимым фактором стабильности общества, нормального функционирования общественной системы, необходимой преемственности в ее развитии.

Определение цели социализации вызывает множество научных споров. Однако здесь доминируют два подхода. Для сторонников первого направления целью является социализированная личность, обладающая чертами, свойственными большинству представителей данной культуры. Так, Э. Дюркгейм определяет конечный продукт

социализации как личность, наделенную умением подавлять индивидуальные интересы во имя общественных. Э. Фромм видит задачу социализационного процесса в формировании общественного характера личности, основная функция которого – направлять человеческую энергию внутри общества во имя продолжения его функционирования.

Адепты второго подхода определяют цель социализации как достижение личностью психологической зрелости. Например, ученица Л.С. Выготского Л.Л. Божович¹ считает, что это личность, достигшая достаточно высокого уровня психологического развития, основа которого – возникновение у человека способности вести себя независимо от непосредственно воздействующих на него обстоятельств (и даже вопреки им), руководствуясь при этом собственными, сознательно поставленными целями. Индивид в результате социализации обязательно должен обрести социальную идентичность – субъективное чувство самотождественности и непрерывности, соединенное с определенной верой в непрерывность некоторой картины мира, разделяемой и другими людьми. Это ощущение значимости своего целостного и неповторимого бытия с точки зрения общества.

На наш взгляд, цель социализации заключается в достижении компромисса – такого, который привнес бы гармонию между запросами индивида и культурными запросами общества. Сегодня это достигается посредством баланса между целенаправленными институциональными воздействиями (воспитательные и образовательные институты, идеология, СМИ и т. д.) и стихийными влияниями (улица, сверстники и т. д.), социализирующими личность. Успешная социализация предполагает эффективную адаптацию человека в обществе, с одной стороны, с другой – его способность в определенной мере противостоять обществу и его давлению, которое мешает развитию, самореализации, самоутверждению личности. Это определенный баланс между идентификацией с обществом и обособлением в нем.

Процесс социализации является неоднозначным и проблемным. Она меняется вместе с изменением общества и в то же время остается одним из критериев целостности социума и его преемственности.

В социализации личности участвует большое число институтов, однако центральное место в этом процессе, безусловно, занимает семья. Именно в ней осуществляется первичная социализация индивида, закладываются основы его формирования как личности. Базовую информацию об окружающем мире индивид получает в семье. Кроме того, последняя, как правило, формирует собственную социально-ценностную направленность, которую и передает де-

тям. Со времен Аристотеля, считавшего семью основополагающей ячейкой государства, и до сегодняшнего дня человечеством не был создан какой-либо иной институт, способный заменить семью в ее функции социализации и самоидентификации личности.

Ребенок воспринимает мир значимых других не как один из многих возможных миров, а как единственно существующий и единственно мыслимый. Именно поэтому картина реальности, интернализируемая в семье, гораздо прочнее укоренена в сознании, чем информация, воспринятая в процессе воздействия вторичных групп, институтов, организаций и учреждений в общей форме и опосредованно. Помимо сознательного, целенаправленного воспитания, которое дают ему родители, на ребенка подсознательно воздействует и вся внутрисемейная атмосфера, причем эффект этого воздействия накапливается с возрастом, преломляясь в структуре личности.

Наиболее близкие ребенку люди – это родители или лица, их непосредственно заменяющие и значимые для него. Родительство в целом – достаточно сложный феномен. Это, с одной стороны, «система взаимосвязанных явлений (родительские чувства, любовь, привязанность к детям)»; с другой – «специфические социальные роли и нормативные предписания культуры»; с третьей – «обусловленное тем и другим реальное поведение, отношения родителей к детям, стиль воспитания и т. д.»².

Эволюция содержания и методов социализации неразрывно связана с изменением социально-экономической структуры и форм общественной деятельности людей. Социализация осуществляется через взаимодействие поколений, составляющих семью. В зависимости от изменений ее типа, обусловленных историческими особенностями культуры и конкретного общества, меняются также тип и механизм этого взаимодействия.

Например, традиционная семья организована так, чтобы сохранить образ жизни старшего поколения, «повторить» родителей в детях. Дети здесь – объект воспитания, задача которого состоит в том, чтобы «вписать» их в четко заданные рамки существующих ролей, норм и ценностей. Механизм социализации в семье традиционного типа действует, опираясь на безусловный авторитет старшего поколения, обычаи, ритуал. Четко разграничиваются норма, черпающая легитимность в традициях, и отклонения от нормы, предполагающие строгие санкции.

Одна из особенностей развития современного западного общества – переход от «узкого» типа культурной социализации (с ориентацией на стандарт, жесткий норматив) к «широкому», предполагающему плюрализм, вариативность норм и поведенчес-

ких практик. Автор теории культурной социализации Дж. Арнетт утверждает, что «разные общества могут отличаться “вариативностью–унификацией” на всех уровнях социализации детей и взрослых (семья, сверстники/коллеги, ближайшее социальное окружение, школа/работа, СМИ, законодательство, идеология/религия)»³. Отечественные социологи также отмечают переход к «индивидуализации жизненных стилей», в том числе в России⁴. Фактически речь идет о последствиях того, что прежде называли «возрастанием личностного фактора»⁵. Переход к «широкому» типу социализации неизбежно связан с расширением возможностей для обоих полов.

Современная жизнь наглядно демонстрирует несостоятельность концепции социализации как довольно упрощенной процедуры включения природно-биологического индивида в социальную среду. Происходит процесс «либерализации» традиционной семьи: социализирующие воздействия транслируются не только от родителей к детям, но и от детей к родителям. Одновременно повышается автономия членов семьи, увеличивается разнообразие их связей с миром. Теперь каждый из членов семьи стремится получить возможности для гораздо большей самореализации. В этом заинтересована не только семья, но и общество в целом (если иметь в виду демократическое общество). Авторитет старших ныне не «закрывает» собой мир, утверждая образец, которому предстоит следовать, а открывает возможности для свободного развития, поиска новых ценностей и идеалов, оставаясь при этом воплощением стабильности прежних. В общении старших и младших вырабатываются навыки критического отношения к противоречивым и конкурирующим нормам и ценностям, закладываются основы формирования самостоятельности, ответственности, осознанного отношения к своим поступкам.

Семейное воспитание является таким фактором в процессе формирования личности, который вряд ли когда может быть заменен общественным воспитанием. Особенно это касается поло-ролевых отношений. Очевидно, что консервирование и воспроизводство традиционных мужских и женских ролей основано на устойчивых феноменах социализации. Возможно, самая главная сфера конструирования гендера – формирование личности ребенка. Люди творят новый гендер⁶, изменяя отношения господства и подчинения в процессе рекрутирования социальных идентичностей.

Еще в середине 1950-х годов Т. Парсонс и Р. Бейлс⁷ утверждали, что половые роли усваиваются в ходе социализации, ведущим институтом которой является семья. Теория гендерной социализации, сформулированная, в частности, в работах Т. Парсонса, Р. Бейлса и

М. Комаровски⁸, доминировала в мировой социологии вплоть до 1970-х годов. В ее центре – процесс научения и интернализации культурно-нормативных стандартов, стабилизирующих социальную систему. Научение предполагает усвоение и воспроизведение личностью существующих норм, а сама личность трактуется как относительно пассивная сущность, воспринимающая образцы культуры, но не создающая их.

Так, в течение многих десятилетий доминировала точка зрения, согласно которой гендерная дифференциация – продукт исключительно социализации. Процессы социализации, происходящие в детстве, рассматривались в значительной степени как предварительные, как подготовка детей к тем ролям, которые они, став взрослыми, вынуждены будут играть. С этой точки зрения, когда социализация проходит успешно, необходимые элементы культуры инкорпорируются в личность индивида. К гендерной дифференциации эти идеи применялись следующим образом: поскольку общество предписывает различные социальные роли для взрослых женщин и мужчин, то мальчикам и девочкам требуется разная подготовительная социализация. Другими словами, любые различия в поведении полов основаны на разнице в социализации мальчиков и девочек: их награждают за подобающее их полу поведение, принятое в этом обществе, и наказывают (или, по крайней мере, выражают свое негативное отношение на словах) в тех случаях, когда их поведение считается подходящим для другого пола.

Однако классическая теория социализации оказалась недостаточно адекватной для объяснения гендерной дифференциации. Это вовсе не означает, что она является неверной, просто на данном этапе развития общества выявилась ее узость, ограниченность и статичность.

В XX в. стали очевидными неординарные изменения в половых ролях и в отношениях между полами. Некоторые социальные силы претерпели изменения: широко распространенная доступность контрацепции и образования, наем женщин на работу, расширение женских прав. Каждое новое поколение отличается от поколения родителей. Мы можем видеть эту ситуацию почти как недостаток социализации, если мыслим в основном в понятиях межпоколенной передачи культурного опыта. Однако это не так, вот почему необходим иной методологический подход к изучению культуры и общества. Нам представляется, что им мог бы стать гендерный анализ. Применительно к изучению процесса социализации он дает понимание того, что в дополнение к биологической основе существуют социально детерминированные представления о женщине и мужчине, которые оказывают мощнейшее влияние на культурный

контекст развития мальчика и девочки. В этом контексте рассматривается влияние пола индивида на его/ее общее положение и статус, на представления о нормальном и отклоняющемся поведении для мужчин и женщин, а также на психологические качества, присущие тому или иному полу. Это, в свою очередь, актуализирует проблему первичной социализации, появляется необходимость выяснения механизмов, в результате действия которых категории мужского и женского конструируются, поддерживаются и воспроизводятся.

Идея конструирования подчеркивает прежде всего деятельностный характер усвоения опыта. Гендерный подход основан на двух постулатах: гендер конституируется посредством социализации, разделения труда, системы гендерных ролей, семьи, СМИ; гендер строится и самими индивидами – на уровне их сознания, принятия заданных обществом норм и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. д.)⁹. Субъект создает гендерные правила и гендерные отношения, а не только усваивает и воспроизводит их. Сама идея создания подразумевает возможность изменения социальной структуры. Таким образом, с одной стороны, гендерные отношения являются объективными, потому что индивид воспринимает их как внеположенную данность, с другой – они субъективны как социально конструируемые им в повседневности.

Период первичной социализации связан в основном с бессознательными и пассивными механизмами усвоения культуры, но уже здесь концепция «Я» ребенка становится полотицизированной, а самооценка – заложницей гендерной схемы. Ребенок регулирует свое поведение в зависимости от доминирующих представлений о женственности и мужественности¹⁰. Вторичная и третичная социализация предполагают еще большую включенность когнитивных механизмов и творческое преобразование среды.

«Быть мальчиком или девочкой значит быть компетентным в качестве существ женского или мужского пола, то есть научиться продуцировать поведенческие проявления “сущностной” мужской или женской идентичности»¹¹. Новые члены общества включаются в процесс саморегуляции и одновременно начинают мониторинг своего поведения и поведения других в отношении следствий гендерной идентификации. Такой процесс рекрутирования включает усвоение не только гендерных идеалов (в качестве соответствующих «правильных» способов бытия и поведения), но также важных для индивидов гендерных идентичностей, которые они стараются сохранить. Таким образом, гендерные различия или социокультурное оформление «сущностного мужского и женского естества» приобретает статус объективных факторов. Они считаются естественными нормативными чертами индивидов и обеспечивают мол-

чаливое объяснение различий в судьбах женщин и мужчин в рамках одного социального порядка.

Гендерную социализацию можно определить как процесс усвоения индивидом культурной системы гендера того общества, в котором он живет, своеобразное общественное конструирование различий между полами. Она включает две фазы: адаптивную – внешнее приспособление к существующим гендерным отношениям, нормам и ролям; и фазу интернализации – сущностного усвоения мужских и женских ролей, гендерных отношений и ценностей¹².

Таким образом, гендерная социализация включает два взаимосвязанных процесса. Во-первых, это усвоение индивидом социального опыта, психосексуальных установок и ценностных ориентаций, определенных способов поведения и деятельности, присущих представителям того или другого пола. Во-вторых, это процесс формирования полового самосознания (половой идентичности). Он включает познание своего сходства и различий с представителями своего и противоположного пола; эмоциональную оценку себя как представителя определенного пола; самоутверждение «Я» как представителя определенного пола в общении и деятельности. Активная личность, стремясь к свободе и независимости, расширяет свой личный опыт и обеспечивает реализацию своей индивидуальности; при этом индивид может в той или иной степени отходить от гендерного эталона. Если такие отклонения накапливаются в определенных социальных группах, то происходит расшатывание гендерных нормативов и намечается тенденция их постепенного преобразования.

К факторам, способствующим позитивной гендерной социализации, относится прежде всего формирование демократического стиля взаимоотношений в семье, предполагающего внимание, заботу, любовь взрослых к детям, доверие, насыщенную духовную жизнь семьи, атмосферу тепла, требовательности и поддержки.

Не меньшее значение имеет наличие полной семьи и вклада обоих родителей в воспитание детей, что обеспечивает формирование различных моделей поведения отца и матери, гибкий полоролевой репертуар их детям. Мать и отец, реализующие разные, но не противоречащие друг другу модели взаимодействия с дочерью или сыном, знакомят их с разными способами поведения в окружающем мире. Отсутствие отца может породить проблемы выбора партнера у девушек, формирование неадекватных форм поведения у мальчиков, сложности в гетеросексуальном общении, проявления либо агрессии, либо робости, неуверенности в себе. Самое главное в социализации мальчика – личный пример участия в ней папы, так как мальчики, отцы которых принимали самое непосредственное

участие в их детской жизни, вероятнее всего, будут сами вести себя так же, а в противном случае – лишь испытывать страх перед подобными отношениями между детьми и родителями. Эмоциональная дистанцированность отцов может привести к агрессивному поведению мальчиков, сексуальным отклонениям у девочек и жестким гендерным стереотипам среди детей обоих полов¹³. Таким образом, отсутствие мужского контроля и мужской модели поведения затрудняет личностное и ролевое (половое, супружеское, сексуальное, родительское) развитие не только мальчиков, но и девочек.

Если же у ребенка нет положительного примера супружеской жизни его родителей, то это в большой степени моделирует его невысокую способность к партнерству в браке и неуверенность в роли родителя, ослабляет внутренние защитные механизмы, тормозит развитие сфер интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной, деятельностной саморегуляции и самореализации. Сложности взаимоотношений взрослых передаются детям. Согласно социальному психологу Г.С. Васильченко¹⁴, неврозы, которыми страдает значительное количество людей в цивилизованном мире, – это своеобразный клиничко-психологический феномен, формирующийся на протяжении жизни трех поколений – прауродителей, родителей и детей. Дети из неблагополучных семей часто воспринимают родительскую семью как антимодель нормальной семейной жизни и пытаются не повторять их ошибок. Но далеко не все могут создать гармоничную семью, так как ими не были усвоены образцы построения позитивных взаимоотношений, а негативные впитались на подсознательном уровне.

В чем же заключаются механизмы формирования половых отличий? До сих пор в социальной науке нет единой точки зрения относительно этого вопроса. Существуют разные теории соотношения биологического и социального в процессе гендерной дифференциации личности. Каждая теория очерчивает свой круг проблем и конкретизирует определенную грань этого процесса.

Так, *традиционная психоаналитическая концепция*, самым ярким представителем которой считается З. Фрейд, главную роль в процессе гендерной дифференциации отводит биологическим факторам, а фактор идентификации ребенка с родителями рассматривает в качестве ее основного механизма. При этом мужская и женская модели рассматриваются как диаметрально противоположные по своим качествам. Для мужского поведения типичными считаются такие черты, как активность, агрессивность, решительность, установка на соревнование и победу, а также способность к творческой деятельности и рассудительность. В свою очередь, женский тип поведения характеризуется пассивностью, нерешительностью, за-

висимым поведением, эмоциональностью, конформностью, отсутствием логического мышления и стремления к победе. Именно эти модели, как утверждают последователи традиционной психоаналитической концепции, являются основой гармоничного и полноценного развития личности, так как при условии следования этим моделям не нарушается ее половая идентификация. Опыт, который приобретает ребенок в семье в раннем возрасте, лишь закрепляется по мере взросления.

Последнее положение психоанализа подвергается острой критике за утверждение биологической детерминации психологических различий между мужчинами и женщинами. Кроме того, психоанализ явно преувеличивает влияние родителей на социализацию ребенка и в то же время преуменьшает роль других взрослых, литературных персонажей, сверстников и т. д.

Представители *теории социального научения*, или *половой типизации* (Б. Скиннер, А. Бандура и другие), напротив, доказывают, что поведение человека формируется позитивными или негативными влияниями внешней среды. Главные принципы научения полоролевого поведению: наблюдение (за поведением родителей и других значимых взрослых), вознаграждение/наказание со стороны взрослых (поощрение за поведение, соответствующее своему полу, и наказание за противоположное поведение) и прямое или косвенное обусловливание (выбор имени, одежды, игрушек, соответствующих полу ребенка).

Однако и у этой теории есть недостатки: механистичность (ведь многие стереотипные маскулинные/феминные реакции складываются стихийно, независимо от поощрения и обучения, даже вопреки им); кроме того, соответствующее полу поведение может быть усвоено как через дополняющую (путем копирования), так и через противоположную модель (путем противопоставления).

Теория когнитивного развития, основные положения которой были сформулированы Л.С. Выготским и Л. Колбергом, сосредоточена на обосновании того, что основа социализации – овладение языком и становление интеллекта. Представления мальчиков и девочек о половых ролях являются результатом не пассивного социального упражнения, а активного структурирования детьми собственного опыта, осознания своей половой социальной роли. Подкрепления и идентификация со взрослым происходят только после того, когда ребенок узнает от него свою половую принадлежность и принимает ее. Далее на основе самоопределения мальчик или девочка руководит своим поведением, выбирая и предпочитая те или иные его формы.

Ребенок – не пассивный объект гендерной социализации. Опираясь на рассогласованность действий своих воспитателей, взрос-

лых и сверстников и собственный жизненный опыт, он выбирает из предлагаемых ему образцов что-то свое.

Если психоаналитическая теория акцентирует значение гендерной идентификации ребенка с родителем своего пола, а теория социального научения подчеркивает влияние микросреды и социальных норм на внешнее поведение мальчиков и девочек, делает акцент на типичном для пола поведении, то теория когнитивного развития описывает процесс усвоения гендерной роли с точки зрения ребенка и подчеркивает активный и творческий характер его мышления. Однако, раскрывая содержание поведения, связанного с полом, эта теория все же не способна проанализировать причины его возникновения.

В 1970-е годы на Западе сформировалась еще одна теория гендерной социализации, получившая название «*новая психология пола*». Ее адепты Дж. Стоккард, М. Джонсон, Р. Ангер, Е. Маккоби, К. Джеклин и другие, главную роль в формировании психологического пола и половой роли отводят социальным ожиданиям общества, которые формируются в соответствии с конкретной социокультурной матрицей и находят отражение в процессе воспитания. Пол биологический помогает определить только потенциальное поведение человека, главное же – пол психологический, социальный, который усваивается в процессе жизни и на формирование которого в большой степени влияют расовые, классовые, этнические вариации гендерных ролей. Однако при всей своей прогрессивности новая теория пола упускает из виду то обстоятельство, что усвоение социальных ценностей, норм полоролевого поведения – процесс активный. Кроме того, социальные ожидания окружающих ребенка людей могут существенно различаться по своему содержанию, что, безусловно, отразится на его полоролевом поведении.

Итак, основными психологическими механизмами половой социализации выступают: идентификация (психоаналитическая теория), социальные подкрепления (теория социального научения), осознание половой социальной роли (теория когнитивного развития), социальные ожидания (новая психология пола). Автор, вслед за И.С. Коном, считает рассмотренные теории не столько альтернативными, сколько взаимодополнительными – они описывают процесс социализации с разных точек зрения: теория идентификации – с точки зрения «природы»; теория половой типизации – воспитателей; теория когнитивного развития – ребенка; новая теория пола – общества. В центре внимания первой теории – наследственность, эмоциональные связи и отношения; вторая анализирует процессы тренировки, обучения, воспитания; третья – процессы самокатегоризации мальчика/девочки, формирование полового

самосознания; представители четвертой теории заняты выявлением влияния социальных ожиданий общества на восприятие полоролевого поведения¹⁵.

Нам представляется, что в процессе половой социализации участвуют все перечисленные механизмы, однако на разных этапах развития ребенка их соотношение и влияние различно. Например, осознание половой социальной роли появляется у ребенка гораздо позднее, чем бессознательная идентификация с родителем или же ролевой репертуар, сформировавшийся в ходе социального обучения и тренировки. Однако именно осознание своей гендерной идентичности способно в некоторой степени повлиять на ее корректировку.

На наш взгляд, особенности социализации у разнополых детей связаны с трактовкой их будущих ролей в обществе. Еще М. Мид писала о так называемой «двойной цепи ожиданий»: мальчика готовят к тому, что он всегда должен добиваться успеха; девочку учат показывать свою несостоятельность и беспомощность¹⁶. Гендерная идентичность приобретает девочками через первичную идентификацию с матерью и проходит менее болезненно, чем у мальчиков, которым необходимо отказаться от нее в пользу идентификации с отцом. Девочек больше ориентируют на общение, межличностные отношения. Оказываясь перед выбором, идти ли путем дальнейшего развития своих способностей или отдать предпочтение потребности быть принятой группой, они очень часто демонстрируют высокую социальную адаптированность, маскируя свои амбиции, а зачастую и умственные способности¹⁷.

На эмоции оказывает влияние система убеждений в вопросах половых различий: она содержит в себе взгляды относительно того, как мужчины и женщины должны эмоционально реагировать в тех или иных ситуациях. По данным Р. Фивуша¹⁸, родители гораздо чаще говорят об эмоциях с дочерьми и проявляют в общении с ними гораздо более широкий круг эмоций, чем с сыновьями. Девочки больше склонны демонстрировать эмоции, выражающие слабость, мальчики – силу. Игры в группах сверстников одного пола эти различия углубляют. На эмоции как женщин, так и мужчин влияют традиционные гендерные роли, предписывающие первым уязвимость, ранимость, низкий статус и отсутствие власти, вторым – прямо противоположные качества.

К. Доу подчеркивает, что по отношению к детям разного пола используются противоположные принципы морального развития: принцип индивидуализации (акцент на отделении ребенка от взрослых) для мальчиков и принцип кооперации (акцент на привязанности и заботе о других) для девочек¹⁹. «Женщины при-

способливаются к желаниям мужчин и принимают эту адаптацию за свою истинную природу. Они видят себя такими, какими хотят их видеть мужчины, бессознательно усваивая подсказку мужской мысли»²⁰.

По данным Э. Маккоби и К. Джеклин, подтвержденным последующими исследованиями, мальчиков, как правило, подвергают более интенсивной гендерной социализации, чем девочек. На них оказывают более сильное давление, чтобы они не участвовали в поведении, противоречащем полоролевым стереотипам и требованиям («Как тебе не стыдно плакать – ты же мужчина!»). Мальчиков чаще и строже наказывают, зато они, по-видимому, получают также больше поощрений и автономии в своем развитии. Феминные роли определяются не столь жестко и внедряются менее последовательно, чем маскулинные²¹.

Исследования показали, что родители чаще склонны к затратам времени и средств на образование и развитие одаренных сыновей, чем одаренных дочерей, у отцов и матерей талантливых девочек больше стереотипов, искажающих оценку способностей дочерей и влияющих на их ожидание успеха²².

Таким образом, уже с самого рождения ребенка социум сначала в лице родителей, а затем агентов вторичной социализации формирует различные критерии социализации и пути реализации для мальчиков и девочек, зачастую искусственно насаждая и культивируя не существующие в биологии различия между полами.

Напряженность, противоречивость, конфликты, порождаемые гендерной социализацией, проявляются и у мужчин и у женщин во всех сферах их жизни. Несовпадение сконструированного идеала и жизненной реальности приводит к взаимному разочарованию мужчин и женщин, к краху мифа близости. Действительное улучшение взаимоотношений может быть лишь результатом индивидуального развития, свободы от диктата половых ролей. Это вопрос не принципов, ценностей, истинного/ложного. Это вопрос психологического здоровья, выживания и развития человека.

Трансформация традиционных ценностей и канонов маскулинности/феминности – общее неумолимое требование времени. Современное общество, развиваясь, допускает вариативность и гендерное многообразие и как следствие – индивидуализацию жизненных гендерных стилей, распространение разных моделей социополовых отношений в обществе и семье. Все это является показателем процесса глубоких перемен и служит свидетельством социальной трансформации последней, выражающейся не только в качественном пересмотре отношения к браку и семье, но и в «размывании» традиционных семейных гендерных ролей и обязанностей,

обусловленных общецивилизационным развитием и изменением положения женщины в обществе.

Понятие «половая роль», заложенное в социологии ее классиками Парсонсом и Дюркгеймом, все чаще интерпретируется как взаимодействие между деятелями и структурами, которое позволяет изменять усвоенные в детстве модели поведения. Исследования показывают, что многие женщины осознают, что они меняются, став взрослыми: одни активно вовлекаются в работу, другие – в материнство. Получается, что не столько усвоенная в детстве «половая роль», сколько конкретные жизненные обстоятельства (взросление и ресоциализация в определенных социальных институтах и социокультурных условиях) определяют деятельность, ценности и идентичность взрослых женщин и мужчин на определенном этапе их жизненного цикла.

В наши дни гендерный конфликт является чрезвычайно сложным социокультурным феноменом, так как характер и объем социальных связей принципиально изменились в результате изменений социально-культурной среды человеческой жизнедеятельности. Индустриальная эпоха разрушила структуры коммуникативной рациональности традиционного общества, сферы трансляций социальных традиций мужского мира и его культуры, аккумулирующих соответствующие нормы и ценности, а также поведенческие стереотипы индивидуального и коллективного действия. А поэтому «разнообразие возможностей, открывающихся перед человеком, а также ценностный сдвиг в самосознании, выражающийся в осознании ценности социально-культурного многообразия, дуальности “жизненных миров” как продуктов многообразия локальных практик, коммуникативного опыта множества людей, как мужчин, так и женщин, делает “естественную” регуляцию социальных форм взаимодействия невозможной»²³.

Оба пола в настоящее время находятся в ситуации созидания собственного «Я» в исторический момент, когда налагаемые коллективом обязанности заменил целый веер возможностей. «Ситуация постсовременности характеризуется тем, что биография отдельного человека больше не воспринимается как “судьба” (то есть она не детерминирована), а проектируется на основе различных жизненных стратегий, на основе беспрецедентных возможностей личного выбора»²⁴.

Основным препятствием к установлению равноправных отношений между полами является сегодня то, что именно женщинам вменяется в обязанность вести домашнее хозяйство. Это – источник асимметрии на других уровнях общественной системы. Однако полностью установлению равновесия в отношениях между мужчинами

и женщинами мешает также половая идентичность, которая сформирована и представлена целым рядом моделей, образов, ролей и т. п., воспринятых и усвоенных не только мужчинами, но и самими женщинами в ходе первичной социализации, преимущественно на бессознательном уровне. Поэтому нам представляется, что решить проблему можно, активизировав усилия общества и семьи по двум направлениям: осуществляя политику государства по реализации принципа гендерного равенства в обществе, а также искореняя гендерную асимметрию социализации новых поколений.

Для выполнения первой задачи необходимо создать новую концепцию роли мужчины в семье. Сюда входят всевозможные целенаправленные действия государства, ориентированные на «активизацию» отцовства, конструирование образа «нового», любящего, заботливого отца, что привело бы к увеличению участия мужчин в прежде исключительно материнских сферах, например в уходе за маленькими детьми. Тем более что (как показали исследования последних лет) современные западные мужчины в значительно большей степени, чем их отцы, стали связывать собственную самореализацию с семьей и меньше с достижениями в профессиональной сфере. Это, с одной стороны, реально повышает возможности женщины реализовать себя в иной сфере, отличной от материнства и домохозяйства, а мужчин – в семье; с другой – родительские обязанности воспринимаются уже не столько как бремя и несправедливость, жертвами которой являются женщины, сколько как способ самообогащения и формирования идентичности, не создающей помех на пути к личной независимости представителей обоих полов.

Осуществление второй задачи предполагает «выравнивание» асимметрии гендерной социализации на уровне семейного воспитания. К сожалению, социум уже с самого рождения ребенка сначала в лице родителей, а затем через агентов вторичной социализации формирует различные ее критерии и пути реализации для мальчиков и девочек, зачастую искусственно насаждая и культивируя не существующие в биологии различия между полами. Это создает представителям обоих полов большие проблемы и вместе с тем превращается в тормоз на пути общественного развития. Следовательно, как женскую, так и мужскую гендерные роли нужно реконструировать с целью сохранения всех положительных аспектов и исключения всех устаревших и нефункционирующих элементов.

Анализ сложившейся ситуации в рамках гендерного подхода показывает, что половые различия не столь велики, как принято считать. Бинарные оппозиции мужское/женское не являются исторически производными от полового диморфизма и не могут

считаться отражением свойств, имманентно присущих мужчинам и женщинам. Напротив, оппозиционность традиционного мышления сама во многом детерминирует способы восприятия, категоризации и социального структурирования половых различий и соответствующих этнокультурных стереотипов.

Принятие позиции, что пол не является первопричиной психологических характеристик поведения и социальных ролей, позволяет индивиду перестроить свою идентичность и жизненные сценарии, навязанные системой полоролевых представлений, дает возможность по-новому оценить свои возможности и притязания, определить перспективы жизнетворчества, активизировать личностные ресурсы для выбора субъективных стратегий самореализации. Если прежде социальные модели поведения властно навязывали мужчинам и женщинам и роли, и место в обществе, то теперь же они задают лишь факультативные установки и демонстрируют лишь статистически определяемые предпочтения. Ослабляются поляризация гендерных различий и связанная с ней социальная стратификация. Таким образом, новое разделение гендерных ролей начинает базироваться на интеллекте и рациональных основаниях, а не на иррациональной иррелевантности пола. Действительное улучшение положения полов в обществе, а также их взаимоотношений в семье может быть лишь результатом индивидуального развития, свободы от диктата социополовых ролей. Начало это процесса лежит в основе первичной гендерной социализации в семье.

Примечания

- ¹ См.: *Божович Л.Л.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968. 435 с.
- ² *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Наука, 1988. С. 211.
- ³ *Arnett. J.J.* Broad and narrow socialization: the family in the context of cultural theory // *Journal of marriage and the family*. 1995. № 3. P. 57.
- ⁴ См.: *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // *Социологические исследования*. 1996. № 3. С. 31–43.
- ⁵ *Гурко Т.А.* Родительство: социологические аспекты. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 89.
- ⁶ В контексте нашего исследования гендер определяется как «социальная категория, назначенная телу, имеющему пол»: *Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // *Введение в гендерные исследования* / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 425.

Е.В. Кириченко

- ⁷ См.: *Parsons T., Bales R.* Family, Socialization and Interaction Process. N.Y.: Free Press, 1955. 168 p.
- ⁸ См.: *Komarovsky M.* Functional analysis of sex roles // *American Sociological Review*. 1950. №. 15. P. 508–516.
- ⁹ См.: *Воронина О.А.* Формирование гендерного подхода в социальных науках // *Гендерный калейдоскоп. Курс лекций / Под ред. М.М. Малышевой.* М.: Academia, 2002. С. 8–32.
- ¹⁰ См.: *Шабурова О.В.* Гендер // *Современный философский словарь.* Лондон: Панпринт, 1998. С. 183–186.
- ¹¹ *Уэст К., Циммерман Д.* Создание гендера // *Гендерные тетради.* Вып. 1. СПб.: ИС РАН, 1997. С. 85.
- ¹² См.: *Красова Е.Ю.* Словарь гендерных терминов. М.: Информация – XXI век, 2002. 256 с.
- ¹³ См.: *Золотухина М.В.* Американский мужчина – новое в роли отца и мужа // *Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы.* Т. 1. М.: РАН, 1999. С. 283–297.
- ¹⁴ См.: *Васильченко Г.С.* Общая сексопатология. М.: Медицина, 1977. 486 с.
- ¹⁵ См.: *Кон И.С.* Указ. соч.
- ¹⁶ См.: *Mead M.* Male and female: A study of the sexes in a changing world. N.Y.: Morrow, 1975. 477 p.
- ¹⁷ См.: *Попова Л.В.* Гендерные аспекты самореализации личности. М.: Прометей, 1996. 42 с.
- ¹⁸ См.: *Fivush R.* Exploring sex differences in the emotional context // *Psychological Review*. 1987. Vol. 94. P. 369–389.
- ¹⁹ См.: *Deaux K.* Sex and gender // *Annual review of psychology*. 1985. № 36. P. 49–81.
- ²⁰ *Хорни К.* Женская психология. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1993. С. 28.
- ²¹ См.: *Maccoby E.E., Jacklin C.N.* The psychology of sex differences. Oxford: Oxford univ. press, 1975. 271 p.
- ²² См.: *Попова Л.В.* Указ. соч.
- ²³ *Грошев И.В.* Мужское и женское: коды гендерного конфликта // *Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко.* М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 69.
- ²⁴ *Giddens A.* Modernity and self-identity. Stanford: Stanford univ. press, 1991. P. 16.

И.О. Шевченко

АВТОРИТЕТ ОТЦА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ

В статье рассматриваются теоретические аспекты отцовства, авторитета и роли отца в семье, в воспитании ребенка. Представлены также результаты качественного исследования авторитета отца в современной семье. На основе эмпирических данных анализируются внутрисемейные отношения, социальные практики отцовства, роль отца в семье, влияние отца на ребенка, авторитет отца у жены и детей.

Ключевые слова: авторитет отца, роль отца в семье и социализации ребенка, внутрисемейные отношения.

Теоретические проблемы исследования роли и авторитета отца

Самыми близкими ребенку людьми и важнейшими агентами семейной социализации являются родители. Именно они раньше других знакомят только появившегося на свет человека с миром и на протяжении первых 10–15 лет оказывают наиболее сильное влияние на социализацию индивида. Отец и мать – те две составляющие семейной социализации, представление о ролях и функциях которых ребенок получает с самого детства. И, преломляясь в сознании ребенка, понятия об этих взаимодействиях ложатся в основу его собственных взглядов относительно семейной жизни. Родители же доносят до ребенка большую часть знаний об обществе. Таким образом, авторитет отца и матери лежит в основе представлений ребенка о мире. В связи с принципиальным изменением понимания семьи и брака в XX в., изменились и статусы мужчины и

женщины в семейной жизни. Это, естественно, привело к трансформации ролей мужчины и женщины в семье, к иному распределению авторитета.

В последние годы не смолкает разговор о кризисе семьи, а некоторые ученые даже говорят о ее деградации. К концу XX в. заговорили и о кризисе отцовства. Именно с ролью отца связан один из самых распространенных стереотипов нашего времени, согласно которому отцы отдаляются от семьи, меньшее участие принимают в воспитании детей, чем это было в прошлом. На первый взгляд, все очевидно. Женщины, получив равные с мужчинами права, работают наравне с сильным полом. Они же по-прежнему в большей степени вовлечены в выполнение обязанностей по ведению домашнего хозяйства. Женщины больше времени, чем мужчины, уделяют детям. В случае развода, что стало распространенным явлением в XX в., в подавляющем большинстве случаев дети остаются с матерью, и все основные заботы ложатся на ее плечи. Но не все так однозначно, как кажется. Объективное рассмотрение роли отца в социализации детей, его авторитета и влияния, возможно, изменит стереотипный обывательский взгляд на проблему.

Социальная сущность отцовства. Определимся вначале с понятием «отцовство». С юридической точки зрения отцовство – факт происхождения ребенка от данного мужчины; юридически удостоверяется записью в органах ЗАГСа в свидетельстве о рождении. При рождении ребенка от лиц, состоящих в браке между собой, его отцом по заявлению любого из супругов записывается муж матери. Если родители не состояли между собой в браке, отцовство устанавливается на основании поданного ими в органы ЗАГСа совместного заявления¹.

В социологии отцовство понимается как «социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры, а также структуре и функциях семьи»². Таким образом, отцовство – это социальный конструкт.

И. Кон делает акцент на необходимости разделять реальные отцовские практики, которые также часто обозначают термином «отцовство», и отцовство как социальный институт. «Реальные отцовские практики, деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей, значительно более текучи, изменчивы и разнообразны»³. И если изучение института отцовства предполагает анализ социокультурных норм, то есть того, что общество ожидает от отца, то анализ отцовских практик – это рассмотрение действий и чувств конкретных отцов. Также И.С. Кон подчеркивает, что отцовство – одна из главных мужских идентичностей, а связанные с ним социально-педагогические практики – важный элемент структуры семьи.

Обосновывая современный подход к анализу семейных отношений, социологи приходят к выводу, что в его основе должен лежать интерес к конфигурациям ролевых взаимодействий. Именно ключевые семейные роли, прежде всего роли отца и матери, мужа и жены, определяют семейные взаимоотношения. Когда речь идет не о браке, а о семье, принято оперировать терминами «отец» и «мать», обозначающими их роли в социализации и обеспечении жизнедеятельности ребенка. Роль отца – это действия мужчины как родителя, вытекающие из его прав и обязанностей в соответствии со статусом отца.

Существует несколько разных подходов к родительству, в том числе отцовству. Одни видят в нем явление биологическое, другие – социокультурное, третьи – биосоциальное. Во-первых, родительство понимают как биологическое явление. Сам человек здесь приравнен к другим представителям животного мира, и с точки зрения различий между их репродуктивным поведением, условиями существования производится анализ различий в родительском поведении. С точки зрения биологического подхода, к примеру переход от полигамии к моногамии, обусловлен специфическими условиями, когда самка в одиночку без помощи самца не может вырастить потомство. В тех животных сообществах, где родительские обязанности выполняет исключительно самка, необходимость в длительном предварительном уходе, длительном брачном союзе отпадает. Соответственно, не существует и отцовства. Биологический подход игнорирует специфику родительского поведения, его мотивацию и институционализацию у человека. Этот недостаток пытаются преодолеть ученые в рамках социального подхода, где родительство понимается как продукт длительного и противоречивого исторического развития. Биосоциальный подход представляется более оправданным, он предполагает лишь анализ биологических различий, которые, как предполагается, также могут меняться под влиянием социальных условий⁴. Таким образом, с одной стороны, нельзя отрицать социальной детерминированности института отцовства, с другой – невозможно полностью отказаться от наличия существенных биологических различий между мужчинами и женщинами. Это, прежде всего, различия психологические, физиологические. Они делают незаменимыми роли отца и матери, создают между ними существенные различия, которые, несмотря на все усилия феминистов, не могут рассматриваться как равные друг другу.

На первых этапах развития человеческого общества не существовало как таковой институционализации родительства. Уход за детьми и их воспитание были делом общины. Соответственно,

не возникало и особой привязанности между ребенком и его физическими родителями. В античных и средневековых обществах обращение с детьми было весьма суровым. Ребенок был «как бы недочеловек, существо, лишенное разума»⁵. Совокупность объективно негативных факторов во взаимоотношениях родителей и детей затрудняла формирование устойчивой эмоциональной близости между родителями и детьми. Среди таких факторов особо следует выделить высокую детскую смертность, которая компенсировалась высокой рождаемостью, что делало жизнь отдельного ребенка далеко не такой ценной, как в современных обществах. Такая демографическая ситуация существовала много столетий подряд, и лишь примерно к концу XX в. обрела те очертания, которые мы видим сегодня в западном обществе. Высокая смертность благодаря достижениям медицины упала, что в том числе привело и к изменению норм рождаемости. Это также связано с достижениями медицины, которые позволили человеку вмешиваться в репродуктивный цикл. Другим фактором, препятствующим формированию крепкой эмоциональной связи между родителями и детьми, был институт *воспитательства*, обычай воспитания детей вне родительской семьи. Ребенок, с детства выросший в чужой семье, был психологически гораздо ближе к ней, чем к собственным родителям. Когда же в XV–XVI вв. внимание к детям заметно возросло, то это выразилось в усилении требовательности и строгости в отношении к детям, но никак не снисходительности и любви. В этот период стали много говорить об обязанностях детей перед родителями, в основном перед отцом, но не об обязанностях родителей перед детьми. XX век внес существенные коррективы в общественное сознание в отношении родительства. Этому способствовали социально-политическая эмансипация женщин и их вовлечение в общественно-производственную деятельность. Эти факторы сделали для многих женщин их семейные роли не столь значимыми, как это было ранее, соответственно, должна была увеличиться значимость семейной роли отца.

В традиционных семьях отцовский авторитет – своего рода продолжение «вертикали власти, на вершине которой стоит Небесный Отец, а каждая вышестоящая власть выступает как символический отец нижестоящей, которую он порождает, содержит, контролирует, дисциплинирует и наставляет на путь истинный»⁶, пишет И.С. Кон. Авторитет отца в патриархальной семье держался в большей степени социальным положением главы семьи, нежели личными качествами конкретного мужчины. Была характерна отстраненность отца от детей и семьи. Он нечасто общался с детьми, не проявлял к ним особой теплоты, не был излишне откровенен, редко находился дома.

Все это «не только следствие его внесемейных обязанностей, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти»⁷. Но хотя отец в традиционной семье принимал небольшое участие в уходе за ребенком, он проводил много времени с ним, обучая трудовой деятельности.

Таким образом, в традиционной семье роль отца можно представить в следующих ипостасях: 1) персонификация власти; 2) прародитель, источник жизни; 3) кормилец; 4) дисциплинатор; 5) пример для подражания; 6) непосредственный наставник в общественно-трудовой деятельности⁸. В зависимости от особенностей того или иного общества соотношение этих функций могло быть разным. Непосредственный уход за детьми в этом перечне отсутствует. Основа отцовства в традиционных семьях другая – инструментальная эффективность, то есть функции добытчика.

В XX в. в связи с такими тенденциями, как распространение женского равноправия, вовлечение женщин в профессиональную работу, разобщенность труда и быта, институт отцовства заметно меняется. Современные женщины имеют практически равную с мужчинами возможность для реализации во внесемейной деятельности. Мужчины в этой ситуации теряют чувство ответственности за содержание семьи, так как женщины часто не хуже своих мужей справляются с этой обязанностью. В связи с урбанизацией, работой отца вне дома дети практически полностью лишились контакта с родителем в трудовой деятельности. В результате во второй половине XX в. сложился один из самых распространенных стереотипов общественного сознания – мысль о слабости и неадекватности современных отцов. Но этот стереотип требует тщательного анализа, так как в нем ярко выражена идеализация традиционной семьи и налицо занижение вклада современных отцов в воспитание детей. Тем не менее необходимо отметить ряд факторов, которые ослабляют институт отцовства в наше время.

1. В архаических обществах высокая плодовитость была одним из символов «мужской силы». Удачливые мужчины имели много жен и много детей. Более того, в некоторых обществах до вступления в брак, а в каких-то культурах и до появления детей, мужчина не считался полноправным членом общества. В наше время сила и статус мужчины оценивается по другим признакам, главным образом по успеху в трудовой деятельности, а также по сексуальной активности как таковой.

2. Важным признаком мужской силы в традиционных обществах была социальная успешность, выражающаяся в том числе и в выполнении важнейшей из обязанностей мужчин – «кормить детей

и женщин»⁹, пишет М. Мид. Сегодня женщины потеснили мужчин и не менее успешно справляются с функциями «кормильца».

3. Рост числа разводов и внебрачных рождений.

4. Снижение способности (в связи с проблемами мужского здоровья) и мотивации к деторождению.

5. Потеря экономической выгоды отцовства и родительства в целом.

6. Неуверенность мужчин в том, что дети, рожденные в семье, биологически их дети.

7. Легитимация социального статуса холостяка¹⁰.

Интерпретация этих явлений может быть разной. Одни полагают, что налицо историческая тенденция *ослабления* отцовского начала, грозящая серьезными социальными сдвигами. Другие, напротив, считают, что отцы никогда не играли важной роли в воспитании детей и сегодняшняя ситуация мало чем отличается от того, что было ранее.

На основании ряда исследований социологами были выделены следующие тенденции отцовства в наше время: рост безотцовщины, частое отсутствие отца в семье; незначительность и бедность отцовских контактов с детьми по сравнению с материнскими; педагогическая некомпетентность, неумелость отцов; незаинтересованность и неспособность отцов осуществлять воспитательные функции, особенно уход за маленькими детьми¹¹.

При этом в последнее время все чаще стали говорить о формировании такого феномена, как «новое отцовство». Оно связано с иным распределением семейных ролей, которое сформировалось в связи с увеличением внесемейной занятости женщин. Мужчины стали принимать больше участия в воспитании детей, начали подключаться к уходу за детьми, даже за новорожденными. «Новое отцовство» – это прогрессивная тенденция, отвечающая требованиям времени. Но из-за того что содержание отцовских ролей определены культурой не так четко, как содержание роли материнской, многое зависит от каждого мужчины конкретно и от тех социальных условий, в которых протекает его жизнь, от того, какой пример отцовского воспитания получил он сам.

«Отсутствующий отец». Этот термин появился в XX в. Сначала он означал отсутствие отца дома в связи с выполнением функции кормильца, а в дальнейшем так стали называть отцов, которые в результате развода сохранили лишь случайные контакты со своими детьми или вообще потеряли с ними связь. В защиту отцов нужно сказать, что две трети разводов происходят сегодня по инициативе женщин¹². Так что не вполне правомерно рост безотцовщины ставить в вину только мужчинам.

Безотцовщина, без сомнения, – проблема нашего времени. Однако она не исчерпывается лишь высоким уровнем разводимости. В книге «Америка без отцов» Д. Бланкенхорн утверждает, что общества с высоким уровнем разводов сталкиваются не только с безотцовщиной, но и с эрозией самой идеи отцовства. Это приводит к губительным социальным последствиям, поскольку многие дети растут, не имея рядом с собой авторитетной личности, к которой они могли бы в случае нужды обратиться за помощью. Д. Бланкенхорн утверждает, что отцовство и брак во всех обществах являлись «средством целенаправленного устремления сексуальной и агрессивной энергии мужчин. В противном случае такие виды энергии чаще всего направлялись в преступность и насилие»¹³. Выросшие без отца дети, сами создав семью, не будут иметь четкого представления о поведении мужчины в семейной жизни, их представления будут односторонними и искажены в связи с перевесом женского влияния.

Но, несмотря на то что отсутствие отца в семье – серьезная проблема для полноценной социализации индивида, нужно заметить, что не всегда физическое присутствие отца означает его участие в воспитании ребенка. Некоторые отцы либо практически не участвуют в развитии ребенка, либо действует искаженно. «В таких семьях обычно наблюдается инверсия ролей: строгий авторитет здесь чаще представляет мать. В результате доминирования матери и отчуждения отца нарушается положительная идентификация ребенка с родительскими моделями»¹⁴.

При анализе проблемы безотцовщины позиции специалистов разделились. Одни полагают, что даже «невидимый», некомпетентный и часто невнимательный родитель для ребенка лучше, чем его отсутствие. Такая позиция подкреплена тем, что дети, выросшие без отца, часто имеют пониженный уровень притязаний, у них выше уровень тревожности, чаще встречаются невротические симптомы, они труднее налаживают контакты со сверстниками, у них ниже успеваемость, заниженная самооценка, им труднее дается усвоение мужских половых ролей и соответствующего стиля поведения, они чаще других гипертрофируют свою маскулинность, проявляя агрессивность, грубость, драчливость. Другие ученые полагают, что влияние отца-алкоголика, отца, применяющего физическую силу по отношению к жене и детям, отца-преступника для ребенка еще хуже, чем его отсутствие. С этой точки зрения ключевой вопрос не в том, есть ли отец, а в том, насколько он участвует в семейной жизни и воспитании детей.

Вклад отца в социализацию ребенка. По мнению Э. Фромма, отцовская любовь в отличие от материнской – любовь «требователь-

ная», любовь, которую ребенок должен заслужить. Чтобы заслужить любовь отца, ребенок должен соответствовать определенным социальным требованиям и отцовским ожиданиям в отношении достижений и способностей. Любовь отца служит как бы наградой за успехи и хорошее поведение. Таким образом, отец выполняет функцию социального контроля, является носителем требований, дисциплины и санкций.

Согласно позиции А. Адлера, роль отца в воспитании заключается в поощрении активности. Если мать предоставляет ребенку возможность ощутить интимность человеческой любви, то отец является источником познаний о мире, труде, технике, способствует формированию социально полезных целей и идеалов, социального интереса, профессиональной ориентации. По мнению А. Адлера, «идеальный отец – это тот, кто относится к своим детям как к равным и принимает активное участие наряду с женой в их воспитании»¹⁵. Две основные ошибки отцов, по мнению ученого – эмоциональная холодность и излишняя авторитарность.

Отцовские чувства не являются врожденными, а формируются на протяжении первых лет жизни ребенка. Есть даже утверждение, что пока отцовские чувства не проснулись, лучшее, что может сделать мужчина, – это любить мать своих детей. Даже если отец участвует в воспитании ребенка с первых дней его жизни, роли отца и матери все же несколько разнятся. «Мужчины – не очень хорошие матери»¹⁶ – эта фраза подразумевает, что невозможно ждать от отца того же, чего мы ожидаем от матери. Ученые замечают, что роль отца в детские годы главным образом сводится к активным играм, направленным на физическое развитие ребенка. Даже в грудном возрасте ребенка отцы только подбрасывают его катают на коленях, играют с ручками и ножками малыша. Матери же, напротив, пеленают, купают и кормят. Игра матери является естественным продолжением материнской ласки и дарит ребенку чувство безопасности и тепла. Игры с отцом, напротив, «помогают развитию моторики ребенка, освоению окружающего пространства, собственного тела, что является важным условием интеллектуального развития ребенка»¹⁷. Мать помогает ребенку научиться взаимодействовать внутри семьи, отец – с внешним миром. Если от матери дети получают ласку, нежность, доброту и чуткость к людям, то от отца – мужество, силу воли, умение бороться и побеждать¹⁸.

Помимо игрового взаимодействия отец играет важную роль в формировании у ребенка моральных норм. Через собственное поведение, личным примером, выражающим определенное отношение к событиям, поступкам, отцы предоставляют детям модели поведения. Тем самым родители демонстрируют и передают детям

собственную систему норм и ценностей. Родители, особенно отец, дисциплинируя детей, создавая для них определенные рамки поведения, одобряя одни поступки и наказывая за другие, транслируют ребенку систему общественных ценностей. Наиболее важным фактором усвоения моральных норм и социальных ролей является идентификация. И отец в этом случае особенно необходим мальчику. В мальчиках через идентификацию появляется чувство ответственности и самостоятельности.

Также отец оказывает влияние на развитие личностных характеристик ребенка. Ученые доказали, что «у отцов, занимавшихся с детьми не меньше двух раз в неделю, дети становились наиболее чуткими взрослыми»¹⁹. Отечественный исследователь Е.П. Ильин утверждает, что дети, которые близки с отцом, обладают значительно более высокой самооценкой и стабильностью «образа Я» в сравнении с теми, кто описывает свои отношения с отцом как отчужденные. Дети, отцы которых принимают активное участие в их воспитании, вырастают более отзывчивыми в социальном плане.

Влияние отца на гендерную идентичность. Отцы оказывают существенное влияние на гендерную (полоролевою) идентичность детей. Роль отца в усвоении ребенком гендерной роли может быть даже более значимой, чем роль матери. Если отношения отца и сына отличаются теплотой и доверием, то забота отца, желание быть таким же «мужественным», как отец, значительно усиливает позитивное восприятие, усвоение мужского поведения и формирование адекватной полоролевой идентичности. Значение личности отца при воспитании сына прежде всего в том, что для ребенка он представляет эталон мужчины. «Образцы поведения отца, копируемые ребенком, формируют нравственный облик, способы поведения мальчика. От отца он перенимает мужественные черты, учится мужскому достоинству, рыцарству. Взаимоотношения девочки с отцом оказывают влияние на ее дальнейшие гетеросексуальные контакты, являясь прототипом этих взаимоотношений»²⁰.

Здесь стоит несколько подробнее остановиться на различии роли отца в социализации мальчиков и девочек. Принято считать, что особое значение присутствие отца имеет для мальчиков. Это связано с тем, что в контактах с отцом у мальчика созревают истинно мужские черты: потребность и способность защищать, принимать на себя ответственность, внутренняя энергия и душевная сила. Отец, формируя эти качества в ребенке, помогает ему совершить переход от младенца на маминых руках к мальчику, а потом к юноше²¹. Но не стоит недооценивать значение отца в формировании личности девочки. Задача отца здесь сильно отличается от той, что стоит перед отцом мальчика, но от этого она не становится менее

важной. Влияние отца на половую идентификацию девочки наиболее значительно проявляется в период юности. Для девочки важно, чтобы отец как мужчина одобрил ее как достойную представительницу женского пола, выразил даже восхищение ее действиями, внешностью. Благодаря этому у девочки происходит формирование позитивной самооценки. Также ежедневные отношения отца с дочерью учат ее понимать мужскую психологию, знакомят с нормами мужского поведения, что впоследствии упрощает ее общение с противоположным полом.

Важным аспектом поведения отца являются его отношения с собственным отцом. Какой пример отцовского поведения тот продемонстрировал, такая модель отцовства напрямую будет транслироваться его сыном. Здесь становится актуальной и история его отношений с матерью. Насколько эти отношения были полны заботой, доверием, насколько позитивный многомерный образ женщины и матери сложился у мужчины. Мужчины (как и женщины) своим поведением в семье, выполнением родительских обязанностей часто (но не всегда) транслируют и ту модель поведения, которую они видели в своей семье.

Вовлеченность, доступность и ответственность отца. И.С. Кон выделяет три аспекта рассмотрения роли отца: вовлеченность, доступность и ответственность. Анализируя вовлеченность, исследователи отмечают, что отцы, у которых установился хороший эмоциональный контакт с ребенком еще в грудном возрасте, оказываются более внимательными отцами и в дальнейшем. Дети таких отцов имеют более «высокий уровень умственного и физического развития, вырастают более эмоционально отзывчивыми»²². Такие отцы в целом имеют лучшие отношения со своими детьми, чем те, кто принимал небольшое участие в жизни только родившегося ребенка. Если у отца не сформировались устойчивые отношения с ребенком в грудном возрасте, дальнейшим результатом такой отстраненности может стать восприятие отца лишь источником материального обеспечения.

Что касается доступности отца, то она предполагает, к примеру, возможность ребенка спросить о непонятных явлениях, получить объяснение своего нового субъективного опыта, получить похвалу за успешное действие. Доступность определяется и через время, которое ребенок проводит с отцом, и через доступность для ребенка других форм взаимодействия с ним.

Ответственность отца представляет собой ответственность за обеспечение семьи, то есть роль кормильца, ответственность за принятие решений, то есть роль главы семьи.

Роль главы семьи связана «с принятием социальной ответственности за действия группы: доминирующий член группы отвечает за

успешность выполнения общей задачи и, кроме того, несет ответственность за сохранение нормальных отношений между членами группы»²³. По мнению американского антрополога М. Мид, ответственность за семью несет мужчина, и когда мужчина по каким бы то ни было причинам не выполняет этой своей роли, семья рушится. Если мужчина несет ответственность за себя и за семью, ее настоящее и будущее, семью можно считать нормальной. Если мужчина добровольно либо по внешним обстоятельствам теряет груз ответственности, возникают различные варианты аномальной семьи.

Таким образом, можно выделить следующие *функции отца*:

- 1) отец помогает осознать ребенку его пол;
- 2) отец для ребенка является символом мужественности, образцом мужского поведения;
- 3) отец является образцом порядка и дисциплины;
- 4) отец – наиболее естественный источник познания о мире, труде и технике; он способствует ориентировке на будущую профессию и создает социально полезные цели и идеалы;
- 5) отец проводит малыша по пути к человеческому обществу, то есть дает понятие о социальных нормах и правилах;
- 6) отец формирует у ребенка способность к инициативе и противостоянию групповому давлению;
- 7) отец меньше, чем мать, опекает ребенка, тем самым поощряя проявление самостоятельности;
- 8) отец формирует в ребенке необходимое чувство защищенности;
- 9) отец является источником уверенности и авторитета²⁴.

Стоит обратить внимание на еще один важный аспект оценки роли отца в воспитании ребенка. Молодые отцы и отцы средних лет, как правило, по-разному реагируют на рождение ребенка. Главная психологическая трудность незрелых отцов – в неумении почувствовать радость от общения с ребенком. Молодым отцам ребенок часто кажется помехой в их общении с женой, отцовские обязанности кажутся им слишком тягостными и неинтересными.

Отцы поздних детей, напротив, придерживаются любящего, принимающего стиля воспитания, ориентированного на ребенка. Зрелые отцы испытывают потребность в том, чтобы передать ребенку свой опыт, сделать ребенка своим наследником и воспитанником, передать в будущее то лучшее, чем владеют сами. Они испытывают потребность защищать, принимать ответственность. Отцы поздних лет наиболее эффективны во взаимодействии с детьми раннего и дошкольного возраста.

Тенденции развития отцовства в России. В основном российские мужчины сохраняют традиционный стиль отцовства. Они считают уход за маленькими детьми делом матери, оставляя за собой

функцию обеспечения семьи. В нашей стране больше, чем в других странах, жестки установки относительно успешности мужчин, связанной с внесемейными достижениями. В результате любые социальные неудачи, вроде потери работы, снижают семейный статус мужчины, отрицательно влияют на его самооценку. Для российской культуры, что отмечает И.С. Кон, нехарактерно внешнее проявление любви и нежности отца к ребенку. Многие российские отцы видят свою роль лишь в материальной поддержке ребенка, тогда как, по мнению психологов, внимание, участие, понимание, дружба, общность интересов, дел, увлечений, совместный досуг – это то, в чем ребенок нуждается гораздо больше.

Еще одна особенность, отмечаемая многими авторами, – авторитарный стиль воспитания российских отцов, характерной чертой которого является стремление к безапелляционности в суждениях и ясности во всякой ситуации. Тот факт, что отцы сводят воспитание к запретам, наказаниям, замечаниям, ведет к тому, что ребенок воспринимает отца как человека, видящего в нем одни недостатки, всегда ожидает от него негативной оценки. И в дальнейшем такие ожидания могут транслироваться и во взаимодействии с другими людьми, вызывая у ребенка неуверенность в себе.

Наше государство декларировало равноправие обоих родителей по отношению к ребенку. В реальности же нынешнее законодательство и практика отчуждают отца от семьи²⁵. Система льгот в связи с рождением ребенка, отпуск по уходу за ребенком предоставляются преимущественно матерям. В России ситуация отягощена также социально-экономическим кризисом, следствием которого является невозможность для многих отцов достойно содержать семью, что крайне негативно отражается на самоидентификации и оценке статуса российских отцов. Среди глобальных демографических проблем выделяются физические потери мужского населения в связи с войнами, мужской сверхсмертностью в 1990-е и 2000-е годы. Последняя проблема – объективная и важная причина безотцовщины в современной России.

Роль отца предполагает выполнение определенных обязанностей, влекущих за собой, соответственно, права отца: это право принимать решения за ребенка, право требовать от ребенка послушания, право наказывать ребенка, право его направлять, участвовать в жизни ребенка; обязанности отца – обеспечить ребенка всем необходимым для его жизни и нормального развития согласно возрасту, социализация ребенка, ответственность за усвоение ребенком гендерных ролей, моделей семейного поведения.

Также немаловажен фактор социального преимущества отцовства, того, что мужчине дает отцовство, то, как это влияет на его

социальный статус. Стоит заметить, что ситуацию в сегодняшней семье можно назвать переходной. Ценности патриархальной семьи теряют значение, новые ценности формируются с трудом. Социальная роль отца претерпевает соответствующие изменения. Возможно, отсутствие ясности в этой стороне родительства связано с тем, что стиль отцовства в современном обществе существенно зависит от личности конкретного отца.

Авторитет и роль отца в современной российской семье

Согласно общему определению, *авторитет* (нем. *Autorität*, лат. *auctoritas* – власть, влияние) есть значение чего-либо (в данном случае отца) и основанная на значении или с ним соединенная власть. Авторитет в узком смысле – влияние, возбуждающее уважение, доставляемое обладанием превосходной и признанной властью или выдающейся и признанной мудростью, знанием, добродетелью. Это влияние индивида, основанное на занимаемом им положении и статусе. Говорят также о вере в авторитет, которая бывает основана на доверии к мнению или знанию другого лица.

В отличие от принуждения, базирующегося на реальном или символическом насилии, влияние авторитета основано на добровольном подчинении. Обязательным условием является легитимность источника авторитета. В соответствии с концепцией М. Вебера, авторитет может освящаться тремя источниками: традицией, рационально обоснованной законностью, аффективной законностью, основанной на харизме лидера. Таким образом, если применить все это к отцу, его авторитет может быть основан на самом статусе отца, чего явно недостаточно для современных детей и жены. Авторитет патриархального отца в значительной степени держался на традиции, современным отцам недостаточно и этого. Чтобы обладать авторитетом в современной семье, отцу нужно гораздо больше, и в этом смысле нынешним отцам приходится гораздо труднее.

С целью рассмотреть проблему авторитета и роли отца в современной российской семье весной–осенью 2010 г. автором было проведено качественное исследование²⁶. Оно носило разведывательный характер. Было опрошено 20 респондентов, мужчин и женщин (семейные пары). Удалось опросить и некоторых детей. Респонденты опрашивались отдельно и не слышали ответов друг друга. Такая методика способствует большей откровенности и обеспечивает «двухсторонний» взгляд на проблему.

При составлении выборки учитывались следующие параметры: семьи с детьми (дошкольники, младшие школьники, подростки и взрослые); родители с высшим и без высшего образования; в равной

пропорции – первый брак у обоих супругов и второй у одного или обоих. Таким образом, среди респондентов были выделены следующие группы: первый брак, совместные дети; второй брак у него и/или у нее, совместные дети, дети от первых браков.

В основу проведенного исследования легли следующие основные идеи. Основная изучавшаяся переменная – это собственно авторитет отца в семье. Переменные, взаимосвязь между которыми планировалось установить: степень активности отца в воспитании детей (по самооценке и оценке жены), соответственно вовлеченность и доступность отца; степень поддержки женой авторитета отца (по самооценке и оценке жены) и влияние этой переменной на авторитет; кто признается главой семьи (по самооценке и оценке жены); роль отца в семье (по самооценке и оценке жены), в том числе ответственность; ориентированность отца на семью/на работу/на друзей (по самооценке и оценке жены); отношения с собственным отцом (по самооценке). Поскольку исследование качественное, по крайней мере на данном этапе, о числовых связях речи не идет.

Первая группа вопросов относилась к *повседневной жизни семьи*.

Выяснилось следующее. Обычно ежедневную жизнь детей контролирует мама. Отцы либо звонят днем, либо узнают о событиях детской жизни вечером. Но вовлеченные отцы практически всегда в курсе детских событий. В выходные дни вовлеченные отцы стремятся взять на себя часть забот по дому (делают покупки, особенно крупные, помогают по дому) и занимаются детьми (гуляют, возят и водят на всяческие занятия). «Отсутствующие» отцы заняты преимущественно собой. Хотя даже самые эгоистичные из них способны откликаться на просьбы жены и детей. К примеру, один папа «вдруг» начал заниматься с дочкой математикой, когда выяснилось, что девочка не справляется и жена не в состоянии ей помочь.

Большинство семей предпочитают отдыхать вместе. В первую очередь это относится к активным отцам, которые хотят проводить больше времени с детьми и женой хотя бы в отпуске, так как обычно многие «пропадают» на работе. В случаях, когда у папы сохраняется (сохранялся) контакт с ребенком (с детьми) от первого брака, на отдых берутся и они тоже. Вместе с тем отмечаются практики, когда муж отправляет жену с детьми на дачу или отдыхать на все лето отдельно от себя. Это относится к отцам, формально относящимся к своим обязанностям.

Семейные праздники в российских семьях – это традиция, которой придерживаются все и всегда. Отмечаются дни рождения как взрослых, так и детей, приглашаются родные и друзья. На детские праздники зовутся и родственники, и друзья детей. Впрочем, нет

правил без исключения: встречаются семьи, где практически не поддерживается контакт с родственниками. Обычно это связано с нежеланием старших родственников (бабушек и дедушек) хоть как-то помогать детям и внукам. В общем-то, это не является правилом в России: скорее, наоборот, именно у нас старшее поколение склонно поддерживать младшее и морально, и материально, и тратить на детей и внуков свое время. Такие отношения называют реципрокными, они взаимно выгодны обеим сторонам: старшие чувствуют свою востребованность, младшим легче растить детей. Так что для нас было удивительным обнаружить в Москве достаточно много семейных групп, где бабушки и дедушки (если они есть) совсем не рвутся помогать детям и проводить время с внуками, хотя бы изредка.

В семьях, где папа активно участвует в жизни детей, даже если только по вечерам и по выходным, ссор из-за недостаточного отцовского внимания к детям почти нет. А вот если отец занят преимущественно своими делами, то возникают проблемы как в отношениях с женой, так и с детьми. Жены выбирают в таких случаях разные стратегии поведения: кто-то ссорится, пытаюсь привлечь таким образом внимание мужа, и ситуация часто разрешается разводом. Кто-то молча терпит – это чаще всего неработающие жены, и в таком случае раздражение и обида накапливаются. Но деваться таким женам просто некуда: муж полностью содержит и супругу, и детей, жена не работает давно и потеряла профессиональную квалификацию. Но на таких отцов обижаются и дети. Одна девочка сказала: «Как я завидую детям, у которых папа во всем участвует».

Интересно, что мужья и жены сходно оценивают степень участия отцов в выполнении их обязанностей по отношению к детям. При этом в семьях, где отцы проявляют активность, жены оценивают мужей даже выше, чем сами папы. Общая закономерность такова: мамы отслеживают повседневные дела, а отцы чаще участвуют в решении «глобальных» проблем, при этом занимаясь с ребенком и обыденными делами по мере возможности.

Следующая группа вопросов касалась собственно отцовства – *отцовских чувств и отцовских практик*.

Большинство отцов радуются появлению детей, за исключением следующих случаев:

1) когда отец был против рождения ребенка, но жена решила по-своему («ребенок появился не вовремя», «я еще не созрел для отцовства», «опасался, что ребенок помешает делать карьеру», «мы материально не были готовы к появлению ребенка»);

2) когда рождение ребенка стало сюрпризом для отца; бывают и такие случаи, ребенок рождается вне брака, и мужчина узнает об этом событии, когда оно состоялось.

Но, как сказал один респондент: «Я радовался появлению первого ребенка, потому что так было положено. Но действительно понял, что такое ребенок, и действительно стал радоваться, что он у нас есть, когда дочке было года три. Со вторым ребенком это случилось, когда ей было полгода. И только с третьим радость появилась сразу» (мужчина, 30 лет, трое детей; интервью 4, архив автора). Такая эволюция происходит со многими отцами. Можно отследить некоторые закономерности: чем моложе отец, когда у него появляется ребенок, тем сложнее ему осознать этот факт, принять его и прочувствовать. Даже мужчины, осознающие свою возросшую ответственность, далеко не сразу ощущают радость. Гордость – «да, вот я отец», присутствует почти у всех и изначально.

Часть отцов испытывает нечто вроде растерянности: «И что теперь я должен делать? Как себя вести?» В первую очередь это относится к молодым и неопытным отцам. Эта растерянность быстро проходит, если отцу приходится активно ухаживать за ребенком, взаимодействовать с ним. Если же отца к ребенку не пускают, то растерянность может закрепиться надолго. Данные психологов, что отцовские чувства просыпаются в процессе общения с малышом, подтверждают многие респонденты.

Степень помощи жене после рождения ребенка зависит от нескольких моментов:

- 1) изначального желания стать отцом;
- 2) осознания своей ответственности («Ведь ребенок общий, а не только жены»);
- 3) понимания жены и прочих родственников, особенно женщин, что мужчина вполне в состоянии справиться с маленьким; часто женщины «задвигают» отца, не подпускают его к ребенку («Не мужское это дело»). Общение с ребенком и уход за ним приносят пользу и папе, и малышу: папа обычно проникается отцовскими чувствами, а малыш запоминает папины руки, да и папу целиком. Опять же, по данным психологов, если папа в раннем детстве общался с сыном или дочкой, они в дальнейшем ощущают себя более близкими. Высказывания наших респондентов это подтверждают.

На вопрос «Что должен отец дать своему ребенку?» отцы отвечали по-разному.

1. Отец должен дать ребенку чувство опоры, чувство защищенности: «Я всегда ему помогу. Он может на меня рассчитывать» (мужчина, 60 лет, двое детей; интервью 2, архив автора). Для дочки, помимо этого, по мнению большинства респондентов, отец должен обеспечить чувство того, что она, безусловно, любима.

2. Отец должен сориентировать ребенка в жизни. Это относится как к поведению в обществе, нравственным нормам, так и профессио-

нальному самоопределению: «Я должен дать им возможность все попробовать, чтобы они поняли, что их действительно интересует в жизни. Потому что добиться успеха можно только в той области, которой действительно интересно заниматься» (мужчина, 30 лет, трое детей; интервью 4, архив автора).

3. И для дочки, и для сына отец – образец мужского поведения, для сына как пример для подражания, для дочери – для сравнения.

4. Отец является дисциплинатором детей, к нему обращаются, когда нужно оказать серьезное воздействие на ребенка.

Обыденные, ежедневные решения в жизни ребенка обычно принимает мать, поскольку именно она чаще всего постоянно контролирует детей. Если же речь идет о более серьезных вещах, то проблема обсуждается совместно, возможно, с участием ребенка, и только тогда выносится решение.

5. Обычно в семьях, где отец не отстраняется от участия в жизни детей, все события доводятся до сведения отца, к примеру, вечером, после работы. Некоторые папы звонят домой днем, чтобы узнать, как обстоят дела. Информация может скрываться от отца в случаях, когда ребенок что-то «натворил», например получил плохую оценку: «Недавно Полина принесла двойку по математике – забыла решить задачу. Попросила: «Не говори папе, пока я не исправлю». И только когда в дневнике появилась пятерка, мы сообщили отцу» (мужчина, 30 лет, трое детей; интервью 4, архив автора). Мелкие события личной жизни тоже могут обсуждаться с мамой, но не всегда, иногда доверенным лицом ребенка становится отец.

Большинство отцов не стесняется отцовских чувств, но проявляет их по-разному относительно дочери или сына. Если это дочка – ее часто «заласкивают», при этом вполне осознанно. С сыном все по-другому: проявления нежности считаются излишними, обычно одобрение ограничивается словесной похвалой.

К отцам, активно участвующим в жизни детей, те могут обратиться по любому поводу. Но ежедневные дела обычно обсуждаются с мамой. На долю папы достаются вопросы, связанные с учебой, с жизненными ситуациями. У отца спрашивают совета, обсуждают научные и социальные проблемы. Забегавшаяся мама не всегда способна спокойно и неторопливо поговорить с ребенком, и у нее в голове список неделанных дел. Зато папа, если уж общается, то полностью сосредоточен на сыне или дочке, что весьма ценится детьми. В варианте «отстраненного» отца дети по всем вопросам склонны обращаться к матери. Но жизненно важные дела все равно решаются с участием отца.

Про серьезные проступки детей папа иногда узнает не сразу.

К наказаниям прибегают все отцы. Это может быть лишение чего-то такого, что очень нравится ребенку: просмотра фильма, игры на компьютере, прогулки и т. п. Один респондент старшего возраста признался, что в детстве за серьезный проступок выпорол сына ремнем (тот запомнил на всю жизнь). Другой сказал, что детей не бил, но «уши надирал». Иногда отцы ограничиваются вербальными внушениями, и этого оказывается достаточно. Как указывают респонденты, обычно отцовское наказание воспринимается серьезнее, чем наказание, исходящее от матери.

Большинство респондентов сказали, что отказались бы от работы в другом городе, если бы возможности для переезда жены и ребенка (детей) не было. У некоторых респондентов были такие предложения, связанные с перспективной и весьма высоко оплачиваемой работой, но они отказались. Часть респондентов указывала, что они специально меняли работу, дорога до которой занимала много времени, чтобы проводить больше времени с семьей, когда родились дети.

Рассказывают ли отцы ребенку о своей работе, зависит от возраста последнего. Но современные дети далеко не всегда идут по стопам родителей и вообще слушаются их советов.

Любопытными были ответы на вопрос о вкладе отца в воспитание ребенка. Выяснилось, что вклад отца был ведущим в следующих случаях: в интеллектуальное развитие (1-е место), в развитие личных качеств (2-е место), в душевное спокойствие (3-е место). В случаях, когда мама не работала, отмечался, естественно, и вклад отца в материальное обеспечение семьи и ребенка.

На вопрос «Если бы сегодня Вам дали возможность вернуть назад то время, когда Ваш ребенок родился, что бы Вы изменили?» получен слегка неожиданный ответ: большинство респондентов ничего менять не хотят. Единственное, что отмечали некоторые респонденты: совместное (обычно поначалу) проживание с родительской семьей было ошибкой.

Если респонденты были достаточно молоды, то они не исключали рождения следующего ребенка (даже четвертого по счету). Естественно, респонденты, у кого были взрослые дети (и даже внуки имелись), уже не задумывались о пополнении семейства.

Затем отцов и матерей спрашивали *об авторитете отца в семье*, хотя предыдущие вопросы, конечно, затрагивали косвенно эту проблему.

Роль отца в семье – один из самых интересных вопросов. Если обобщить и классифицировать ответы респондентов, то в первую очередь отец – «добытчик»: именно он зарабатывает основные средства к существованию, особенно в современной России, и,

конечно, если жена является домохозяйкой. В советское время большинство (у наших респондентов – все женщины) мам работало, такова была установка общества. Но и в этих случаях основную долю в семейном бюджете занимал заработок мужчины.

Второе место по значимости занял ответ (учитывались мнения и женщин, и мужчин): папа в доме – главный *авторитет*. Причем сами мужчины говорили об этом меньше, скорее это подчеркивали их жены и, главное, дети. Даже если папа «пропадает» на работе, к его авторитету апеллируют, он выступает в качестве дисциплинатора, на его мнение ссылаются при проведении в жизнь каких-то решений.

Именно отец берет на себя функцию донести до ребенка основные социальные нормы, помочь в выборе жизненного пути, то есть играет роль *агента социализации*. Наконец, совершенно незаменим отец в качестве точки опоры для ребенка, респонденты говорили – «стены», то есть выполняет роль *защитника*.

Очень заметна в современных семьях тенденция к эгалитарной семье: большинство решений принимается супругами совместно. В городской семье это особенно заметно, и этот факт подтверждается данными как других исследований автора, так и других социологов. При этом решение мелких семейных проблем, ежедневная «рутина», обычно отдается на откуп матери, иногда в силу занятости отца, иногда из соображений высшей мудрости, которую, как ни странно, проявляют и относительно молодые мужчины (35–40 лет). В общем, обыденная осведомленность папы довольно сильно зависит от стремления жены информировать его по мелочам, но не только: желание отца «быть в курсе» тоже играет свою роль.

Абсолютное большинство женщин считает главой семьи мужа. Весьма интересно, что некоторые мужья при этом указали на жену как главу семьи. Дальнейшее углубление в тему показало, что значимые функции в такой «двуглавой» семье все равно остаются за мужчиной, а демонстративное «назначение» главой семьи жены означает лишь то, о чем мы писали выше: ежедневными проблемами занимается женщина.

Несомненно, что авторитет и матери, и отца нуждается в поддержке второй «половины». При этом авторитет матери, если можно так сказать, поддерживается самой жизнью: она проводит больше времени с детьми, к ней они чаще обращаются при возникновении текущих проблемных ситуаций, мама всегда «под рукой» у ребенка. Даже работая, мать часто устраивается так, чтобы иметь более свободный рабочий график. Скажем также, что иногда и мужчина «подхватывает» детей, если мать на работе. Есть и такие папы, кто сознательно отпускал (отпускает) жену «в люди» отвлечься от домашних забот. Но все-таки мамы больше ежедневно взаимодейст-

вуют с детьми. Авторитет отца в значительной степени выстраивается мамой, этому способствуют постоянные ссылки: «Папа так сказал», «Папа решил», «Нужно посоветоваться с папой». Женщины-респонденты отмечали, что эта апелляция к авторитету отца работает на родительский авторитет в целом и в значительной степени облегчает жизнь самой матери.

Респондентам задавался также вопрос: «Как Вы считаете, есть ли у Вашей жены и детей секреты, не известные Вам? А у Вас и детей есть секреты от жены?» Ответы пап и мам нарисовали самые разнообразные «секретные» ситуации, но в основном это касалось не слишком серьезных личных тайн ребенка (если ребенок предпочитал обсуждать личные моменты с кем-то из родителей) или успехов/неуспехов ребенка в школе (что чаще, до исправления плохих оценок, скрывается от папы). При этом обычно супруги доводили информацию друг до друга, но секретно уже от детей. А если дело доходило до серьезных случаев, папа привлекался как главный арбитр: ходил в школу по вызовам учителей, дисциплинировал ребенка и т. п. И мнение, и воздействие отца воспринимаются ребенком как более значимые. А вот «разделения полов» по вопросам личным не происходит: встречались варианты, когда дочка «секретничала» с папой, а сын – с мамой.

Мнение респондентов, возможно ли быть хорошим отцом, полноценно участвовать в воспитании ребенка, если родители в разводе и не живут вместе, однозначно: это, к сожалению, нереально. Если хорошим отцом еще можно оставаться, т.е. заботиться о ребенке, его материальном и моральном благополучии, то полноценного воспитания, увы, не получается: «Для этого нужно находиться рядом с ребенком ежедневно» (мужчина, 60 лет, двое детей; интервью 2, архив автора).

Большинство мужчин и их жен, не оспаривая основного вклада отца в материальное благополучие семьи, считают, что авторитет отца в семье основан не на этом. Да, многие мамы подчеркивают, что «папа зарабатывает деньги для всей семьи», но не это является главным. А главное – это душевный вклад отца в детей, жену и семью в целом, степень участия в жизни семьи: «Я всегда для них жил. На мой взгляд, от мужчины зависит, какая будет семья. Он ее цементирует, он принимает решения. Женщины плывут на эмоциях, а мужчины более рациональны. Если он будет проявлять диктаторские замашки, ставить себя во главу угла, то это ненадолго. Как мужчина будет вести себя относительно своих домашних, так и будет выглядеть семья» (мужчина, 60 лет, двое детей; интервью 2, архив автора). Таким образом, определяющими являются личные качества отца и его желание заниматься делами семьи.

Не установлено прямой взаимосвязи того, каким был отец мужчины и их отношения в его детстве, и того, каким он стал отцом. Часть мужчин опиралась на собственный опыт и наставления отца при выстраивании своей семьи и отношений в ней: «Отца я очень любил, очень его не хватает. Это он мне все вложил, что я потом сыну передать старался. Говорил, что мужчина отвечает за все. Мы с ним много разговаривали. Но он офицер КГБ был, и этим все сказано. Но я для себя понял одно: если ты хочешь выстраивать отношения с ребенком, нужно помнить очень хорошо, чего тебе не нравилось в поведении родителей, и так не поступать. Я нотаций не любил. И своим детям старался все один раз повторять» (мужчина, 60 лет, двое детей; интервью 2, архив автора).

Другие мужчины действовали по принципу противоположности: «Мне не хотелось воспроизводить отношения моего отца внутри семьи и быть на него похожим в этом плане. Скорее, я поступал как раз наоборот. Я скорее на деда со стороны матери (в честь которого меня и назвали) хотел быть похожим» (мужчина, 40 лет, двое детей; интервью 6, архив автора). В любом случае личность отца оказывала влияние на становление мужчины как мужа и отца. Даже в том случае, когда мужчина отталкивался от противного, семейные установки порой давали о себе знать. Подтвердилась гипотеза о том, что авторитет отца строится матерью: респонденты прямо говорили об этой зависимости относительно своих родителей.

Не выявлено прямой связи отношений респондентов с матерью и их качествами, а также поведением как мужа и отца. Варианты обозначились самые разнообразные: от того, что «меня воспитала мама», до того, что «я не хочу о ней говорить, так мне это неприятно».

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Авторитет отца в семье основан не на материальных факторах, притом что большинство мужчин вносит ведущий вклад в бюджет семьи.

Степень активности отца в воспитании детей по самооценке и оценке жены достаточно высока (конечно, имеются в виду полные семьи). Существует зависимость авторитета отца в семье и активности отца в семье, его вовлеченности в семейные и детские проблемы. Активный папа пользуется большим авторитетом у детей и жены, более того, именно этот фактор (участие отца) респонденты (взрослые) назвали ведущим в формировании отцовского авторитета.

Установлено также, что авторитет отца зависит от поддержки женой авторитета отца (впрочем, то же относится и к авторитету матери, но в меньшей степени).

И.О. Шевченко

Ориентированность отца на семью (по самооценке и оценке жены) достаточно высока (хотя некоторые указывали и на исключения). Но в данном случае, скорее всего, сыграло свою роль некоторое смещение выборки: отцы, которым было нечего сказать или стыдно признаваться в отстраненности от дел семьи и детей, просто не соглашались на интервью. И респонденты-женщины, сравнивая (в их пользу) своих мужей с другими отцами, говорили, что наблюдается и иная картина. Вместе с тем тот факт, что инициаторами разводов чаще являются женщины, указывает на то, что они часто бывают недовольны своими мужьями.

В целом получены интересные результаты, но проблема отцовства и отцовского авторитета нуждается в дальнейших исследованиях, возможно, подтверждении качественных данных количественными.

Примечания

- ¹ Отцовство [Электронный ресурс] // Юридический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/16856> (дата обращения: 12.09.2011).
- ² *Кон И.С.* Зачем нужны отцы? [Электронный ресурс] // Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2006/12/ko11.html> (дата обращения: 14.09.2011).
- ³ Там же.
- ⁴ *Кон И.С.* Социологическая психология [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/konspis/index.php (дата обращения: 12.09.2011).
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Кон И.С.* Зачем нужны отцы?
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Мид М.* Культура и преемственность [Электронный ресурс] // Электронная библиотека МИЭМП. URL: <http://lib.miemp.ru/plan/text/kultur/Mid.pdf> (дата обращения: 14.09.2011).
- ¹⁰ *Кон И.С.* Зачем нужны отцы?
- ¹¹ Там же.
- ¹² *Мориак Ф.* Почему нелегко быть отцом [Электронный ресурс] // BABYCOM. URL: <http://www.baby.com.ua/st/?310> (дата обращения 14.09.2011).
- ¹³ Цит. по: *Гидденс Э.* Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 166.
- ¹⁴ *Авдеева Н.Н.* Психология отцовства. Практические рекомендации для пап [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/psixologiya-otcovstva-prakticheskie-rekomendacii-dlya-pap> (дата обращения: 15.09.2011).

Авторитет отца в современной российской семье

- ¹⁵ Цит. по: *Авдеева Н.Н.* Роль отца в развитии ребенка в раннем возрасте [Электронный ресурс] // Слово. Православный образовательный портал. URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36522.php (дата обращения: 14.09.2011).
- ¹⁶ *Кон И.С.* Зачем нужны отцы?
- ¹⁷ *Портнова А., Борисенко Ю.* Отцовство как фактор развития личности [Электронный ресурс] // Развитие личности. URL: http://rl-online.ru/articles/rl02_06/537.html (дата обращения: 14.09.2011).
- ¹⁸ *Султанова А.* Роль отца и матери в семье [Электронный ресурс] // Машины заметки. URL: <http://formom.ru/gaznoe/rol-ottsa-i-materi-v-seme.html> (дата обращения: 14.09.2011).
- ¹⁹ *Авдеева Н.Н.* Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве [Электронный ресурс] // Детская психология. URL: <http://www.childpsy.ru/lib/articles/id/10371.php> (дата обращения: 14.09.2011).
- ²⁰ *Портнова А., Борисенко Ю.* Указ. соч.
- ²¹ *Фурсова С.С.* Роль отца в воспитании [Электронный ресурс] // TRN.com.ua – тренинговый портал Украины. URL: <http://trn.work.ua/articles/443/> (дата обращения: 17.09.2011).
- ²² *Авдеева Н.Н.* Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве.
- ²³ Типология моделей семьи [Электронный ресурс] // Medn.ru – семейный сайт. URL: <http://www.vospitanie-detey.ru/semya-i-brak-cto-takoe-istoriya/tipologiya-modeley-semi.html> (дата обращения: 14.09.2011).
- ²⁴ *Фурсова С.С.* Указ. соч.; Типология моделей семьи; *Авдеева Н.Н.* Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве; *Портнова А., Борисенко Ю.* Указ. соч.
- ²⁵ Типология моделей семьи.
- ²⁶ Исследование проводилось при поддержке РГГУ (научно-образовательный проект 2010 года).

Abstracts

S.G. Anisimova

FACTORS AND CONDITIONS OF ANOMIA IN RUSSIA: DISCOURSE ON DEVIANCY

This article is dedicated to the anomia in Russian society, staying in the longtime state of transformation. The author considers the extension of deviancy in Russia to be caused by certain complex of factors and conditions, among them historical, civilizational, economical, political, administrative, ecological, moral, legalistic, cultural and spiritual, social and psychological ones. The author supposes mass media to be the specific inciter for expansion of deviant behavior.

Keywords: anomia, deviancy, social norms, causes, conditions, factors, disintegration.

N.S. Babich, V.I. Khomenko

TYPOLOGY OF LEVELS OF MEASUREMENT IN SOCIOLOGY: TRADITIONAL AND ALTERNATIVE APPROACHES

This paper explores the typology of measurement levels, suggested by S.S. Stevens and the various arguments against it. Nominal, ordinal, interval and ratio levels became predominant classification scheme in sociological measurement. However practical and conceptual problems have resulted in many researchers ignoring its underlying assumptions and prescriptions about permissible operations. On the basis of critical arguments and problems one can conclude, that Stevens's typology is just a methodological heuristics but not strict limitation for data analysis in sociology. Authors present a perspective for developing alternative heuristics based on equivalence of same scales between different respondents.

Keywords: sociological measurement, level of measurement, type of scale, admissible permutations, methodological heuristics.

M.N. Chepurnykh

THEORETICAL ANALYSIS OF THE MAIN
SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY
OF THE PHENOMENON OF HAPPINESS

The article deals with the main approaches to the notion of happiness in social science in terms of the theory of quality of life, social intellect, theory of «existential vacuum», The Happy Planet Index showing and positive psychology. It provides a number of factors determining the state of happiness. It shows the relationship between the phenomenon of happiness and the social characteristics of an individual. It describes the social importance of individual happiness of every person for the society as a whole.

Keywords: quality of life, subjective wellbeing, optimism, social intellect, depression, The Happy Planet Index, life purport orientations.

V.V. Chernov

«GREAT WAY» OF RUSSIAN CIVILIZATION
IN CONTEXT OF SIBERIA AND THE FAR EAST
«NEW DEVELOPMENT» STRATEGY

Historical and geographical conditions and the genesis of the formation of Russian civilization in the east of Russia are examined in the article. The author considers that it is necessary to develop the strategy of «new adoption» of Siberia in contemporary state taking into consideration historical, social and geographical factors and putting it into practice.

Keywords: Russian civilization, strategy of «new adoption», Siberia and the Far East, eastern strategy of Russia, consolidation.

O.V. Eparkhina

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY
OF SOCIAL REVOLUTIONS: POSSIBILITY
OF HISTORICAL SOCIOLOGY

This article contains review of classical and modern methodological approaches of social revolution research. Modern western theories based on 4 classical models (M. Weber, J. Mill, E. Durkheim, K. Marx): the last one is the most effective.

Keywords: methodology, social revolution, theoretical research.

V.A. Glazunova
STATUS SYMBOLS IN LATE-SOVIET
AND MODERN SOCIETIES:
THE SPACE OF THINGS

The results of exploratory research aimed at studying the role of objects of material culture as a real sign of social success for social groups. The author shows how varied the set of significant objects used in the home interior in late-Soviet and contemporary society.

Keywords: cultural biography, social status, material environment, analysis of everyday things.

E.I. Ivanova
CONTEMPORARY CURRENT VITAL RECORDS:
ABILITIES IN APPLICATION FOR SOCIAL
AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS

The article reviews the changes in current vital records in Russia (marriages, divorces, births, and deaths) during the latest fifteen years. The author emphasizes that the contents of forms in registry offices restrict social and demographic analysis since 1997, and gives recommendations to improve the contents of current records.

Keywords: Demographic events, current records, registry offices

E.V. Kirichenko
GENDER ASPECTS OF SOCIALIZATION IN THE FAMILY

The analysis of family socialization in the framework of gender approach shows that sex differences are not as great, as it was considered before. Binary opposition of male/female are not historically derived from sex dimorphism and do not reflect the characteristics that are immanently subsistent to men and women. On the contrary, the opposition to traditional thinking determines the ways of perception, classification and socially structured sex differences and appropriate ethnocultural stereotypes.

The aim of the article is to analyse the way how family hierarchy and gender asymmetry support each other in the society and how the family can resist the gender inequality in the future generations.

Keywords: gender, gender socialization, gender construct, binary oppositions, masculinity, femininity, adaptation, internalization

O.V. Kitaitseva

FEATURES OF «THE NEW CONSUMER PRODUCTS»
IN MODERN RUSSIAN MEGAPOLICE

The transformation processes, which take place in the modern Russian society, are the main reasons of the development of the model of the consumer society. The key feature of this society is the process of organization of various social and personal relations round the individual consumption, which is influenced by the market. Behavior of consumers and consumer practices are changing dramatically. Revolutionary changes in the organization of trade, sphere of service are playing the main role in this process. They offer «new means of consumption», which become very important in the modern culture of consumption and transform large shopping centers in leisure venues, «consumption cathedrals».

Keywords: consumption, consumer practices, trade formats, consumer behavior, malls, new sources of consumption

A.V. Krukovskaya

AUDIENCE OF MODERN MOSCOW THEATERS:
SOCIOCULTURAL CHARACTERISTICS

The article was written in the context of sociology of art. The author's research conducted of 2010 was underline the article. This work was dedicated to sociological analysis of social and cultural characteristics of spectators of theaters: the socio-demographic structure, involvement in the city's cultural life, the motives of the visit to the theater, sources of information about new products of theatre, genre preferences, etc.

Keywords: Culture, theatre, performance, spectators, socio-demographic structure, motives of the visit to the theater.

A.V. Kuchenkova

CHARACTERISTICS OF LOGICAL-COMBINATORIAL
METHODS AS INSTRUMENTS OF MULTIVARIATE ANALYSIS

The article examines characteristics of two logical-combinatorial methods of data analysis in sociology: qualitative comparative analysis and JSM-method. They are compared with methods of multivariate analysis by several criteria.

Keywords: multivariate analysis, logical-combinatorial methods, qualitative comparative analysis, JSM-method.

Yu.A. Kupryakova

SECONDARY EMPLOYMENT OF MEDICAL WORKERS
IN RUSSIAN HEALTH (SOCIOLOGICAL ANALYSIS)

In this paper the findings of investigation have been proposed testifying to the health effect of secondary employment which causes the occurrence of chronic fatigue syndrome (CFS) in polyclinic doctors. This fact, in turn, has an immediate effect on quality of delivery of health care. Actuality of physicians' state of health research is provided by the importance of medical workers for medical assistance's processes in life of society. Herewith, medical workers fall into one of the social groups of population which are exposed to the influence of all real problems of modern social life.

Keywords: secondary employment, medical workers, chronic fatigue syndrome.

S.N. Maiorova-Scheglova, E.A. Kolosova, E.S. Scheglova

MODELLING THE DEVELOPMENT OF TRADITIONAL
CULTURAL INSTITUTIONS (FOR EXAMPLE,
RUSSIAN STATE CHILDREN'S LIBRARY)

This paper outlines main principles of the reorganization of budgetary and public institutions on the basis of federal law. It is based on the findings of the current situation in the Russian State Children's library. And it is focused on using methods of adaptation, modification and reorganization of 17 possible patterns of development of traditional cultural institutions.

Keywords: modeling; modification; reorganization; adjustment; not-for-profit organization

D.V. Maltseva

THE ORIGINS OF THE CONCEPT
OF SOCIAL NETWORKS IN SOCIOLOGY

In the article the review of sociological conceptions of the beginning of 20th century, which are considering interaction as the object of sociological study, – is presented. The review is based on P. Sorokin's publication «Man. Individual. Society». Conclusions about the importance of interaction notion for the net approach in sociology are made.

Keywords: interaction, history of sociology, object of sociology, net theory

M.Yu. Milovanova

THE PARTNERSHIP OF POLITICAL PARTIES
AND PUBLIC ASSOCIATIONS AS THE SOCIAL BASE
OF THE MODERNIZATION OF MODERN RUSSIA

State of political system of modern Russia on the eve of active political season of 2011–2012 is considered in this article. Author describes some theoretical approaches as well as practical examples of partnership between parties, NGO and movements, their consolidated resource for the modernization of authorities and civil institutions.

Keywords: modernization, civil society, political parties, civil initiatives, legitimacy of power, elections.

M.A. Novikov

ACTION, MOTIVE AND KNOWLEDGE AT HAND
AS THE MAIN TERMS OF A. SCHUTZ'S CONCEPTUAL
CONSTRUCTION IN PHENOMENOLOGICAL SOCIOLOGY

The aim of this article is to make an effort to codify some key terms of the phenomenological sociology such as action, motive and knowledge at hand. The author insists on the further conceptual formulization of phenomenological sociology's theoretic potential.

Keywords: concept, conduct, action, motive, knowledge at hand

G.Yu. Novikova

TRUST AND BELIEF: LOOKING FOR DIVISIONS
OF NOTIONS IN THE WEST SOCIOLOGY

The article is devoted to the analysis of the interest concerning studies of social trust in the west sociology, and also to the problem of division of notions «trust» and «belief»/«faith». The main tendencies that form the key-approaches to the study of trust are considered. The importance of studying trust in the aggregate with the other familiar notions is specified. The peculiarities of notion's «belief»/«faith» treatment in sociological, philosophical, psychological and theological traditions are considered. And also the question of what is primordial-trust or belief – is broached.

Keywords: social trust, belief, faith, expectation, risk, conviction, distrust, confidence

V.V. Popov

SPECIFICITY OF A METHOD OF MEDIA METRIC
RESEARCHES: CONSTRUCTION OF RATINGS
OF EFFICIENCY OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES

The article is devoted to research of dynamics of the ratings of Russian political parties in information field the day before and between elections in legislative and power representative bodies. Specificity of media metric methods is based on the analysis of the statistics information received from mass communication media (mass-media). Ratings of efficiency of Russian political parties, made by the large information-analytical centers, are considered in a context of current sociopolitical processes and level of information preference.

Keywords: efficiency ratings, political parties, references, sources of information, centers mediametrics, information favor

D.D. Rebrova

THE CASE OF KHAMOVNIKI DISTRICT:
«SOCIAL PORTRAIT» OF THE CITY SPACE

This article summarizes results of the research aimed to analyze the attitude of indigenous inhabitants of Moscow toward the architectural and planning policy of city authorities of the Khamovniki district. Special attention is paid to the architectural components of the district and to the radical changes in its appearance over the past ten years. The author shows how one of the ordinary central districts of the capital has been acquiring a new prestigious status of the «golden mile» of Moscow, and how their familiar social and spatial environment has changed because of this new status.

Keywords: urban sociology, social status, symbolic capital, social environment, social zoning.

N.V. Romanovsky

SOCIOLOGY TODAY AND TOMORROW

Identified and measured factors that determine the development of sociology in the past and the present. Development trends, most notable in the events and processes of contemporary international and home sociology, are projected for the future. Suggested possible ways for further changes.

Keywords: modern sociology, factors of development, the determinants of development, the future of sociology

I.O. Shevchenko
AUTHORITY OF FATHER
IN MODERN RUSSIAN FAMILY

The article reviews theoretical aspects of fatherhood, authority and role of father in a family and child upbringing. There are results of qualitative research of father's authority in modern family described in the article. Analysis of family relations, social practices of fatherhood, the role of father in a family, the influence of father on his child, the authority of father over his wife and children.

Keywords: authority of father, father's role in a family and the child's socialization, relations within a family

D.V. Soloviev
PARLIAMENTARY INVESTIGATION AS A POLITICAL
INSTITUTION: POLISH EXPERIENCE

The article reviews the modern experience of parliamentary investigations in Poland. The author reveals the political content of the institution, discusses the influence of public opinion on the investigation and draws attention to the relationship between the work of the Investigative committees of the Polish Sejm and election results.

Keywords: political sociology, political processes, political institutions, parliamentary inquiry, Poland, elections.

A.V. Strelnikova
«SITES OF MEMORY» IN URBAN SPACE

In this article author examines the city as a space in which characters represented the collective memory of important events of the past. Among these events – experienced by the country military actions, which leave their influence on several generations and are inevitably reflected in urban areas as monuments, street names, and much more. The article analyzes the sites of memory associated with the Great Patriotic War and the war in Afghanistan.

Keywords: collective memory, urban space, war monuments.

I.Zh. Toschenko
STRUCTURE AND FEATURES
OF SOCIO-PROFESSIONAL GROUP
LIKE TOP-MANAGERS

The article describes a relatively new socio-professional group in social structure – top managers. On the basis of sociological data reveals the main features and characteristics of top-managers and showed their development trends and challenges of their profession.

Keywords: manager, top-manager, organization, management, socio-professional group.

Zh.T. Toschenko, M.B. Bulanova
15 YEARS OF SOCIOLOGY IN RUSSIAN STATE
UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (RSUH)

Article is devoted to the anniversary date of the Department of Sociology, Russian State Humanitarian University. The purpose of article – review the major events associated with the development of sociology and sociological education at the university.

Keywords: sociology, sociological education, Faculty of Sociology.

E.V. Vasileva, A.V. Strelnikova
BIOGRAPHICAL MEMORY OF URBAN FAMILIES:
THE EXPERIENCE OF PHOTO ALBUMS ANALYSIS

The paper analyzes the possibility of studying biographical memory in townspeople families. The authors consider the example of three family generations and their family photo albums as a promising source of sociological data. This source can be useful to study the mechanisms of the relay event, which are of particular importance to family history. The article also describes the methodological techniques for working with photo albums and narratives of photo albums. The authors analyze the context of the creation of any photo, the specifics of their storage, and characteristics of narratives about the pictures.

Keywords: photos, urban families, biographical memory, methodology of data analysis.

E.A. Vladimirova

CREATIVE INDUSTRIES AND SHOW BUSINESS
IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Purpose of this article is describing the process of birth of show business and creative industries in modern society and their reality in Russian Federation. The Author notes lack of materials and researches devoted to these two phenomena in Russian sociological school. In this article the author based on the views of such sciences of postmodern society as Y. Lipman, J.F. Lyotar, M. Macluen, R. Bart, as well as russian authors N.I. Kozlova and A.V. Fedorov involved the analysis of language and media stereotypes.

Keywords: show business, society of postmodern, creative industries, clusters, stereotypes of media.

I.V. Vorobyeva

SOCIAL STATUS OF MODERN RUSSIAN SCIENTIST
(ON THE EXAMPLE OF UNIVERSITY LECTURERS)

This article discusses features of the social status of scientists working in the higher education system. Economic, political and social developments in Russia at the turn of XX–XXI centuries, accompanied by intensive process of transformation of social structure. The dynamic processes of social stratification affected the social status of professionals working in science and education. There is a contradiction, in which high levels of education and social importance of scientists and high school teachers are inferior, «weight» stratification criterion of «income», as in the public opinion of the population, and self-assessments of themselves specialists, placing teachers in higher education place in the lower strata of the stratification hierarchy.

Keywords: stratification, social status, a Russian scientist, the social structure.

Сведения об авторах

Анисимова Светлана Геннадьевна – кандидат социологических наук, доцент Московского государственного университета, докторант социологического факультета, fomas2003@list.ru.

Бабич Николай Сергеевич – кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социологии РАН, sociolog@mail.ru.

Буланова Марина Борисовна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета РГГУ, marina_bulanova@inbox.ru.

Васильева Екатерина Витальевна – выпускница социологического факультета РГГУ, professional@post.ru.

Владимирова Елизавета Александровна – аспирант социологического факультета РГГУ; Дизайн-завод «Флакон», event-продюсер, liza@flacon.ru.

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии РГГУ, vorobyova.irina@list.ru.

Глазунова Вероника Александровна – аспирантка Института социологии ГАУГН, kitcha@inbox.ru.

Епархина Ольга Валерьевна – кандидат политических наук доцент кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, gelaq@mail.ru, gelaq@rambler.ru.

Иванова Елена Игоревна – кандидат экономических наук, доцент кафедры прикладной социологии социол. ф-та РГГУ, eligivan@rambler.ru.

Кириченко Елена Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, kirichenko_ev@km.ru.

Китайцева Ольга Вячеславовна – старший преподаватель кафедры прикладной социологии РГГУ, olga_kitaitseva@mail.ru.

Колосова Елена Андреевна – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры теории и истории социологии социологического факультета РГГУ, the_shmiga@mail.ru.

Круковская Анна Владимировна – преподаватель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, krukovskaja@mail.ru.

Курякова Юлия Александровна – соискатель кафедры прикладной социологии РГГУ, yulia-kuryakova@yandex.ru.

Кученкова Анна Владимировна – аспирантка кафедры прикладной социологии, ассистент кафедры прикладной социологии РГГУ, a.kuchenkova@rggu.ru.

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, sheglova-s@yandex.ru

Мальцева Дарья Васильевна – аспирант социологического факультета РГГУ; исследовательская группа ЦИРКОН, специалист по связям с общественностью, d_malceva@mail.ru.

Милованова Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической социологии социологического факультета РГГУ, m_milovanova@mail.ru.

Новиков Михаил Алексеевич – аспирант кафедры теории и истории, преподаватель социологического факультета РГГУ, novikov8484@mail.ru.

Новикова Галина Юрьевна – аспирант социологического факультета РГГУ, NovikovaGalina1@yandex.ru.

Попов Владимир Владимирович – соискатель кафедры прикладной социологии социологического факультета РГГУ, Vlad_p2004@mail.ru.

Реброва Дарья Дмитриевна – аспирантка Института социологии
ГАУГН, av570@comtv.ru.

Романовский Николай Валентинович – доктор исторических наук,
профессор кафедры теории и истории социологии социологи-
ческого факультета РГГУ.

Соловьев Дмитрий Владимирович – соискатель кафедры конститу-
ционного и муниципального права Российской правовой акаде-
мии Министерства юстиции Российской Федерации, gamelin@
mail.ru.

Стрельникова Анна Владимировна – кандидат социологических
наук, доцент кафедры прикладной социологии социологическо-
го факультета РГГУ, nenauka@gmail.com.

Тощенко Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан и зав-
кафедрой теории и истории социологии, гл. редактор журнала
«Социологические исследования», zhantosch@mtu-net.ru.

Тощенко Илья Жанович – аспирант ИСПИ РАН, ilya.toschenko@
gmail.com.

Хоменко Всеволод Игоревич – аспирант социологического факульте-
та РГГУ, vskhomenko@gmail.com.

Чепурных Мария Николаевна – соискатель кафедры прикладной со-
циологии РГГУ, менеджер «Копирайт-бюро “Копи энд копи”»,
imseptember@mail.ru.

Чепурнов Виталий Вениаминович – кандидат социологических
наук, доцент, доцент кафедры прикладной социологии соц. ф-та
РГГУ, che10@bk.ru.

Шевченко Ирина Олеговна – кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории социологии социологического фа-
культета РГГУ, sheviren@yandex.ru.

Щеглова Елизавета Сергеевна – выпускница социологического фа-
культета РГГУ, ssila27@list.ru.

General data about the authors

Anisimova Svetlana G. – PhD in Sociology, assistant professor, Moscow State University, fomas2003@list.ru.

Babich Nikolay S. – PhD in Sociology, research scientist, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, sociolog@mail.ru.

Bulanova Marina B. – PhD in Philosophy, docent of department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, marina_bulanova@inbox.ru.

Chepurnykh Maria N. – applicant of Applied Sociology department, Russian State University for the Humanities, manager of «Copyright-bureau “Copy & copy”», imseptember@mail.ru.

Chernov Vitaliy V. – PhD in Sociology, associate professor, applied sociology department, Russian State University for the Humanities, che10@bk.ru.

Eparkhina Olga V. – Department of Sociology, P.G. Demidov Yaroslavl State University. Associate-professor, gelaq@mail.ru.

Glazunova Veronika A. – postgraduate student, State Academic University of Humanitarian Science, kitcha@inbox.ru.

Ivanova Elena I. – associate professor, department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, eligivan@rambler.ru.

Khomenko Vsevolod I. – postgraduate student, faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, vskhomenko@gmail.com.

Kirichenko Elena V. – PhD, assistant professor of Applied Sociology department, Russian State University for the Humanities, kirichenko_ev@km.ru.

Kitaitseva Olga V. – senior lecturer, department of Applied Sociology, olga_kitaitseva@mail.ru.

Kolosova Elena A. – PhD in Sociology, lecturer of department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, the_shmiga@mail.ru.

Krukovskaya Anna V. – postgraduate student, lecturer, department of sociology, Russian State University for the Humanities krukovskaja@mail.ru.

Kuchenkova Anna V. – assistant of professor, department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, a.kuchenkova@rggu.ru.

Kupryakova Yuliya A. – postgraduate student of department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, yuliakupryakova@yandex.ru.

Maierova-Sheglova Svetlana N. – doctor of sociological sciences, professor of department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, sheglova-s@yandex.ru.

Maltseva Darya V. – postgraduate student of Sociological department, Russian State University for the Humanities; ZIRCON Research group, PR-manager, d_malceva@mail.ru.

Milovanova Marina Yu. – PhD in History, associated professor of department of Political Sociology, Russian State University for the Humanities, m_milovanova@mail.ru.

Novikov Mikhail A. – postgraduate student, lecturer, department of sociology, Russian State University for the Humanities, novikov8484@mail.ru.

Novikova Galina Yu. – postgraduate student, department of Sociology, Russian State University for the Humanities, NovikovaGalina1@yandex.ru.

Popov Vladimir V. – applicant of Applied Sociology department, Russian State University for the Humanities, Vlad_p2004@mail.ru.

Rebrova Darya D. – postgraduate student of State Academic University of Humanitarian Science, av570@comtv.ru.

Romanovsky Nikolay V. – doctor of historical sciences, professor of department of Theory and History of sociology, Russian State University for the Humanities.

Scheglova Elizaveta S. – graduate of faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, ssila27@list.ru.

Shevchenko Irina O. – PhD in History, docent of department of Theory and History of sociology, Russian State University for the Humanities, sheviren@yandex.ru.

anastasia@smirnova.msk.su *Soloviev Dmitry V.* – applicant for a doctor degree of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, gamelin@mail.ru.

Strelnikova Anna V. – PhD in Sociology, docent of department of Applied Sociology, Russian State University for the Humanities, professional@post.ru.

Toschenko Ilya Zh. – postgraduate student of Institute of Social and Political Sciences, ilya.toschenko@gmail.com.

Toschenko Zhan T. – corresponding member RAS, dean and head of department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, editor of journal «Sociological Research», zhantosch@mtu-net.ru.

Vasileva Ekaterina V. – graduate of faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities, professional@post.ru.

Vladimirova Elizaveta A. – postgraduate student of Sociological department, Russian State University for the Humanities; Flacon Design factory, event producer, liza@flacon.ru.

Vorobyeva Irina V. – PhD in History, docent of department of Theory and History of Sociology, Russian State University for the Humanities, vorobyova.irina@list.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*
Художник *В.В. Сурков*
Художник номера *В.Н. Хотеев*
Корректор *Л.И. Корнеева*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 22,5. Уч.-изд. л. 23,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 40.

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru